Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Institute
of post-Soviet
and interregional studies

Issue VIII

TAJIK STUDIES

Moscow
2025

Труды
Института постсоветских
и межрегиональных исследований

Выпуск VIII

ТАДЖИКИСТАНОВЕДЕНИЕ

Издание подготовлено при поддержке
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
в рамках государственного задания
«Комплекс мер по изучению стран СНГ»

Москва
2025

УДК 908(575.3)
ББК 26.89(5Тад)
Т12

Редакционный совет

Е. Пивовар (Россия)
Дж. Джафаров (Азербайджан)
Т. Машрапов (Киргизия)
Г. Мендикулова (Казахстан)
Б. Морозов (Израиль)
М. Погребинский (Украина)
А. Сабиров (Узбекистан)
М. Ткачук (Молдова)
Ю. Шевцов (Беларусь)

Editorial council

E. Pivovar (Russia)
J. Jafarov (Azerbaijan)
T. Mashrapov (Kyrgyzstan)
G. Mendikulova (Kazakhstan)
B. Morozov (Israel)
M. Pogrebinsky (Ukraine)
A. Sabirov (Uzbekistan)
M. Tkachuk (Moldova)
Y. Shevtsov (Belarus)

Редакционная коллегия

Е.И. Пивовар (*отв. ред.*)
М.В. Катагощина
Е.А. Косован
Г.М. Майтдинова
А.Ю. Наумова
И.Е. Ханова
А.В. Галкина (*отв. за выпуск*)

Editorial board

E.I. Pivovar (*executive editor*)
M.V. Katagoshchina
E.A. Kosovan
G.M. Maitdinova
A.Yu. Naumova
I.E. Khanova
A.V. Galkina (*responsible for the release*)

ISSN 2713-1289
ISBN 978-5-7281-3582-1

© Российский государственный гуманитарный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Е.И. Пивовар) 9

Семен В. Григорьев
Российско-таджикистанские отношения
на современном этапе 10

Рахмон У. Ульмасов
Миграционный фактор во внешнеполитическом
процессе Таджикистана 18

Зарина А. Дадабаева
Российско-таджикские отношения, потенциал
и перспективы сотрудничества 34

Рустам Дж. Хайдарзода, Шахноза Мансурова
К вопросу о таджикско-российских отношениях 53

Гузель М. Майтдинова
Концептуальная установка «культурной симпатии»
во внешней политике Таджикистана в Большой Евразии
в условиях формирования полицентричного мира 65

Дина Б. Малышева
Внешнеполитические ориентиры
современного Таджикистана 73

Отабек М. Шарапов, Сурайё Р. Негматуллоева
Формирование и развитие сотрудничества
России и Таджикистана на рубеже XX–XXI вв. 91

Шариф Рахимзода
Таджикско-российские торгово-экономические
отношения и перспективы их развития 99

Ринат М. Зиганьшин
Таджикистан как партнер Китая
в Центральной Азии 119

Евгений Я. Виттенберг
Таджикистан на пути инновационного развития 133

Шамсиддин Т. Каримов
Гражданское общество в Таджикистане: синергия государственных и негосударственных акторов в контексте политической модернизации страны 166

Дониёр Ш.Сангинзода
Правовая политика Республики Таджикистан 175

Азизджон С. Рахмонов
Политико-правовые основы обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму в Законодательстве Республики Таджикистан в современных условиях 189

Назарали Х. Хоналиев, Баходур Б. Махкамов
Экономические связи Таджикистана и России: зарождение, состояние и перспективы 207

Артём В. Лузин
Место ранних посетителей Бухарского ханства – русских служащих в истории этнографического изучения таджикского народа (XVIII в.) 221

Мунзифахон М. Бабаджанова
Эпоха Саманидов и их вклад в сокровищницу мировой цивилизации 247

Заррина Ю.Рахматова
Вклад русских ученых-естествоиспытателей в изучение Памира на рубеже XIX–XX вв. 258

Мухаммаддовуд Саломиён
Языковые особенности жанра газель в таджикской поэзии ... 268

Манзура М. Хасанова
Таджикско-российское культурное сотрудничество: на примере музыкального искусства (1991–2023 гг.) 285

Рахмон Ульмасов
Таджикистан в интеграционных процессах на пространстве СНГ 296

Павел В. Башарин, Владислав Г. Соболев, Никита А. Филин, Александр С. Ходунов
Таджикистан: Очерк истории, социально-экономической жизни, культуры 308

Сведения об авторах 365

CONTENTS

Introduction (E.I. Pivovar) 9

Semyon V. Grigoriev
Russian-Tajik relations at the present stage 10

Rahmon Ulmasov
Migration factor in Tajikistan's foreign policy process 18

Zarina A. Dadabaeva
Russian-Tajik relations, potential
and prospects of cooperation 34

Rustam J. Haidarzoda, Shahnoza Mansurova
On the question of Tajikistan-Russian Relations 53

Guzel M. Maitdinova
Conceptual installation of "cultural sympathy"
in the foreign policy of Tajikistan in Greater Eurasia
in the context of the formation of a polycentric world 65

Dina B. Malysheva
Foreign policy landmarks of contemporary Tajikistan 73

Otabek M. Sharapov, Surayo R. Negmatulloeva
The formation and development of cooperation
between Russia and Tajikistan
at the turn of the 20th – 21st centuries 91

Sharif M. Rahimzoda
Tajik-Russian trade and economic relations
and their development prospects 99

Rinat M. Ziganshin
Tajikistan as China's partner in Central Asia 119

Evgeniy Ya. Vittenberg
Tajikistan on the path of innovative development 133

Shamsiddin T. Karimov
Civil society in Tajikistan: Synergy of state
and non-state actors in the context
of political modernization of the country 166

Doniyor Sh. Sanginzoda
Legal policy of the Republic of Tajikistan 175

Azizjon S. Rakhmonov
The political and legal framework for ensuring national security, countering terrorism and extremism in the Legislation of the Republic of Tajikistan in modern conditions 189

Nazarali Kh.Khonaliev, Bahodur B. Makhkamov
Economic relations between Tajikistan and Russia: origin, status and development prospects 207

Artem V. Luzin
The role of early visitors to the Bukhara Khanate – Russian civil servants in the history of ethnographic studies of the Tajik people (18th century) 221

Munzifakhon M. Babadjanova
The Samanid era and their contribution to the treasury of world civilization 247

Zarrina Yu. Rakhmatova
The contribution of Russian natural scientists to the study of the Pamirs at the turn of the 19th–20th centuries 258

Muhammaddovud Salomiyon
Linguistic features of the genre gazelle in tajik poetry 268

Manzura M. Khasanova
Tajik-Russian cultural cooperation: on the example of musical art (1991–2023) 285

Rahmon U. Ulmasov
Tajikistan in the integration processes in the CIS area 296

Pavel V. Basharin, Vladislav G. Sobolev, Nikita A. Filin, Alexander S. Khodunov
Tajikistan: Essay on the history, socio-economic life, culture 308

General data about the authors 368

Предисловие

Уважаемые коллеги!

Выпуск VIII «Таджикистановедение» трудов Института постсоветских и межрегиональных исследований (с 2023 г. Институт евразийских и межрегиональных исследований – ИЕиМИ, с 2025 г. Институт евразийских и восточных исследований – ИЕиВИ) подготовлен при активном участии специалистов из России и Таджикистана, что является примером сотрудничества ученых и преподавателей высшей школы наших стран. Представленные здесь статьи разнообразны с точки зрения методологии, хронологии и исследуемых сюжетов, связанных с историей Таджикистана. Авторы обращаются к проблемам Средневековья, вопросам социально-экономического и общественно-политического развития таджикистанских территорий в составе Российской империи, различным аспектам истории Таджикской ССР. Особое внимание уделяется экономическим и политическим интеграционным процессам между Россией и Таджикистаном в рамках СНГ, ШОС. Значимое место занимает также изучение внешней политики Таджикистана на современном этапе, проблем исторической памяти и языковой политики, образовательного и научного сотрудничества. Хотелось бы обратить внимание читателя и на то, что выпуск включает специальный раздел «Таджикистан: очерк истории и социально-экономической жизни и культуры».

Для историков, политологов, экономистов, востоковедов, специалистов по международным отношениям, а также для всех интересующихся проблематикой стран постсоветского пространства.

Е.И. Пивовар

Российско-таджикистанские отношения на современном этапе

Семен В. Григорьев

Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, embassy.dushanbe@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития российско-таджикских связей за более чем тридцать лет с момента установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. Особое внимание уделяется прочным гуманитарным, культурным и историческим связям, лежащим в основе партнерства двух стран. Отмечаются активная роль России в урегулировании межтаджикского конфликта 1992–1997 гг. и усилия Москвы, направленные на восстановление республики в послевоенный период. Указывается, что современное сотрудничество России и Таджикистана охватывает самые разные области – от экономики и образования до обороны и миграционной политики. Автор констатирует, что Россия остается одним из ключевых экономических партнеров Таджикистана, активно содействуя укреплению социально-экономического благополучия страны и ее жителей. Существенный вклад в эту работу вносят межрегиональные формы взаимодействия. Автор подчеркивает, что российские регионы активно участвуют в проектах на территории Таджикистана, делая это сотрудничество особенно насыщенным и многоуровневым. Значительное внимание уделяется образовательным и культурным проектам, последовательно развиваются контакты в области безопасности. В условиях глобальной нестабильности российско-таджикские отношения рассматриваются как образец устойчивого стратегического партнерства на пространстве Евразии.

Ключевые слова: Россия, Таджикистан, сотрудничество, история, безопасность, послевоенное восстановление, стратегическое партнерство, экономический партнер, межрегиональные связи, образовательные проекты, культурные проекты

© Григорьев В.Г., 2025

Russian-Tajik relations at the present stage

Semen V. Grigoriev

Embassy of the Russian Federation in the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, embassy.dushanbe@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the development of Russian-Tajik relations over more than thirty years since the establishment of diplomatic relations between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the strong humanitarian, cultural, and historical ties that form the basis of the partnership between the two countries. Russia's active role in resolving the inter-Tajik conflict of 1992–1997 and Moscow's efforts to rebuild the republic in the post-war period are noted. It is noted that modern cooperation between Russia and Tajikistan covers a wide range of areas, from economics and education to defense and migration policy. The author notes that Russia remains one of Tajikistan's key economic partners, actively contributing to the strengthening of the socio-economic well-being of the country and its people. Interregional forms of cooperation make a significant contribution to this work. The author emphasizes that Russian regions are actively involved in projects in Tajikistan, making this cooperation particularly intense and multi-level. Significant attention is paid to educational and cultural projects, and contacts in the field of security are being consistently developed. In the context of global instability, Russian-Tajik relations are seen as a model of sustainable strategic partnership in Eurasia.

Keywords: Russia, Tajikistan, cooperation, history, security, post-war reconstruction, strategic partnership, economic partner, interregional ties, educational projects, cultural projects

Окидывая взглядом достигнутое за тридцать с лишним лет в российско-таджикских отношениях, невольно задаешься вопросом: как двум географически неблизким странам удалось не только сберечь богатое наследие предыдущих эпох, но и качественно нарастить этот «фонд», наполнить его новыми смыслами и содержанием?

Ответ, думается, лежит не только в плоскости государственных интересов. Для понимания феномена российско-таджикской дружбы следует, скорее, исходить из определившей сближение русских с таджиками плотной синергии человеческих связей, взаимопроникновения культурно-исторических явлений и общих духовно-нравственных начал.

Нас роднит общее прошлое. Несмотря на тысячелетнюю историю таджикского народа и различных государств, возникавших

и распадавшихся на территории нынешней Республики Таджикистан, непрерывно существующая таджикская государственность в новейшее время берет начало в советском периоде, когда в 1924 г. была образована Таджикская автономия в составе Узбекской ССР. В октябре 1925 года решением III Чрезвычайного съезда Советов СССР была создана Таджикская ССР, ставшая седьмой союзной республикой в составе Союза.

В советское время Таджикистан совершил мощный рывок в своем развитии. Из отсталого захолустья Бухарского эмирата регион превратился в процветающий уголок Центральной Азии с развитой промышленностью и сельским хозяйством, высокими стандартами социального развития. В республике ценили это: недаром на референдуме 1991 г. о сохранении Союза количество проголосовавших «за» в Таджикистане было одним из самых высоких (96,2%)[1].

И России, и Таджикистану пришлось столкнуться с серьезными вызовами в эпоху бурных и в немалой степени трагических преобразований, последовавших за распадом Советского Союза. На заре независимого существования республика прошла через кровопролитное гражданское противостояние. Только по официальным данным за годы гражданской войны погибло около 150 тыс. жителей республики, более 1,5 млн чел. покинули родину[2]. Остановить беду удалось во многом благодаря активным усилиям Российской Федерации. Здесь не забывают и российских военнослужащих, и пограничников, отдавших свои жизни ради мира и спокойствия на таджикской земле.

Нельзя не сказать о такой славной и одновременно трагической странице нашей общей истории, как Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 80-летие Победы в которой мы отмечаем в этом году. Россия высоко ценит вклад Таджикистана в Победу: более 300 тыс. таджикистанцев при населении республики в то время чуть более 1,2 млн чел. ушли на фронт и мужественно сражались за Родину[3]. Здесь были развернуты 29 эвакуационных госпиталей. Республика приняла более 100 тыс. эвакуированных из центральных районов страны. Вызывает особое уважение то, что руководство Таджикистана, народ республики бережно хранят память о ходе и итогах Великой Отечественной войны. В республике по-настоящему уважают и поддерживают ветеранов, которых, к сожалению, остается все меньше.

Через два года, 8 апреля 2027 г., Россия и Таджикистан отметят тридцатипятилетие установления дипломатических отношений. К этой дате мы подходим с солидным багажом достижений. У нас в активе – надежное стратегическое партнерство и союзничество, динамичные контакты во всех областях, устойчивые механизмы

отраслевого взаимодействия. Цементируют межгосударственную «спайку» по-настоящему братские отношения президентов, взаимная заинтересованность руководства наших стран в наращивании многопланового сотрудничества, неизменное стремление к расширению взаимодействия на новых направлениях.

Душанбе в этом году председательствует в СНГ. Здесь хорошо понимают ценность и перспективность интеграционных объединений, сложившихся на евразийском пространстве. Отсюда – практически полное совпадение подходов к основным проблемам региональной и международной повестки дня, тесные контакты по вопросам региональной безопасности, противодействия современным вызовам, включая борьбу с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком. Эффективная совместная работа налажена в рамках таких организаций как ООН, ОДКБ, ШОС.

Растет товарооборот республики со странами ЕАЭС. Сквозь призму статистики и сухих цифр складывается следующая картина. В 2023 г. на страны Союза пришелся основной объем внешнеторгового оборота Таджикистана – более 2,97 млрд долл. или 36% от общего объема внешней торговли республики[4]. В 2024 г. этот показатель достиг уже 3,3 млрд долл.[5]

На сегодняшний день российско-таджикское сотрудничество – это более 200 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, регулирующих весь спектр двустороннего взаимодействия в политической, экономической, военной, культурно-гуманитарной и других областях. Базисом служит основополагающий документ – Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1993 г.

Неизменно позитивную динамику демонстрируют двусторонние торгово-экономические отношения. Россия на протяжении многих лет занимает лидирующие позиции во внешнеторговых операциях Таджикистана с долей более 22%[6]. Объем российско-таджикского товарооборота в 2024 г. вплотную приблизился к 2 млрд долл. – 1981,8 млн долл., увеличившись на 15,5% в сравнении с 2023 г.[7] Развивается и инвестиционное сотрудничество – накопленные отечественные инвестиции в экономику республики превысили 1,6 млрд долл.[8]

В последнее время отмечается рост интереса российских инвесторов к таджикскому рынку, что выражается в открытии новых предприятий в различных сферах – от медицинских лабораторий (ООО «ГЕМОТЕСТ ТДЖ») до ресторанов (Novikov Group, ресторанный холдинг «Тигрус»), логистических компаний и крупнейшего российского маркетплейса Wildberries.

Всего же на местном рынке на сегодняшний день присутствуют 339 предприятий с участием российского капитала. Флагманами

отечественного бизнеса выступают такие компании как ЗАО «ТТ Мобайл» (Мегафон Таджикистан), один из ведущих мобильных операторов страны, ООО «Газпром нефть – Таджикистан», владеющая значительным количеством автозаправочных станций в республике, ОАО «Сангтудинская ГЭС-1», вырабатывающая около 11% всей электроэнергии страны[9].

Стержневую роль в развитии всего комплекса двусторонних отношений России и Таджикистана играют межрегиональные связи. Более 70 субъектов Российской Федерации поддерживают прямые торгово-экономические связи с регионами республики. Взаимодействие осуществляется на основе свыше 80 межрегиональных соглашений и меморандумов о сотрудничестве с областями республики в таких сферах, как машиностроение, транспорт, энергетика, добыча полезных ископаемых, строительная отрасль, агропромышленный комплекс и др.

Лидеры регионального взаимодействия – Москва и Санкт-Петербург, республики Татарстан, Башкортостан и Дагестан, Алтайский, Красноярский и Краснодарский края, Новосибирская, Рязанская, Ростовская, Оренбургская, Свердловская, Саратовская, Челябинская, Иркутская, Нижегородская и Московская области, с одной стороны, и Душанбе, Согдийская область (город Ходжент), Хатлонская область (Бохтар и Куляб), Рогунский район (Рогун) – с другой.

Высокой оценки заслуживают межпарламентские связи. В октябре 2024 г. состоялся официальный визит в Душанбе Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И.Матвиенко. Спикер Совфеда, как известно, лично курирует давно и эффективно действующий проект по направлению из России в республику учителей-предметников. На сегодняшний день в школах республики работают 124 педагога, значительная часть из них – в отдаленных районах. Их труд удостаивается исключительно положительных отзывов принимающей стороны.

В целом российское образование остается важнейшей компонентой нашего гуманитарного присутствия в Таджикистане. О его востребованности среди местного населения говорят цифры – в отечественных вузах на текущий момент обучается 31 тыс. студентов из Таджикистана, свыше половины из них получают образование за счет средств российского бюджета. На этом фоне мы увеличили количество квотных мест для республики до 1000 – самый высокий показатель в Центральной Азии. «Держат марку» действующие в Таджикистане филиалы российских вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, Национальный

исследовательский университет МЭИ, а также Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ).

С сентября 2022 г. в Душанбе, Ходженте, Кулябе, Бохтаре, Турсунзаде работают построенные по инициативе президентов наших стран пять школ, в которых преподавание ведется на русском языке и по российским программам. За короткое время они приобрели невиданную популярность среди местного населения. Достаточно сказать, что только в Душанбе конкурс среди желающих поступить в первые классы – около 100 человек на место!

Мы помогаем партнерам с обеспечением учебных заведений школьными учебниками на русском языке. С 2024 г. реализуется соответствующая программа, рассчитанная на 5 лет, на эти цели запланировано ежегодно выделять по 200 млн руб.[10]

«Витриной» нашего двустороннего сотрудничества, без сомнения, являются культурно-гуманитарные связи. На этом направлении совместно с представительством Россотрудничества в Таджикистане мы реализуем большое количество различных проектов.

Нельзя не отметить две крупнейшие гуманитарные инициативы, реализуемых Россией в Душанбе, – строительство Центра для одаренных детей и нового здания Государственного русского драматического театра им. В. Маяковского. Планируется, что оба проекта будут введены в эксплуатацию к сентябрю 2027 г.

Динамично развивается сотрудничество в сфере обороны и безопасности между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, как в двустороннем формате, так и в рамках общих союзных объединений. Ключевую роль в этом процессе отводится реализации Программы модернизации Российской Федерацией Вооруженных сил Таджикистана, через которую обеспечиваются поставки Душанбе вооружений и военной техники.

Надежным гарантом безопасности как самой республики, так и южных рубежей зоны ответственности ОДКБ служит развернутая здесь 201-я Российская военная база. Ее возможности активно задействуются при подготовке квалифицированных кадров для Вооруженных сил республики по всему спектру военно-учетных специальностей. На регулярной основе проводятся двусторонние и многосторонние учения.

Из значимых проектов в оборонной сфере стоит выделить строительство на выделенные Россией средства (более 1 млн. долл.) погранзаставы в примыкающем к афганской территории районе Шамсиддин Шохин Хатлонской области Таджикистана[11].

Кроме того, делу укрепления границы республики с Афганистаном серьезно послужит реализация принятой на саммите ОДКБ в ноябре 2024 г. Целевой межгосударственной программы Организации по укреплению таджикско-афганской границы.

Самое пристальное внимание наши страны уделяют развитию миграционного сотрудничества. Мы неустанно ведем кропотливую информационно-просветительскую работу, успешно налаживаем взаимодействие с профильными структурами государств-поставщиков трудовых ресурсов в вопросах наведения порядка в миграционной сфере.

Россия уже много лет занимает лидирующие места среди стран-доноров, реализующих проекты для Таджикистана в области содействия международному развитию. Например, в рамках ВПП ООН в республике продолжается реализация флагманского проекта по развитию системы устойчивого школьного питания с российским финансированием.

Помимо этого, в рамках Программы развития ООН реализуются финансируемые нашей страной проекты в интересах профессиональной подготовки молодежи Таджикистана.

В вихре стремительных геополитических изменений, когда рушатся казавшиеся незыблемыми связи, сотрудничество между Москвой и Душанбе не только продолжает поступательное развитие. Во многом наши связи служат эталоном подлинной межгосударственной дружбы. Нет сомнения в том, что российско-таджикские отношения останутся важным фактором стабильности и развития как в Центральной Азии, так и в более широком контексте евразийской политики.

Информация об авторе

Семен В. Григорьев, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Таджикистан, Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан; 734026, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Абуали ибн Сино, д. 29/31; *embassy.dushanbe@yandex.ru*

Information about the author

Semen V. Grigoriev, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the Republic of Tajikistan, Embassy of the Russian Federation in the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 29/31, Abuali ibn Sino Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734026; *embassy.dushanbe@yandex.ru*

Примечания

[1] Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Итоги референдума СССР 17 марта 1991 г. URL: https://cikrf.ru/sovet_federacii/referendum/ (дата обращения: 27.06.2025).
[2] Минобороны РФ. Республики СССР в Великой Отечественной войне. https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/ttt/sssr/index.htm (дата обращения: 27.06.2025).
[3] Asian Development Bank. Tajikistan – Key Indicators 2023. https://data.adb.org/dataset/tajikistan-key-indicators (дата обращения: 27.06.2025).
[4] Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан за 2023 г. URL: https://stat.ww.tj (дата обращения: 27.06.2025).
[5] United Nations Comtrade Database. Tajikistan – All Trade Flows. URL: https://comtradeplus.un.org/TradeFlow (дата обращения: 27.06.2025).
[6] Eurasian Economic Commission. Trade statistics. URL: https://eec.eaeunion.org/en/comparison/ (дата обращения: 27.06.2025).
[7] Eurasian Economic Commission. Cooperation with Tajikistan. URL: https://eec.eaeunion.org/cooperation-with-third-countries/tajikistan/ (дата обращения: 27.06.2025).
[8] Asian Development Bank. Private Sector Projects in Tajikistan. URL: https://www.adb.org/projects?keywords=Tajikistan (дата обращения: 27.06.2025).
[9] EAEU Legal Documents Database. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 27.06.2025).
[10] Collective Security Treaty Organization. Tajikistan. URL: https://odkb-csto.org/structure/tadzhikistan/ (дата обращения: 27.06.2025).
[11] UNHCR Central Asia. URL: https://www.unhcr.org/central-asia (дата обращения: 27.06.2025).

Миграционный фактор во внешнеполитическом процессе Таджикистана

Рахмон У. Ульмасов

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан, ulmasovr@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей развития и роли трудовой миграции в Таджикистане в процессе формирования внешней политики Республики Таджикистан. Автор рассматривает миграцию в качестве одного из важнейших факторов, влияющих на внешнюю политику страны. Миграция – это не только экономический, но и политический ресурс, что определяет необходимость развития сбалансированной миграционной дипломатии.

Трудовая миграция из стран Центральной Азии, включая Таджикистан, давно находится в поле зрения исследователей, однако комплексный анализ её влияния на внешнеполитические процессы остаётся ограниченным. В частности, миграционный фактор играет важную роль в формировании внешней политики Таджикистана, особенно в контексте его отношений с Россией – основным направлением миграционных потоков и источником денежных переводов. Миграция становится инструментом экономической стабилизации и одновременно фактором зависимости, формируя асимметричную взаимозависимость между странами. Денежные переводы способствуют росту внутреннего потребления, развитию сектора услуг и стимулируют расширение потребительского кредитования, несмотря на сохраняющиеся риски. Кроме того, ряд стран региона (Армения, Грузия, Кыргызстан) также получают выгоду от миграции, торговли и туризма, но Таджикистан особенно уязвим к внешним экономическим колебаниям.

В статье подчеркивается, что миграция – это транснациональное явление, которое невозможно эффективно регулировать усилиями одного государства. Автор приходит к выводу о том, что трудовая миграция оказывает многоуровневое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Автором разработаны предложения в области модернизации миграционной политики Республики Таджикистан, которые включают организацию отбора трудовых мигрантов на основе эффективного научного менеджмента, усиление роли научной дипломатии в урегулировании международных проблем, связанных с миграцией. В статье анализируется потенциал образовательной миграции таджикской молодежи как социального ресурса развития страны в XXI в., подчеркивается огромная

© Ульмасов Р.У., 2025

роль качественного образования, воспитания и финансовой грамотности в формировании личностных качеств и компетенций трудовых мигрантов, необходимых для адаптации и социального роста за рубежом.

Ключевые слова: Таджикистан, глобальный процесс, миграция, демография, политика, экономика, Центральная Азия, рынок труда, экономика

Migration factor in Tajikistan's foreign policy process

Rahmon U. Ulmasov

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan, ulmasovr@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Abstract. This article analyzes the development and role of labor migration in Tajikistan in shaping the country's foreign policy. The author examines migration as one of the most important factors influencing the country's foreign policy. Migration is not only an economic but also a political resource, necessitating the development of balanced migration diplomacy.

Labor migration from Central Asian countries, including Tajikistan, has long been under the attention of researchers, but a comprehensive analysis of its impact on foreign policy processes remains limited. In particular, the migration factor plays an important role in shaping Tajikistan's foreign policy, especially in the context of its relations with Russia, which is the main direction of migration flows and a source of remittances. Migration is becoming an instrument of economic stabilization and at the same time a factor of dependence, forming an asymmetric interdependence between countries. Remittances contribute to the growth of domestic consumption, the development of the service sector and stimulate the expansion of consumer lending, despite the continuing risks. In addition, a number of countries in the region (Armenia, Georgia, Kyrgyzstan) also benefit from migration, trade, and tourism, but Tajikistan is particularly vulnerable to external economic fluctuations.

The article emphasizes that migration is a transnational phenomenon that cannot be effectively regulated by the efforts of one state. The author concludes that labor migration has a multi-level impact on the country's domestic and foreign policy. The author has developed proposals for modernizing the Republic of Tajikistan's migration policy, including organizing the selection of labor migrants based on effective scientific management and strengthening the role of scientific diplomacy in resolving international migration-related issues. The article analyzes the potential of Tajik youth educational migration as a social resource for the country's development in the 21st century, emphasizing

the crucial role of high-quality education, upbringing, and financial literacy in developing the personal qualities and competencies of labor migrants necessary for adaptation and social advancement abroad.

Keywords: Tajikistan, global process, migration, demography, politics, economy, Central Asia, labor market, economy

В современном мире разворачиваются масштабные глобальные процессы, формирующие новые тренды в различных сферах – от политики и экономики до технологий и демографии. В этих трансформациях миграция занимает особое, стратегически важное место. В условиях стремительного технологического развития многие эксперты прогнозируют наступление уже в 2030-е годы так называемой технологической сингулярности – гипотетического этапа, при котором темпы прогресса станут неуправляемыми и приведут к качественным изменениям цивилизационного характера. Эти вызовы, наряду с динамикой глобальной экономики, делают трудовую миграцию неотъемлемым элементом функционирования и развития мировой экономики XXI в.

Для Таджикистана вопросы миграции приобретают первостепенное значение. Стратегическое самоопределение страны невозможно вне контекста миграционной политики. Уже сегодня миграция оказывает ключевое влияние на социально-экономические процессы и будет сохранять свое значение в долгосрочной перспективе. Внешнеполитическая активность Таджикистана, в том числе участие в международных форумах, рост роли столицы как площадки для политических, экономических и культурных мероприятий, подчеркивают стремление страны позиционировать себя как активного участника глобального диалога.

В связи с этим встает принципиально важный вопрос: как миграция соотносится с внутренней устойчивостью и стратегическим развитием? Ответ лежит в плоскости формирования стратегического диалога – как внутри общества, так и между обществом и государством. Такой диалог необходим для выработки базовых концептуальных оснований и идеологических ориентиров. Однако в Таджикистане эта дискуссия пока не получила должного развития. Причины кроются в высокой чувствительности миграционной тематики, что ранее было отмечено и на высшем государственном уровне.

Мигранты, несмотря на разрыв с родиной, сохраняют тесную идентификацию с национальным государством. Это подтверждает необходимость не только изучения, но и постановки вопросов, определяющих долгосрочную стратегию взаимодействия между государством, обществом и его миграционной частью.

В последние десятилетия человечество оказалось в эпицентре стремительных глобальных изменений. Технологические, информационные и социальные трансформации затрагивают все стороны жизни. Если еще 15–20 лет назад доминирующим каналом информационного воздействия оставалось телевидение, то сегодня информационное пространство прочно заняли интернет и мобильные технологии. Молодежь, особенно в миграционной среде, все активнее интегрируется в цифровую реальность, что оказывает влияние на формирование новых моделей поведения и социального самоощущения.

Современный трудовой мигрант должен быть готов к жизни в условиях высокой изменчивости и неопределенности. Это требует от него не только адаптивности, но и рационального, стратегически выверенного поведения. Как отмечают многие исследователи, миграция в XXI веке становится не просто вынужденной формой экономического выживания, но и важным фактором устойчивого развития, способствующим глобальному перераспределению человеческих ресурсов. В этом контексте трудовая миграция может рассматриваться как «спасительная соломинка» для мировой экономики, особенно в условиях дефицита рабочей силы, с которым сталкиваются многие развитые страны[1].

Таджикистан, как государство с активным миграционным потоком, не может игнорировать стратегическое измерение миграции. Наряду с природными и человеческими ресурсами важнейшим активом страны выступает культурный код таджикского народа – глубокая историческая и идентичностная основа, осмысленная, в частности, в трудах академика Бободжона Гафурова[2]. Этот культурный код – неотъемлемая часть национального капитала, которую необходимо осознанно интегрировать в процессы формирования миграционной политики.

Однако миграционные проблемы часто коренятся в дефиците образования, низком уровне культуры и слабой социальной подготовке молодежи[3]. Для минимизации этих рисков необходимо создание эффективных механизмов воспитания, просвещения и патриотического становления будущих мигрантов. Решение этой задачи становится условием, при котором экономические трудности могут быть преодолены. Как показывает опыт последних лет, Душанбе удалось за короткий срок превратиться в современный урбанистический центр Востока[4], что подтверждает высокий потенциал страны при наличии целенаправленной государственной политики.

Современный подход к миграции требует от государства не репрессивной, а креативной модели взаимодействия с мигрантами – основанной на партнерстве, взаимной поддержке и стратегическом диалоге[5]. Государственные органы, ученые,

эксперты и гражданское общество должны выступать в роли «старших партнеров» трудовых мигрантов, обеспечивая им опору, защиту и прогнозируемость.

Россия, несмотря на низкий уровень безработицы, сталкивается с острым дефицитом рабочей силы, что вызывает рост заработных плат, увеличение спроса и расширение рынков, но одновременно приводит к росту издержек и снижению инвестиционной привлекательности[6]. По данным Росстата, в 2024 г. российским компаниям не хватало около 2,2 млн работников, что составляет 7,6% от общего числа трудоспособного населения – самый высокий показатель с 2008 г. Ежегодное пополнение трудовых ресурсов за счет вступающей в трудоспособный возраст молодежи сократилось на 40% в период с 2000 по 2020 г. Более половины занятых – это лица старше 40 лет, а доля населения старше трудоспособного возраста уже превышает 25%. Молодые и квалифицированные специалисты часто покидают Россию в поисках лучших условий труда и жизни за рубежом. После 2022 г. произошло значительное сокращение притока трудовых мигрантов из стран СНГ – на 35–40% по сравнению с допандемийным периодом. Например, в строительстве нехватка рабочих оценивается в 200–400 тыс. человек. В 2023 г. из сельскохозяйственной отрасли ушло около 200 тыс. человек, что составляет 3,3% от общего числа сельскохозяйственных работников. Прогнозируется кадровый голод в системе образования и здравоохранения: дефицит кадров в этих сферах может вырасти до 40–45% к 2030 году. Отсутствие необходимых работников может привести к снижению производительности труда и, как следствие, к замедлению темпов экономического роста. Нехватка рабочей силы может привести к росту цен на товары и услуги, так как компании будут вынуждены платить больше за сотрудников. Предприятия будут вынуждены тратить больше средств на поиск и обучение новых сотрудников, что увеличит их расходы. Дефицит рабочей силы может сделать российские компании менее конкурентоспособными на мировом рынке. По оценкам Банка России, к 2030 г. стране потребуется дополнительно 2,4 млн работников в таких отраслях, как промышленность, транспорт, здравоохранение, социальное обеспечение, наука и информационные технологии. Для решения проблемы необходим комплексный подход, включающее повышение привлекательности рабочих профессий, улучшение условий труда, развитие системы профессионального образования и привлечение иностранных специалистов.

Эти процессы отражают глобальные тренды, которые трансформируют экономическую карту мира и структуру международного рынка труда.

Серьезное влияние на миграционную динамику оказывают политико-социальные процессы. Как отмечает профессор Сергей Абашин,

после трагических событий в «Крокус Сити Холле» в России наблюдается волна мигрантофобии, сопровождаемая усилением полицейских проверок и ростом общественного напряжения[7]. Эти меры, по мнению экспертов, использовались властями в преддверии выборной кампании осени 2024 г., включая довыборы в Государственную думу РФ, для мобилизации электората и отвлечения внимания от внутренних проблем. В результате усиливается отток мигрантов из России и переориентация миграционных потоков в сторону Европы.

В миграционной сфере сосуществуют как положительные, так и отрицательные тенденции. С одной стороны, трудовые мигранты демонстрируют высокий уровень выживаемости, адаптивности и вовлеченности в экономическую деятельность принимающих стран. С другой – сохраняются риски, связанные с социальной дезориентацией, правовой уязвимостью и межэтнической напряженностью. Поэтому важнейшим направлением остается минимизация ошибок, совершаемых мигрантами, и усиление их правовой и культурной подготовки.

ИИ, рынок труда и миграция: вызовы и стратегические приоритеты

Недавнее исследование Goldman Sachs оценивает число занятых, чьи рабочие места в значительной степени подвергнутся влиянию ИИ, в 300 млн человек по всему миру, при этом долгосрочное положительное воздействие на мировой ВВП составит около 7%[8]. В США и ЕС функции, подвергающиеся замене ИИ в той или иной степени, охватывают до 70% занятых[9], что в буквальном выражении составляет миллионы рабочих мест, преимущественно среди квалифицированной занятости[10]. Одновременно ежегодные глобальные расходы на кибербезопасность приближаются к $100 млрд, а потери бизнеса от киберинцидентов – к $1 трлн[11], что прямо влияет на рынок труда.

Мир стоит на демографическом рубеже: уровень рождаемости вскоре снизится ниже уровня воспроизводства населения[12], что имеет далеко идущие последствия для экономик, социальной стабильности и международного влияния США, Китая и России. Даже страны вроде Китая демонстрируют снижение численности населения (примерно на 1 млн в 2022 г. и 2 млн в 2023 г.)[13].

В этом контексте миграция приобретает новое значение. Во-первых, необходимо корректировать информационную политику: вместо игнорирования миграционные процессы требуют прозрачного освещения, чтобы не допускать формирования негативного общественного мнения. Во-вторых, миграция – это сложный комплексный

процесс, требующий межведомственного и регионального управления: предлагается сформировать постоянно действующую комиссию под руководством премьера и аналогичные структуры на местах, обеспеченные чёткими задачами, «профессиональными, точно продуманными и тщательно проработанными решениями»[14].

Не вместо, а вместе: к вопросу об информационной политике и институциональных решениях в сфере миграции

Современная миграционная политика требует переосмысления подходов к освещению соответствующих процессов в информационном пространстве. Вместо замалчивания и отрывочных сведений, способствующих формированию и закреплению негативного общественного мнения, необходимо обеспечить полное и объективное освещение происходящего в миграционном поле.

Миграция представляет собой крайне сложное и многоплановое явление, которое невозможно адекватно регулировать в рамках одного ведомства. Даже при создании профильного министерства нельзя охватить весь спектр миграционных проблем. Именно поэтому сегодня необходимо учреждение постоянно действующей Межведомственной комиссии по миграционной политике под председательством премьер-министра Республики Таджикистан. В состав комиссии должны войти представители всех заинтересованных министерств, ведомств и общественных институтов.

Следует осознать, что миграция – это не только экономический или демографический фактор, но комплексный процесс, затрагивающий политическую, социальную и культурную сферы. Подобные межведомственные комиссии должны быть созданы на региональном уровне – в областях, городах и районах. Это требует серьёзной организационной проработки, высокого уровня координации и привлечения профессиональных кадров. Любые действия в этой сфере должны опираться на точные расчёты, аргументированные решения и системный подход.

В Российской Федерации, начиная с 2021 года, было принято около 30 нормативных актов, регулирующих порядок пребывания иностранных граждан, при этом две трети из них разработаны Министерством внутренних дел. Создаются многофункциональные центры при Минтруде РФ, вовлекаются банки, учитывая важность денежной трансфертной составляющей[15]. Этот опыт может быть частично адаптирован в национальной практике. Важно привлечь к данной работе и финансовые учреждения, включая банки, которые напрямую заинтересованы в стабильности миграционных потоков, учитывая масштабные объёмы денежных переводов.

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 года подчёркивает необходимость легализации трудовой миграции и обеспечения социальной защиты мигрантов. Главное – не ограничиться декларациями, а немедленно приступить к практической реализации задач. Перед Министерством труда и занятости населения Республики Таджикистан стоит, по сути, уравнение с тремя неизвестными. **Во-первых,** как заинтересовать работодателей в использовании трудового потенциала внутри страны? **Во-вторых,** каким образом эффективно восстановить миграционную систему после периода спада и снижения производства? **В-третьих,** как перевести финансовые потоки от мигрантов (их денежные переводы) в плоскость устойчивого экономического роста и инвестиционного развития Таджикистана?

Эффективный, но не эффектный: новый взгляд на миграционный фактор

До недавнего времени попытки оценить влияние таджикского миграционного фактора оставались преимущественно теоретическими как для Таджикистана, так и для Российской Федерации. Однако пришло время перевести эти оценки в практическую плоскость. Необходимо точно определить, какую экономическую, социальную и политическую выгоду может принести трудовая миграция обеим странам.

Миграцию можно рассматривать как своеобразный «банк»: чем больше будет вложено усилий, внимания и ресурсов в этот процесс, тем больший возврат можно ожидать. Однако речь идёт не только о финансах. Необходима своего рода «перезагрузка» отношения к миграции, сочетающая прагматизм и культурные особенности. Миграционная политика требует не только институциональных изменений, но и баланса между эмоциональной вовлеченностью и ответственным подходом.

За последние три десятилетия изменился и сам субъект миграции. Эмигранты прошлого не всегда осознавали свою роль и значение, но современные мигранты – и особенно их дети и внуки, выросшие за рубежом, обладают другим уровнем сознания и самоидентификации. Уже сегодня формируется третье поколение таджикских мигрантов, каждое из которых имеет собственную систему ценностей. Недаром Н.М. Карамзин писал: «Дети войны взрослеют во сто раз быстрее». Именно молодые представители диаспоры способны в будущем стать «звёздами» не только для Таджикистана, но и на международной арене, оказывая влияние на формирование общественно-политической атмосферы.

Народная дипломатия: новый импульс в условиях миграционной трансформации

Международные отношения переживают период глубокого кризиса, связанного с утратой взаимопонимания и доверия. Особенно остро это проявляется в отношении к трудовым мигрантам. Их элементарные права часто нарушаются, а сами они становятся объектами дискриминации и социальной изоляции.

В этих условиях необходимо расширить потенциал традиционной дипломатии за счёт интеграции научного сообщества. Особую роль могут сыграть учёные с высоким уровнем международной квалификации, в том числе дипломаты ранга Чрезвычайных и Полномочных Послов. Как утверждал А.П. Чехов: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения»[16]. Интересной, хотя и дискуссионной, представляется позиция профессора Робина Граймса, главного научного советника МИД Великобритании, который считает, что «обсуждение проблем с представителями иных научных школ и с иным опытом позволяет находить нетривиальные решения»[17]. Таким образом, именно учёные призваны не только исследовать, но и доносить суть миграционных вызовов до международных переговорных площадок.

Массовая миграция – это объективная реальность глобализирующегося мира. Демографический потенциал Центральной Азии исторически является трудоизбыточным, а страны региона активно участвуют в миграционных потоках. Современные исследования подтверждают позитивное влияние интеграционных процессов на положение трудовых мигрантов в странах СНГ. В этой связи можно рассмотреть инициативу создания регионального Альянса миграционных ведомств и общественных организаций под эгидой Международной организации по миграции (МОМ).

Образование как фундамент миграционной политики

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются как текущие, так и потенциальные мигранты, остаётся недостаточный уровень образования и культурной адаптации. Не владение языком страны пребывания, незнание её традиций и социальных норм – всё это препятствует успешной интеграции. Между тем, образование – это не только фактор устойчивого развития, но и основа профессионального становления, расширения кругозора, формирования критического мышления и развития личности. Инвестиции в образование – это инвестиции в будущее общества. Вспоминается лозунг времён СССР: «Коммунизм – это советская власть плюс

электрификация всей страны». В.И. Ленин, говоря о социализме, подчёркивал важность американского подхода к народному образованию[18]. Аналогично и сегодня, в условиях растущей конкуренции за человеческий капитал, необходимо объявить приоритетным национальным проектом строительство школ, подготовку педагогических кадров, развитие системы социально доступного жилья и обеспечение равного доступа к образованию.

По официальным данным, более 70% населения Таджикистана составляют молодые люди в возрасте до 35 лет, а средний возраст населения – 22,5 года. Это позволяет говорить о Таджикистане как о стране молодёжи. Именно образовательные учреждения сегодня формируют имидж нации, обеспечивают её будущее и конкурентоспособность. В 2023 г., по данным Министерства финансов, на сферу образования было выделено дополнительно 5 млрд сомони. В последние пять лет более половины государственного бюджета направлялось на развитие образования, здравоохранения и социальной политики. Такие шаги необходимо не просто продолжать, но и усиливать.

В этом контексте нельзя не вспомнить деятельность выдающегося государственного деятеля Б.Г. Гафурова, который в 1930–40-х гг. занимался вопросами ликвидации неграмотности, строительства школ и подготовки квалифицированных кадров для молодой Таджикской ССР.

Истоки образования таджикского народа

По данным историко-археологических исследований, у предков таджикского народа первые формы образовательных учреждений – дабистаны и дабиристаны – существовали более трёх тысяч лет назад. Существенное влияние на формирование философии образования оказала арийская культура, а также религия зороастризм, пропагандировавшая гармонию между обучением и воспитанием. В этот период были заложены основы института образования, а также социально значимых ролей – учителя и ученика.

Сведения о ранних традициях обучения среди иранских народов содержатся, в частности, в произведении древнегреческого мыслителя Ксенофонта (445–355 гг. до н. э.), где подробно описана система воспитания и образования в Персии. Эти описания подтверждают наличие устойчивых педагогических практик в иранском культурном ареале. В последующий период, вплоть до присоединения к Российской империи, в Бухарском эмирате и на территории Туркестана основными формами образовательных учреждений были мактабы (начальные школы) и медресе

(религиозные учебные заведения). Эти учреждения выполняли ключевую роль в сохранении и передаче духовных, культурных и научных знаний.

Таджикско-персидская образовательная традиция стала основой для становления выдающихся представителей науки и литературы. Среди них – Аль-Хорезми, Аль-Кинди, Аль-Фараби, Аль-Беруни, Ибн Сина (Авиценна), Омар Хайям, Навои, Бабур и другие мыслители. В их трудах прослеживается глубокий интерес к вопросам познания, воспитания и всестороннего развития личности.

Образование в исламской традиции

Особое место в развитии образовательной культуры таджиков занимает исламская философия образования. Уже первый ниспосланный аят Священного Корана начинается со слова «Читай», что символизирует первостепенную важность знаний в исламском мировоззрении. Ислам не только поощряет изучение религиозных текстов, но и призывает к получению светского образования. В Коране, по данным исламоведов, упоминание об образовании и знании встречается более 600 раз.

В одном из хадисов Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) сказано: «Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки». Также в Священном Писании (Сура 39: «Толпы», аят 9) подчеркивается: «Скажи: Разве равны те, кто знает, и те, кто не знает?» Особую ценность знаний подчёркивает хадис: «О, Абу Зарр! Если ты с утра выучишь один аят из Корана, это будет лучше тысячи дополнительных ракаатов. А если выучишь одну главу из науки и станешь следовать ей, это будет лучше, чем тысяча ракаатов намаза» (Ибн Маджа, «Мукаммадима», 16). Исламская этика утверждает, что лучшее наследие, которое родители могут оставить детям – это хорошее воспитание. Семья рассматривается как «малая ячейка общества», и от её духовного и нравственного состояния зависит устойчивость и благополучие государства в целом.

Образование как элемент конкурентоспособности мигранта

В современных условиях глобализации качественное образование становится неотъемлемым компонентом мобильности и успеха граждан. Каждый выезжающий за границу – будь то

турист, учёный, врач или трудовой мигрант – должен обладать определённым уровнем образовательной и культурной подготовки. Это не только повышает шансы на успешную адаптацию, но и способствует формированию позитивного имиджа страны.

Для мигрантов особенно важно развивать разносторонние компетенции, включая знание языков, навыки профессионального общения, межкультурную коммуникацию и правовую грамотность. Таким образом, стремление к знаниям – это не абстрактная цель, а необходимое условие для становления конкурентоспособного гражданского общества и устойчивого государства.

Молодёжь Таджикистана: образовательная миграция как форма мобильности

Современная молодёжь Таджикистана всё чаще рассматривает зарубежное образование не только как способ получения профессиональных знаний, но и как важный элемент личной и социальной мобильности. Мотивация уезжающих молодых людей, как правило, многокомпонентна. Во-первых, стремление получить качественное образование, зачастую недоступное в родной стране. Во-вторых, интерес к расширению кругозора, знакомству с иными культурными и образовательными средами. В-третьих, наличие перспективы профессиональной реализации и, в некоторых случаях, возможности остаться за рубежом.

Согласно имеющимся данным, около 60% студентов, выезжающих на учёбу по государственным и международным программам, направляются в вузы стран СНГ, в частности – в Российскую Федерацию. Количество граждан Таджикистана, обучающихся в российских вузах, демонстрирует стабильный рост. Так, по итогам 2023 г., оно увеличилось на 22% и достигло отметки в 28 000 человек. В 2024 г. Россия предоставила Таджикистану более 1000 бюджетных мест. Наряду с Россией, всё более востребованными направлениями становятся США, Канада, страны Евросоюза, где таджикские студенты, получив дипломы, нередко остаются для трудовой деятельности. Дополнительно около 70 студентов получают обучение за рубежом по линии Фонда Президента Республики Таджикистан, в том числе 15 человек – в университетах Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Черногория). Проводятся также переговоры с университетами Германии о приёме таджикских студентов.

Анализ статистики Института ЮНЕСКО по сбору данных в сфере образования (UIS) за 2017–2021 гг. показывает следующую динамику числа таджикских студентов, выехавших за границу:

2017 год – 19 768 человек
2018 год – 25 203
2019 год – 27 582
2020 год – 27 931
2021 год – 27 459

Несмотря на небольшой спад в 2021 г., общий тренд сохраняет устойчивый характер. Многие выпускники, завершившие обучение в зарубежных университетах, находят высокооплачиваемую работу и успешно адаптируются в принимающих странах. Причины такой миграции не только экономические, но и институциональные: возможность для научной, предпринимательской и общественной самореализации, более высокий уровень правовой защищённости, свободы слова и личной безопасности.

В то же время, наблюдается нехватка достоверной информации о Таджикистане в странах Европы. Это создаёт информационный вакуум, мешающий выстраиванию взаимовыгодных отношений. Таджикистану необходимо активнее продвигать собственный образовательный и культурный потенциал, минуя внешних посредников. Формирование устойчивого имиджа страны, в том числе через образовательную дипломатию, является важным инструментом укрепления позиций на международной арене.

Таким образом, образовательная миграция таджикской молодёжи является важным индикатором глобальной интеграции страны, а также представляет собой стратегический ресурс, требующий внимательной государственной поддержки и координации.

Ключевые предложения

С моей точки зрения, в современных условиях должны быть реализованы две важнейшие задачи, особенно применительно к молодому поколению трудовых мигрантов, которые сталкиваются с реальными вызовами, а не живут в виртуальной реальности. Трудовые мигранты – это средний класс нашего общества, формирующийся в зарубежных странах под воздействием сложных жизненных обстоятельств, включая пережитые унижения и трудности. Лично я знаю многих, кто неоднократно возвращается из-за границы и вновь уезжает, и наблюдаю их внутренние изменения. Сегодня в Таджикистане начался процесс реэмиграции: на строительных объектах работают квалифицированные бывшие мигранты, приобретшие опыт и навыки, о которых раньше приходилось только мечтать, или же финансировать их приобретение на огромные суммы. Кроме того, необходимы специалисты, которые смогут осмысливать и систематизировать данные процессы. Ниже приведены конкретные подходы к решению миграционных проблем:

Организация отбора мигрантов (оргнабор). Следует с филигранной точностью выстраивать систему отбора трудовых мигрантов с учетом потребностей работодателей. Важна высокая точность прогнозирования и координация с другими отраслями экономики. Министерству труда и занятости населения Республики Таджикистан необходим эффективный менеджер, который наладит систему оргнабора, обеспечит внедрение инновационных методов и координацию с ведомствами внутри страны и за её пределами. Рекомендуется проводить регулярный и организованный набор мигрантов.

Народная дипломатия и научная дипломатия. В решении миграционных задач важна активизация народной дипломатии, особенно её научного направления. Общественная дипломатия благодаря своей масштабности и открытости обладает синергетическим потенциалом для глубокого анализа и реализации инициатив глобальной цивилизации. В создании мирового сообщества единой судьбы ключевую роль играют конкретные практические действия.

Приоритет образования. Только качественное образование способно влиять на формирование гармонически развитой личности – главной задачи воспитательно-образовательной системы страны.

Использование цифровых платформ. Платформа TikTok – ведущий ресурс для создания и просмотра коротких видео, особенно популярный среди молодежи. Следует использовать её возможности в воспитательных целях.

Фестивали и языковая интеграция. В регионах России с высокой концентрацией таджикской диаспоры рекомендуется проводить фестивали, например, под названием «Я в России – я знаю русский язык». В организации должны участвовать Посольство РТ, Россотрудничество, Министерство образования и другие заинтересованные ведомства.

Форум учителей русского языка. В Таджикистане необходимо провести форум учителей русского языка с целью обмена опытом и стимулирования качественного преподавания. Рекомендуется ввести систему поощрений, включая медали и денежные надбавки, согласованные с российской стороной.

Форум журналистов и ученых. Инициировать проведение в Душанбе форума журналистов и исследователей, специализирующихся на миграционных вопросах, для обмена опытом и координации усилий.

Образование как ключ к устойчивому развитию. Без здорового, образованного и подготовленного населения невозможно обеспечить устойчивое развитие страны.

Финансовая грамотность мигрантов. Современная тенденция – значительный рост денежных переводов мигрантов в страны с низким и средним уровнем дохода, которые к 2030 году превысят 5 триллионов долларов в год, при этом большая часть направляется в сельские районы с высокой бедностью. В этой связи крайне важно повышать финансовую грамотность мигрантов и их семей.

Информация об авторе

Рахмон У. Ульмасов, доктор экономических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30; *ulmasovr@gmail.com*

Information about the author

Rahmon U. Ulmasov, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursun-zade St., Tajikistan, Dushanbe, 734025; *ulmasovr@gmail.com*

Примечания

1 *Castles S., Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Palgrave Macmillan, 2020. 396 p.
2 *Гафуров Б.* Таджики. Душанбе: Ирфон, 1989. 780 с.
3 *Хамидов Б.* Социальные основы трудовой миграции молодежи. Душанбе: Маориф, 2020. 144 с.
4 *Джалолов А.* Урбанизация и вызовы устойчивого развития // Вестник Академии наук РТ. 2021. № 2. С. 22–27.
5 *Турсунов Ф.Ф.* Государственная миграционная политика: современные подходы. Душанбе: Шарк, 2023. 136 с.
6 Российская экономика в 2023 году: тенденции и перспективы / ИЭП РАН. М.: ИЭП, 2024. 250 с.
7 *Абашин С.* «Мигрантофобия как политический инструмент» // Кавказские реалии. 2024. URL: https://www.kavkazr.com/ (дата обращения: 15.06.2025).
8 *Касамбеков И.Э.* Миграция в глобальном мире: вызовы и перспективы. Душанбе: Ирфон, 2022. 178 с.
9 *Castles S., Miller M.J.* The Age of Migration.
10 *Гафуров Б.* Указ. соч.
11 *Хамидов Б.* Указ. соч.
12 *Джалолов А.* Урбанизация и вызовы устойчивого развития // Вестник Академии наук РТ. 2021. № 2. С. 22–27.

[13] Российская экономика в 2023 году: тенденции и перспективы / ИЭП РАН. – М.: ИЭП, 2024. 250 с.

[14] Центр содействия по трудовым спорам: деятельность и достижения // Отчет ЦТС за 2023 год. М.: ЦТС, 2024.

[15] Там же.

[16] *Ганчеренок И.* Наука для дипломатии и дипломатия для науки // Беларусь сегодня. 24 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sb.by/articles/nauka-dlya-diplomatii-i-diplomatiya-dlya-nauki.html (дата обращения: 17.06.2025).

[17] Там же.

[18] В оригинале эта цитата в архивных документах В.И. Ленина звучала так: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Е = социализм» (Ленинский сборник т. 36 / Ин-т Ленина при ЦК РКП(б). Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1924–1985. С. 31).

Российско-таджикские отношения: потенциал и перспективы сотрудничества

Зарина А. Дадабаева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, zarina.17.06@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-2454-3259

Аннотация. Потенциал российско-таджикского взаимодействия базируется на общей, довольно долгой истории совместного существования. Общие идеологические убеждения, хозяйственные и культурные связи в рамках единого государства СССР, наложили свой отпечаток на принципы взаимодействия стран, когда распался Советский Союз. Страны и в современных условиях показывают высокую динамику внешнеполитического сотрудничества и торгово-инвестиционных отношений. Между ними сложились добрые и доверительные отношения, взаимная поддержка на мировой арене обеспечивается обширной договорно-правовой базой. В статье прослеживается динамика формирования двусторонних российско-таджикских отношений в современный период. Рассматриваются различные факторы, влияющие на формат отношений с учетом современной геополитической ситуации в мире, в особенности, принятия антироссийских санкций. Отмечается, что общих точек взаимодействия для сотрудничества у стран гораздо больше, чем проблемных зон. Двусторонние связи охватывают не только гуманитарные проекты, но и подразумевают в первую очередь, прочное, взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Такое взаимодействие имеет устойчивый характер и поддерживается как правительством, так и населением стран. Исходя из проведенного анализа, можно сказать, что, несмотря на сложную геополитическую обстановку в мире, двусторонние российско-таджикские отношения имеют хорошие перспективы, а Россия и Таджикистан являются надежными партнерами и союзниками.

Ключевые слова: Россия, Таджикистан, сотрудничество, внешняя политика, многовекторность, интеграция, экономика, внешняя торговля

© Дадабаева З.А., 2025

Russian-Tajik relations: potential and prospects of cooperation

Zarina A.Dadabaeva
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, zarina.17.06@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-2454-3259

Abstract. The potential of Russian-Tajik cooperation is based on a long history of co-existence, shared ideological beliefs, economic and cultural ties within the one state of the USSR, has left its mark on the principles of cooperation between the countries when the Soviet Union collapsed. Even in modern conditions, the countries show high dynamics of foreign policy cooperation, trade and investment relations. The two countries good and trusting relations developed and mutual support on the world stage is provided by an extensive legal framework. The article shows a dynamic of the formation of bilateral Russian-Tajik relations in the modern period. Various factors influencing the relationship format of relations are considered, taking into account the current geopolitical situation in the world, especially the adoption of anti-Russian sanctions. Countries have many more common points of collaboration for interaction and cooperation than problem areas. Bilateral relations include not only humanitarian projects, but, mostly, strong, mutually beneficial economic cooperation. Such interaction is sustainable and is supported by both the Government and the population of the countries. Based on the analysis, we can say that, despite the difficult geopolitical situation in the world, bilateral Russian-Tajik relations have good prospects, and Russia and Tajikistan are reliable partners and allies.

Keywords: Russia, Tajikistan, cooperation, foreign policy, multi-vector approach, integration, economics, foreign trade

Введение

Центральная Азия находилась и продолжает находиться в орбите интересов Российской Федерации. Регион, с каждым годом независимого существования приобретает все более важное геополитическое значение. Как справедливо отмечает И.Д. Звягельская, Центральная Азия – регион, «где сталкиваются, остаются параллельными или порой совмещаются интересы различных региональных и глобальных игроков и где одновременно существуют возможности как для сотрудничества, так и для углубления соперничества»[1]. У внешних игроков в регионе свои цели. Так,

Россию, Китай, ЕС и США регион интересует не только как партнер по борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом, наркоторговлей и неконтролируемой миграцией, но и как ключевой объект, обладающий различными топливно-сырьевыми ресурсами. И как подчеркивает А.А. Казанцев, контакты со странами Центральной Азии могут использоваться разными государствами «для повышения стратегического влияния на постсоветском пространстве и в мире в целом»[2].

Изучением динамики двустороннего взаимодействия России со странами постсоветского пространства в отечественной науке занимаются как отдельные ученые, так и научно-исследовательские, и аналитические Центры Российской Федерации. С середины 90-х гг. XX в. российские исследователи выпустили массу монографий и научных статей, посвященных Центрально-Азиатскому региону в целом, процессам внутренней регионализации, отношениям с главными соседями региона Россий и Китаем, торгово-инвестиционному сотрудничеству. В них затрагивались политические, военные, экономические проблемы, вопросы, связанные с трудовой миграцией. Свое, особое место в историографии занимали вопросы формирования новых элит и проблемы прочности действующих режимов. При этом во многих публикациях отмечалось, что во главе государств в ЦА стояли достаточно лояльные к России и имеющие прочную власть руководители: «Постсоветская Центральная Азия, простирающаяся от Каспия до китайского Синьцзяна, имеет достаточно стабильные политические (светские) режимы»[3].

Исследование российско-таджикских отношений нашло отражение в работах российских ученых И.Д. Звягельской, Д.Б. Малышевой, Е.П. Ионовой, А.А. Казанцева, К.П. Боришполец, С.Г. Лузянина, С.А. Притчина[4] и др. Но, в большинстве этих работ, Таджикистан и Россия рассматривались в контексте общих региональных проблем, вопросов интеграционного выбора, участия в интеграционных организациях, обеспечения безопасности. Таджикские ученые С.К. Олимова и М.А. Олимов, Г.М. Майтдинова, А.М. Мамадазимов, К.И. Искандаров, Б.Х. Алимов, З.Ш. Саидов[5] и др. также писали о взаимодействии двух стран, но, в основном, в общих евразийских рамках, в контексте регионального сотрудничества стран ЦА с Китаем, Афганистаном, странами ЕС. Таджикские ученые анализировали эволюцию политических и дипломатических отношений России и Таджикистана, роль, которую сыграла Российская Федерация в разрешении межтаджикского конфликта. То есть, практически все работы этих авторов посвящены рассмотрению российско-таджикских отношений в общем контексте изучения Центральной Азии и двусторонним отношениям России со всеми центральноазиатскими странами, а также этих стран

с Китаем. Российскими и таджикскими учеными также исследовались отдельные вопросы экономического, миграционного, инвестиционного сотрудничества в регионе и в рамках ШОС, ЕАЭС, ОДКБ. Взаимодействию стран в евразийских интеграционных организациях, экономическому потенциалу такого сотрудничества посвящены статьи и аналитические доклады.

В данной статье предпринята попытка комплексно проанализировать политические и экономические связи России и Таджикистана, выделить проблемные зоны и возможные точки роста. Методологической базой послужили общенаучные методы, компаративистский подход и кейс-стади.

Динамика внешнеполитического сотрудничества Таджикистана

Республика Таджикистан (РТ), сравнительно молодое по историческим меркам независимое государство, свою современную историю начинает фактически с Декларации «О суверенитете Таджикской ССР»[6], принятой в августе 1990 г., еще в составе Советского Союза. Она сохраняла делегирование части полномочий СССР, но декларировала самостоятельность при принятии решений территориального, политического, социально-экономического и культурного характера. Стремительные трансформационные процессы, произошедшие на постсоветском пространстве в 1990-е гг., изменили конфигурацию государств, составлявших некогда единую страну. Уже в эти годы началось формирование самостоятельного внешнеполитического курса Республики Таджикистан и институализация механизмов его реализации, основанных на общепринятых нормах международного права и общения.

За недолгую историю современного суверенного развития страна прошла сложный путь формирования государственности, пережила гражданскую войну (1992–1997 гг.), распад традиционных экономических связей, приведший к кризису экономики небольшого государства, восстановление народного хозяйства до показателей, которые в некоторые годы даже превышали рост ВВП в соседних странах и добилась утверждения на стабильной позиции в международных отношениях.

Главный этап в истории международной деятельности республики начался с Заявления о государственной независимости, принятого на Внеочередной сессии Верховного совета Таджикистана 9 сентября 1991 г.[7]. В нем были заложены основные принципы, на базе которых формировалась новая политика внешних связей и международного сотрудничества.

Постепенно Таджикистан получал мировое признание. Уже начиная с 1992 г. его признали около 120 государств, среди которых были не только соседние, дружественные страны Китай, Россия, Иран, Афганистан, Индия, но и территориально далекие Саудовская Аравия, Япония, Южная Корея, Австралия, Израиль. Одними из первых стали Турецкая и Сирийская Арабская республики. В 1992–1998 гг. Таджикистан стал членом многих международных организаций – ООН, ЕБРР, МВФ, ОИС, ВОЗ, ЮНЕСКО, ОБСЕ, ОЭС и подписал с ними акты и соглашения о сотрудничестве. Часть этих организаций открыла свои представительства в Душанбе.

Как полноправный член ООН, в своей внешнеполитической деятельности Таджикистан придерживается принципов открытости, прозрачности и дружеского взаимодействия с мировым сообществом. В своей внешней политике республика исходит из провозглашенной стратегии построения светского и демократического государства, опираясь на изложенные в «Концепции Внешней политики Республики Таджикистан» принципы сохранения мира, безопасности и сотрудничества со всеми государствами, невзирая на их политическую и религиозную ориентацию[8]. В этой же концепции впервые политика «многовекторности» была обозначена как политика «открытых дверей» по отношению к ближним и дальним странам[9].

Но особое место среди внешнеполитических ориентиров республики занимало и продолжает занимать сотрудничество со странами Содружества Независимых Государств. Это вполне понятно: на протяжении более 70 лет все эти страны были тесно связаны одним большим государством – СССР.

В Таджикистане помнят общую советскую историю и понимают, что без тесного сотрудничества с дружественными странами, полноправное развитие республики весьма проблематично. Таджикистан всегда был преданным надежным партнером России. При разрушении рублевой зоны в 1990-х гг., он покинул ее одним из последних и только под влиянием внешних факторов.

Однако в период, когда усилились центробежные силы, а Россия активно диверсифицировала внешние связи и, мягко говоря, потеряла интерес к среднеазиатским республикам, Таджикистану, впрочем, как и его соседям по региону, пришлось искать союзников и доноров среди других стран. Сложилась ситуация, при которой Россия под влиянием как объективных, так и субъективных факторов утратила влияние в Центральной Азии, а отношения с центральноазиатскими государствами развивались в основном по инерции. Российское экспертное сообщество и официальные власти не сомневались, что глубокие хозяйственные и политические связи

РФ и РТ невозможно разрушить, и финансово и экономически зависимый Таджикистан при любых обстоятельствах останется надежным партнером. Отчасти это было действительно так, но при уменьшении финансовых возможностей России и отвлечении внимания на другие страны и регионы, Таджикистан вынужден был искать других партнеров, главным среди которых оказался Китай. На наш взгляд, уверенный и последовательный возврат России в регион начался гораздо позже, в середине 2000-х гг. В этот время интенсифицировалось инвестиционное сотрудничество стран.

В настоящее время Россия является стратегическим партнером Таджикистана во всех сферах жизнедеятельности. Кроме крепкого экономического взаимодействия, обе страны активно борются с проявлениями международного терроризма и работают над предотвращением нелегальной наркодеятельности в регионе. Весьма важным для двусторонних отношений остается тот факт, что Россия выступила в роли одной из стран-гарантов в урегулировании межтаджикского конфликта. Долгожданное «Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» между правительством РТ и Объединенной таджикской оппозицией был подписан 27 июня 1997 г. именно в Москве[10].

Официальные дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистаном были установлены за пять лет до этого, в апреле 1992 г. Они скреплены стратегическим партнерством, носят союзнический, взаимовыгодный характер[11] и регулируются двусторонними таджикско-российскими и многосторонними документами в рамках евразийских интеграционных организаций, в числе которых СНГ, ОДКБ, ШОС.

Между двумя странами заключено около 300 различных договоров и соглашений, в ряду которых наиболее значимыми являются «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»[12], заключенный в 1993 г., и «Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век», подписанный в 1999 г. В них отражены основные принципы партнерских, союзнических отношений и интенсивного углубления взаимодействия стран во всех областях.

Россия и Таджикистан и в советское время имели тесные экономические связи. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. экономика Таджикистана практически на 80% была привязана к экономике России. Из центральных районов РСФСР в Таджикскую ССР поступали различные машины, приборы, оборудование для промышленных предприятий, электростанций, металлоизделия, черные металлы, химическое волокно и т. д. С Урала привозили металлические трубы и черные металлы, из Сибири и Дальнего

Востока – кокс, лесоматериалы, оборудование, рыбу и рыбопродукты. «В общесоюзном разделении труда Таджикистан специализировался на производстве хлопка-волокна, алюминия, руд и концентратов цветных металлов, узлов и деталей машиностроения и металлообработки, строительстве гидроузлов, некоторых видов продукции текстильной, легкой, пищевой и химической промышленности. Промышленная индустрия Таджикистана работала, в основном, на привозном сырье и изготовленном в других республиках оборудовании»[13].

Следует отметить, что в социально-экономическом отношении союзные республики Средней Азии и, в частности, Таджикская ССР в значительной степени зависели от финансовой, технической и другой помощи более развитых союзных республик. Дотируемая часть бюджета в 1989–1990 гг. составляла 18,7% ВВП республики. За эти годы союзные дотации выросли с 1,5% ВВП в 1980 г. до 23,3% ВВП в 1991 г.[14] Средний уровень жизни более 30% населения республики в 1989 г. обеспечивался за счет других республик[15]. Несмотря на видимые индустриальные и аграрные успехи, экономика республики имела одностороннюю монокультурную направленность, что негативно отражалось на развитии других отраслей. Поэтому разрыв экономических отношений после распада СССР оказался весьма болезненным для Таджикистана. «Он лишил республику доступных транспортных и коммуникационных путей, многократное удорожание привозного сырья, агрегатов и оборудования, в сочетании с высокими таможенными тарифами усилило экономические проблемы»[16].

Экономическое взаимодействие

В 1990-е гг., в период распада единого экономического пространства СССР и из-за разрушительного межтаджикского конфликта, экономика Таджикистана оказалась в весьма затруднительном положении. Произошел массовый отток высококвалифицированных специалистов и, как следствие, остановка большинства промышленных предприятий. Наблюдалось сокращение объема реального ВВП: так, с 1991 г. по 1996 г. он снизился почти на 68%. В 1994 г. объем промышленного производства составил 41,9%[17]. Производственные мощности немногих оставшихся и действующих предприятий, использовались только на 6–12%.

В этот период значительно сократился товарооборот с ближайшими соседями Таджикистана. Произошло это в силу политической напряженности и пограничных претензий, падения экономических мощностей в странах региона. Структура и интенсивность

внешней торговли республики, региональные торговые связи изменились под влиянием многих факторов, в частности, географического (тупикового) положения и соответственно удаленности от главных торговых магистралей, транзитной зависимости, территориальных разногласий с соседями и др. При этом, происходило расширение торгово-экономических отношений со странами так называемого «дальнего зарубежья».

Экономическая трансформация стала возможной после окончания гражданской войны в 1997 г. Именно в это время экономика начала постепенный рост и с 1997 до 2008 г. росла в пределах от 4 до 6% в год. Как отмечает М.Б. Олкотт: «Большая часть позитивных изменений в экономике Таджикистана – это результат восстановления страны после последовавшей за распадом СССР глубокой рецессии 90-х годов, а также благоприятной обстановки на рынке товаров массового потребления, значительного роста объема переводимых трудовыми мигрантами денежных средств и постоянного вливания извне в виде финансовой и технической помощи различных международных финансовых институтов»[18].

Основным периодом восстановительного роста стали 2000–2008 гг. за счет стабилизации внутриполитической ситуации, увеличения инвестиций, донорской помощи, высоких цен на мировых рынках на основные экспортные товары (хлопок и алюминий). На эти же годы пришелся пик денежных переводов. Хотя полного восстановления достичь не удалось, тем не менее начал расти внутренний спрос на товары и услуги, особенно на продовольствие и сельскохозяйственную продукцию. В целом, после сильного спада, за 2000–2009 гг. индекс реального ВВП страны вырос на 18%, но оставался все-таки более низким, чем у большинства постсоветских стран.

Таким образом, несмотря на различные трудности, экономика продолжала развиваться и даже показывала рост ВВП, который в 2010–2020 гг. составил в среднем 7–8%. В первую очередь, этот рост был обусловлен потреблением домохозяйств, связанным с денежными переводами трудовых мигрантов. В 2022 г. объем ВВП Таджикистана вырос на 8% за счет изменения баланса на рынке труда после завершения пандемии коронавируса, восстановления трудовой миграции и денежных переводов. В 2024 г., по данным Всемирного Банка (ВБ), объем денежных переводов достиг 45% ВВП страны, что превысило объем иностранных инвестиций и официальной помощи[19]. Переводы до сих пор обеспечивают внутренний спрос домашних хозяйств Таджикистана, особенно в сельской местности, причем основными потребляемыми товарами являются импортные. Несмотря на провозглашенный переход к индустриально-аграрной экономике, страна всё еще сильно зависит от ввозимых

товаров. Трансферы денег от трудовых мигрантов стали значительным стимулом роста быстро набирающей обороты сферы услуг, а также индивидуального строительства, способствовали они и открытию малого бизнеса, и сокращению бедности.

При этом национальные статистические данные показывали более оптимистичную динамику по ВВП, в отличие от анализа Евразийского Банка развития (ЕАБР) и ВБ. В 2023 г., по национальным статистическим данным, рост составил 8,3%, тогда как данные ВБ за тот же период не превышали 6,5%. В 2024 г. ВВП страны вырос на 8,4%, важную роль в этом продолжали играть денежные переводы. Также рост ВВП обеспечивали металлургия, энергетика, текстильная и пищевая отрасли. Важную роль сыграла и инвестиционная активность, в том числе, в рамках реализации государственных программ по развитию экономики.

Современные российско-таджикские отношения продолжают носить тесный и взаимовыгодный характер. Россия наряду с Китаем являются главными торговыми партнерами Таджикистана. Но взаимодействие двух стран гораздо шире. РФ и РТ сотрудничают в сельскохозяйственной сфере, строительстве, изготовлении пассажирских транспортных средств, разведке и добыче полезных ископаемых, развитии предприятий по выпуску современных машин и агрегатов.

С 2017 по 2022 г. взаимный товарооборот вырос более чем на 75%[20]. С 2021 г. Россия занимает первое место среди внешнеторговых партнеров Таджикистана. В 2022 г. торговля двух стран достигла 1,2 млрд долл. Для сравнения: на втором месте и третьем месте оказались Казахстан и Китай, товарооборот с которыми составил, соответственно, 1 млрд долл. и 965 млн. долл. В 2024 г. товарооборот России с Таджикистаном увеличился почти до 2 млрд долл., она сохранила за собой первое место среди торговых партнеров Таджикистана.

Вместе с тем, экономика РТ по-прежнему характеризуется высокой зависимостью от иностранных инвестиций, в частности, из России, Китая, Турции, ЕС, ближневосточных и многих других стран, а также международных финансовых организаций. В последние годы правительство республики работало над улучшением инвестиционного климата. Были снижены налоги и приняты таможенные льготы, что активизировало деятельность иностранных инвесторов. В 2024 г. иностранные инвестиции увеличились до 4,9 млрд долл.[21] Причем, приток инвестиций наблюдается не только в традиционных инвестиционных проектах – добывающей отрасли и энергетике, но и в горнорудной промышленности, секторе телекоммуникаций, строительстве, финансовой сфере, обрабатывающей промышленности[22].

По объему инвестиций в Таджикистан Россия находится на втором после Китая месте. Динамика притока российских инвестиций достигала пика больше 1 млн долл. в 2013 и в 2017 гг., но в среднем общий объем всех иностранных инвестиций находился на уровне от 4 до 5 млрд. долл. Экономические связи подкрепляются работой межправительственной российско-таджикской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. С таджикской стороны ее возглавляет премьер-министр Республики Таджикистан К. Расулзода, с российской – заместитель председателя Правительства Российской Федерации А.Л. Оверчук. А в 2022 г. для тесного сотрудничества представителей бизнеса обеих стран был создан российско-таджикский Деловой совет, что способствовало активизации разноформатной работы российских и таджикских бизнесменов, в том числе, в рамках программы государственно-частного партнерства двух стран.

По разным оценкам, к 2024 г. общий объем накопленных российских инвестиций в экономику РТ составил 1,9 млрд долл. Россия является лидером по этому показателю. С помощью российских компаний в республике производится разведка полезных ископаемых, строятся новые промышленные предприятия, социальные объекты. Так, пущенная в 2009 г. Сангтудинская ГЭС-1 была «построена на средства Российской Федерации и российских энергетических компаний в рамках стратегического сотрудничества в Таджикистаном в области электроэнергии. Инвестиции России в строительство ГЭС составили более 16 млрд долл.[23] В строительство пяти «российских школ», которые были открыты в 2022 г., Россия вложила 150 млн долл. Внутреннее оснащение этих школ оборудованием и учебниками также было осуществлено с помощью РФ. Поддержка России заметна также в возведении объектов инфраструктуры, работе компаний мобильной связи – Билайн Таджикистан «Zet-Mobile», ЗАО «ТТ-Мобайл» (МегаФон Таджикистан)»[24]. И все же основные российские инвестиции в значительной степени сосредоточены в сырьевом секторе и в добывающих отраслях.

За весь период инвестиционного взаимодействия российские вложения составили 1,9 млрд долл., или 17% от общего объема иностранных инвестиций, «тогда как КНР только за 15 лет инвестировал около 30% от всех инвестиций (11 млрд долл.), другими инвесторами стали Великобритания, США, Казахстан, Швейцария».

Пик российских инвестиций пришелся на 2000-е гг., затем, как было сказано выше, в силу разных объективных и субъективных причин российский бизнес постепенно уходил из Таджикистана. Для стимулирования инвестиционного процесса обе стороны предприняли значительные усилия. Таджикские власти работали над улучшением и прозрачностью инвестиционного климата,

приняли ряд мер по улучшению условий для потенциальных инвесторов. Российские инвесторы рассматривали новые отрасли и изучали возможности создания совместных предприятий, что представляется весьма важным в контексте усиления антироссийских санкций и поворота России с Запада на Восток.

На протяжении постсоветского периода отношения России и Таджикистана развивались достаточно ровно, несмотря на некоторые проблемы и противоречия, которые решались и решаются в рабочем порядке, в том числе, благодаря тесным личным контактам президентов обеих стран.

И руководство, и население РФ и РТ настроены на сохранение стабильно хороших отношений. Россия в современных геополитических условиях продолжает диверсифицировать экономические связи, в том числе за счет своих дружественных партнеров в Центральной Азии. Таджикистан заинтересован в притоке инвестиций, миграционном обмене, обеспечении безопасности, что весьма важно с учетом близости Афганистана. Обмен оперативной информацией в борьбе с транснациональной преступностью, экстремизмом, терроризмом, наркотрафиком, совместное проведение спецопераций на территории евразийского пространства, тесное взаимодействие в ШОС помогает укреплять российско-таджикские двусторонние отношения.

Военно-политическое взаимодействие и обеспечение региональной безопасности

Вместе с тем Таджикистану приходится очень аккуратно выстраивать внутрирегиональные отношения, так как экономически он сильно зависит от своих соседей. А продолжающееся влияние дестабилизирующих факторов терроризма, экстремизма, распространения наркотиков подталкивает страну к поиску новых партнеров по обеспечению своей безопасности.

Терроризм находит благодатную почву внутри обществ, находящихся в переходном, трансформационном состоянии. Дисгармоничное развитие социальной, политической, культурной жизни приводит к появлению не только отдельных проявлений терроризма и экстремизма, но все чаще стимулирует непосредственно активные действия – теракты. Социальные изменения показывают выраженную поляризацию населения не только по этническим, но, как мне кажется, даже в большей степени социальным признакам. Вследствие этого участниками террористических действий становятся маргинальные, неактивные, «ведомые» люди, резкое расслоение общества на бедных и богатых также провоцирует агрессию и создает почву для терроризма.

Нетерпимость экстремистов к другим этносам, людям, придерживающимся иных политических, правовых, экономических, моральных, религиозных правил, ярче всего проявляется именно у молодых. Молодежный экстремизм связан с низкими адаптационными возможностями, склонностью к принятию резких, необдуманных решений, нестабильностью социальных установок, негативному внешнему влиянию, характерному для молодых людей, в совокупности с низкими возможностями так называемых «социальных лифтов».

Национальный (этнический), политический и религиозный экстремизм все еще проявляется как в российском, так и в таджикском обществе несмотря на то, что обе страны прилагают усилия по борьбе с такими явлениями. В рамках ООН и на межгосударственном уровне они активно сотрудничают с международным сообществом. Подписан ряд правовых документов и межгосударственных соглашений с Китаем, центральноазиатскими странами, США и ЕС. Внутри страны руководствуются принятыми Стратегиями противодействия экстремизму и терроризму. В Таджикистане она была принята в 2016 г. и продлена на 2021–2025 гг., в России – принята в 2020 г. и действует до 2025 г.

Решение проблемы связано не только с политическими и религиозными взглядами населения, но в первую очередь с социально-экономическим положением населения и, соответственно, с его уровнем жизни. Поэтому для России и Таджикистана крайне важным остается решение внутренних проблем: экономического и технологического отставания, коррупции, снижения социальной напряженности, адаптации трудовых мигрантов, доступности образования для молодежи, повышения возможностей ее социального роста и т. д.

Имеющиеся у стран образовательные обмены, гуманитарные проекты, общественное взаимопритяжение населения двух стран – все это может постепенно потерять интенсивность, если будет по-прежнему основано только на памяти прошлых поколений, выросших в Советском Союзе, дружелюбном отношении пожилого российского поколения к трудовым мигрантам и таджикского пожилого населения ко всему российскому, русскому, советскому. А вот российская молодежь, уже не так однозначно положительно относится к приезду мигрантов; в свою очередь, среди таджикской молодежи встречается негативный настрой по отношении к России. На это влияют как объективные, так и субъективные факторы. И немалую роль, если не сказать определяющую, здесь играет воздействие «мягкой силы» западных и исламских стран. Поэтому роль России в регионе как некоего связующего элемента, медиатора конфликтных ситуаций, приграничных и водных конфликтов сохраняет свою значимость.

Торгово-инвестиционное сотрудничество

РФ и РТ весьма успешно сотрудничают в разных региональных организациях на евразийском пространстве. «Тесные внешнеторговые отношения с Россией, которая стала лидером этих интеграционных объединениях, позволяют Таджикистану существовать в жесткой конкурентной борьбе на евразийском рынке и мировом экономическом пространстве»[25].

Особенности структурной трансформации национальной экономики повлияли на выбор партнеров и инвесторов. Как отмечалось выше, если в 1990-е гг. Россия была главным политическим партнером Таджикистана, то в середине 2000-х гг. Россия стала постепенно возвращаться и в экономическое «поле» Таджикистана, который поставил перед собой стратегическую задачу по выводу республики из транспортной изоляции. Для этого были нужны не только административные, но и финансовые ресурсы. Россия инвестировала в различные экономические проекты республики.

При этом основным инвестором Таджикистана остается Китай. Особенно это касается создания единой транспортной сети республики. Несмотря на то, что Таджикистан не был включен в транспортные проекты китайской инициативы «Один пояс один путь», КНР здесь активно восстанавливает и строит новые дороги, тоннели, мосты, соединяя республику с международными транспортными коридорами. Наиболее динамичными сферами экономики в Таджикистане становятся транспорт и связь. За период 2000–2014 гг. она выросла с 4,8 до 9,1%[26]. В 2023 г. только доля транспорта в номинальном ВВП страны составила 8,4%[27].

В результате строительства мостов, круглогодичных тоннелей и развития соответствующей дорожной сети Таджикистан постепенно превращается в один из транспортных коридоров регионального значения, связывающий Китай и Афганистан со странами Центральной Азии. Но трудности, связанные с предоставлением логистических услуг, все еще мешают Таджикистану занять хорошие позиции в Международном рейтинге перевозок и Индексе эффективности логистики[28]. Однако ситуация постепенно улучшается. В 2023 г. он занял 97 место из 139 стран[29], тогда как, например, в 2018 г. находился на 134-м месте из 160 стран[30].

Благодаря иностранному содействию удалось соединить высоковольтными линиями электропередач энергосистемы севера и юга страны[31]. Помимо реконструкции и строительства новых автомобильных дорог, для улучшения транзитного положения в последние годы Таджикистан особое внимание обращает на развитие сети железных дорог.

В современных геополитических условиях сотрудничество с Таджикистаном имеет большое значение для России. Есть несколько направлений, которые могли бы способствовать взаимовыгодному сотрудничеству. В политике это обеспечение безопасности. Военно-политическое сотрудничество с Россией является главной составляющей безопасности Таджикистана, подтверждением этому служит находящаяся на территории республики самая крупная российская военная база. В военной области РФ пока остается основным партнером республики, при этом, конечно, нельзя не отметить растущую активность западных стран на этом направлении.

Главные экономические задачи, которые стоят перед Таджикистаном в ближайшие годы, связаны с сохранением устойчивости национальной финансовой системы, завершением создания национальной энергетики, расширением межрегиональных экономических связей, увеличением экспортной базы за счет компаний с высокой степенью обработки (швейная, пищевая отрасли, производство строительных материалов). Кроме того, для повышения доходов села, необходимо расширение экспорта продукции растениеводства.

Россия с ее большим потребительским рынком, который лишился европейской продукции, может стать крупным импортером таджикской продукции. Уже есть примеры удачного взаимодействия отдельных субъектов федерации с таджикскими производителями. Отметим, что для всех этих производств нужны внешние рынки, которые удобнее формировать в рамках, например, ЕАЭС, расширяя сотрудничество с другими странами-членами этого объединения. Постепенная интеграция в ЕАЭС могла бы сочетаться с наращиванием сотрудничества по другим внешнеэкономическим векторам, прежде всего региональным. Именно в Таджикистане могут хорошо сочетаться проекты ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

Следует продолжать динамичное сотрудничество по диверсификации структуры таджикской и российской экономики в современных условиях. Развитие новых технологий, могло бы стать драйвером более тесного взаимодействия двух стран. Можно создать производства полного цикла, а также заниматься выпуском экологической сельхозпродукции для дальнейшего экспорта в Россию.

Возможные сценарии

Таким образом, можно предположить, что перспективы развития межгосударственных отношений России и Таджикистана имеют несколько возможных сценариев развития. Будущее двустороннего взаимодействия зависит от решения вопросов, касающихся

– взаимодействия элит;
– экономической ситуации в обеих странах;
– трудовой миграции;
– обеспечения безопасности;
– отношений с соседями;
– отношений с Китаем.

Оптимистичный сценарий предполагает, что все эти вопросы будут решены положительно. И, несмотря на прогнозируемый в ближайший период транзит власти в Таджикистане от действующего президента к его сыну, отношения между российскими и таджикскими элитами не изменятся. К транзиту власти в РТ подготовка идет давно. Оппозиционных сил, способных помешать переходу власти от Эмомали Рахмона к Рустаму Эмомали, практически нет. При этом скорее всего не следует ожидать резкой смены внешней политики страны, при подобном транзите власти будет продолжен курс на «многовекторность» и политику «открытых дверей». Торговое и экономическое сотрудничество будет только нарастать, ужесточение российского миграционного законодательства будет прозрачным и объективным. Таджикские трудовые мигранты в России займут свою легальную нишу. Обеспечение безопасности будет гарантировано, в том числе, посредством членства обеих стран в ОДКБ. Буду решены все пограничные, территориальные и водные споры с региональными соседями. Китай же останется только инвестором и гарантом экономической безопасности.

Пессимистичный сценарий может выражаться в изменении отношений двух стран. Внутриполитическая ситуация обострится в случае возвращения большого количества мигрантов из России, где еще больше ужесточат миграционное законодательство. Это приведет к увеличению нагрузки на и без того слабую экономику РТ. При современном уровне коррупции и доминировании в бизнесе и власти представителей многочисленной семьи действующего президента создаст дополнительные факторы, способные дестабилизировать ситуацию в стране. Вместе с тем «прививка» гражданской войной пока действует и периодически появляющееся недовольство в обществе не приводит к сильным и успешным протестам.

Реалистичный сценарий

Изменение геополитической ситуации в 2022 г. не нанесло существенного ущерба экономике РТ. С одной стороны, обострение отношений РФ и стран Запада, введение антироссийских санкций оказали даже положительный эффект. После ухода западных сельхозпроизводителей с российского рынка выросли поставки

овощей, фруктов, сухофруктов, напитков и питьевой воды, хлопка и хлопчатобумажной пряжи из Таджикистана. Ключевыми потребителями таджикской продукции стали Москва и Санкт-Петербург, Ивановская, Московская, Свердловская, Тульская области и Алтайский край. В то же время, появились риски применения вторичных санкций, особенно в финансовой сфере, которая сильно долларизирована. В связи с этим банки Таджикистана не поддерживают российскую платежную систему «Мир», исполняют западные ограничения на использование россиянами карт *Visa* и *Master Card*. Таджикистан в силу географического положения практически не участвует в реэкспорте европейских товаров в РФ.

Также РТ открыто не поддерживает позицию России по Украине, но и не выступает однозначно против нее. Налогово-бюджетная сфера поддерживается за счет внешних грантов. Несмотря на достаточно высокие макроэкономические показатели, республика находится в весьма уязвимом положении. Преимущества экономического роста пока не привели к снижению безработицы и увеличению уровня жизни населения. И страна все еще демонстрирует высокую зависимость от денежных переводов трудовых мигрантов. Кроме того, Таджикистан продолжает оставаться под экономическим влиянием России и Китая.

При этом следует отметить возрастающий интерес к республике со стороны ЕС и США, которые предлагают кредиты и гранты в обмен на ужесточение позиции по отношению к России. Свою заинтересованность в сотрудничестве с Таджикистаном демонстрируют Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ, Япония, Южная Корея. Потенциальных инвесторов привлекают значительные запасы разнообразных природных ресурсов (золото, серебро, сурьма, ртуть, литий и др.), дешевая электроэнергия, большой человеческий потенциал и, соответственно, рабочая сила.

Заключение

В современных условиях сотрудничество России с Таджикистаном имеет большое значение. Проблемных зон в отношениях двух стран не так много и практически все они решаемы в рабочем порядке. Имеющееся тесное политическое и военное взаимодействие двух стран является мощным стимулом для экономического роста. Россия с ее большим потребительским рынком, который лишился европейской продукции, постепенно (хотя пока и ограниченно) становится импортером таджикской продукции. Создаются российско-таджикские совместные предприятия, для которых нужны внешние рынки, которые удобнее

формировать в рамках, например, ЕАЭС, расширяя сотрудничество с другими странами, что будет способствовать наращиванию сотрудничества по региональным внешнеэкономическим векторам.

Исходя из тенденций современного развития, интересы и России, и Таджикистана состоят в обеспечении безопасности в регионе и в его политической стабильности. Таджикистану важно достижение экономического роста за счет использования механизмов совместной добычи и переработки богатых минерально-сырьевых ресурсов республики, особенно водных и гидроэнергетических. Обе страны заинтересованы в формировании эффективного функционирования слаженной системы, взаимодополняющих друг друга элементов экономической безопасности.

Россия и Таджикистан стремятся к обеспечению военно-политической стабильности за счет взаимодействия коллективных миротворческих сил, прогнозирования событий в потенциально взрывоопасных регионах.

Регулирование миграционных потоков легальной и нелегальной трудовой миграции из Таджикистана в Россию, принятие Соглашений и Договоров, работа над повышением повышение профессиональной подготовки трудовых мигрантов постоянно находятся в центре внимания двух стран.

Информация об авторе

Зарина А. Дадабаева, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *zarina.17.06@list.ru*

Information of the author

Zarina A. Dadabaeva, Dr. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *zarina.17.06@list.ru*

Примечания

[1] Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 11.

[2] *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 105.

[3] *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии: международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009. С. 61.

[4] *Звягельская И.Д.* Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009. 208 с.; Малышева Д.Б. Перспективы Центральной Азии // Свободная мысль. 2014. № 5 (1647). С. 101–112; *Ионова Е.А.* Таджикистан в орбите интересов Китая и России // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 107–120; *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. 382 с.; *Боришполец К.П.* Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества // Аналитические записки Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2007. № 9. С. 3–22; *Лузянин С.Г.* ШОС: Проблемы безопасности и перспективы сотрудничества в Евразии // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 11–16; *Притчин С.А.* Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76–92.

[5] *Кошлаков Г.В., Майтдинова Г.М., Тураева М.О.* Экономические интересы России в Таджикистане: риски и возможности. Душанбе, 2009. 331 с.; *Олимова С.К., Олимов М.А.* Государственная политика Республики Таджикистан в сфере миграции: прошлое и настоящее // Таджикистан и современный мир. 2024. № 4 (88). С. 274–297; *Мамадазимов А.М.* Новый Таджикистан. Вопросы становления суверенитета. Душанбе, 1996. 172 с.; *Искандаров К.И., Сафранчук И.А.* Программа Центральноазиатского регионального сотрудничества (ЦАРЭС) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1 (66). С. 175–184; *Алимов Б.Х.* Стратегия развития межгосударственных отношений Республики Таджикистан и Российской Федерации в начале XXI века // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 2. С. 261–268; *Саидов З.Ш.* Внешняя политика Республики Таджикистан на современном этапе (1991–2017 гг.): Учебное пособие. Душанбе, 2006. 142 с.

[6] Декларация о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики от 24 августа 1990 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39471738#pos=24;-60 (дата обращения: 08.10.2025).

[7] Заявление о государственной независимости Республики Таджикистан. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/tadgikistan(1).pdf (дата обращения: 08.10.2025).

[8] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 08.10.2025).

[9] Там же.

[10] Таджикистан. Миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций в Таджикистане (МНООНТ). URL: https://www.un.org/ru/events/missions/past/unmotagr.htm (дата обращения: 08.10.2025).

[11] Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век. URL: https://docs.cntd.ru/document/901742096 (дата обращения: 08.10.2025).

[12] Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902068 (дата обращения: 08.10.2025).

[13] *Дадабаева З.А.* Взаимоотношения России и Таджикистана: потенциал и пределы сотрудничества // Азиатский вектор интеграции на постсоветском пространстве. Информационно-аналитический бюллетень. Центр проблем интеграции Института экономики Российской академии наук. 2006. № 3 (7). С. 81.

[14] *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001. С. 55.

[15] Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998. С. 277.

[16] *Дадабаева З.А.* Указ. соч. С. 81.

[17] *Дадабаева З.А.* Таджикистан // Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия / Отв. ред Л.Б. Вардомский, Е.М. Кузьмина. М., 2012. С. 289–296.

[18] *Олкотт М.Б.* Таджикистан: Трудный путь развития. М., 2014. С. 95.

[19] Шамсуддинов М. Какую роль играют денежные переводы мигрантов в развитии современного Таджикистана? URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250616/kakuyu-rol-igrayut-denezhnie-perevodi-migrantov-v-razvitii-sovremennogo-tadzhikistana (дата обращения: 08.10.2025).

[20] Межгосударственные отношения России и Таджикистана. URL: https://ria.ru/20220628/otnosheniya-1798439541.html (дата обращения: 11.06.2025).

[21] *Аслонова Н.* Таджикистан привлек $ 4,9 млрд иностранных инвестиций в 2024 году. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250117/tadzhikistan-privlek-49-mlrd-inostrannih-investitsii-v-2024-godu (дата обращения: 18.06. 2025)

[22] Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан URL: https://www.egov.tj/site/rushdiiktisod/press/article/details/262?directionId=_46&lang=ru (дата обращения: 09.10.2025).

[23] Сангтудинская ГЭС-1. О компании. URL: https://sangtuda.com/ru/about-us/inf (дата обращения: 11.06.2025).

[24] *Дадабаева З.А.* Векторы внешней политики Таджикистана в новых условиях, риски и возможности // Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / Под ред. К.П. Курылева. М., 2024. С. 277

[25] Там же.

[26] Номинальный ВВП по отраслям происхождения за 2000–2014 гг. URL: https://www.stat.tj/ru/analiticheskie-tabliczy/ (дата обращения: 09.10.2025).

[27] Азим Иброхим: «При полной цифровизации доля транспорта в ВВП страны вырастет еще больше». URL: https://www.mintrans.tj/news-page/details/492 (дата обращения: 12.06.2025).

[28] Индекс эффективности логистики. URL: https://lpi.worldbank.org/international/global (дата обращения: 08.10.2025).

[29] Индекс эффективности логистики. URL: https://lpi.worldbank.org/international/global2023 (дата обращения: 08.10.2025).

[30] Индекс эффективности логистики. URL: https://lpi.worldbank.org/2018 (дата обращения: 08.10.2025).

[31] Отчет о внешней помощи 2014. Государственный комитет по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан. Душанбе, 2014. С. 7.

К вопросу о таджикско-российских отношениях

Рустам Дж. Хайдарзода

Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, rustamhaydarov.tjk@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-4629-1540

Шахноза Мансурова

Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, shmsn2000@bk.ru
ORCID ID: 0009-0004-5491-9933

Аннотация. Статья посвящена анализу российско-таджикистанских отношений с акцентом на исторический контекст, современную политическую мысль Таджикистана, ключевые направления сотрудничества и существующие вызовы. В исследовании также показана эволюция взаимоотношений таджиков и русских в различные периоды истории.

Исследование подчёркивает стратегическое значение двустороннего взаимодействия в таких сферах, как экономика, безопасность и культура. С учетом быстроменяющейся геополитической обстановки в мире в статье сделана попытка проанализировать наиболее важные направления двустороннего сотрудничества.

Особое внимание уделено роли России в развитии энергетического сектора Таджикистана, обеспечении региональной безопасности и сохранении культурных связей. Рассматриваются вопросы трудовой миграции, её влияние на экономику и социальные аспекты. В работе проанализированы взгляды таджикских политиков, учёных и общественности на роль России как ключевого партнёра. Статья предлагает перспективы дальнейшего сотрудничества, включая расширение экономических проектов, развитие культурного обмена и совместное решение вопросов безопасности. По мнению авторов, Таджикистану и России необходимо постоянно вести диалог, где стороны могли услышать друг друга и совместно вырабатывать решения для устранения существующих проблем в двухсторонних отношениях.

Ключевые слова: российско-таджикистанские отношения, трудовая миграция, безопасность, культурное сотрудничество, таджикская политическая мысль, экономика, региональная стабильность

© Хайдарзода Р. Дж., Мансурова Ш. 2025

On the question of Tajikistan-Russian Relations

Rustam J. Haidarzoda
Institute for the Study of Problems of Asian and European States of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, rustamhaydarov.tjk@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-4629-1540

Shahnoza Mansurova
Institute for the Study of Problems of Asian and European States of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, shmsn2000@bk.ru
ORCID ID: 0009-0004-5491-9933

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian-Tajik relations with an emphasis on the historical context, modern political thought in Tajikistan, key areas of cooperation and existing challenges. The study also shows the evolution of relations between Tajiks and Russians in different periods of history.

The study emphasizes the strategic importance of bilateral cooperation in such areas as economy, security and culture. Taking into account the rapidly changing geopolitical situation in the world, the article attempts to analyze the most important areas of bilateral cooperation

Particular attention is paid to the role of Russia in the development of the energy sector of Tajikistan, ensuring regional security and maintaining cultural ties. Issues of labor migration, its impact on the economy and social aspects are considered. The work analyzes the views of Tajik politicians, scientists and the public on the role of Russia as a key partner. The article offers prospects for further cooperation, including the expansion of economic projects, the development of cultural exchange and joint resolution of security issues. According to the authors, Tajikistan and Russia need to constantly engage in dialogue, where the parties can hear each other and jointly develop solutions to eliminate existing problems in bilateral relations.

Keywords: Russia-Tajikistan relations, labor migration, security, cultural cooperation, Tajik political thought, economy, regional stability

Российско-таджикистанские отношения всегда занимали особую нишу среди внешнеполитических связей России со странами Центральной Азии. Сложная геополитическая ситуация, тесные исторические связи и взаимозависимость в различных сферах – от экономики до безопасности – делают их важным объектом изучения.

Современные реалии международной политики, включая конкуренцию между крупнейшими державами и поиск новых стратегических союзников, придают дополнительную значимость исследованию роли России в Центральной Азии[1]. На этом фоне изучение того, как Россия воспринимается в политической мысли Таджикистана, открывает новые возможности для понимания механизма формирования внешнеполитических приоритетов этой страны.

Таджикистан занимает ключевое место в политическом и экономическом пространстве Центральной Азии, особенно благодаря своему участию в таких структурах, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В этих форматах Россия выступает как главный партнер, влияющий на стратегию и политику Таджикистана. Однако роль России не ограничивается только институциональными рамками. Таджикская политическая элита и общественные деятели постоянно формируют свой взгляд на Россию через призму исторического прошлого, текущих вызовов и будущих перспектив.

На протяжении последних десятилетий, начиная с момента распада Советского Союза, Россия и Таджикистан сумели создать платформу для взаимовыгодного сотрудничества.

Историческое взаимодействие между Россией и территориями, которые сегодня входят в состав Таджикистана, имеет долгую и многогранную историю. Оно начинается с периода расширения Российской империи в Центральной Азии, проходит через советский этап глубокой интеграции и трансформации и продолжается в постсоветскую эпоху, характеризующуюся установлением новых форм партнерства. Понимание этого исторического контекста позволяет выявить фундаментальные факторы, влияющие на современное состояние и перспективы двустороннего сотрудничества.

Знакомство таджикских земель с Россией началось в конце XIX века, когда Российская империя активно расширяла своё влияние в Центральной Азии. К этому времени территория Таджикистана входила в состав Бухарского эмирата, который после ряда военных экспедиций стал протекторатом России в 1868 г.[2]

Политическое подчинение не сразу переросло в глубокую интеграцию. Российское влияние ограничивалось военной защитой и сбором налогов, а административная система Бухары сохраняла свою автономность. Тем не менее, через российское присутствие начали проникать новые элементы, такие как инфраструктурные проекты, торговля и образовательные инициативы. Например, строительство дорог и базовых административных учреждений стало одним из первых шагов в формировании устойчивого взаимодействия между двумя культурами.

В то же время таджикское общество оставалось в значительной степени традиционным, основанным на местных укладах и исламских ценностях. Однако именно этот период заложил основы будущих процессов модернизации, инициированных уже в советское время.

Советский период стал ключевым этапом формирования современного Таджикистана. После революции 1917 г. и гражданской войны новые советские власти начали реформирование региона. Первоначально таджикские земли получили статус автономии в составе Узбекской ССР (1924 г.), а к 1929 г. Таджикская АССР стала союзной республикой, что ознаменовало переход к более самостоятельному развитию в рамках советской системы[3].

Советский период был временем стремительной трансформации. Это отразилось в следующих процессах:

1. Индустриализация и модернизация. Под руководством Москвы в Таджикистане начали строиться предприятия, особенно в сфере переработки хлопка и горнодобывающей промышленности. Были реализованы масштабные ирригационные проекты, что способствовало развитию сельского хозяйства.

2. Социальные изменения. Советская власть внедрила обязательное образование и здравоохранение. Уровень грамотности среди таджиков значительно вырос, а также появились первые национальные университеты и научные институты.

3. Культурное обновление. Через популяризацию русского языка и советской идеологии таджикское общество получило доступ к новым формам самовыражения, включая литературу, кино и искусство[4].

При этом советская политика не обходилась без противоречий. Программы коллективизации и атеизма вызывали сопротивление в сельских районах, где традиционный уклад жизни оставался сильным. Однако для многих таджиков именно советская эпоха стала временем выхода на новый уровень в экономическом, социальном и культурном развитии.

Распад Советского Союза в 1991 г. привёл к глубоким изменениям в российско-таджикистанских отношениях. На фоне глобального перехода к новой геополитической реальности Таджикистан столкнулся с необходимостью выстраивать самостоятельную внешнеполитическую стратегию.

1990-е гг. для Таджикистана ознаменовались гражданской войной, которая нанесла серьёзный урон экономике и политической системе страны. Россия играла важную роль в поддержке таджикского руководства, что позволило добиться подписания мирного соглашения в 1997 г.

После распада СССР российско-таджикистанские отношения строились на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве.

Россия оставалась основным торговым партнёром Таджикистана, а денежные переводы от трудовых мигрантов стали ключевым источником дохода для таджикской экономики[5].

Россия активно участвовала в стабилизации региона, сохраняя свою военную базу в Таджикистане и оказывая поддержку в охране границ с Афганистаном. Эта помощь особенно важна в условиях борьбы с наркотрафиком и угрозами экстремизма.

Историческое взаимодействие России и Таджикистана оставило глубокий след в политическом сознании таджикского общества. Советский опыт стал основой для формирования современной инфраструктуры, системы образования и государственного управления.

С другой стороны, историческая зависимость от России периодически становится объектом критики в таджикской политической мысли. Некоторые эксперты и общественные деятели подчёркивают необходимость диверсификации внешних связей, особенно в условиях роста влияния Китая и Турции. Однако факт остаётся неизменным: Россия продолжает восприниматься как стратегический партнёр и гарант стабильности в регионе.

Современные взгляды таджикской политической мысли на Россию формируются под влиянием целого ряда факторов, включая исторические связи, стратегическое партнёрство и современные вызовы. Важную роль здесь играют как официальные заявления руководства страны, так и мнения ученых, экспертов и представителей общественности. Рассмотрение этих аспектов позволяет выявить ключевые направления восприятия России в политическом и общественном дискурсах Таджикистана[6].

На государственном уровне Таджикистан рассматривает Россию как важнейшего партнёра, что находит своё отражение в ключевых направлениях двустороннего взаимодействия.

Таджикистан, граничащий с нестабильным Афганистаном, остро нуждается в поддержке со стороны России. Москва оказывает существенную помощь в обеспечении региональной безопасности, что подчёркивается в заявлениях таджикского руководства. Особую роль здесь играет 201-я российская военная база, которая является крупнейшим военным объектом России за пределами её границ. Президент Эмомали Рахмон неоднократно подчёркивал, что Россия остаётся основным гарантом стабильности в регионе, особенно в условиях усиления террористической угрозы и роста наркотрафика из Афганистана. Например, в 2021 г., после вывода американских войск из Афганистана, Таджикистан совместно с Россией организовал серию военных учений, направленных на укрепление безопасности[7].

Россия также занимает важное место в экономике Таджикистана, оставаясь его главным торговым партнёром. Таджикские

власти активно поддерживают участие России в инфраструктурных проектах, включая строительство гидроэлектростанций и модернизацию транспортной системы. В частности, российские компании участвуют в реализации стратегически важного проекта Рогунской ГЭС, который должен стать основой энергетической независимости Таджикистана. В 2023 г. Россия подтвердила свои планы по увеличению инвестиций в энергетику Таджикистана, что подчёркивает взаимовыгодный характер экономического сотрудничества[8].

Россия и Таджикистан продолжают развивать двусторонние связи в образовательной и культурной сферах. Таджикское руководство уделяет большое внимание созданию условий для изучения русского языка и доступа к российскому образованию. В Душанбе успешно функционируют филиалы ведущих российских вузов, включая Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Российский университет дружбы народов. Эти инициативы укрепляют культурные и образовательные связи между двумя странами[9].

Таджикские политологи и аналитики акцентируют внимание на роли России как стратегического союзника, однако при этом подчёркивают необходимость диверсификации внешнеполитических связей страны. В научных публикациях и докладах выделяются несколько ключевых аспектов:

В таджикских экспертных кругах существует общий консенсус, что Россия играет важную роль в поддержании стабильности в Центральной Азии. Политологи, такие как Нурали Хайруллоев, отмечают, что без российского военного присутствия Таджикистану было бы значительно сложнее справляться с угрозами, исходящими из соседнего Афганистана. В своих трудах он подчёркивает, что сотрудничество с Москвой остаётся краеугольным камнем внешней политики Таджикистана.

Экономисты и политологи обращают внимание на зависимость Таджикистана от денежных переводов трудовых мигрантов, работающих в России. Эта зависимость формирует серьёзный вызов для экономики страны. По данным Всемирного банка, переводы мигрантов составляют более 30% ВВП Таджикистана. Некоторые эксперты предлагают активизировать усилия по развитию внутренних экономических ресурсов, чтобы уменьшить влияние внешних факторов, в частности российской экономики. Россия остаётся основным направлением для таджикских трудовых мигрантов[10]. Это делает её важнейшим экономическим партнёром на уровне домохозяйств, так как денежные переводы играют решающую роль в обеспечении доходов для миллионов таджикских семей. Однако социальные трудности, такие как случаи дискриминации

и проблемы с миграционными документами, создают определённые негативные настроения[11]. Например, в 2021 г. общественный резонанс и волну обсуждений в таджикских СМИ вызвали новые ограничения на трудовую миграцию в некоторых российских регионах.

Таджикские учёные отмечают двоякую природу культурного взаимодействия с Россией. С одной стороны, русский язык и образовательные программы, предоставляемые российскими вузами, способствуют интеграции таджикских студентов в международное сообщество. С другой стороны, всё чаще звучат призывы к укреплению национальной идентичности через развитие таджикского языка и культуры. Это создаёт напряжённый баланс между поддержкой русскоязычной среды и продвижением национальных ценностей[12].

«Сегодня очевиден тот факт, что и Россия, и государства Центральной Азии в духовном контексте уже не являются единым постсоветским пространством. Советское культурное и материальное наследие почти во всех странах Центральной Азии, да и всего СНГ, постепенно сокращается, забывается и исчезает. За последние десятилетия в странах Центральной Азии была проделана работа по формированию и укреплению национальной идентичности, развитию национальных языков и культуры. Были возрождены национальные традиции, обряды, праздники, которые благодаря совместным усилиям стран региона уже внесены в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Всё это позволило государствообразующим нациям в Центральной Азии по-новому взглянуть на себя, по-новому оценить свою историю и осознать значимость национального государства в современном мире. В странах Центральной Азии подрастает новое поколение, которое сформировалось на основе возрождённых национальных ценностей и традиций, завершается процесс формирования новой политической и экономической элиты, ориентированной на взаимодействие со всеми странами мирового сообщества»[13].

Российские телеканалы и интернет-ресурсы продолжают играть большую роль в формировании общественного мнения в Таджикистане. Они транслируют позитивный образ России как партнёра и защитника. Однако в последние годы, с развитием социальных сетей, таджикское общество получает доступ к более разнообразным точкам зрения, что способствует формированию более критического взгляда на роль России.

Несмотря на крепкие исторические связи и стратегический характер российско-таджикистанского взаимодействия, отношения между двумя странами не обходятся без проблем. Эти вызовы обусловлены как внутренними особенностями экономик

и обществ, так и внешними факторами, включая региональную нестабильность и влияние других стран. Для углубления сотрудничества важно не только выявить существующие проблемы, но и предложить механизмы их разрешения[14].

Политическая сфера отношений между Россией и Таджикистаном остаётся прочной, но не лишённой противоречий. Эти разногласия могут быть связаны с различиями во внешнеполитических приоритетах и влиянием третьих стран на регион.

По мнению Р.Дж. Хайдарзода, Россию и Центральную Азию связывают исторические узы. Однако сейчас меняется контекст мировой политики, и это нужно учитывать. Истории наших взаимоотношений уделяется всё меньше внимания. Нужно учитывать, что на отношения между странами Центральной Азии и России большое влияние имеют и внутриполитические, и внешнеполитические обстоятельства: антимиграционные настроения в отдельных городах и регионах России, конфликты на Ближнем Востоке и Восточной Европе, приход новой власти в США и так далее.

В странах Центральной Азии, несомненно, учитывают тот факт, что Россия, составляющая основу Евразии, в условиях прокси-войны с глобальным Западом, продолжает укреплять свои позиции в роли одного из ведущих глобальных игроков многополярного мира и в этом контексте по-прежнему заинтересована в сотрудничестве со странами нашего региона. При этом важно отметить, что страны Центральноазиатского региона ощущают повышенный интерес к себе и со стороны других глобальных и региональных игроков. Другими словами, у них есть выбор, так как многополярность предоставляет им уникальную возможность для коррекции и оптимизации внешнеполитических стратегий и выбора внешнеэкономического партнёра – и данная тенденция будет только усиливаться. В этом контексте немаловажную роль играет ряд факторов, в частности инвестиционный потенциал, политическое влияние, позиция в системе международных отношений, уровень технологического развития. Страны Центральной Азии стремятся к партнёрству с теми странами, которые могут инвестировать в развивающуюся национальную экономику и сократить технологическое отставание государств региона. Например, центральноазиатским странам необходимо в кратчайшие сроки создавать рабочие места для быстрорастущего населения, а для этого нужны инвестиции»[15].

Необходимо отметить и растущее влияние других держав, которое отражается и в политической мысли Таджикистана. В последние годы на центральноазиатском пространстве значительно усилилось влияние таких стран, как Китай, Турция и Иран. Китайские инвестиции через инициативу «Один пояс, один путь»

сделали КНР ключевым экономическим партнёром Таджикистана. Турция, со своей стороны, активно продвигает культурные и образовательные проекты, что увеличивает её мягкую силу в регионе. Например, Китай в 2021 г. предоставил Таджикистану кредиты на развитие инфраструктуры, что усилило его экономическую зависимость от Пекина. Это вызвало обеспокоенность в Москве, поскольку российская роль в экономике Таджикистана начала ослабевать. Турция, в свою очередь, продвигает культурное сближение, что вызывает определённое напряжение в области культурной политики, традиционно связанной с Россией.

«Центральная Азия является партнером России и Китая и готова совместно строить новую Евразию. Центрально-азиатскому региону в сотрудничестве с Россией и Китаем необходимо создавать новые механизмы и международные институты...»[16].

Таджикистан стремится продемонстрировать свою независимость, что иногда проявляется в действиях, не полностью согласованных с интересами России. Например, участие страны в региональных инициативах, предлагаемых Китаем или другими государствами, может вызывать в Москве неоднозначную реакцию.

Российские компании участвуют в развитии стратегических отраслей таджикской экономики, таких как гидроэнергетика и транспорт, но объём инвестиций остаётся недостаточным. Причинами этого являются экономические риски, бюрократические барьеры и ограниченные возможности российской экономики[17]. Примером такой проблемы является проект строительства новых гидроэлектростанций, который был инициирован ещё в начале 2010-х годов, но до сих пор не завершён из-за недостаточного финансирования и организационных трудностей.

Социальные и культурные аспекты отношений России и Таджикистана также сталкиваются с трудностями, которые требуют решения для поддержания взаимопонимания между странами. Трудовые мигранты из Таджикистана в России нередко сталкиваются с правовыми ограничениями и сложностями адаптации. Эти проблемы не только ухудшают положение мигрантов, но и создают напряжённость в двусторонних отношениях.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что Российско-таджикистанские отношения характеризуются сложной и многоплановой природой, корни которой уходят в историю, а основные аспекты определяются стратегическими, культурными и экономическими связями. Хотя за последние десятилетия достигнуты

значительные успехи в развитии взаимодействия, эти отношения остаются уязвимыми перед рядом вызовов, требующих пристального внимания и продуманных решений.

Для обеих стран важно продолжать укрепление двусторонних отношений, особенно в условиях глобальных и региональных вызовов. Расширение диалога, реализация новых совместных проектов и координация усилий в области безопасности станут залогом успешного взаимодействия[18].

Россия как ведущая держава в регионе должна учитывать не только стратегическое значение Таджикистана, но и его внутренние потребности, стремление к экономическому и политическому развитию. В свою очередь, Таджикистану необходимо использовать существующие партнёрские отношения для укрепления национальной экономики и социальной стабильности.

Как считает Р.Дж. Хайдарзода, «можно констатировать, что Россия и Центральная Азии по-прежнему хотят и могут развивать сотрудничество. Однако необходимо предпринять усилия по устранению проблем, которые препятствуют развитию многосторонних и дружественных отношений. Нужно создавать площадки для диалога на различных уровнях и научиться слушать и слышать друг друга. Многополярный мир – это прежде всего пространство для открытого и взаимоуважительного диалога между всеми государствами и народами»[19].

Несмотря на существующие трудности, российско-таджикистанские отношения обладают высоким потенциалом для развития. Углубление культурного обмена, продвижение совместных образовательных инициатив, а также реализация экономических и инфраструктурных проектов способны не только укрепить взаимное доверие, но и создать новый уровень сотрудничества в Центральной Азии.

Информация об авторах

Рустам Д. Хайдарзода, доктор философских наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ, Душанбе, Таджикистан; 734025, Душанбе, Таджикистан, пр. Рудаки, 33. Э-почта: *rustamhaydarov.tjk@gmail.com*

Мансурова Шахноза, Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ, Душанбе, Таджикистан; 734025, Душанбе, Таджикистан, пр. Рудаки, 33. E-mail: *shmsn2000@bk.ru*

Information about Authors

Rustam J. Haidarzoda, Dr. of Sci. (Philosophy), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries of the National Academy of Sciences, Dushanbe, Tajikistan; bld. 33, Rudaki Av., Dushanbe, Tajikistan, 734025; E-mail: *rustamhaydarov.tjk@gmail.com*

Mansurova Shahnoza, Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries of the National Academy of Sciences, Dushanbe, Tajikistan; bld.33, Rudaki Av., Dushanbe, Tajikistan, 734025; E-mail: *shmsn2000@bk.ru*

Примечания

[1] *Ахмедов Ф.И.* Политика и экономика Центральной Азии в условиях глобализации. – Душанбе: Адиб, 2019. 256 с.
[2] *Абдуллозода Х А.* История таджикской государственности. Душанбе: Ирфон, 2018. – 320 с.
[3] *Саидов Х.М.* Исторические этапы российско-таджикистанских отношений. – Душанбе: Академия наук Таджикистана, 2020. 245 с.
[4] *Петров Н.И.* Русский язык как фактор культурного сотрудничества в Центральной Азии. М.: Изд-во МГУ, 2021. 180 с.
[5] *Смирнов Д.М.* Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию: социальные и экономические аспекты. М.: Высшая школа экономики, 2021. 265 с.
[6] *Алексеев В.П.* Россия и Центральная Азия: вызовы и перспективы. М.: Наука, 2018. 290 с.
[7] *Бахромов А.Ш.* Роль России в обеспечении безопасности Таджикистана: исторический и современный аспекты. Душанбе: Маърифат, 2020. 198 с.
[8] *Иванова Е.Ю.* Экономическое сотрудничество России и стран Центральной Азии. М.: Проспект, 2020. 305 с.
[9] *Нуралиев Н.Х.* Роль русского языка в таджикской системе образования. – Душанбе: Маърифат, 2019. 176 с.
[10] *Ганиев Х.А.* Трудовая миграция из Таджикистана в Россию: социально-экономический анализ. Душанбе: Шарқи Озод, 2021. 234 с.
[11] *Исмоилов Р.М.* Влияние миграции на российско-таджикистанские отношения. – Душанбе: Дониш, 2020. 212 с.
[12] *Камолов А.И.* Политическое и культурное сотрудничество России и Таджикистана. – Душанбе: Рудаки, 2017. 198 с.
[13] *Хайдарзода Р.Дж.* Сотрудничество Центральной Азии и России: новые горизонты. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/ highlights/sotrudnichestvo-tsentralnoy-azii-i-rossii/?sphrase_id=768353 (дата обращения: 15.05.2025).
[14] *Феррейра Д.* Россия и Таджикистан: стратегия сотрудничества в условиях глобальных вызовов. Лондон: Routledge, 2020. 290 с.
[15] *Хайдарзода Р.Дж.* Сотрудничество Центральной Азии и России: новые горизонты. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/ highlights/sotrudnichestvo-tsentralnoy-azii-i-rossii/?sphrase_id=768353 (дата обращения: 15.05.2025).

[16] *Хайдаров Р.Дж.* Многовекторность государств Центральной Азии в условиях трехполярного мира: состояние и перспективы // Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: Монография / под ред.К.П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 20–28.

[17] *Мирзоев Ш.Р.* Экономическое взаимодействие России и Таджикистана: современное состояние и перспективы. Душанбе: Адиб, 2022. 310 с.

[18] *Каримов А.Б.* Региональная безопасность в Центральной Азии: роль России и Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 2021. 280 с.

[19] *Хайдарзода Р.Дж.* Сотрудничество Центральной Азии и России: новые горизонты. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/ highlights/ sotrudnichestvo-tsentralnoy-azii-i-rossii/?sphrase_id=768353 (дата обращения: 15.05.2025)

Концептуальная установка «культурной симпатии» во внешней политике Таджикистана в Большой Евразии в условиях формирования полицентричного мира

Гузель М. Майтдинова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан, guzel-maitdinova@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная установка «культурной симпатии» как ключевой элемент внешней политики Таджикистана в условиях формирования полицентричного мира и роста значимости культурной дипломатии в Большой Евразии. Автор подчеркивает, что Центральная Азия исторически была межцивилизационным узлом, где происходил активный диалог между различными культурными и духовными традициями. В статье автор утверждает, что исторический диалог заложил фундамент современной цивилизационной идентичности Центральной Азии. Внешняя политика Таджикистана, опирающаяся на концепцию «культурной симпатии», отвечает актуальным вызовам полицентричного мира и может способствовать формированию новой, более гармоничной модели межцивилизационного взаимодействия в Большой Евразии. Доктрина «культурной симпатии» позволяет Таджикистану укреплять свои позиции в полицентричном мире, делая страну узнаваемой и привлекательной в мире. В статье отмечается, что культурная дипломатия, основанная на принципах взаимного уважения и межцивилизационного диалога, позволяет Таджикистану успешно продвигать национальные интересы, укреплять международный имидж и развивать партнерские связи. Концепция «культурной симпатии» рассматривается как эффективный инструмент, способствующий устойчивому региональному развитию и реализации Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, Большая Евразия, культурная симпатия, культурная дипломатия, полицентричный мир, цивилизационное наследие, межцивилизационный диалог, внешняя политика

© Майтдинова Г.М., 2025

Conceptual installation of “cultural sympathy” in the foreign policy of Tajikistan in Greater Eurasia in the context of the formation of a polycentric world

Guzel M. Maitdinova

Russian-Tajik (Slavic) University,
Dushanbe, Tajikistan, guzel-Maitdinova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Abstract. The article considers the conceptual setting of “cultural sympathy” as a key element of Tajikistan’s foreign policy in the context of the formation of a polycentric world and the growing importance of cultural diplomacy in Greater Eurasia... The author emphasizes that Central Asia has historically been an inter-civilizational node, where there was an active dialogue between various cultural and spiritual traditions. In the article, the author argues that the historical dialogue laid the foundation for the modern civilizational identity of Central Asia. Tajikistan’s foreign policy, based on the concept of “cultural sympathy”, meets the current challenges of a polycentric world and can contribute to the formation of a new, more harmonious model of inter-civilizational interaction in Greater Eurasia. The doctrine of “cultural sympathy” allows Tajikistan to strengthen its position in a polycentric world, making the country recognizable and attractive in the world. Cultural diplomacy, based on the principles of mutual respect and inter-civilizational dialogue, allows Tajikistan to successfully promote national interests, strengthen the international image and develop partnerships. The concept of “cultural sympathy” is considered as an effective tool that contributes to sustainable regional development and the implementation of the National Development Strategy of Tajikistan until 2030.

Keywords: Central Asia, Tajikistan, Greater Eurasia, cultural sympathy, cultural diplomacy, polycentric world, civilizational heritage, intercivilizational dialogue, foreign policy

В условиях формирования полицентричного мира, как никогда, возрастает роль цивилизационного фактора. Деидеологизация международных отношений все более акцентирует внимание их участников на проблемах межцивилизационного взаимодействия. В мире, в том числе в Азиатском регионе, сформировалось понимание, что в условиях стремительных перемен необходимо новое видение мировой политики, учитывающее множественность межцивилизационных отношений, базирующееся на равноправии и равной значимости всех цивилизаций.

Современные реалии актуализируют проблему знания о том, как влияет на внешнюю и внутреннюю политику тех или иных государств цивилизационное наследие: исторические корни, традиции политической культуры, традиционное представления о пространственной политике, традиционное мировосприятие, ценности духовной культуры и т. д. В особенности важна эта проблема для новых государств Центральной Азии, которые возникли на этнической основе с четко выраженными культурными особенностями и ментальностью населяющих их народов.

В настоящее время в глобальной и региональной политике государств Центральноазиатского региона ощутимым становится усиление влияния культурной дипломатии на систему межгосударственных отношений, заметны попытки ответственных за внешнеполитическую деятельность акторов использовать методы культурной дипломатии в целях повышения привлекательности своих стран.

Центральноазиатский регион исторически представляет собой важный межцивилизационный узел. Здесь на протяжении веков взаимодействовали и влияли друг на друга различные цивилизации – эллинистическая, исламская, конфуцианская, православно-христианская и индо-буддийская. Цивилизационный диалог, осуществлявшийся в рамках Великого шелкового пути, служил мощным импульсом для развития региона, формируя основы культурного, экономического и политического взаимодействия. Именно этот исторический диалог заложил фундамент современной цивилизационной идентичности Центральной Азии.

Центральная Азия также традиционно является контактной зоной двух типов цивилизаций – оседло-земледельческой и кочевой, что определяло специфику присущих региону социально-экономических и политических моделей на протяжении всей истории. Новые независимые государства Центральной Азии, сформировавшиеся после распада Советского Союза, несмотря на различия, объединены этническими, культурными, цивилизационными и историческими связями, что предопределяет их стремление к поиску собственных, соответствующих региональной специфике, моделей внешнеполитического поведения[1].

Как было указано выше, постсоветские государства региона изначально строили свою государственность на этнической основе, что неизбежно нашло отражение во внешней политике: здесь особое внимание уделялось вопросам сохранения исторической памяти, традиционной культуры и нравственных ценностей, ставших неотъемлемыми элементами национальных интересов.

В данном контексте для Таджикистана особое значение приобрела концептуальная установка «культурной симпатии», ставшая стратегическим элементом внешнеполитической доктрины. Эта

установка предполагает использование культурных связей, исторической общности, языковых и религиозных факторов для укрепления партнерских отношений, повышения узнаваемости страны в мире и продвижения национальных интересов в условиях политического и экономического полицентризма и нарастающей глобальной конкуренции.

Таджикистан, как и другие государства региона, осознает важность сохранения собственной цивилизационной идентичности, опирающейся на устойчивые традиционные ценности. Важным внешнеполитическим императивом для страны является учет особенностей традиционного общества, которое зачастую отвергает чуждые и несоответствующие локальным ценностям модели, транслируемые извне. В этом смысле культурная дипломатия, основанная на принципах уважения, культурной симпатии и межцивилизационного диалога, становится эффективным инструментом внешней политики Таджикистана.

Следует также учитывать, что в азиатской политической культуре исторически присутствовали формы демократического управления, отличные от западных моделей, что создало особый контекст восприятия политических ценностей и норм в Центральной Азии. Таким образом, успешная внешняя политика в регионе должна опираться на цивилизационно обусловленные особенности и использовать потенциал культурной симпатии как основу для формирования устойчивых и доверительных международных связей в пространстве Большой Евразии.

Центральноазиатский регион, как выше мы подчеркивали, является контактной зоной оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций. Государства, являющиеся их наследниками, тесно связаны между собой и, выстраивая внутрирегиональный диалог, неизменно учитывают цивилизационные особенности развития соседей при реализации своих национальных интересов. С момента обретения суверенитета новые государства осознавали, что интеграционной основой для них могут служить традиции многовекового общежития, культура, язык, религия, традиции, этнические связи народов региона. При этом глобализация актуализировала для государств Центральной Азии проблему сохранения собственной цивилизационной идентичности, опирающейся на традиционные ценности и отчасти ценности внешние, если они успешно совмещаются с локальными.

Концептуальная установка «культурной симпатии» использовалась во внешней и внутренней политике Таджикистана с 1990-х гг., поскольку именно в это время политические элиты страны начали осознавать эффективность использования культурных связей для укрепления политических, экономических, гуманитарных позиций страны, реализации ее интересов и поддержания

стабильного развития. Дополнительным аргументом в пользу политической инструментализации культуры Таджикистана была необходимость в создании уникального имиджа этой страны, прошедшей уникальный путь цивилизационного развития. Таджикистан должен был стать узнаваемым в мире, и этому способствовало, в частности, возрождение традиционной культуры, ценностей и их продвижение в культурном и информационном пространстве.

Изначально таджикская доктрина «культурной симпатии» включала следующие положения:

1. Таджикистан продвигает свою культурную идентичность для формирования позитивного имиджа страны, опираясь на языковые, религиозные и исторические связи с другими народами;
2. Таджикистан стремится к повышению уровня регионального сотрудничества для укрепления гуманитарного, политического, экономического диалога со странами-партнерами;
3. Таджикистан инвестирует в образовательные и научные программы, рассчитанные на зарубежных студентов, что содействует культурной интеграции и созданию сети взаимных симпатий;
4. Таджикистан стремится к развитию экономических связей, опираясь на общие культурные ценности;
5. Таджикистан использует политику «культурной симпатии» как инструмент для снижения напряженности и поиска компромисса в условиях международной напряженности.

В 90-е гг. XX в. новые государства Центральной Азии налаживали международное сотрудничество, прежде всего, с учетом цивилизационной близости и исторических связей. В данном контексте следует упомянуть идею создания иранского альянса, выдвинутую в июле 2006 г. в Душанбе президентами Таджикистана, Афганистана и Ирана – стран-носителей арийского наследия. Отношения Таджикистана с ираноязычными государствами, близкими по культурному и географическому пространству, гармонично вписывались в концепцию его многовекторной внешней политики. Однако в силу геополитических факторов данный интеграционный процесс замедлился.

В настоящее время на цивилизационной основе укрепляется сотрудничество Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Турции с участием нейтрального Туркменистана в рамках Организации тюркских государств.

Примером позитивного межцивилизационного взаимодействия служит сотрудничество в рамках ШОС государств с разной цивилизационной принадлежностью: православно-христианской, исламской, конфуцианско-буддийской, индо-буддийской.

В Центральной Азии возникли новые диалоговые платформы, на которых ведется активный межцивилизационный диалог.

Стоит упомянуть дипломатическую инициативу С5+1, подразумевающую взаимодействие пяти центральноазиатских государств и одной внешней страны-партнера, политический, экономический, гуманитарный Астанинский формат для обсуждения региональных проблем, формат безопасности для «четверки» – Афганистана, Таджикистана, Китая и Пакистана или «Душанбинской четверки» (Таджикистан, Россия, Афганистан, Пакистан).

Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, национальные стратегии государств региона подразумевают активное цивилизационное соразвитие новых акторов вместе с Афганистаном и другими соседними странами. Перед новыми государствами Центральной Азии открываются новые возможности более тесного цивилизационного взаимодействия при реализации коммуникационных проектов в южном векторе, открывающих для них афгано-пакистанский, афгано-иранский-южноазиатский, каспийско-иранско-южноазиатский коридоры, которые могут стать коридорами не только экономического и гуманитарного развития, но и межцивилизационного диалога.

6 августа 2021 г. в городе Туркменбаши в Совместном заявлении, принятом по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, особый акцент был сделан на развитии межкультурного диалога в интересах народов, живущих в регионе. Также в данном документе была подчеркнута необходимость сохранения и поощрения многообразия культур и межнациональной толерантности как основы для укрепления сотрудничества. Для придания системного и регулярного характера межкультурного взаимодействия главы государств договорились создать Форум культурного диалога Центральной Азии в качестве единой платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее»[2]. Наконец, авторы Совместного заявления еще раз обратили внимание на значимость изучения исторического наследия народов региона, без которого невозможно разглядеть и использовать исторический опыт общения между государствами и народами Центральной Азии и Евразии, в том числе опыт интеграции, опыт политической культуры и толерантности.

Данный опыт может быть полезен для дальнейшего развития интеграции в рамках ШОС, в особенности тем внерегиональным государствам, на которых сейчас лежит большая ответственность за стабильность и развитие Центральной Азии и которые являются ядром экономического потенциала ШОС, – России, Китаю, Индии. Очевидно, что инструменты «мягкой» дипломатии должны приобрести больший вес во внешней политике государств ШОС. Это особенно значимо для организации, учитывая, что во внешней политике государств Центральной Азии в обозримом

будущем значимость «концепции привлекательности культур» во внешней политике будет только возрастать.

Россия, как один из ключевых участников ШОС, отдает себе в этом отчет. Выступая 6 июня 2023 года в Российско-Таджикском (Славянском) университете министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Россия выстраивает межгосударственные связи исключительно на принципах Устава ООН, честности, равноправия, уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира, права народов самим решать свою судьбу»[3]. Данный тезис также отражает позиции и Таджикистана, и всех государств Центральной Азии.

В контексте изложенного выше, представляется необходимым обратить внимание на ряд ключевых положений, которые, на наш взгляд, актуализируют подход Таджикистана к реализации концептуальной установки «культурной симпатии» на пространстве Большой Евразии.

Во-первых, следует целенаправленно формировать основы новой модели цивилизационного развития, предполагающей соразвитие и взаимное обогащение локальных цивилизаций. Важно не стремиться к унификации, а создавать условия для гармоничного сосуществования и сотрудничества различных культурно-цивилизационных систем.

Во-вторых, в условиях ускоряющихся процессов глобализации особую значимость приобретает задача сохранения и поддержания цивилизационного многообразия Евразии. Признание ценности каждой локальной цивилизации и учет ее особенностей являются необходимыми условиями формирования устойчивой архитектуры международных отношений.

В-третьих, новая доктрина соразвития должна быть ориентирована на отказ от парадигмы антагонизма и конфронтационного восприятия мира, в частности на преодоление дихотомии «исламская цивилизация – христианская цивилизация». Такие подходы, основанные на разделении, являются серьезным препятствием для прогресса и эффективного межцивилизационного взаимодействия.

В-четвертых, основой новой идеологии развития должны стать универсальные цивилизационные ценности – идеи равенства, взаимопонимания, культурного уважения и доверия. Эти принципы должны определять подходы к построению внешней политики, где культурная дипломатия и «культурная симпатия» выступают в качестве ключевых инструментов взаимодействия.

В-пятых, в условиях формирования нового мироустройства объединяющей платформой для Центральной Евразии может стать интеграция ценностей и традиций существующих в регионе локальных цивилизаций. Особое внимание следует уделить

синтезу культурных особенностей оседло-земледельческих и кочевых цивилизаций, а также ценностных основ исламской, православно-христианской и индо-буддийской традиций.

Таким образом, внешняя политика Таджикистана, опирающаяся на концепцию «культурной симпатии», отвечает актуальным вызовам полицентричного мира и может способствовать формированию новой, более гармоничной модели межцивилизационного взаимодействия в Большой Евразии. Доктрина «культурной симпатии» позволяет Таджикистану укреплять свои позиции в полицентричном мире, делая страну узнаваемой и привлекательной. Основанная на политической, гуманитарной, экономической культуре и на межцивилизационном диалоге, она содействует не только развитию этнической идентичности, но и обеспечению реализации национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г., а также способствует устойчивому региональному развитию.

Информация об авторе

Гузель М. Майтдинова, доктор исторических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *guzel-maitdinova@mail.ru*

Information about the author

Guzel M. Maitdinova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *guzel-maitdinova@mail.ru*

Примечания

[1] *Майтдинова Г.М.* Цивилизационный фактор в международных отношениях в Евразии в условиях становления полицентричного мира // Алтайский вектор евразийской интеграции: Материалы II Международного Алтайского форума (Горно-Алтайск, 23 июня 2023 г.). М., 2024. С. 68–74.

[2] Принято Совместное заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии. URL: https://www.inform.kz/ru/prinyato-sovmestnoe-zayavlenie-po-itogam-konsul-tativnoy-vstrechi-glav-gosudarstv-central-noy-azii_a3820982?fbclid=IwAR1__YnRBMK9IvZZ5F6Knt5VUah2r4s37e8R9iz8kHV8oWIhfYPLB_tQXNw (дата обращения: 06.08.2025).

[3] *Майтдинова Г.М.* Указ. соч. С. 74.

Внешнеполитические ориентиры современного Таджикистана

Дина Б. Малышева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, dsheva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8625-6132

Аннотация. В рамках своей многовекторной внешней политики Республика Таджикистан поддерживает и развивает отношения с различными международными партнерами, стремясь при этом отдавать приоритет собственным национальным интересам и отстаивать независимость в принятии решений на международной арене. В данной статье, при рассмотрении взаимодействия Таджикистана с Содружеством Независимых Государств, центральноазиатскими соседями и Афганистаном внимание уделено проблемам безопасности и разрешению конфликтных ситуаций, а с Ираном – фактору культурно-языковой близости. Партнерство Таджикистана с Россией проанализировано сквозь призму формирования общих подходов к сфере безопасности, военному сотрудничеству, противодействию терроризму и экстремизму. Китайский вектор таджикистанской внешней политики в значительной мере определен проблемой урегулирования спорных пограничных вопросов, а также местом Таджикистана в проекте КНР «Один пояс, один путь» для Центральной Азии. Показано, что США, как одна из внешнеполитических альтернатив Таджикистана, не оказывает там существенного влияния на внутриполитические процессы. Обращено внимание на участие Таджикистана в региональных и международных организациях, на его инициативы в решении приоритетной для Таджикистана задачи сохранения водных ресурсов, что является показателем возросшей интеграции республики в мировые процессы.

Ключевые слова: Таджикистан, Центральная Азия, внешняя политика, международные отношения

© Малышева Д.Б., 2025

Foreign policy landmarks of contemporary Tajikistan

Dina B. Malysheva
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; dsheva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8625-6132

Abstract. As part of its multi-vector foreign policy, the Republic of Tajikistan maintains and develops relations with various international partners, while striving to give priority to its own national interests and uphold independence in decision-making in the international arena. When considering Tajikistan's interaction with the Commonwealth of Independent States, Central Asian neighbors and Afghanistan, in this article attention is paid to security issues and conflict resolution, and with Iran – to the factor of cultural and linguistic proximity. Tajikistan's partnership with Russia is analyzed through the prism of the formation of common approaches to security, military cooperation, countering terrorism and extremism. The Chinese vector of Tajikistan's foreign policy is largely determined by the problem of settling contentious border issues, as well as Tajikistan's place in China's "One Belt, One Road" project for Central Asia. It is shown that the United States, as one of Tajikistan's foreign policy alternatives, does not have a significant influence on domestic political processes there. Attention is drawn to Tajikistan's participation in regional and international organizations, and to its initiatives in solving the priority task for Tajikistan of preserving water resources, which is an indicator of the republic's increased integration into global processes.

Keywords: Tajikistan, Central Asia, foreign policy, international relations

Политическая система Таджикистана сформировалась в специфических условиях, и ее главным отличием от других бывших советских республик Центральной Азии (ЦА) стало то, что возникла она по итогам гражданской войны, в которую Таджикистан оказался погруженным в 1992–1997 гг. Пройдя по окончании межтаджикского вооруженного противостояния сложный путь, независимый Таджикистан стал полноправным членом международного сообщества. Сумела республика добиться признания на мировой арене, наладить в рамках своей многовекторной внешней политики стабильные отношения с различными международными партнерами. При этом Таджикистан стремится отдавать приоритет собственным национальным интересам и отстаивать независимость в принятии решений на международной арене.

Внешнеполитическая стратегия Таджикистана в отношении ближайших соседей

Развитию отношений с государствами-членами Содружества Независимых Государств (СНГ) Таджикистан придает особое значение. Это направление международных отношений специально выделено в официальном документе республики – ее «Концепции внешней политики», где заявлено: «Республика Таджикистан считает, что осуществление долгосрочных и стабильных отношений со своими традиционными партнерами – государствами-участниками Содружества Независимых Государств отвечает ее политическим, экономическим и культурным интересам и с учетом концепции разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках Содружества будет стремиться к углублению взаимовыгодного сотрудничества с ними»[1].

В связи с председательством Таджикистана в Содружестве с 1 января 2025 г. этот внешнеполитический вектор приобретает для республики особую актуальность, исходя из того, что взаимодействие со странами СНГ облегчает вхождение республики в региональные интеграционные процессы, помогает решению значимых задач как в социально-экономической сфере, так и для обеспечения мира и стабильности.

В отношениях со своими соседями – странами ЦА Таджикистан стремится к достижению принципа равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, ставя формирование пояса безопасности по периметру границ страны приоритетной целью. Помимо двусторонних связей, отношения с сопредельными странами ЦА осуществляются Таджикистаном в рамках СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ежегодных Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, а также в формате диалога «ЦА+» с Россией, Китаем, рядом других стран, организаций и объединений.

Вместе с тем в отношениях Таджикистана с центральноазиатскими соседями возникают порой неоднозначные ситуации. Чаще всего они связаны с проблемами неурегулированных границ, что обуславливает сохранение конфликтной региональной среды. Долгое время, в частности, сохраняли напряженность таджикско-узбекские отношения, кульминацией которых стало минирование Узбекистаном во времена президенства И.А. Каримова (1991–2016 гг.) граничащих с Таджикистаном территорий. И только после того, как в 2016 г. Узбекистан возглавил президент Ш.М. Мирзиёев, двусторонние отношения стали быстро нормализовываться, и к настоящему времени обе республики, решив

большую часть спорных проблем, успешно развивают межгосударственные отношения.

Сложнее складывается взаимодействие Таджикистана с Киргизией. Конфликт Таджикистана с этой центральноазиатской республикой длится много лет из-за земли, воды и не демаркированной границы протяженностью в тысячу километров. Неделимитированными оставались, в частности, плодородные и пастбищные земли на пограничных участках между Согдийской областью Таджикистана и Баткенской областью Киргизии.

14–17 сентября 2022 г. подспудно тлевшие здесь противоречия привели к вспышке вооруженного таджикско-киргизского противостояния. Столкновения стоили жизни сотням людей и привели к массовым перемещениям. Однако данный локальный пограничный конфликт приобрел громкий международный резонанс не только из-за масштабных, по меркам современной Центральной Азии, жертв и разрушений, но еще и потому что эта конфликтная коллизия произошла во время заседания 16 сентября 2022 г. в узбекистанском Самарканде Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.

Получившая тогда широкое распространение конспирологическая версия относительно того, что конфликт был инспирирован внешними силами (а большинство публикаций в СМИ сходились на том, что это были США и/или страны Запада), чтобы дискредитировать ШОС, поставить под сомнение возможности этой организации поддерживать безопасность в Азии и формировать там основы полицентричного мира, возможно, и заслуживала бы внимания, если бы стороны конфликта и заинтересованные государства предоставили убедительные доказательства внешнего (западного) воздействия на конфликтное событие. Таких доказательств не было, что, впрочем, не исключает факта последующего активного использования внешними силами для достижения своих стратегических интересов в регионе ЦА и этого конфликта, и других антагонизмов (национальных, религиозных, цивилизационных и т. д.), сохраняющихся в Таджикистане, Киргизии, других центральноазиатских странах.

Справедливости ради, отметим, что пессимистический прогноз в отношении таджикско-киргизского пограничного спора, которому предсказывали обострение, не оправдался: стороны сумели преодолеть конфронтационный настрой и перейти к урегулированию спорных вопросов дипломатическими методами. Результатом длившегося с 2022 г. двустороннего переговорного процесса явилось подписание 13 марта 2025 г. в Бишкеке президентами Таджикистана и Киргизии «Договора о государственной границе между КР и РТ», после чего начали функционировать остававшиеся более четырех лет закрытыми контрольно-пропускные пункты

«Кайрагач» и «Кызыл-Бель» на киргизско-таджикской границе[2]. Не менее важным событием стало подписание 31 марта 2025 г. в Худжанде (Таджикистан) «Договора между Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о точке стыка государственных границ», который свидетельствовал об укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между тремя государствами.

Если взаимодействие Таджикистана со своими центральноазиатскими соседями имеет в целом позитивную динамику, то отношения с другим соседом республики – Афганистаном отмечены непрекращающейся напряженностью. Ее официальному Душанбе не удалось преодолеть и после вывода из Афганистана в 2021 г. американских войск и прихода к власти в этой стране 15 августа 2021 г. правительства «Талибана», провозгласившего создание Исламского Эмирата Афганистан. Его руководство Таджикистан обвиняет в ущемлении прав этнических таджиков Афганистана, в отказе создать инклюзивное правительство, куда могли бы войти представители различных этнических и религиозных групп, в поддержке экстремистских и террористических организаций, угрожающих безопасности Таджикистана. Официальный Кабул, в свою очередь, выдвигает Таджикистану претензии в связи с имеющим, якобы, место его вмешательстве во внутренние дела Афганистана, проявившиеся в поддержке вооруженной оппозиции режиму талибов. Сохраняются и напряженные отношения на границе двух стран.

В целом характеризующийся недоверием и настороженностью внешнеполитический курс Таджикистана в отношении Афганистана отличается от позиции, занятой правительствами четырех других центральноазиатских республик и особенно Узбекистана, сумевшего наладить с Афганистаном контакты – в основном в сфере транспортной логистики. Особенности афганской внешнеполитической стратегии Таджикистана объясняются тем, что сформировались они под влиянием нескольких обстоятельств.

Во-первых, в Таджикистане живучими остаются опасения относительно возможности повторения событий, связанных с произошедшим в Афганистане в 1989–1992 гг. широким военным конфликтом. Он, как известно, оказал дестабилизирующее воздействие на внутриполитическую ситуацию в соседней центральноазиатской республике, ускорив там развертывание кровопролитной гражданской войны.

Во-вторых, озабоченность Таджикистана обусловлена тем, что его граница с Афганистаном общей протяженностью свыше 1344 км проходит по сложному и преимущественно речному (1135 км) рельефу, который трудно контролировать. Это заставляет Таджикистан возводить дополнительные защитные сооружения.

В-третьих, свою роль играет фактор вовлеченности этнических таджиков в базирующиеся в Афганистане и враждебные Душанбе экстремистские организации. Не секрет, что именно в Афганистане нашли прибежище боевики из числа таджикских оппозиционеров-радикалов исламистского толка. По убеждению правительства Таджикистана, они наращивают свои силы на сопредельных с этой светской республикой территориях, где их активно поддерживают такие запрещенные в России террористические структуры, как «Исламское государство вилаята Хорасан» и аффилированное с «Талибаном» «Джамаат Ансарулла», являющееся «дочерним» подразделением «Аль-Каиды» (запрещена в РФ).

Недоверие Таджикистана к Афганистану сохраняется и в связи с тем, что граждане республики и ее трудовые мигранты стали все чаще привлекаться базирующимися в Афганистане международными транснациональными организациями в качестве исполнителей террористических актов. Тревожной тенденцией является и то, что в среде таджикской молодежи есть те, кто симпатизирует полевым командирам террористических группировок, нашедших приют в соседнем Афганистане или на Ближнем Востоке и не скрывающих своих намерений вернуться на родину под знаменами джихада. Неудивительно поэтому, что и в наши дни сохраняются определенные ограничения для граждан Афганистана в получении таджикских въездных виз.

Таким образом, во внешнеполитической стратегии Таджикистана в отношении Афганистана ключевой проблемой остается достижение консенсуса с действующим правительством «Талибана», недопущение вовлеченности радикально-экстремистских структур в непростые социально-политические процессы современного Таджикистана, поддержание стабильности на границе с Афганистаном.

В отличие от Афганистана, отношения Таджикистана с Ираном носят в целом более позитивный характер, и для обоих государств фактор исторической, языковой и культурной общности имеет важное значение. Однако ирано-таджикское взаимодействие переживало в постсоветский период не только подъемы, но и кризисы. Последнее по времени обострение межгосударственных отношений случилось в 2015 г. после того, как Мухиддин Кабири, глава запрещенной в Таджикистане и признанной террористической Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), был принят в Тегеране Верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи, что было истолковано официальным Душанбе как свидетельство поддержки Ираном таджикской оппозиции.

Сокращение контактов с Ираном в 2015 г. подтолкнуло Таджикистан к налаживанию связей с арабскими государствами Персидского залива, у которых отношения с Тегераном в тот период

оставались напряженными. Попытка завязать сотрудничество с богатыми аравийскими монархиями, от которых Таджикистан надеялся получить инвестиции, контакты с Саудовской Аравией и другими монархиями Залива открыли Таджикистану дорогу к диверсификации своей внешней политики. В 2017 г. саудовцы выделили Таджикистану 200 млн долл. на строительство парламента и правительственных зданий. Таджикистан начал сотрудничать также с Исламским банком развития (ИБР), головной офис которого находится в Джидде (Королевство Саудовская Аравия). Нацеленный на поддержку проектов, обеспечивающих устойчивое развитие, ИБР вложил к настоящему времени в финансирование Таджикистана 622,6 млн долл.; большая часть этой суммы была направлена на строительство Рогунской ГЭС[3].

Тем не менее, уже в 2019 г. Иран и Таджикистан, преодолев разногласия, возвращаются к конструктивному взаимодействию. 1 июня 2019 г. министр иностранных дел Таджикистана Сирожиддин Мухриддин на встрече в Тегеране с министром иностранных дел ИРИ Джавадом Зарифом и иранским президентом Хасаном Рухани договорился о возобновлении сотрудничества по нескольким важным проектам, в числе которых – Сангтудинская ГЭС-2 и тоннель «Истиклол» на прокладываемой с 2006 г. совместными усилиями таджикских и иранских строителей автомобильной дороге между Душанбе и Худжандом.

30 мая 2022 г. президентами Таджикистана и Ирана было заключено 16 соглашений о сотрудничестве в различных сферах. Это придало импульс развитию кооперации между двумя странами. Таджикистан, как заявил президент Таджикистана на встрече со своим иранским коллегой, особенно заинтересован в получении доступа к морским портам ИРИ – Чабахар и Бандер-Аббас, открывающим таджикистанским товарам и продукции выход на мировые рынки.

Россия как приоритетный стратегический партнер

Хотя Таджикистан и стремится варьировать свои внешнеполитические связи, партнерство с Российской Федерацией остается приоритетом для него. Даже своим существованием в качестве самостоятельного государства в своем нынешнем виде Таджикистан обязан России. Республика была образована, напомним, в 1929 г. после того, как Таджикская АССР была выведена из состава Узбекской ССР, получив в СССР статус союзной республики и став после распада Советского Союза независимым государством.

Сфера внешней политики часто рассматривается властями Таджикистана как способ достижения внутриполитической стабильности. В этом смысле особое значение в республике придают отношениям с Россией. Они строятся на основе равенства и взаимовыгодного сотрудничества в политической, военной, военно-технической, экономической, торговой, инвестиционной областях, сферах трудовой миграции, культуры, информации, науки и образования и на других направлениях. Что важно, они отвечают национальным интересам республики, становятся важным фактором обеспечения стабильности.

Россия построила 14 из 16 электростанций Таджикистана. Две из них – «Памир-1» и Сантгудинская ГЭС-1 были возведеныуже после распада СССР, в 1994 и 2008 г. Все крупные промышленные предприятия Таджикистана, большинство его городов, множество школ и больниц, железные дороги и все четыре действующих аэропорта построены Россией. Она по-прежнему во многом обеспечивает Таджикистан финансово. Так, в декабре 2024 г. общий объем инвестиций РФ в экономику республики составил 149,5 млрд руб. А по данным российского МВД, из 6 млн трудовых мигрантов, проживавших в России осенью 2024 г., 1,2 млн чел. составляли выходцы из Таджикистана[4].

Занимающая внушительное место во внешнеторговом обороте Таджикистана, играющая приоритетную роль в сфере вложений прямых инвестиций в экономику республики и являющаяся одним из крупнейших реципиентов рабочей силы, Россия остается важнейшим стратегическим союзником Таджикистана, реально (в том числе поставками вооружений и боеприпасов) помогающим республике обеспечивать безопасность, защищаться от угроз со стороны экстремистских кругов Афганистана.

Со времени установления Таджикистаном 8 апреля 1992 г. дипломатических отношений с Российской Федерацией внешнеполитическое взаимодействие двух стран наращивает свою динамику. В Таджикистане придавали огромное значение ведущей роли России в организации переговоров между враждующими сторонами вовремя межтаджикского конфликта 1992–1997 гг. и последующего заключения мира, который ознаменовался подписанием в Москве 27 июня 1997 г. Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане.

Договорно-правовым фундаментом, цементирующим внешнеполитические связи Таджикистана с Россией, стал «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», подписанный двумя государствами в 1993 г. С тех пор Таджикистан заключил с Россией свыше 300 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, в сферах политики, экономики, торговли, культуры и миграции.

В рамках стратегического партнерства с Россией Таджикистан формирует свои подходы к сфере безопасности, военному сотрудничеству, противодействию терроризму и экстремизму. Благодаря ощутимому военно-политическому присутствию России в Таджикистане, этой центральноазиатской республике удается успешно противостоять исходящей из Афганистана джихадистской угрозе, купировать многие другие вызовы безопасности.

В Таджикистане базируются важные для выполнения этих задач военные объекты РФ. Это 201-я военная база, располагающаяся в двух городах Таджикистана (столичном Душанбе и Бохтаре) и являющаяся крупнейшей сухопутной базой за пределами РФ. База создана на основе дислоцировавшейся в Таджикистана с 1989 г. мотострелковой дивизии ВС СССР/России, преобразованной в 2004 г. в военную базу РФ в соответствии с «Договором о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана». Согласно «Соглашению о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» (2012) пребывание российской базы в республике продлено до 2042 г. Российские военнослужащие (около 7,5 тыс. чел.) занимаются круглосуточным мониторингом границы Таджикистана с Афганистаном[5].

Важным элементом в общей системе обеспечения безопасности Центрально-Азиатского региона и Таджикистана, в частности, является расположенный на таджикском Памире автоматизированный комплекс «Окно», входящий в систему контроля космического пространства «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о передаче в собственность Российской Федерации оптико-электронного узла “Нурек” системы контроля космического пространства и порядке его функционирования», было подписано в Душанбе 16 октября 2004 г. в ходе государственного визита в республику президента РФ В.В. Путина[6].

С 2014 г. Россия реализует программу модернизации Вооруженных сил Таджикистана, которому из России передается широкая номенклатура вертолетной техники, бронетехники, артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов. Ежегодно на безвозмездной основе обучение в России проходят от 500 до 1000 таджикских военнослужащих. Примечательно, что вопросы развития российско-таджикистанских отношений стратегического партнерства и союзничества, а также региональная проблематика, включая ситуацию в Афганистане, заняли центральное место в повестке переговоров на высшем уровне 28 июня 2022 г. во время рабочего визита в Таджикистан президента России.

Взаимодействие Таджикистана с Россией развивается преимущественно по трем направлениям. Это сотрудничество

в культурно-образовательной сфере, где, например, в рамках программы «Российский учитель за рубежом» планируется увеличить преподавание предметов на русском языке. Это миграционная проблематика, которой власти Таджикистана неизменно уделяют серьезное внимание. И здесь предметом обсуждения долгое время еще останется вопрос о статусе таджиков – трудовых мигрантов в России. Но, безусловно, цементирующим отношения Таджикистана и России остается сотрудничество в сфере безопасности. Осуществляемое как в рамках ОДКБ, так и на двусторонней основе, оно фокусируется на вопросах модернизации вооруженных сил страны и укреплении таджикско-афганской границы.

О роли, которая Россия придает военному сотрудничеству с Таджикистаном, свидетельствует программа визита в эту республику 5–6 июня 2023 г. министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова: он в первый день выступил перед личным составом 201-й российской военной базы, а 6 июня провел переговоры со своим таджикским коллегой Сироджиддином Мухриддином и встретился с президентом страны Эмомали Рахмоном. Особое внимание глава российского МИД уделил вопросам дальнейшего углубления внешнеполитической координации России и Таджикистана в формате двусторонних отношений и на таких многосторонних площадках, как ОДКБ, СНГ, ШОС, а также ООН, ОБСЕ и СВМДА[7].

12–13 февраля 2025 г. в Москве состоялись переговоры глав МИД России и Таджикистана. Встреча прошла в узком и расширенном форматах, охватив ключевые сферы сотрудничества двух стран – торговлю, экономику, гуманитарные связи и безопасность. Стороны подтвердили курс на активное взаимодействие в международных организациях и договорились защищать приоритеты друг друга в рамках ООН, ШОС, СНГ и ОДКБ.

Обращает на себя внимание и то, что российско-таджикские внешнеполитические контакты не выглядят таким образом, что только Таджикистан является реципиентом российской стороны. В последнее время отношения двух государств ознаменовались деятельной поддержкой Таджикистана позиции России по целому ряду ключевых вопросов международной политики – таких, в частности, как реформирование ООН, ОБСЕ, постконфликтное восстановление в Афганистане, укрепление коллективных правовых начал в вопросах мировой политики и демократизации международных отношений.

Помимо России, Таджикистан стремится развивать сотрудничество с другими глобальными центрами влияния. С КНР – в первую очередь.

Китайский вектор внешней политики Таджикистана

На начальном этапе китайско-таджикского взаимодействия в их внешнеполитических контактах важное место заняли пограничные вопросы. Они стали решаться в контексте общих подходов Пекина к проблеме демаркации границ с Россией и возникшими после распада СССР независимыми государствами Центральной Азии, включая Таджикистан. Его отделяет от Китая государственная граница общей протяженностью в 494,4 км, и проходит она по высокогорной местности вдоль Памирского горного хребта в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (ГБАО).

Подписание в 1996 г. Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном и Китаем «Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы» способствовало обеспечению мира и стабильности на территориях, граничащих с Китаем. Решался этим документом и Соглашением от 1997 г. вопрос о трех несогласованных участках таджикско-китайской границы в районах реки Маркансу, перевала Каразак и Большого Памира[8].

В дальнейшем сотрудничество между Таджикистан и Китайской Народной Республикой по пограничным вопросам осуществлялось на основании ряда международных договоров – Соглашения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о государственной границе от 13 августа 1999 г. и от 17 мая 2002 г., Протокола между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о государственной границе от 27 апреля 2010 г., Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о режиме государственной границы от 5 июня 2012 г., Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на таджикско-китайской границе и режиме их работы от 29 декабря 2011[9].

Если все 1990-е гг. и первое десятилетие XXI в. в отношениях Таджикистана и Китая превалировали пограничные вопросы, то с запуском в сентябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпинем Инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество Таджикистана с Китаем затронуло не только политическую, но и экономическую сферу. Сам китайский инфраструктурный проект был нацелен на задачу соединения сухопутных и морских торговых путей с тем, чтобы быстро и недорого доставлять товары в страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Европы, Африки. Эта амбициозная программа предусматривала также прокладывание сухопутных торговых маршрутов через Центральную Азию, все пять стран которой присоединились к 150 участникам программы, подписавшим с Китаем соглашения о сотрудничестве.

К настоящему времени Таджикистан зарегистрировал совместно с Китаем свыше 300 предприятий, большая часть которых занимается разведкой, добычей и переработкой горной руды[10]. При этом Таджикистан остается крупнейшим в ЦА должником КНР. Из долга Таджикистана международным кредиторам (3,3 млрд долл.) 1,98 млрд долл. (60%) приходится на Экспортно-импортный банк Китая, более известный как Эксимбанк. Расплачивается республика со своим главным заемщиком ресурсами и землями. Так, в 2011 г. правительство Таджикистана отдало КНР в счет списания долга часть территории Восточного Памира общей площадью в 1,100 кв. км земли, что эквивалентно 1% всей территории Таджикистана[11].

Нынешний интерес Пекина к Бадахшану связан с активизацией в его афганской части радикалов из числа запрещенной в России организации «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДТВ), ориентирующейся преимущественно на уйгуров и ставящей целью создание фундаменталистского государства на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Ее власти намерены создать заслон для деятельности радикальных исламистов, которые угрожают не только Китаю, но и Таджикистану. Этой цели служат созданные КНР военные объекты в Таджикистане. Наряду с китайской радиостанцией слежения, наблюдавшей за Афганистаном в период пребывания там войск американо-натовской коалиции, при содействии КНР в ГБАО был учрежден военный объект с учетом активности на границах Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР «Исламского движения Восточного Туркестана».

В настоящее время сотрудничество Таджикистана с Китаем базируется на итогах переговоров Э. Рахмона с Си Цзиньпином. Председатель КНР 4–6 июля 2024 г. посетил Таджикистан с государственным визитом, в рамках которого в Душанбе 5 июля 2024 г. прошли официальные переговоры. Помимо таких областей, как экономика, торговля, инвестиции, гуманитарная сфера, внимание двух лидеров было обращено на борьбу с силами «трех зол» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), трансграничной организованной преступностью, включая незаконный оборот наркотиков и киберпреступность.

Фактор США

Таджикистан, тесно связанный с Россией и Китаем и развивающий сотрудничество с Ираном и другими странами Ближнего Востока, до недавнего времени не проявлял значительного

интереса к США. Однако после вывода в 2021 г. американских войск из Афганистана и прихода там к власти Движения «Талибан» между Таджикистаном и США возникли взаимные точки соприкосновения. Это было связано, главным образом, с «особой позицией», занятой Таджикистаном по афганскому вопросу: отказавшись налаживать отношения с провозглашенным «Талибаном» Исламским Эмиратом Афганистан, Таджикистан начал оказывать не афишировавшуюся поддержку обосновавшемуся в Панджшере Фронту национального сопротивления (ФНСА), который возглавляли лидеры таджикской общины Афганистана. В Таджикистане полагали, что такая позиция повысит международный вес республики как актора, имеющего влияние на ситуацию в Афганистане и располагающего каналами взаимодействия с ФНСА. И хотя о самом оппозиционном движении информация практически отсутствует, что предполагает его незначительное воздействие на внутриафганский расклад сил, особая позиция Душанбе по афганской проблематике открыла, как надеются скорее всего в Таджикистане, новые возможности для его тесных контактов с США по линии региональной безопасности.

И действительно, Вашингтон сменил риторику в отношении Душанбе на более благожелательную и расширил военно-техническое взаимодействие с этой центральноазиатской республикой. В июне 2022 г. глава Центрального командования США (СЕНТКОМ) генерал М. Курилла, совершая турне по странам региона, заявил о намерении расширить помощь Таджикистану в оснащении его пограничных войск и даже выразил «восхищение лидирующей ролью» Таджикистана в Центральной Азии[12]. В августе 2022 г. Таджикистан принял участие в организованных США многосторонних командно-штабных учениях «Региональное сотрудничество 2022». Были проведены и двусторонние американо-таджикские полевые учения. Вместе с США, а также Нидерландами и Румынией, Таджикистан принял участие в проходивших с 30 мая по 1 июня 2023 г. командно-штабных учениях «Снежный барс» в Душанбе. Они были нацелены на выявление механизмов регионального сотрудничества для расследования и судебного преследования радиологических/ядерных преступлений[13].

23 сентября 2024 г. в Нью-Йорке в рамках визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в США состоялась встреча главы внешнеполитического ведомства Таджикистана С. Мухриддина с заместителем государственного секретаря США Ричардом Верма. Ключевое внимание на ней было уделено перспективам таджикско-американского сотрудничества по вопросам безопасности, охраны границ, борьбы с наркотрафиком, терроризмом и экстремизмом, которые являются приоритетными для обеих

сторон, учитывая географическое положение Таджикистана и его соседство с Афганистаном[14].

Очевидно, что для американских стратегов определяющим в их интересе к Таджикистану является географическое положение республики – ее сопредельность, с одной стороны, с Афганистаном, продолжающем находиться в сфере пристального внимания США, с другой стороны – с Китаем, являющимся главным экономическим и стратегическим соперником Вашингтона. При этом экономическое взаимодействие США с Таджикистаном остается на крайне низком уровне.

Существенен для США и российский вектор, учитывая тесную привязку таджикского военно-технического комплекса к России, и эту связь США попытаются разорвать, предлагая Таджикистану собственные альтернативы в сфере поддержания безопасности. Вполне вероятно, что при этом США предпочтут усилению российского влияния в Таджикистане его «китаизацию» или даже исламизацию по сирийской модели м благо, для достижения этой цели в распоряжении США всегда имеются «прокси»-террористы в религиозном обличье и разного рода исламисты-экстремисты, к взращиванию которых в регионе Запад приложил руку.

Очевидно стремление Таджикистана, находящегося в весьма сложном социально-экономическом положении, избежать подобного сценария, поскольку он несет реальную угрозу стабильности и суверенитету республики. Важными в этой связи представляются усилия Таджикистана активизировать свое участие в международных процессах.

Сфера мировой политики

Возросшая за последние годы интеграция в мировую политику и включенность в работу региональных и международных организаций служат показателем диверсификации внешней политики Таджикистана, старающегося отыскать для себя новые внешнеполитические ориентиры.

Таджикистан давно стал полноправным членом международного сообщества, и к настоящему времени республика добилась официального признания со стороны 192 государств мира, установив со 183 из них дипломатические отношения[15]. Республика Таджикистан является полноправным и активным членом 51 организации, в том числе международных и региональных, а также международных финансовых институтов. Это: Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности,

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация исламского сотрудничества, Организация экономического сотрудничества, Азиатский диалог по сотрудничеству, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, другие авторитетные глобальные и региональные структуры.

На платформе ООН Таджикистан инициировал целый ряд международных предложений, которые нашли поддержку среди мирового сообщества, стран Центральной Азии, являющихся ядром ШОС, а также самой Шанхайской организации сотрудничества. Так, Таджикистан стал основоположником нового формата диалога персоязычных стран (тройка Таджикистан – Афганистан – Иран), а также структуры «Душанбинская четверка» (Таджикистан – Россия – Афганистан – Пакистан), занимавшейся преимущественно проблематикой Афганистана.

Инициативы руководства Республики Таджикистан в решении приоритетной для республики задачи сохранения водных ресурсов, их рационального и эффективного использования нашли поддержку со стороны ООН, и в настоящее время осуществляется переход от уровня изучения этой проблемы до ее практической реализации на международном уровне. Таковым является запущенный Таджикистаном «Душанбинский водный процесс», который по достоинству представил республику на национальном, региональном и мировом уровнях.

В рамках этой инициативы Таджикистаном в сотрудничестве с ООН проведено уже несколько конференций по поддержке реализации целей Международного десятилетия действий на 2018–2028 годы «Вода для устойчивого развития». Организованная в Душанбе 10–13 июня 2024 г. Третья международная конференция высокого уровня по Международному десятилетию действий была нацелена на создание платформы для отслеживания, продвижения и поддержки осуществления добровольных обязательств, зарегистрированных в Водной повестке действий Конференции ООН по водным ресурсам, а также стимулирования новых партнерских отношений и ускорения действий по достижению целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

В своем выступлении на конференции президент Э. Рахмон подчеркнул важность водных ресурсов для достижения устойчивого развития и обратил внимание на продолжающееся воздействие различных вызовов на этот жизненно важный ресурс. В этом контексте лидер Таджикистана обозначил глобальную ситуацию и тенденции развития в области водных ресурсов, а также усилия Таджикистана по продвижению водных вопросов в региональной и глобальной повестке дня[16].

По предложению Таджикистана Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция об объявлении 2025 г. Международным годом сохранения ледников. А с 29 мая по 1 июня 2025 г. в Душанбе прошла крупная Международная конференция по сохранению ледников, цель которой – привлечь внимание к необходимости остановить их таяние и сделать эту проблему приоритетной в глобальной повестке дня по климату. Как подчеркнул президент Таджикистана, «сохранение ледников – это не только проблема стран, где есть ледники, но и глобальный кризис, к которому необходимо привлекать внимание международного сообщества»[17].

Таким образом, Таджикистан вносит посильный вклад в решение вопросов, связанных с водой и изменением климата, что важно для укрепления стабильности и социально-экономического развития обширного Центрально-Азиатского региона Евразийского континента. Не менее значимым является участие Таджикистана в решении проблем мира в регионе, включая усилия по борьбой с терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и транснациональной организованной преступностью.

Подводя итог сказанному, отметим: Таджикистан на фоне сохраняющей относительную стабильность внутриполитической ситуации пытается диверсифицировать свои внешнеполитические контакты в сфере международных отношений. Правящая элита прикладывает значительные усилия к тому, чтобы как можно более безболезненно осуществить транзит власти, предотвратить развитие политического процесса в стране по негативному сценарию. Это предполагает необходимость скорейшей реализации достаточно сложной задачи. Она связана с проблемой реформирования экономики и политических институтов республики, с выстраиванием обновленной модели развития, которая позволит суверенному Таджикистану добиться долговременной стабилизации и устойчивого роста. Дальнейшее развитие внешнеполитической стратегии Таджикистана будет способствует укреплению стабильности страны, внося существенный вклад в поддержание в Центральной Азии мира и процветания.

Информация об авторе

Дина Б. Малышева, доктор политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; *dsheva@mail.ru*

Information about the author

Dina B. Malysheva, Dr. of Sci. (Political Sciences), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: bld. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; *dsheva@mail.ru*

Примечания

1 Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 23.06.2025).

2 *Аслонова Н.* Точка поставлена. Президенты Таджикистана и Кыргызстана подписали Договор о государственной границе. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20250313/tochka-postavlena-prezidenti-tadzhikistana-i-kirgizstana-podpisali-dogovor-o-gosudarstvennoi-granitse (дата обращения: 26.06.2025).

3 President of The Republic of Tajikistan Grants Audience to IsDB VP Operations to Discuss Prospective Bilateral Cooperation. URL: https://www.isdb.org/hub/almaty/news/president-of-the-republic-of-tajikistan-grants-audience-to-isdb-vp-operations-to-discuss-prospective-bilateral-cooperation (дата обращения: 03.06.2023).

4 «Русские заплатят за все»: Россия отдает Таджикистану оброк // Царьград. 22.06.2025. URL: https://tsargrad.tv/investigations/russkie-zaplatjat-za-vsjo-rossija-otdajot-tadzhikistanu-obrok-vmesto-20-tysjach-kvartir-dlja-mnogodetnyh-nozhi-v-spinu_1290637 (дата обращения: 23.06.2025).

5 Межгосударственные отношения России и Таджикистана // РИА Новости. 08.05.2024. URL: https://ria.ru/20240508/diplomatiya-1944478677.html?in=t (дата обращения: 13.03.2025).

6 Владимир Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о передаче в собственность Российской Федерации оптико-электронного узла «Нурек» системы контроля космического пространства и порядке его функционирования». URL: http://www.special.kremlin.ru/events/president/news/35850 (дата обращения: 22.06.2025).

7 *Латышев С.* Двадцать тезисов Лаврова: Россия берется за Таджикистан // Царьград. 06.06.2023. URL: https://tsargrad.tv/articles/dvadcat-tezisov-lavrova-rossija-berjotsja-za-tadzhikistan_799707 (дата обращения: 19.06.2025).

8 *Хайдарзода Р., Дмитриева М.* Таджикистан и Китай в ШОС: от двустороннего взаимодействия до общего глобального видения // Российский совет по международным делам. 08.11.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/tadzhikistan-i-kitay-v-shos-ot-dvustoronnego-vzaimodeystviya-do-obshchego-globalnogo-videniya/?sphrase_id=171301668 (дата обращения: 22.06.2025).

9 Таджикско-китайская государственная граница. URL: https://www.mfa.tj/ru/main/view/150/tadzhiksko-kitaiskaya-gosudarstvennaya-granitsa (дата обращения: 22.06.2025).

[10] *Комилова Х.Г.* Внешняя политика Республики Таджикистан в контексте глобальных и региональных инициатив: векторы взаимодействия и геополитические стратегии. Душанбе, 2025. С. 62. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_81421998_56386697.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

[11] Tajikistan: The Cost of Chinese Debt // Eurasianet. 21.07.2022. URL: https://eurasianet.org/tajikistan-the-cost-of-chinese-debt (дата обращения: 16.02.2023).

[12] *Троицкий Е.* Политика США в Центральной Азии: инерция и новации // Центр евразийских исследований ТГУ. Аналитический доклад № 1. 10.05.2023. URL: http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatcii/evgenii-troitckii-politika-ssha-v-tcentral-noi-azii-inertciia-i-novatcii (дата обращения: 28.05.2023).

[13] Учения «Снежный барс» // Посольство США в Таджикистане. 02.06.2023. URL: https://tj.usembassy.gov/ru/учения-снежный-барс (дата обращения: 02.07.2023).

[14] *Нургожаев М.* Американцы активизировались в Таджикистане // Ритм Евразии. 22.02.2025. URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-02-22--amerikancy-aktivizirovalis-v-tadzhikistane-zhdat-novyh-problem-78707 (дата обращения: 22.02.2025).

[15] Достижения внешней политики Таджикистана. URL: https://www.mfa.tj/ru/main/view/12/dostizheniya-vneshnei-politiki-tadzhikistana (дата обращения: 23.06.2025).

[16] Выступление Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона на церемонии открытия третьей Международной конференции по международному десятилетию действий «Вода для устойчивого развития, 2018–2028 годы». URL: https://khovar.tj/rus/2024/06/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-lidera-natsii-emomali-rahmona-na-tseremonii-otkrytiya-tretej-mezhdunarodnoj-konferentsii-po-mezhdunarodnomu-desyatiletiyu-dejstvij-voda-dlya-ustojchivogo (дата обращения: 28.06.2025).

[17] Таджикистан принимает Международную конференцию по сохранению ледников. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/05/1464816 (дата обращения: 28.06.2025).

Формирование и развитие сотрудничества России и Таджикистана на рубеже XX–XXI вв.

Отабек М. Шарапов

Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Таджикистан, omsharopov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-6056-8819

Сурайё Р. Негматуллоева

Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Таджикистан, surayo_negmatulloeva@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-7277-4791

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования и развития взаимоотношений Республики Таджикистан и Российской Федерации на двусторонней и многосторонней основе, в том числе и в рамках международных и региональных организаций. В этой связи, необходимо отметить, что за годы развития российско-таджикского сотрудничества оба государства выступили с совместными инициативами и стали со-основателями ряда международных и региональных организаций. В работе проанализированы также основные факторы, которые оказывают непосредственное влияние на развитие сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в период после распада СССР и по сегодняшний день. В статье исследуются и показаны роль и вклад российской стороны в мирном урегулировании межтаджикского конфликта в 90-е гг. прошлого столетия. Авторами выделены также главные проблемы, влияющие на сотрудничество двух государств. В работе исследуются приоритетные направления взаимодействия между двумя государствами, изучена роль лидеров государств в успешном развитии стратегического партнерства и союзничества наших стран. Авторами проанализирована также правовая основа взаимодействия, выделены основные документы межгосударственных отношений. В статье приведены и возможные перспективные направления дальнейшего взаимодействия обоих государств.

Ключевые слова: Таджикистан, Россия, внешняя политика, сотрудничество, приоритет, отношения, интеграция, взаимодействие, сфера, регион

© Шарапов О.М., Негматуллоева С.Р., 2025

The formation and development of cooperation between Russia and Tajikistan at the turn of the 20th – 21st centuries

Otabek M. Sharapov
Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan, omsharopov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-6056-8819

Surayo R. Negmatulloeva
Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan, surayo_negmatulloeva@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-7277-4791

Abstract. The article examines the process of formation and development of relations between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation on a bilateral and multilateral basis, including within the framework of international and regional organizations. In this regard, it should be noted that over the years of the development of Russian-Tajik cooperation, both states have taken joint initiatives and have become co-founders of a number of international and regional organizations. The paper also analyzes the main factors that have a direct impact on the development of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the period after the collapse of the USSR and to the present day. The article examines and shows the role and contribution of the Russian side in the peaceful settlement of the inter-Tajik conflict in the 90s of the last century. The authors also highlighted the main problems affecting the cooperation between the two states. The paper examines the priority areas of cooperation between the two countries, examines the role of state leaders in the successful development of strategic partnership and alliance between our countries. The authors also analyzed the legal basis of interaction, highlighted the main documents of interstate relations. The article also presents possible promising areas for further cooperation between the two countries.

Keywords: Tajikistan, Russia, foreign policy, cooperation, priority, relations, integration, interaction, sphere, region

Формирование и развитие внешней политики Таджикистана, как известно, проходило в весьма сложное для республики время после распада СССР, становления собственной государственности и начала гражданской войны в стране. Сложность формирования внешнеполитического курса вновь обретшего независимость государства также была связана и с тем, что Таджикистан на момент распада СССР не имел собственных традиций внешнеполитической деятельности,

правовой базы и необходимой инфраструктуры, испытывал острый дефицит кадров. Тем не менее, несмотря на все указанные сложности, руководством республики были выработаны значимые цели и задачи, а также приоритеты внешней политики государства на международной арене. Так уже на XVIII сессии Верховного Совета страны в 1993 г. глава государства Эмомали Рахмон впервые высказался о необходимости разработки и принятия Концепции внешней политики Республики Таджикистан. Тогда в своем выступлении он изложил также и основные приоритеты внешнеполитического курса:

«При разработке Концепции внешней политики мы должны иметь в виду, что Республика Таджикистан по своему географическому, геополитическому местоположению и экономическим интересам входит в пять политических сообществ:

- первое сообщество – Содружество Независимых Государств, которые, несмотря на трудности периода своего становления, стараются всемерно развивать внутренние связи;
- второе сообщество – Центральная Азия, которая идет по пути политической и экономической интеграции;
- третье сообщество – пространство жизни и действия соседних персоязычных государств, которые до сих пор не организовали у себя тот или иной политический или экономический союз. Их объединяют не только историческая, религиозная и культурная общность, но и реальные перспективы национального возрождения;
- четвертое сообщество – сфера влияния исламских государств Востока, которые связывают не только общность религии, обычаи, духовные ценности, но и возможности, и нужда национального возрождения.

И, наконец, пятый регион – международное сообщество, внутренняя и внешняя интеграция которого усиливается с каждым днем и постепенно идет по пути к единой человеческой цивилизации»[1].

Исходя из этих положений, можно отметить, что уже в первые годы независимости были выработаны фундаментальные принципы и основные приоритеты современной внешней политики Республики Таджикистан. Кроме того, можно также прийти к выводу о том, что руководство республики, несмотря на все сложности объективного и субъективного характера, верно и четко осознало и расставило приоритеты во внешней политике государства, выбрав в качестве главного его приоритетного направления страны СНГ и, прежде всего, Российскую Федерацию.

Дипломатические отношения между нашими государствами были установлены, как известно, 8 апреля 1992 г. Таким образом, можно отметить, что Российская Федерация одной из первых признала независимость Республики Таджикистан и открыла свое

дипломатическое представительство в Душанбе. Таджикистан же в свою очередь на базе бывшего представительства Таджикской ССР в Москве, одно из первых своих посольств открыл именно в России. В последующем, как и в настоящее время, Посольство Таджикистана в России стало одним из крупнейших и по кадровому составу, и по инфраструктуре среди всех посольств республики, аккредитованных в зарубежных столицах, что демонстрирует приоритетность взаимодействия с Россией и важность российского вектора во внешней политике таджикского государства.

Уже в 1994 г. в городе Худжанде Республики Таджикистан стало функционировать Генеральное консульство Российской Федерации. В последующие годы ввиду укрепления и развития внешнеэкономических и межрегиональных связей субъектов России и областей Таджикистана, роста количества таджикских граждан в Российской Федерации, были открыты Генеральные консульства республики в Санкт-Петербурге, Уфе, Новосибирске и Екатеринбурге.

С началом гражданской войны в Таджикистане в мае 1992 г. российская сторона предприняла комплекс мер по содействию скорейшему мирному урегулированию конфликта в стране. Указанный комплекс мер содержал как действия России на международной арене с целью привлечь внимание международного сообщества к проблемам Таджикистана, так и моральную, материальную, военно-политическую и всю возможную на тот момент поддержку республики для скорейшего завершения гражданской войны. Российские войска защищали таджикско-афганскую границу от внешних угроз, а переговорный процесс по инициативе России по мирному урегулированию конфликта начался и успешно завершился именно в Москве. В целом, на российскую сторону выпало основное бремя нагрузки как военной, так и материальной в рамках миротворческой операции Коллективных миротворческих сил стран СНГ в Таджикистане. С тех пор и по сегодняшний день миротворческая миссия СНГ в Таджикистане остается одной из самых успешных за всю историю данной организации, а таджикская модель мирного урегулирования гражданской войны изучается международным сообществом как один из наиболее удачных примеров полного и мирного завершения внутригосударственного конфликта не только на постсоветском пространстве, но и в мире в целом. Таким образом, неоспоримой является роль российского государства в мирном завершении гражданской войны в Таджикистане.

Несколько ранее, в мае 1992 г. Россия и Таджикистан, наряду с некоторыми другими странами Содружества, стали участниками Договора о коллективной безопасности, впоследствии преобразованного в 2003 г. в полноценную международную организацию по обеспечению региональной безопасности на коллективной основе – Организацию Договора о коллективной безопасности. Таким образом, уже на рубеже

двух столетий – XX и XXI вв., Россия и Таджикистан, вместе с рядом других государств региона, выступили сооснователями новых международных и региональных форматов взаимодействия. Другими успешными подобными примерами являются формирование по инициативе наших государств в 2000 г. на базе Таможенного союза стран СНГ полноценного экономического объединения – Евразийского Экономического Сообщества, а также создание в 2001 г. на основе «Шанхайского форума» Шанхайской Организации Сотрудничества.

Правовая основа взаимодействия России и Таджикистана, ныне охватывающая более, чем 320 совместных документов по самым разным направлениям двустороннего сотрудничества, стала формироваться в первые годы установления дипломатических отношений. Уже в 1993 г. между двумя государствами состоялось подписание одного из самых значимых документов, заложившего основу для развития будущего стратегического партнерства – Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В 1995 г. как результат успешного развития российско-таджикского сотрудничества между двумя государствами было подписано уникальное на всем постсоветском пространстве соглашение – Договор об урегулировании вопросов двойного гражданства. В 1999 г. Россия и Таджикистан стали союзниками де-юре ввиду подписания одного из основных документов, ставшего фундаментом двусторонних отношений – Договора о союзническом взаимодействии, ориентированном в XXI в.

Важно отметить, что с момента установления дипломатических отношений и по сегодняшний день сотрудничество России и Таджикистана развивается по всем возможным направлениям совместной деятельности. Российская Федерация остается торговым партнером номер один для Республики Таджикистан практически во все годы сотрудничества наших стран. Россия является одним из лидеров среди государств-инвесторов таджикской экономики. Если говорить об инвестировании в рамках многостороннего взаимодействия в формате международных организаций, то можно отметить, что Россия является основным спонсором реализуемых проектов ООН в Таджикистане. Однако несмотря на то, что оба государства имеют огромные возможности в экономическом отношении, тем не менее потенциал сотрудничества наших стран в данном направлении остается реализованным не в полной мере. К сожалению, экономическое направление взаимодействия наших стран становится более приоритетным только в последние годы.

За все годы развития двусторонних отношений России и Таджикистана наиболее приоритетной сферой их развития выступает военно-политическое сотрудничество. Это связано, прежде всего, с нестабильной ситуацией в регионе, ростом и развитием различных угроз и вызовов безопасности. В целях обеспечения региональной

безопасности и предотвращения различных вызовов и угроз российско-таджикское партнерство развивается не только в рамках двусторонних отношений, но и на многосторонней основе в формате таких организаций, как ООН, ШОС, СНГ, ОДКБ. В Республике Таджикистан расположена крупнейшая российская военная база за пределами России, что является не только важным фактором сотрудничества наших стран, но и превентивным аспектом в обеспечении региональной безопасности и стабильности. Между двумя государствами на регулярной основе проводятся совместные учения как в двустороннем формате, так и в рамках региональных объединений. Российская сторона оказывает техническое содействие таджикским вооруженным силам, а военные Таджикистана проходят обучение в специальных военных учебных заведениях России. Успешное развитие военно-технического и военно-политического сотрудничества наших стран связано, прежде всего, со схожестью общих угроз и вызовов для государств постсоветского пространства. В этом плане, стоит отметить, что, в отличие от некоторых стран региона, у российской и таджикской сторон есть верное и правильное понимание и осознание современных проблем безопасности и их общности для всех постсоветских государств.

Важную роль в плодотворном развитии российско-таджикских отношений играют лидеры обоих государств. Как показывает практика, какие бы периодические противоречия не возникали в отношениях двух стран, именно благодаря мудрой и здравой позиции Президентов России и Таджикистана Владимира Путина и Эмомали Рахмона эти противоречия удавалось решать весьма своевременно и без ущерба развитию сотрудничества наших стран. Таким образом, можно отметить, что в сотрудничестве России и Таджикистана налажен весьма эффективный политический диалог. Значимая роль в его эффективном развитии принадлежит и Парламентам двух государств. Межпарламентское сотрудничество России и Таджикистана остается весьма перспективным направлением взаимодействия, оказывая влияние на развитие взаимоотношений в различных сферах.

Одним из приоритетных направлений взаимодействия России и Таджикистана является культурно-гуманитарное сотрудничество. Правовая основа взаимоотношений наших стран в указанных сферах была заложена еще в начале 90-х гг. XX в. Необходимо отметить, что несмотря на распад СССР, формирование и развитие независимых государств на постсоветском пространстве, Россия и Таджикистан, тем не менее, все еще остаются в едином информационном, правовом, образовательном, научном и культурном пространстве. В развитии культурно-гуманитарного сотрудничества стран СНГ важную роль играет русский язык. В Республике Таджикистан согласно Конституции страны русскому языку придан статус языка межнационального общения, уделяется большое внимание его изучению. В стране

принята Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года, функционируют школы с русским языком обучения, 5 российских общеобразовательных школ, филиалы ведущих российских высших учебных заведений.

Признанным флагманом российско-таджикского сотрудничества в сфере образования является Российско-Таджикский (Славянский) Университет, осуществляющий свою образовательную и научную деятельность в столице Таджикистана – городе Душанбе с 1996 г. В целом, в Таджикистане ощущается большой спрос на обучение русскому языку и получение российского образования. Традиционно в высших учебных заведениях России обучаются граждане Республики Таджикистан.

На регулярной основе проводятся Дни культуры Таджикистана в России и России в Таджикистане. И в России, и в Таджикистане беспрепятственно и успешно осуществляют деятельность общества дружбы и соотечественников, диаспоры народов наших стран. В городах Душанбе и Худжанд Республики Таджикистан на базе Российских центров науки и культуры функционирует Представительство Россотрудничества. При ряде крупных высших учебных заведений Таджикистана реализует свою деятельность «Русское пространство».

Между двумя странами налажено сотрудничество в сфере науки. Ежегодно в Таджикистане и России проводится целый ряд различных совместных научных мероприятий, обмен научными и творческими делегациями, осуществляются совместные исследования. Таким образом, можно отметить, что культурно-гуманитарное направление сотрудничества России и Таджикистана имеет огромный потенциал и способствует еще большему развитию и расширению российско-таджикского взаимодействия.

Подводя итоги по всей статье, можно отметить, что формирование и развитие российско-таджикских отношений происходило в сложные годы после распада Советского Союза и становления новых независимых государств. Несмотря на все трудности объективного характера, Россия и Таджикистан, установив дипломатические отношения в 1992 г., прошли пусть от становления сотрудничества до стратегического партнерства и союзничества в двустороннем и многостороннем форматах. Успешный путь развития сотрудничества России и Таджикистана обусловлен, прежде всего, общностью национальных интересов, схожестью позиций на международной арене и в регионе постсоветского пространства, сложившимися историческими и культурными связями наших народов, современными вызовами и угрозами безопасности[2]. Эти факторы определяли развитие взаимоотношений наших стран на рубеже столетий, они же будут определять дальнейший формат российско-таджикского сотрудничества. На современном

этапе взаимодействия России и Таджикистана отмечается формирование и развитие новых и перспективных векторов. Среди них – мирное развитие атомной энергетики, межрегиональное сотрудничество, восстановление кооперационных промышленных связей, информационно-телекоммуникационная сфера, туризм и многое другое. Все это позволяет сделать вывод о том, что российско-таджикское сотрудничество имеет большой потенциал и весьма позитивные перспективы.

Таким образом, взаимоотношения России и Таджикистана в ближайшие годы будут еще более расширяться и укрепляться, способствуя формированию новых сфер взаимодействия и решению региональных проблем.

Информация об авторах

Отабек М. Шарапов, кандидат политических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30; *omsharopov@mail.ru*

Сурайё Р. Негматуллоева, кандидат философских наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30; *surayo_negmatulloeva@mail.ru*

Information about the authors

Otabek M. Sharapov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Tajikistan, Dushanbe, 734025; *omsharopov@mail.ru*

Surayo R. Negmatulloeva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Tajikistan, Dushanbe, 734025; *surayo_negmatulloeva@mail.ru*

Примечания

[1] *Саидов З.Ш.* 25 лет внешней политики Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона (1992–2017 гг.): исторические аспекты становления и развития: Монография. Душанбе: Контраст, 2020. С. 22–23.

[2] *Латифов Дж.Л.* Республика Таджикистан в круговороте геополитических перемен XXI в.: Монография. Душанбе, 2024. 486 с.

Таджикско-российские торгово-экономические отношения и перспективы их развития

Шариф М. Рахимзода

Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана,
Душанбе, Таджикистан, info@ied.tj

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в контексте современных геоэкономических реалий. На основе статистических данных за 2015–2024 гг. рассматриваются динамика внешнеторгового оборота, структура экспорта и импорта, объёмы и формы российских инвестиций, а также институциональные механизмы, обеспечивающие двустороннее взаимодействие. Особое внимание уделено оценке роли Российской Федерации как стратегического партнёра Таджикистана в таких отраслях, как промышленность, сельское хозяйство, энергетика и инфраструктурное развитие. Предложены направления углубления партнёрства в условиях глобальных вызовов, включая санкционное давление и постпандемийные экономические последствия. Статья основана на принципе сохранения эмпирической достоверности и ориентирована на формирование научно обоснованных рекомендаций для устойчивого развития двусторонних отношений.

Автор приходит к выводу о том, что углубление и модернизация механизмов торгово-экономического сотрудничества Таджикистана и России отвечает стратегическим интересам обеих стран, и расширяет возможности Таджикистана в сфере укрепления конкурентоспособности национальной экономики, включая развитие производства и экспорта высокотехнологичной продукции. В статье подчеркивается необходимость перехода к инвестиционно-инновационной модели взаимной торговли и другим перспективным формам экономического сотрудничества двух государств, в том числе по линии укрепления связей Таджикистана с Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, внешнеторговый оборот, стратегическое партнёрство, прямые иностранные инвестиции, промышленная кооперация, агропромышленный комплекс, гидроэнергетика, солнечная энергетика, ирригационная инфраструктура, институциональные механизмы, устойчивое развитие, экспорт, импорт, экономическая безопасность

© Рахимзода Ш.М., 2025

Tajik-Russian trade and economic relations and their development prospects

Sharif M. Rahimzoda

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, info@ied.tj

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of trade, economic and investment cooperation between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the context of modern geo-economic realities. Based on statistical data for 2015–2024, the dynamics of foreign trade turnover, the structure of exports and imports, the volume and forms of Russian investments, as well as institutional mechanisms ensuring bilateral cooperation are considered. Special attention is paid to assessing the role of the Russian Federation as a strategic partner of Tajikistan in such sectors as industry, agriculture, and energy and infrastructure development. The directions of deepening partnership in the context of global challenges, including sanctions pressure and post-pandemic economic consequences, are proposed. The article is based on the principle of preserving empirical reliability and is focused on the formation of scientifically based recommendations for the sustainable development of bilateral relations.

The author concludes that deepening and modernizing trade and economic cooperation between Tajikistan and Russia meets the strategic interests of both countries and expands Tajikistan's opportunities to strengthen the competitiveness of its national economy, including the development of high-tech production and exports. The article emphasizes the need to transition to an investment-innovation model of mutual trade and other promising forms of economic cooperation between the two countries, including strengthening Tajikistan's ties with the Eurasian Economic Union.

Keywords: trade and economic cooperation, foreign trade turnover, strategic partnership, foreign direct investment, industrial cooperation, agro-industrial complex, hydropower, solar energy, irrigation infrastructure, institutional mechanisms, sustainable development, export, import, economic security

В условиях глобализации и усиления региональной интеграции торгово-экономические отношения между государствами приобретают стратегическое значение, способствуя формированию устойчивых форм международного взаимодействия. Республика Таджикистан и Российская Федерация на протяжении

длительного исторического периода демонстрируют высокий уровень политического и экономического партнёрства, основанного на принципах взаимного уважения, стратегического доверия и цивилизационной взаимозависимости.Российская Федерация на протяжении столетий выступает важным и надёжным союзником Республики Таджикистан. В разные исторические периоды – от досоветского времени до современного этапа независимости – двусторонние отношения способствовали укреплению политических, экономических, транспортно-коммуникационных и гуманитарных связей, формированию условий для устойчивого развития, стабильности и межгосударственного доверия.

Цель настоящей статьи – осуществить комплексный анализ текущего состояния и перспектив таджикско-российского торгово-экономического взаимодействия с позиций современной экономической науки и международной практики. В центре внимания – ключевые векторы партнёрства: внешнеторговый оборот, инвестиционная активность, развитие кооперации в сфере промышленности, аграрного сектора, энергетики, инфраструктуры и туризма.

Учитывая стратегическую важность углубления партнёрства, Республика Таджикистан последовательно реализует политику создания благоприятного инвестиционного климата. В 2007 г. был создан Консультативный совет по улучшению инвестиционного климата при Президенте Республики Таджикистан, выступающий как институциональная платформа для конструктивного диалога между государственными структурами, частным сектором и международными партнёрами. На заседаниях совета, с участием представителей министерств, ведомств, донорских организаций и инвесторов, регулярно рассматриваются барьеры, сдерживающие деловую активность, а также вырабатываются меры по стимулированию притока инвестиций. Эти подходы находят отражение в государственных стратегиях и программах развития.

Особое внимание в политике Таджикистана уделяется достижению энергетической независимости и устойчивому экономическому росту, включая развитие «зелёной» экономики. В Послании Президента Республики Таджикистан, Лидера Нации Эмомали Рахмона от 28 декабря 2023 г. подчёркивается: «Правительство страны принимает постоянные меры с целью достижения энергетической независимости и обеспечения устойчивого развития национальной экономики с использованием всех возможностей и имеющихся источников, особенно источников развития «зелёной экономики»[1].

Первостепенными стратегическими приоритетами Республики Таджикистан остаются обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, ускоренная индустриализация и модернизация инфраструктуры. В этом контексте международное сотрудничество с Российской Федерацией приобретает особое значение как в экономическом, так и в геополитическом измерении. Российская Федерация продолжает оставаться ключевым стратегическим партнёром и союзником Таджикистана. Основу партнёрства составляют принципы взаимной выгоды, исторической преемственности и общей заинтересованности в устойчивом развитии обоих стран.

Дополнительный интерес к углублению взаимодействия обусловлен тем, что российские инвестиции и технологии могут способствовать ускоренной модернизации экономики Таджикистана, особенно в сферах инфраструктуры, промышленности и освоения природных ресурсов. Таким образом, партнёрство с Российской Федерацией имеет мультипликативный эффект: способствует развитию ключевых отраслей, повышает экономическую устойчивость и укрепляет интеграционные связи в регионе.

Институциональной опорой взаимодействия служит Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству. Её ежегодные заседания становятся площадкой для согласования стратегических инициатив и приоритетных проектов. Так, по итогам заседания 4 октября 2024 г. в г. Душанбе было подписано межправительственное соглашение «О программе экономического сотрудничества на 2024–2027 годы», в рамках которого определены ключевые направления: развитие совместной промышленности, создание технопарков, освоение месторождений, кооперация в энергетике и образовании, поддержка экспорта и развитие туризма[2].

Научная значимость настоящего исследования заключается в том, что оно опирается на систематизацию статистических и институциональных данных за 2015–2024 гг., проводится в контексте глобальных вызовов и предоставляет обоснованные рекомендации по устойчивому расширению экономического сотрудничества между двумя государствами в условиях меняющейся геоэкономической конъюнктуры.

Сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией развивается целенаправленно и носит стратегически важный характер. Это взаимодействие не только способствует экономическому и социальному прогрессу Республики Таджикистан, но и играет значимую роль для Российской Федерации, поскольку Таджикистан обладает потенциалом

функционировать в качестве транзитного узла, открывающего доступ к рынкам Южной Азии.

Анализ внешнеторгового оборота между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией: динамика, структура и тенденции развития

Внешнеторговое сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в последние годы демонстрирует устойчивую положительную динамику, несмотря на наличие внешних и внутренних вызовов, включая пандемию COVID-19, нестабильность мировых рынков и санкционную нагрузку на одного из ключевых партнёров. Анализ статистических данных за 2015–2024 гг. свидетельствует о последовательном расширении двусторонней торговли и укреплении экономической взаимозависимости между странами.

Несмотря на то, что Республика Таджикистан поддерживает торгово-экономические связи с рядом государств, включая Китайскую Народную Республику, Республику Казахстан, Турецкую Республику и др., именно Российская Федерация стабильно сохраняет позицию главного внешнеэкономического партнёра страны. При этом доля конкретных стран в структуре внешнеторгового оборота варьируется в зависимости от торговых условий, политико-экономических приоритетов и действующих договорных механизмов.

Внешнеторговый оборот между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, общий объём внешнеторгового оборота между двумя странами за указанный период увеличился на 79,3% – с 1105,5 млн долл. США в 2015 г. до 1981,8 млн долл. США в 2024 г. При этом в 2024 г. доля Российской Федерации в общем внешнеторговом обороте Республики Таджикистан составила 22,1%, что подтверждает её статус главного экономического партнёра.

Как демонстрируют данные таблицы 1, наиболее заметное снижение внешнеторгового оборота наблюдалось в 2020 г. – в период распространения пандемии COVID-19. За этот год товарооборот между двумя странами сократился с 1053,4 млн до 973,6 млн долл. США, что составило снижение на 7,6%. Однако начиная с 2021 г. наблюдается устойчивое восстановление, сопровождающееся ежегодным ростом показателей.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот Республики Таджикистан с Российской Федерацией

Год	Общий внешнеторговый оборот (млн долл. США)	В том числе с Россией (млн долл. США)	Экспорт (млн долл. США)	Импорт (млн долл. США)	Доля РФ в общем обороте (%)
2015	4326,2	1105,5	56,9	1048,6	25,6
2016	3929,9	1036,3	50,6	985,7	26,4
2017	3973,1	935,9	32,1	903,8	23,6
2018	4222,9	1023,2	55,2	968,0	24,2
2019	4523,7	1053,4	44,3	1009,1	23,3
2020	4557,8	973,6	41,0	932,6	21,4
2021	6359,1	1353,0	72,5	1280,5	21,3
2022	7309,5	1673,9	88,2	1585,7	22,9
2023	8328,9	1715,0	134,7	1580,3	20,6
2024	8955,0	1981,8	96,2	1885,6	22,1

Источник: Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан за 2015–2024 гг.

Как демонстрируют данные таблицы 1, наиболее заметное снижение внешнеторгового оборота наблюдалось в 2020 г. – в период распространения пандемии COVID-19. За этот год товарооборот между двумя странами сократился с 1053,4 млн до 973,6 млн долл. США, что составило снижение на 7,6%. Однако начиная с 2021 г. наблюдается устойчивое восстановление, сопровождающееся ежегодным ростом показателей.

Анализ представленной статистики (табл. 1) позволяет выделить несколько ключевых этапов:

- **2015–2019 гг.** – относительная стабильность объёма торговли, умеренный рост;
- **2020 г.** – снижение товарооборота в условиях пандемии и ограничений, связанных с логистикой и спросом;
- **2021–2024 гг.** – восстановление и дальнейший рост объёма торговли, в том числе за счёт активизации импортных поставок и увеличения экспортных поставок продовольствия, текстиля и хлопкового волокна.

Структура внешнеторгового оборота: товарная номенклатура, доминирующие позиции и трансформация потоков

Анализ товарной структуры внешней торговли между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией демонстрирует ярко выраженную асимметрию в пользу импорта. В структуре товарооборота преобладают поставки из России, охватывающие широкий спектр промышленной и потребительской продукции, в то время как таджикский экспорт представлен преимущественно товарами агропромышленного комплекса и продукции лёгкой промышленности с низкой степенью переработки.

К числу основных импортных позиций из Российской Федерации относятся: нефтепродукты и топливо, древесина и изделия из неё, чёрные металлы, сахар и кондитерские изделия, продукция мукомольной промышленности, алкогольные и безалкогольные напитки, а также различные виды продовольственных товаров. Совокупно они формируют свыше 75% импорта из России. Наибольший удельный вес занимает категория «нефтепродукты и топливо» – 42,2% в 2024 г.

Экспорт Республики Таджикистан в Российскую Федерацию преимущественно сосредоточен в сферах агропрома и текстильной продукции. В 2024 г. основными статьями экспорта стали: одежда и аксессуары из трикотажных материалов (31,2%), фрукты и орехи (24,9%), хлопковое волокно и продукция из него (21,5%). При этом наблюдается снижение объёмов экспорта в большинстве товарных категорий, особенно в части продукции электротехнической промышленности.

Таблица 2

Структура внешнеторгового оборота Республики Таджикистан с Российской Федерацией

ТН ВЭД	**Наименование товаров**	**2023 (млн $)**	**Уд. вес (%)**	**2024 (млн $)**	**Уд. вес (%)**	**Изменение (+/-)**
1	2	3	4	5	6	7
	ЭКСПОРТ, всего:	134,7	100,0	96,2	100,0	-38,5
61	Одежда и аксессуары из трикотажа	14,0	10,4	30,0	31,2	+16,0
08	Фрукты и орехи	16,7	12,4	24,0	24,9	+7,3
52	Хлопковое волокно и продукция из него	30,7	22,8	20,7	21,5	-10,0

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
74	Медь и продукция из неё	11,0	8,2	2,6	2,7	-8,4
62	Одежда и её части	3,7	2,7	3,2	3,3	-0,5
85	Электрические машины, устройства и их части	33,0	24,5	0,1	0,1	-32,9
–	Прочие	25,6	19,0	15,6	16,2	-10,0
	ИМПОРТ, всего:	1580,3	100,0	1885,6	100,0	+305,3
27	Нефтепродукты, топливо	624,4	39,5	796,4	42,2	+172,0
44	Древесина и изделия из неё	204,6	12,9	272,5	14,5	+67,9
72	Чёрные металлы	91,8	5,8	90,6	4,8	-1,2
17	Сахар и кондитерские изделия	42,9	2,7	71,0	3,8	+28,1
15	Растительные и животные масла	65,3	4,1	58,5	3,1	-6,8
19	Готовая продукция из муки, пшеницы	42,6	2,7	55,9	3,0	+13,3
22	Алкогольные и безалкогольные напитки	49,5	3,1	45,8	2,4	-3,7
21	Разнообразные продукты питания	31,1	2,0	37,2	2,0	+6,4
–	Прочие	428,4	27,1	457,7	24,3	+29,3

Источник: Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан за 2023–2024 гг.

Анализ таблицы 2 демонстрирует, что значительное снижение объёмов таджикского экспорта в 2024 г. связано с резким падением поставок в категорию «электрические машины и устройства» (–32,9 млн долл. США) и снижением доли медной продукции. В то же время позитивную динамику показывают такие категории, как трикотажная одежда, плодоовощная продукция и продукция мукомольной отрасли. Это указывает на потенциальные точки роста и возможные направления стимулирования экспорта.

Ограничения, вызванные пандемией COVID-19, оказали негативное влияние на торгово-экономические отношения, приведя к сокращению деловой активности и логистических цепочек. В результате, в 2020 г. темпы роста ВВП составили 4,5%, несмотря на запланированные 7,5% согласно экономической программе правительства. Однако в последующие годы начался процесс восстановления: внешнеторговый оборот с Российской Федерацией увеличился в 2021 г. на 38,8%, в 2023 – на 23,7%, и в 2024 – ещё на 15,5%.

В 2024 году доля экспорта товаров из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию составила 4,94% от общего объёма экспорта страны, что на 2,03 процентных пункта выше показателя 2020 г. В то же время доля импорта из России в общем объёме импорта Республики Таджикистан составила 26,91%, что подтверждает высокую степень зависимости от поставок из Российской Федерации в ряде ключевых товарных категорий.

Экспорт из Республики Таджикистан в Россию характеризуется относительно узкой товарной номенклатурой, в которой преобладают товары с низкой степенью переработки и сезонной зависимостью (табл. 2). В 2024 г основными экспортными позициями стали:

- одежда и аксессуары из трикотажа (31,2%);
- фрукты и орехи (24,9%);
- хлопковое волокно (21,5%).

Импорт из Российской Федерации, напротив, носит более диверсифицированный характер и охватывает широкий спектр продукции, включая:

- нефтепродукты и топливо (42,2%);
- древесину и изделия из неё (14,5%);
- сахар, кондитерские изделия, готовую пищевую продукцию, алкоголь, чёрные металлы и прочее.

Таким образом, интерпретация структуры внешней торговли с Российской Федерацией позволяет сделать вывод о необходимости диверсификации экспортного портфеля Таджикистана, повышения степени переработки экспортируемых товаров и активизации мер по стимулированию внешнеэкономической активности в приоритетных секторах.

Динамика экспорта и импорта: темпы роста, факторы влияния и колебания внешнеторговых долей

Долгосрочный анализ внешнеторговых показателей между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией демонстрирует устойчивую положительную динамику, при этом темпы роста импорта сохраняют стабильный характер, в то время как экспорт

подвержен колебаниям, обусловленным как внутренними, так и внешними факторами.

Согласно данным за десятилетний период, объём экспорта товаров из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию увеличился на 69,07%, в то время как объём импорта из Российской Федерации возрос на 79,8% – с 1048,6 млн долл. США до 1885,6 млн долл. США. Приведенные показатели указывают на растущую взаимозависимость экономик двух стран, несмотря на сохраняющееся отрицательное сальдо торгового баланса в пользу Российской Федерации.

Динамика экспорта демонстрирует постепенный рост в связи с реализацией ряда институциональных и технических мер: упрощением таможенного оформления, гармонизацией фитосанитарных требований, а также заключением долгосрочных контрактов на поставки определённых товарных групп. Эти усилия позволили создать более благоприятные условия для таджикских производителей, ориентированных на российский рынок. Однако в 2020 г. под воздействием пандемии COVID-19 наблюдалось снижение объёма экспорта на 7,5% – с 44,3 до 41,0 млн долл. США. Основными причинами стали ограничение логистики, падение потребительского спроса и обострение внешнеторговых рисков. Тем не менее уже в 2021 г. объём экспорта вырос на рекордные 76,8%, а в 2022 г. – ещё на 21,6%. Положительная динамика продолжилась и в 2023 г. В то же время в 2024 г. объём экспорта снизился на 28,6% по сравнению с предыдущим годом, что было связано преимущественно с неблагоприятными погодными условиями, повлиявшими на урожайность и агропромышленное производство.

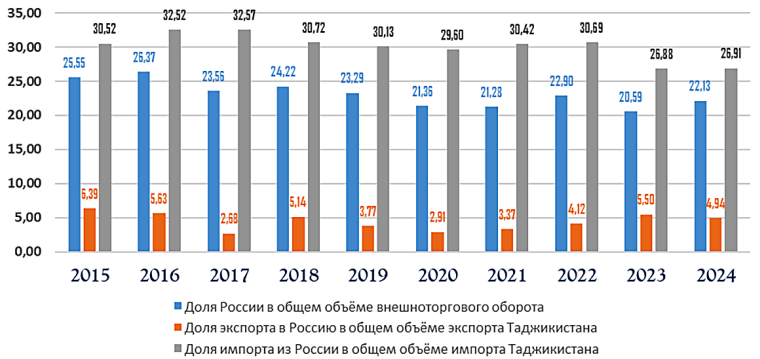

Рис. 1. Доля Российской Федерации в общем объёме внешнеторгового оборота Республики Таджикистан (в %)

Источник: Расчеты автора на основании данных Статистического сборника Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан за 2013–2024 гг.

На рис. 1 зафиксированы ключевые колебания доли Российской Федерации в общем объёме внешнеторгового оборота Республики Таджикистан. В целом, эта доля сохраняет сравнительно стабильный характер. Так, в 2020 г. она снизилась на 1,93 процентных пункта по сравнению с предыдущим годом, а в 2023 – на 2,31 п.п. Однако уже в 2024 г. наблюдается восстановление доли, чему способствовало увеличение товарооборота и частичная компенсация ранее зафиксированного спада экспорта.

Таким образом, несмотря на отдельные отклонения, торгово-экономическое взаимодействие между Таджикистаном и Российской Федерацией демонстрирует устойчивость к внешним шокам и обладает значительным потенциалом для дальнейшего расширения, особенно в части экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью и технологической составляющей.

Торговый баланс и коэффициент покрытия: динамика и структурные предпосылки

В настоящее время Российская Федерация продолжает оставаться основным торговым и экономическим партнёром Республики Таджикистан. При этом сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса: объёмы импорта из России существенно превышают объёмы экспорта таджикских товаров. Однако начиная с 2021 года прослеживается тенденция к относительному выравниванию, что отражается в росте коэффициента покрытия экспорта импортом (рис. 2).

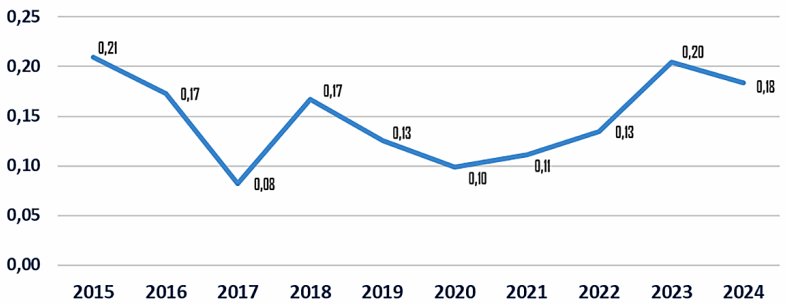

Рис. 2. Коэффициент покрытия экспорта импортом

Источник: Расчеты автора на основании данных Статистического сборника Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан за 2013–2023 гг.

Для любой национальной экономики достижение устойчивого положительного торгового баланса является одним из индикаторов внешнеэкономической стабильности и экспортной конкурентоспособности. Однако для стран постсоветского пространства, включая Республику Таджикистан, характерным остаётся исторически сложившийся дефицит производственных мощностей, инфраструктурных решений и логистической независимости, обусловленный высокой степенью зависимости от внешних поставок, особенно в первые десятилетия независимости.

Как показывает анализ, до 2020 г. коэффициент покрытия экспорта импортом в торговле с Российской Федерацией не превышал значения 0,2, что свидетельствует о том, что более 80% товарооборота формировалось за счёт импорта. Основные причины – недоразвитость перерабатывающих отраслей, ограниченность экспортного ассортимента и высокая логистическая зависимость.

Тем не менее, по мере реализации государственных инвестиционных программ, модернизации логистической инфраструктуры, запуска новых экспортно-ориентированных производств и привлечения инвестиций в агропромышленный сектор наблюдаются позитивные сдвиги. С 2021 года коэффициент покрытия демонстрирует умеренно положительную динамику: 0,11 в 2021 году, 1,13 в 2022 году и 0,20 в 2023 году. Однако в 2024 году показатель несколько снизился до 0,18, что объясняется одновременным ростом объёмов импорта и снижением экспорта вследствие неблагоприятных климатических условий.

Факторы, влияющие на экспортную активность

Формирование экспортного потенциала Республики Таджикистан в контексте торгово-экономических отношений с Российской Федерацией зависит от совокупности внешних и внутренних факторов:

- изменения фитосанитарных и таможенных регламентов;
- погодные и климатические условия, определяющие объём сельскохозяйственного производства;
- заключение долгосрочных контрактов с российскими контрагентами;
- доступность логистических коридоров и экспортной инфраструктуры;
- наличие государственной поддержки, субсидий и финансовых инструментов для экспортоориентированных предприятий.

Следует подчеркнуть, что устойчивое улучшение торгового баланса возможно только при переходе от экспорта сырья и сельхозпродукции к поставкам переработанной продукции с более высокой добавленной стоимостью. Развитие внешнеторговых отношений с Российской Федерацией требует комплексного институционального подхода: устранения административных барьеров, стимулирования технологических инвестиций, а также расширения экспортной номенклатуры за счёт поддержки промышленного сектора и малого бизнеса.

Таким образом, модернизация экспортной стратегии Республики Таджикистан и её адаптация к меняющейся внешнеэкономической конъюнктуре являются важнейшими условиями углубления экономической интеграции с Российской Федерацией и повышения национальной конкурентоспособности.

Инвестиционное сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией: масштабы, структура и перспективы

Инвестиции из Российской Федерации занимают ключевое место в системе внешнеэкономических связей Республики Таджикистан и рассматриваются как один из стратегических инструментов развития. «На сегодня, более 70 российских субъектов поддерживают торгово-экономические связи с республикой, на территории Таджикистана действуют порядка 330 компаний с участием Российской Федерации»[3].

Анализ таблицы 3 показывает, что в период 2015–2024 гг. Российская Федерация инвестировала в экономику Таджикистана 3008,5 млн долл. США, что составляет 19,4% от общего объёма привлечённых иностранных инвестиций. Указанный показатель варьировался от 3,3% (2018 г.) до 34,6% (2024 г.), отражая колебания, связанные с интенсивностью реализации совместных проектов, а также с макроэкономической ситуацией в регионе.

Как видно из данных таблицы 3, среди 65 стран, которые за 2015–2024 годы инвестировали в экономику Республики Таджикистан 15491,4 млн. долл. США, 3008,5 млн. долл. США или 19,4 процентов от общего объема инвестиций приходится на Российскую Федерацию. Естественно, в отдельные годы в зависимости от количество реализуемых проектов, приобретения техники, оборудования и другие факторы доля российских инвестиций в общей сумме инвестиций может меняться. Так, это доля в разные годы варировалась от 3,3 процента в 2018 году до 34,6 процента в 2024 году (рис. 3).

Таблица 3

Инвестиции в экономику Республики Таджикистан в 2015–2024 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В целом
Общая сумма инвестиций (млн. долл. США)	977,8	842,7	1100,4	644,4	607,1	428,5	718,3	2576,8	2690,4	4905,0	15491,4
в том числе из России	81,0	92,2	80,9	21,5	35,3	15,1	1,9	103,5	876,6	1700,5	3008,5
из них Прямые	34,8	35,1	63,4	0,2	33,0	13,9	0,6	41,7	41,4	28,9	293,0
Портфельные	0	0	0	0	0	0	0	0,04	0	0	0,04
Прочие	46,2	57,1	17,5	21,3	2,3	1,2	1,3	61,8	835,2	1671,6	2715,5
Доля России в общей сумме инвестиций, %	8,2	10,9	7,3	3,3	5,8	3,5	0,2	4,0	31,5	34,6	

Источник: Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» за 2015–2024 гг.

Анализ таблицы 3 показывает, что в период 2015–2024 гг. Российская Федерация инвестировала в экономику Таджикистана 3008,5 млн долл. США, что составляет 19,4% от общего объёма привлечённых иностранных инвестиций. Указанный показатель варьировался от 3,3% (2018 г.) до 34,6% (2024 г.), отражая колебания, связанные с интенсивностью реализации совместных проектов, а также с макроэкономической ситуацией в регионе.

Как видно из данных таблицы 3, среди 65 стран, которые за 2015–2024 годы инвестировали в экономику Республики Таджикистан 15491,4 млн. долл. США, 3008,5 млн. долл. США или 19,4 процентов от общего объема инвестиций приходится на Российскую Федерацию. Естественно, в отдельные годы в зависимости от количество реализуемых проектов, приобретения техники, оборудования и другие факторы доля российских инвестиций

в общей сумме инвестиций может меняться. Так, это доля в разные годы варировалась от 3,3 процента в 2018 году до 34,6 процента в 2024 году (рис. 3).

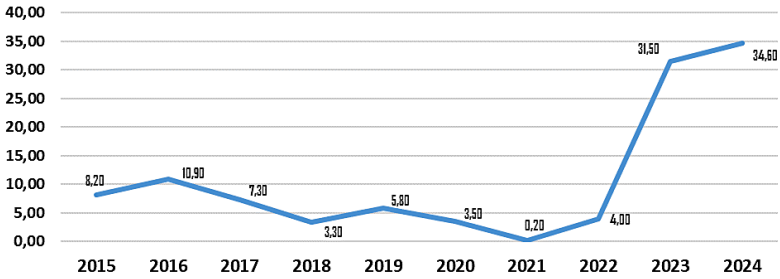

Рис. 3. Доля Российской Федерации в общей сумме инвестиций в экономику Республики Таджикистан за 2015–2024 годы, в процентах

Источник: Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» за 2015–2024 гг.

Особенностью российской инвестиционной активности является доминирование категории «прочие инвестиции» (в основном – банковские и финансовые вложения), на которые приходится 2715,5 млн долл. США. В то же время объём прямых инвестиций составляет лишь 293,0 млн долл. США, или 9,7% от всех российских вложений, что свидетельствует о недостаточной вовлечённости российского капитала в устойчивые производственные проекты и долгосрочные отраслевые инициативы.

Формирование устойчивого инвестиционного партнёрства требует перехода от краткосрочных финансовых механизмов к стратегии системной модернизации экономики Таджикистана за счёт прямых вложений в перерабатывающую промышленность, сельское хозяйство, энергетику и логистику. Потенциал российско-таджикского инвестиционного сотрудничества далёк от исчерпания и может быть реализован в рамках государственно-частного партнёрства, создания совместных технопарков, индустриальных кластеров и проектного финансирования в рамках евразийских интеграционных механизмов.

Следует отметить, что по мере роста уровня экономического развития и благосостояния населения Республики Таджикистан ожидается естественное сокращение зависимости от внешних инвестиций. Вместе с тем, государственная политика Таджикистана направлена на поддержание благоприятного

инвестиционного климата, снижение рисков для инвесторов, обеспечение прозрачности и правовой защиты капитала. Долгосрочные интересы Российской Федерации как стратегического партнёра могут быть реализованы в рамках модернизации ключевых отраслей таджикской экономики и обеспечения региональной стабильности через экономическую интеграцию.

Структура и специфика российских инвестиций: доминирование финансового посредничества и ограничения прямых вложений

Несмотря на общий рост объёмов инвестиций из Российской Федерации, их внутренняя структура указывает на преобладание краткосрочных и непродуктивных форм вложений. Как показывает анализ, российские компании демонстрируют меньшую активность в реализации реальных инвестиционных проектов на территории Республики Таджикистан по сравнению с китайскими и другими иностранными инвесторами (рис. 4).

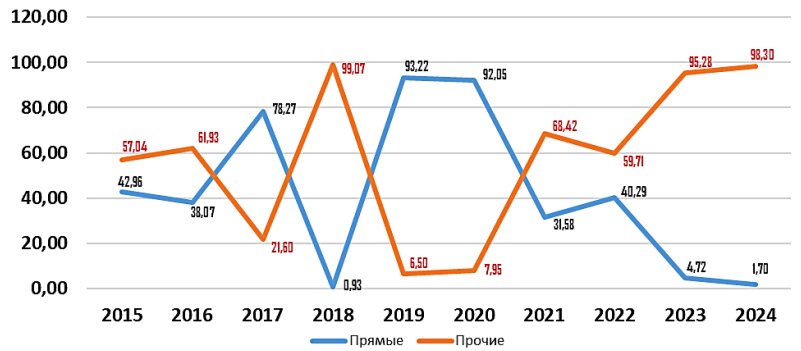

Рис. 4. Доля прямых и прочих инвестиций в общем объеме российских инвестиций в экономику Республики Таджикистан

Источник: Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» за 2015–2024 гг.

На долю прямых инвестиций в общей структуре российских вложений приходится лишь 9,7%, что свидетельствует о недостаточной заинтересованности частного российского капитала в долгосрочных отраслях экономики Таджикистана. В то же время

значительная часть инвестиций относится к категории «прочие», которые в последние два года (2023 и 2024 гг.) демонстрируют резкий рост – до 818,8 и 1658,5 млн долл. США соответственно.

Детальный анализ показывает, что основная сумма данных вложений относится к статье «финансовое посредничество», т. е. представляет собой депозитные вклады резидентов Российской Федерации в таджикские банки. С высокой долей вероятности можно утверждать, что данные средства не задействуются в реальном секторе экономики и впоследствии репатриируются обратно в российскую банковскую систему, особенно в условиях стабилизации российской экономики. Это ограничивает трансформационный потенциал данных инвестиций для Таджикистана и не способствует устойчивому экономическому росту.

Кроме того, практически полное отсутствие портфельных инвестиций (всего 0,04 млн долл. за весь период) указывает на низкий уровень развития внутреннего фондового рынка Таджикистана. Предприятия и организации страны не используют инструменты акционирования и не привлекают капитал путём размещения ценных бумаг, что ограничивает доступ к альтернативным формам финансирования.

Потенциал аграрного сектора как приоритетное направление инвестиционного взаимодействия

Одной из ключевых отраслей экономики Республики Таджикистан остаётся сельское хозяйство. Его доля в структуре валового внутреннего продукта превышает 22%, что подчёркивает значимость отрасли не только в экономическом, но и в социально-стратегическом аспекте – как гаранта национальной продовольственной безопасности.

В связи с этим, Республика Таджикистан реализует комплекс мер по привлечению инвестиций, включая российский капитал, для модернизации сельскохозяйственного производства. Среди приоритетных направлений – создание совместных предприятий по выращиванию сельскохозяйственных культур, хранению и переработке фруктов и овощей, а также формирование интегрированных производственно-логистических цепочек: от выращивания до упаковки и сбыта продукции.

В рамках реализации стратегий развития и модернизации, Республика Таджикистан активно взаимодействует с зарубежными компаниями, в том числе из Российской Федерации, используя как двусторонние, так и многосторонние механизмы, включая международные финансовые институты и региональные организации.

Важным элементом таджикско-российского взаимодействия в финансовой сфере является сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Государственный сберегательный банк Республики Таджикистан «Амонатбанк» с 2008 г. является членом Межбанковского объединения ШОС. Данный механизм позволяет координировать действия по целевому использованию предоставляемых кредитов, в том числе на развитие сельского хозяйства, поддержку малого и среднего бизнеса, а также оказание льготных финансовых услуг жителям отдалённых районов страны.

Таким образом, формирование устойчивого инвестиционного потока из Российской Федерации в аграрный сектор Таджикистана может стать точкой роста двустороннего сотрудничества, способствуя не только повышению производительности, но и продовольственной стабильности, а также углублению экономической интеграции между двумя странами.

Стратегические направления углубления сотрудничества: индустриализация, туризм, энергетика и инновации

В рамках реализации Национальной стратегии развития до 2030 г. Республика Таджикистан делает ставку на ускоренную индустриализацию, предусматривающую технологическое обновление производственного сектора и создание высокотехнологичных кластеров. В этом контексте российские инвестиции в промышленность и создание совместных производств представляют собой важный ресурс, способствующий модернизации экономики и её переходу к индустриально-инновационной модели роста.

Перспективными направлениями промышленной кооперации между Таджикистаном и Российской Федерацией являются:

- формирование промышленных зон;
- создание предприятий в сферах металлургии, цементной и химической промышленности;
- развитие текстильной и швейной отраслей;
- локализация нефтепереработки.

Туризм также рассматривается как приоритетное направление. За последние пять лет в Таджикистане приняты многочисленные меры по улучшению инвестиционного климата в данной отрасли: предоставлены налоговые и таможенные льготы, упрощены административные процедуры, разработаны программы поддержки развития туристической инфраструктуры.

Несмотря на позитивную динамику, остаются вызовы, связанные с нестабильностью цен на глобальных рынках и действием

международных санкций против Российской Федерации. Эти внешние факторы оказывают косвенное влияние на экономику Таджикистана. В связи с этим целесообразно выстраивать устойчивые механизмы экономической адаптации и регионального партнёрства, где стратегическое взаимодействие с Россией играет роль антикризисного якоря.

Потенциал торгово-экономического сотрудничества между двумя странами остаётся реализованным лишь частично. Существуют широкие возможности для его расширения и диверсификации, особенно с учётом современных глобальных трендов и растущей роли цифровой экономики. В этой связи целесообразным представляется освоение новых направлений партнёрства, включая:

- увеличение экспорта фруктов, овощей и винно-водочной продукции;
- реконструкция и модернизация гидроэнергетических объектов, строительство средних ГЭС;
- развитие солнечной энергетики и производства соответствующих комплектующих;
- кооперация в строительстве, горнодобывающей и перерабатывающей промышленности;
- формирование индустриальных и агропромышленных парков, в том числе с привлечением российского капитала;
- развитие цифровых решений: электронное правительство, «умный город», информационная безопасность;
- создание парков знаний и виртуальных платформ для трансфера технологий и знаний;
- формирование региональной сети аналитических и исследовательских центров с совместным доступом к данным и методологиям анализа;
- модернизация ирригационной инфраструктуры и внедрение энергоэффективных водоподъёмных технологий с целью повышения продуктивности сельского хозяйства.

Особого внимания заслуживает аспект экономической безопасности. Российская Федерация выступает важным партнёром Таджикистана не только в торгово-инвестиционной, но и в геополитической сфере. Совместные усилия в области борьбы с терроризмом, координация действий силовых структур и обмен информацией формируют дополнительный фундамент стабильности в регионе.

Таким образом, переход к инвестиционно-инновационной модели взаимной торговли с Российской Федерацией предполагает диверсификацию партнёрства, вовлечение частного сектора и сотрудничество Таджикистана с Евразийским экономическим союзом через развитие инфраструктуры, модернизацию

производственной базы и стимулирование экспорта высокотехнологичной продукции.

Углубление таджикско-российского торгово-экономического сотрудничества отвечает стратегическим интересам обеих стран. Оно открывает возможности для усиления международной конкурентоспособности, расширения рынков сбыта, привлечения инвестиций и повышения уровня благосостояния населения на основе устойчивого и сбалансированного роста.

Информация об авторе

Шариф М. Рахимзода, доктор экономических наук, Институт экономики и демографии НАНТ, г. Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33; *info@ied.tj*

Information about the author

Sharif M. Rahimzoda, Dr. of Sci. (Economics), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; bld. 33, Rudaki Av., Dushanbe, Tajikistan, 734025; *info@ied.tj*

Примечания

[1] Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28.12.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.president.tj/event/missives/49237 (дата обращения: 25.05.2025).

[2] Российская Федерация и Республика Таджикистан обозначили основные сферы сотрудничества до 2027 года [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/22045999 (дата обращения: 25.05.2025).

[3] Там же.

Таджикистан как партнер Китая в Центральной Азии

Ринат М. Зиганьшин

Институт востоковедения Российской академии наук,
Россия, Москва, rinatzigan@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5406-3483

Аннотация. Статья посвящена политическим и экономическим отношениям Таджикистана и Китая в условиях формирования нового мирового порядка. Подчеркивается роль и значение Таджикистана во внешней политике Китая и в сфере его интересов в Центральной Азии. Показывается, какую роль сейчас играет Китай в экономическом развитии Таджикистана, вкладывая туда инвестиции и предлагая совместные экономические проекты, связанные в том числе с проектом «Один пояс один путь». Автор заключает, что Китай заинтересован в стабильности в Центральной Азии для обеспечения безопасности этого проекта и в связи с близостью к нему СУАР, где периодически происходят вспышки сепаратизма и экстремизма. Оба государства поддерживают друг друга по многим позициям внешней и внутренней политики, сотрудничают в международных организациях, в том числе координируют свои усилия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, а также наркотрафиком. Также в статье уделяется внимание проблемам, характерным для таджикско-китайских отношений. Это риск экономической и политической зависимости Таджикистана от Китая, которая формируется в результате предоставления Пекином долгосрочных дешевых кредитов, сопровождаемых дополнительными соглашениями, а также стремление многих внерегиональных игроков, помимо собственно Китая, контролировать ресурсы и логистические связи Центральной Азии в целом и потенциал Таджикистана в частности, что может стать причиной нестабильности в регионе. От того, как именно будут развиваться события в государствах Центральной Азии, во многом будет зависеть баланс сил в мировой политике.

Ключевые слова: Таджикистан, Китай, Россия, международные отношения, экономическое сотрудничество, ШОС, Один пояс один путь

© Зиганьшин Р.М., 2025

Tajikistan as China's partner in Central Asia

Rinat M. Ziganshin
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, rinatzigan@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5406-3483

Abstract. The article is devoted to the political and economic relations between Tajikistan and China in the context of the formation of a new world order. It highlights the role and importance of Tajikistan in China's foreign policy and interests in Central Asia. It shows the role China currently plays in Tajikistan's economic development by investing in the country and proposing joint economic projects, including those related to the Belt and Road Initiative. The author concludes that China is interested in stability in Central Asia to ensure the security of this project and because of its proximity to the Xinjiang Uygur Autonomous Region, where outbreaks of separatism and extremism occur periodically. Both states support each other on many foreign and domestic policy issues, cooperate in international organizations, and coordinate their efforts in the fight against terrorism, separatism, extremism, and drug trafficking. The article also focuses on issues specific to Tajik-Chinese relations. These include the risk of Tajikistan's economic and political dependence on China, which is developing as a result of Beijing's provision of long-term cheap loans accompanied by additional agreements, as well as the desire of many non-regional players, apart from China itself, to control the resources and logistical links of Central Asia as a whole and Tajikistan's potential in particular, which could cause instability in the region. The balance of power in world politics will largely depend on how events unfold in the Central Asian states.

Keywords: Tajikistan, China, Russia, international relations, economic cooperation, SCO, One Belt One Road

Таджикистан, как и другие республики бывшего СССР, обрел независимость в условиях формирования нового мирового порядка, после крушения биполярного мира и становления мира однополярного, во главе с США. Каждая постсоветская республика прошла при этом свой, часто довольно непростой, путь вхождения в новую мировую систему. События, происходящие в мире, в последнее время, показывают, что сформировавшийся однополярный порядок нестабилен, может быть еще более биполярного. Он не предотвратил и даже не снизил угрозу локальных военных конфликтов, а также не способствовал решению других противоречий

и проблем, существующих в отношениях между государствами. Угроза мировой ядерной войны также остается пока актуальной, поскольку в локальные конфликты в разных уголках земного шара сейчас закономерно втягиваются ведущие мировые державы, особенно те, которые весь мир считают зоной своих национальных интересов. Еще более опасно, когда боевые действия ведутся между ядерными державами – например, можно вспомнить конфликты, периодически происходящие между Индией и Пакистаном (пока на локальном уровне и без применения ядерного оружия). При этом не ушли в прошлое не только межгосударственные конфликты, но и внутригосударственные в виде гражданских войн, цветных революций, сепаратистских движений, активизации террористических организаций и т. д.

Так, после обретения независимости в Таджикистане началось гражданское противостояние, которое усложнило процесс становления национальной государственности. В сложных социально-политических условиях Таджикистану необходимо было вырабатывать новую внешнеполитическую модель поведения. На начальном этапе, в первое поствоенное десятилетие происходили формирование и стабилизация политической системы Республики Таджикистан (РТ), страна осуществляла интеграцию в мировое сообщество, работала над определением своих национальных интересов и геостратегии, решением пограничных проблем, определением геостратегии, становления внешней политики и формирования внешнеполитической концепции.

Формулирование, достижение и обеспечение национальных интересов стало ключевой целью внешней политики Республики Таджикистан[1]. В своей внешнеполитической деятельности Таджикистану приходилось умело лавировать между интересами великих держав при этом не изменяя своим национальным интересам. Данный фактор обусловлен, прежде всего, геополитическим положением Таджикистана: республика граничит с Китайской Народной Республикой (КНР) и Исламской Республикой Афганистан (ИРА). КНР с растущим потенциалом в мировой политике и экономике и нестабильный Афганистан с режимом талибов и наркоугрозой имеют прямое влияние на траектории внешней политики Республики Таджикистан. А уровень военно-политического сотрудничества Душанбе и Москвы в свою очередь во многом определяет позицию Российской Федерации в регионе, обусловленную, конечно, собственными геополитическими интересами в Центральной Азии[2].

Таджикистан и Китай сходятся во мнениях в политическом плане по многим позициям, тесно сотрудничают в рамках международных организаций, например, в ООН и ШОС. Так, Душанбе

придерживается политики «Одного Китая» и поддерживает действия Пекина в отношении уйгурского меньшинства в плане борьбы с терроризмом и агрессивным исламизмом, считая это главными угрозами для всего региона. Пекин, в свою очередь, выступает за территориальную целостность Таджикистана, не поддерживает таджикскую оппозицию, не критикует действия Душанбе в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), где существуют сепаратистские настроения. На первый план все больше выходит экономическое партнерство Таджикистана и Китая. Для Душанбе важны китайские инвестиции в экономику и промышленность. В свою очередь Таджикистан интересен Пекину как перспективная сырьевая и энергетическая база для развития западных регионов Китая, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР).

После того как Вашингтон объявил Пекин своим главным экономическим соперником в глобальном масштабе и продемонстрировал, что готов использовать против него жесткое политико-экономическое давление, китайское руководство стало принимать меры по защите суверенитета страны и обеспечению поступательного социально-экономического развития. Важным условием для этого китайские власти считают расширение доступа к природным ресурсам и транспортно-логистическим маршрутам, проходящим по территории сопредельных государств. В этой связи с точки зрения стратегических интересов Пекина приоритетное значение приобретает потенциал стран Центральной Азии (ЦА), где позиции России продолжают ослабевать, а влияние Запада и других внешних центров силы, включая Турцию, Иран, Индию, Израиль и монархии Персидского залива, пока относительно слабо. Особое внимание при этом в КНР уделяют Таджикистану, который в силу ряда причин оказался в наибольшей мере втянут в орбиту интересов Пекина[3]. Больше всего китайских инвесторов интересуют горнодобывающая и металлургическая отрасли Таджикистана – они активно вкладывают средства в строительство и модернизацию предприятий по добыче и переработке руд драгоценных, цветных и редкоземельных металлов. В настоящий момент известно о примерно 40 месторождениях золота в Таджикистане, и все они находятся под полным или частичным контролем китайских фирм[4].

Таким образом, интерес Китая к Центральной Азии связан со многими факторами, поэтому сотрудничество со странами региона носит многосторонний характер. Нынешние реалии таковы, что без учета фактора активно развивающегося Китая, расширяющего свое геополитическое и экономическое, а также культурное влияние в мире, невозможно в полной мере оценить и исследовать ситуацию в Центральной Азии, в том числе в Таджикистане.

Такое усиление китайского интереса к этому региону, в том числе к Таджикистану, и влияния в нем, началось после развала СССР. Изначально этот процесс не носил системного характера, так как Пекин не хотел столкновения с Москвой, считая регион зоной прежде всего российских интересов и тем более имея за спиной такого сильного геополитического соперника как США. Ситуация стала меняться, начиная с 2000-х гг., когда появились признаки снижения российского внимания к Таджикистану и к Центральной Азии в целом. Кроме того, в этот период международные организации сократили объемы помощи Таджикистану, и республика оказалась в очень сложном положении. Этими обстоятельствами и воспользовался Китай, предложив Таджикистану свою финансовую и иную помощь.

КНР, в отличие от западных банков и фондов, выдает кредиты и займы, а также предлагает экономические и иные проекты, не связывая их с вопросами «соблюдения прав человека» и «продвижением демократии». Также немаловажную роль в поддержании жизненного уровня населения Таджикистана сыграли относительно дешевые китайские товары, наводнившие тогда не только РТ, но и другие государства Центральной Азии, а также Россию.

Втягивание Таджикистана и всего региона в орбиту влияния Китая ускорилось после того, как в 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул грандиозный проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), или «Новый шелковый путь». Именно после этого Китай начал планомерно и систематически действовать в направлении Таджикистана, как и всей Центральной Азии. Суть новой инициативы заключалась в объединении сухопутного и морского торговых путей для быстрой и недорогой доставки товаров в страны Юго-Восточной Азии, Африку, на Ближний Восток и в Европу. Но помимо логистического фактора, немалая роль здесь отводится «попутному» расширению культурного, политического и экономического влияния КНР, причем не только на регионы прохождения «Нового шелкового пути». Этот проект предполагает создание новой модели международного сотрудничества и развития уже действующих связей азиатских и других государств с Китаем. Интересно, что при расширении такого экономического сотрудничества, китайские инвесторы избегают вкладывать средства в предприятия, которые могут составить конкуренцию компаниям КНР, а вкладывают средства в строительство объектов транспортно-логистической инфраструктуры в рамках ОПОП. Этот проект крайне выгоден сейчас и Таджикистану, который не только нуждается в экономической помощи и инвестициях, но в силу своего географического положения находится в коммуникационном тупике.

Активизация Китая на центральноазиатском направлении нашла свое отражение в национальной историографии, в которой

к началу XXI в. выделяются региональные, преимущественно экономические исследования, проводимые под руководством Академии общественных наук КНР (АОН КНР) на базе ее представительств. Если говорить о тенденциях, характерных для центрально-азиатских исследований в КНР, можно отметить:

1) появление большого количества новых исследовательских центров, специализирующихся на проблемах Центральной Азии;
2) увеличение количества научных публикаций различного уровня, посвященных Центральной Азии;
3) расширение проблематики исследований, специализация центров по отдельным проблемам в рамках исследовательского поля;
4) рост качества исследований при использовании зрелого теоретического аппарата.

В 2000-е гг. приоритет отдавался исследованиям по экономическому сотрудничеству КНР со странами региона при максимальном использовании имеющихся двусторонних и многосторонних механизмов. В Синьцзяне были созданы различные экспериментальные модели по развитию сотрудничества, к участию в них привлекался как частный бизнес, так и государственные структуры. Однако, как отмечает Е.В. Савкович, и у политических, и у экономических работ есть один общий недостаток – они во многом конъюнктурны. При этом, цели и задачи самих государств Центральной Азии в китайской историографии вообще не рассматривались[5].

К началу XXI в. АОН КНР начала систематически развивать региональную науку через систему грантов и планирование направлений исследований. В открытом доступе преобладали исследования экономического сотрудничества, политическая проблематика была полностью или частично закрытой. Специализация ученых и региональных центров происходила сравнительно медленно – многие китайские исследователи долгое время одновременно выступали как политологи, социологи, экономисты и т. д. С одной стороны, это расширяло возможности для публикаций, с другой – препятствовало появлению комплексных исследований. Политическое сотрудничество и уровень практической политики был представлен крупнейшими научно-исследовательскими центрами: Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР (Пекин) и двумя центрами в Фуданьском университете (Шанхай). На них приходилась основная часть открытых исследований[6].

Со своей стороны, государства Центральной Азии определили следующие направления политики в отношении КНР:

1. Развивать отношения с КНР на основе предложенных «пяти принципов мирного сосуществования»;
2. Определить место Китая во внешней политике;
3. На основе политического диалога развивать торгово-экономическое сотрудничество;
4. Поддержать позицию Китая по проблеме сепаратизма («трех зол»);
5. Определить место и роль каждого государства в новой транспортной системе региона;
6. Развивать научно-техническое и культурное сотрудничество с КНР[7].

Как подчеркивает А.В. Чопов, можно считать основными следующие направления политики Китая в Центральной Азии:

– поддержание стабильности в регионе;
– борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
– обеспечение безопасности в пограничных районах;
– недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против КНР;
– обеспечение открытости для Китая энергетических ресурсов региона;
– содействие экономическому развитию;
– недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных к Китаю;
– развитие дружественных отношений с государствами региона[8].

Китай придерживается трех принципов в отношениях с государствами Центральной Азии: «дружить с соседями», «дать соседям чувство успокоения», «помогать соседям богатеть». Принцип «дружить с соседями» означает стремление к формированию дружественных отношений со всеми соседними государствами; принцип «дать соседям чувство успокоения» подразумевает, что партнеры должны чувствовать себя спокойно и безопасно. Многие соседи КНР не могут не ощущать свою слабость на фоне государства с огромным населением, обширной территорией, большой совокупной мощью. Китай пытается за счет соблюдения принципов равноправия убедить эти государства в их безопасности. Принцип «помогать соседям богатеть» относится к экономике. Он заключается в том, что Китай должен помогать партнерам, чтобы они могли извлечь выгоду из экономического развития КНР. Другой смысл этого принципа состоит в развитии экономического сотрудничества с учетом интересов соседей[9].

Это важный стратегический момент в развитии таких отношений, поскольку республики Центральной Азии, хотя и нуждаются в экономической помощи и инвестициях, боятся попасть в зависимость от мировых держав, к числу которых относится

сейчас и Китай. Как отмечает С.Г. Лузянин, исторический опыт взаимодействия Китая с центральноазиатскими народами в основном связан с попытками Цинской и других династий укрепить зависимость данного региона, превратить его население в вассалов Поднебесной. В сознании казахов, киргизов, таджиков, уйгуров и многих других этносов сохранился отрицательный исторический стереотип Китая, воспринимаемый как угроза их независимости. С другой стороны, современный опыт взаимодействия КНР с государствами региона помогает заместить традиционные негативные представления о Китае на новые, позитивные, в рамках которых КНР выступает как экономически мощное государство, способное принести пользу слабым экономикам Центральной Азии[10].

Таджикистан и Китай, несмотря на их взаимовыгодное сотрудничество, остаются явно неравноправными партнерами. Разумеется, любой стране мира обидно ощущать себя младшим партнером кого-либо, быть зависимым от него «игроком на вторых ролях». Тем не менее, в этом для Таджикистана есть и свои плюсы. Преимущества такого положения заключаются не только в том, что при условии грамотного балансирования, можно извлечь даже из неравноправного сотрудничества массу выгод, но и в том, например, что «маленькая» республика не вызывает такого сильного раздражения у мировых гегемонов, как, например, Россия и Китай. Однако, следует помнить, что всегда могут найтись желающие использовать слабость небольшого государства, чтобы поставить его под свое влияние, используя тактику «выкручивания рук» в виде цветных революций, провоцирования сепаратизма, терроризма, накладывания различных санкций и т. д. С целью «ловить рыбу в мутной воде» в еще слабой, а значит не вполне самостоятельной республике, как кто-то посчитает, мировые державы могут одновременно «работать» как с властями Таджикистана, так и с оппозицией, и в зависимости от ситуации, спонсировать то одних, то других. Разумеется, исходя из своих собственных сиюминутных и более долгосрочных интересов, а отнюдь не интересов Таджикистана.

За годы, прошедшие со времени распада Советского Союза, Китай приобрел прочные позиции не только в экономике Таджикистана. Показательным является и то, что бурное развитие таджикско-китайского сотрудничества, в особенности в сфере экономики и торговли, впечатляющие результаты, которых КНР добилась за годы реформ, стали ориентиром для нового поколения студенческой молодежи Таджикистана, часть которой связывает свое будущее с делом укрепления многовекторных связей именно с Китаем. Для нее знание китайского языка, китайской культуры, изучение феномена «китайского экономического чуда» стали жизненной необходимостью. Как следствие, растет число

таджикских студентов, желающих получить диплом китайских вузов. Если, например, в 1993 г. Государственный комитет по стипендиям Китая предоставил всего 5 мест для таджикских студентов, то в 2009/2010 учебном году в 23 высших учебных заведениях КНР получало образование уже около 200 молодых людей из РТ. Таджикское студенчество становится все более заметным явлением в Китае, является важным актором в укреплении традиционных уз дружбы и сотрудничества между двумя странами, является проводником таджикской культуры и искусства в стране пребывания[11].

На значимость Центральной Азии для внешней политики Китая влияют не только экономические факторы, но и факторы безопасности. Проблемы безопасности в регионе носят достаточно сложный и разносторонний характер, что связано в первую очередь с его специфическим межцивилизационным положением. Центральная Азия входит в зону интересов целого ряда государств, таких как Россия, США, Китай, Иран, Турция и др. Это является и выгодой, и вызовом для стран региона, поскольку, с одной стороны, создает серьезные геополитические проблемы, а с другой – дает новые возможности и перспективы для сотрудничества, в том числе по проблемам безопасности.

К числу таких проблем относится, например, международный терроризм, поскольку относительная слабость государств Центральной Азии, и специфика их географического положения делают регион зоной влияния различных террористических сил на сопредельных территориях. Весьма актуальна и проблема сепаратизма и экстремизма, поскольку Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (СУАР) напрямую граничит с государствами Центральной Азии, в том числе и с Таджикистаном. Все это, несомненно, повышает роль и значение Таджикистана, как и других государств региона Центральной Азии в политике Китая, причем как внешней, так и внутренней, учитывая фактор СУАР. В частности, в СУАР довольно активно действует террористическая группировка «Исламское движение Восточного Туркестана».

Возрастает не только значимость Центральной Азии для КНР в связи с обеспечением безопасности страны. Имеет место и встречный процесс. Так, по мнению представителей таджикской оппозиции, Э. Рахмон рассматривает Китай в том числе в качестве гаранта внутренней безопасности республики. Во время мятежа генерала Назарзода в 2015 г. появились слухи о китайском спецназе в аэропорту Душанбе и в Варзобе. Мятеж был подавлен без участия китайцев, но эти слухи создали впечатление готовности Пекина поддержать таджикского лидера реальной силой. По оценкам экспертов, китайское военное присутствие на территории Таджикистана носит скрытый характер. Так, часть китайских строительных

рабочих в Таджикистане является военнослужащими производственно-строительного корпуса (ПСК) НОАК, дислоцированного в СУАР КНР. Другим аспектом взаимодействия по линии силовых структур является финансовая и техническая помощь со стороны КНР в модернизации таможенной службы Таджикистана[12].

Другой важной проблемой обеспечения безопасности в регионе является нелегальный трансграничный оборот наркотиков, тем более, что основная часть доходов от их продажи используется для финансирования террористической и экстремистской деятельности.

Возможно, в будущем дадут о себе знать и какие-либо нетрадиционные угрозы безопасности. Со всеми ними можно и нужно бороться совместными усилиями всех стран региона, используя для этого широкое международное сотрудничество, например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). По самому названию организации видно, какую важную роль в ней играет Китай, который в общем-то и предложил идею борьбы с силами «трех зол»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в рамках ШОС. Эти угрозы остро стоят в Таджикистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, а также в Узбекистане и Кыргызстане. Что лишний раз говорит о необходимости совместных усилий и координации борьбы с ними.

Немалой помехой в борьбе с терроризмом на международном уровне являются двойные стандарты. Например, нередко «западная прогрессивная общественность» объявляет «борцами за свободу и независимость» откровенно террористические организации, им напрямую оказывается информационная, гуманитарная, финансовая и даже военная поддержка и помощь. В связи с этим, важной функцией организации ШОС является также и противодействие влиянию в регионе США и НАТО, которые под видом «защиты прав человека» и «продвижения демократии», часто дестабилизируют обстановку в Центральной Азии, способствуя активизации экстремистских сил.

Обеспечение безопасности региона и экономических интересов его государств, противостояние гегемонизму США – все это способствует укреплению в целом позитивного имиджа России и КНР на центральноазиатском пространстве. Ключевым «имиджмейкерским» фактором остается взаимовыгодность хозяйственного взаимодействия Китая с государствами региона на двустороннем уровне, с одной стороны, и сотрудничество России с теми же странами (также в двустороннем формате) в области безопасности – с другой[13].

При сопоставлении китайского и российского имиджа в Центральной Азии заметна специфика восприятия России и Китая

центральноазиатскими элитами и народами региона. Особенности сложившегося российского образа связаны с:

а) общностью культурно-языковых традиций, которая прослеживается и сегодня;
б) более крепкими (по сравнению с Китаем) общими историческими и экономическими корнями;
в) более сильными позициями России в сфере региональной безопасности. Особенности китайского образа в Центральной Азии определяются:
   а) большими возможностями экономики КНР на современном этапе по сравнению с потенциалом национального хозяйства РФ, успехами китайских реформ и эффективностью антикризисной программы КНР;
   б) наличием крупных финансово-инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры и других сфер хозяйства государств региона, а также достижением осязаемых положительных результатов на промежуточных этапах реализации этих проектов;
   в) более сильными позициями Китая в сфере экономического сотрудничества.

При этом С.Г. Лузянин отмечает и отрицательные факторы, влияющие на формирование образа КНР в Центральной Азии. К ним, по его мнению, относятся: сохраняющиеся опасения слабых государств региона (Таджикистана и Кыргызстана) по поводу возможности бесконтрольного расширения китайского хозяйственного присутствия в экономиках их стран и превращения последних в сырьевой придаток Поднебесной, вплоть до полного «размывания» национальных экономик. На формирование же российского образа отрицательно влияет запаздывание РФ (по сравнению с Китаем) в деле выдвижения и реализации экономических проектов[14].

Опасения, касающиеся возможных негативных последствий экономического взаимодействия Таджикистана и КНР, высказывают и другие авторы. Так, например, Х.Г. Комилова считает, что Таджикистан может стать финансово уязвимым из-за обязательств перед Китаем и необходимо, чтобы предотвратить это, диверсифицировать финансовые вливания в экономику страны. В частности, большинство кредитов КНР Таджикистану так или иначе связано с горнорудной промышленностью, и в Пекине не спешат предоставить средства для развития отраслей, которые могут обеспечить работой население РТ. Такая «привязанная помощь», по ее мнению, означает, что деньги из Китая поступают в пакетах, которые связаны с интересами китайских фирм. Льготные кредиты на проекты в области инфраструктуры и технической помощи предусматривают, что не менее половины материалов, оборудования, технологий и услуг,

закупаемых по контракту, должны поступать из Китая. Другим ключевым условием предоставления льготных кредитов является участие китайских компаний, что позволяет связанным с государством предприятиям Китая расширяться за рубежом, получая зарубежные контракты и ресурсы. Учитывая «условия и сложности» китайских инвестиционных пакетов, китайская «привязанная помощь» делает конкуренцию с КНР заведомо проигрышным предприятием[15].

Примерно такого же мнения придерживается А.М. Титаренко. Он подчеркивает, что неравноправная модель взаимодействия КНР и РТ несет для Душанбе значительные риски. Китайские вложения, вопреки ожиданиям таджикских властей, не дали быстрого эффекта и не позволили основной массе населения Таджикистана вырваться из бедности. По сути, сейчас таджикская экономика существует за счет перекачивания денег: средства, заработанные таджикскими мигрантами в России, идут на покупку китайских товаров, не задерживаясь в республике. Такая модель позволяет сохранять известную стабильность, но в долгосрочной перспективе гарантирует стагнацию национальной промышленности. Пытаясь воспрепятствовать развитию этой тенденции, Душанбе все больше обрастает долгами, тем более что Пекин охотно выделяет средства под низкий процент и на долгий (до 25 лет) срок. Китайские банки являются держателями значительной части суверенного долга Таджикистана. Таджикские же элиты относятся к долговым вопросам достаточно легкомысленно, рассчитывая на то, что страна в случае необходимости может объявить себя банкротом. Однако и Пекин вполне способен потребовать не возврата денег, а доступа к активам предприятий и природным ресурсам, что может привести к превращению Таджикистана в полноценную сырьевую колонию КНР[16].

А.М. Титаренко отмечает и проблемы, связанные с китайской миграцией в Таджикистан. Китайские компании завозят рабочую силу из КНР, а не нанимают ее в Таджикистане, где остро стоит проблема трудоустройства местного населения. Отчасти это объясняется тем, что таджикские рабочие физически не могут выдержать тот темп работы, который принят на китайских предприятиях, а в результате выделенные для них высокие (иногда до 90%) квоты остаются незаполненными. На совместных предприятиях нередки конфликты между инженерами-китайцами и рабочими-таджиками. Схожая ситуация наблюдается в сельском хозяйстве, где китайцы-иммигранты, готовые работать в худших условиях и при этом поставляющие продукты на местные рынки по ценам вдвое ниже тех, что объявляют местные фермеры, постепенно вытесняют арендаторов с пахотных земель. В Таджикистане, как и в других странах, китайцы образуют замкнутые землячества с собственной инфраструктурой, почти не ассимилируются и поддерживают

тесные связи с родственниками в КНР. Они, как правило, не считаются с местными обычаями и ведут себя бесцеремонно, что не способствует росту в стране симпатий к курсу на дальнейшее сближение с КНР. Отмечаются многочисленные бытовые конфликты между местными и приезжими, но жесткий контроль со стороны властей эффективно препятствует массовым антикитайским выступлениям. А.М. Титаренко отмечает также непрозрачный характер взаимодействия Китая и Таджикистана: многие китайцы присутствуют в стране нелегально, китайский капитал работает с местными элитами и опирается на лоббистские группы, заинтересованные в получении денег от китайских партнеров и сохранении контроля за поставками китайского ширпотреба на таджикские рынки. Эффективная деятельность лоббистских структур, на самом высоком уровне блокирующих деятельность любых иностранных конкурентов, дает компаниям КНР значимые преимущества[17].

Таким образом, как мы видим, благоприятные условия и перспективы для взаимовыгодного сотрудничества, как часто бывает в мировой истории, не обходятся без некоторых издержек. И сотрудничество Таджикистана и Китая здесь не исключение. Но всякие проблемы, какими бы они сложными не были, можно решить совместными усилиями, учитывая интересы друг друга. Всегда можно найти компромисс, тем более, что сотрудничество, как правило, приносит гораздо больше пользы, чем вреда. Другое дело, что противоречиями в сотрудничестве могут воспользоваться другие страны, стремящиеся воплотить в жизнь свои интересы в Таджикистане, а также недовольные стремительным ростом экономического развития Китая и увеличением его политического влияния на мировой арене, в том числе в регионе Центральной Азии, который приобретает все большее значение в интересах мировых держав. Страны, заинтересованные в стабильности и процветании в регионе Центральной Азии, должны это учитывать.

Поскольку Соединенные штаты сейчас считают Китай и Россию своими главными геополитическими соперниками на политической карте мира, налицо их стремление окружить наши страны неким кордоном недружественных стран. И Таджикистан здесь может быть втянут в очень опасную для себя игру, оказавшись на перепутье различных, часто противоположных интересов мировых игроков. Таджикистан может и должен занять политику балансирования, рассчитанную на долгую перспективу, не позволяя втягивать себя в бесперспективные, а то и опасные проекты, не следовать сиюминутным интересам и уметь выбирать себе надежных экономических партнеров и военно-политических союзников. Для этого необходима мудрость и продуманная долгосрочная политика руководства республики, с учетом своего собственного и мирового опыта.

Информация об авторе

Ринат М. Зиганьшин, кандидат философских наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; *rinatzigan@mail.ru*

Information about the author

Rinat M. Ziganshin, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia, 107031; *rinatzigan@mail.ru*

Примечания

[1] *Комилова Х.Г.* Республика Таджикистан в системе международных отношений и геополитических координат в условиях нового мирового порядка (региональный формат): Автореф. дисс. ...докт. ист. н. Душанбе, 2020. С. 3–4.
[2] Там же. С. 6.
[3] *Титаренко А.М.* Китайский фактор в Таджикистане: перспективы и угрозы // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). С. 110.
[4] Там же. С. 115.
[5] *Савкович Е.В.* Политика Китая в Центральной Азии: 1992–2012 гг.: Автореф. дисс. ...докт. ист. н. Томск, 2013. С. 26.
[6] Там же. С. 42.
[7] Там же. С. 27.
[8] *Чопов А.В.* Политика Китая в отношении Центральной Азии на современном этапе: Автореф. дисс. ... канд. полит. н. М., 2011. С. 12.
[9] Там же. С. 14.
[10] *Лузянин С.Г.* Политика России и Китая в «Классической» Центральной Азии и формирование их обновленного имиджа в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14. № 14. С. 52.
[11] *Алимов Р.К.* Таджикско-китайские отношения: история, современность, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2000. Т. 15. № 15. С. 99–100.
[12] *Титаренко А.М.* Указ. соч. С. 119.
[13] *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 78.
[14] Там же. С. 78–79.
[15] *Комилова Х.Г.* Указ. соч. С. 34.
[16] *Титаренко А.М.* Указ. соч. С. 119–120.
[17] Там же. С. 120–121.

Таджикистан на пути инновационного развития

Евгений Я. Виттенберг

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, intelban@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена переходу Таджикистана от традиционной экономики на рельсы инновационного развития. В качестве достоинства отмечается, что власти республики рассматривают инновации не как чисто экономическую категорию, а как необходимость модернизировать все сферы общественной жизни. Значительное внимание в статье уделено изучению правовой базы, призванной регулировать и стимулировать инновационное развитие страны, отмечается, что в Таджикистане постепенно формируется и совершенствуется современная правовая база, призванная регулировать инновационную деятельность научных учреждений и бизнеса, стимулировать формирование инновационной инфраструктуры, а также содействовать инновационному международному сотрудничеству. Значительное внимание в статье уделено анализу Стратегий инновационного развития страны. Значимое место в статье занимает изучение институтов инновационной инфраструктуры: свободных экономических зон, технопарков, венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, коворкингов, инновационных стартапов. В статье откровенно говорится о трудностях и препятствиях, мешающих быстрому переходу страны на рельсы инновационного развития. Это несовершенства законодательства, недостаточность налоговых льгот и преференций для инновационных стартаперов, нехватка инновационных кадров, проблемы когнитивного диссонанса у части предпринимателей, бюрократизм, коррупция. Поскольку власти страны активно борются с проблемами, автор смотрит на инновационное будущее Таджикистана с умеренным оптимизмом.

Ключевые слова: инновации, инновационное законодательство, инновационные стратегии, инновационная инфраструктура, венчурные фонды, технопарки, инновационные стартапы

© Виттенберг Е.Я., 2025

Tajikistan on the path of innovative development

Evgeniy Ya. Vittenberg
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, intelban@mail.ru

Abstract. The article is devoted to Tajikistan's transition from a traditional economy to innovative development. One of the advantages noted is that the republic's authorities view innovation not as a purely economic category, but as a necessity for modernizing all spheres of public life. The article pays considerable attention to the legal framework designed to regulate and stimulate the country's innovative development. It is noted that Tajikistan is gradually forming and improving a modern legal framework designed to regulate the innovative activities of scientific institutions and businesses, stimulate the formation of an innovative infrastructure, and promote innovative international cooperation. The article devotes considerable attention to analyzing the country's innovative development strategies. A significant part of the article is devoted to the study of innovative infrastructure institutions: free economic zones, technology parks, venture funds, business incubators, coworking spaces, and innovative startups. The article candidly discusses the difficulties and obstacles that hinder the country's rapid transition to innovative development. These include imperfections in legislation, insufficient tax breaks and preferences for innovative start-ups, a shortage of innovative personnel, problems of cognitive dissonance among some entrepreneurs, bureaucracy, and corruption. As the country's authorities are actively tackling these problems, the author views Tajikistan's innovative future with moderate optimism.

Keywords: innovation, innovative legislation, innovative strategies, innovative infrastructure, venture funds, technology parks, innovative start-ups

В последние годы, после установления в Таджикистане социального мира власти республики уделяют все больше внимания вопросам инновационного развития, что соответствует доминирующему мировому тренду перехода стран на рельсы инновационного развития и к экономике знаний.

Этот интерес к инновационному развитию совпал и был в значительной степени стимулирован постепенным открытием миру ранее весьма закрытого для иностранцев Таджикистана.

В этой связи таджикские эксперты начали изучать международный опыт продвижения по пути инноваций. Осуществляя

постепенный переход к многовекторной внешней политике, власти Таджикистана в определении своей инновационной стратегии начали использовать опыт таких стран, как Белоруссия, Казахстан, Китай, Россия, а также ряда развитых государств Европы.

Например, власти и бизнес Таджикистана изучают опыт инновационного развития России, поскольку Россия имеет серьезные достижения в ряде инновационных сфер и перешла в них от догоняющего к опережающему развитию. Признано, что Россия находится среди мировых лидеров в вопросах цифровизации, создания искусственного интеллекта, роботизации, ракетостроения и т. д.

Особый интерес для Таджикистана представляет и опыт Китая, который за несколько десятилетий преодолел вековую отсталость и вырвался в число мировых лидеров инновационного развития.

Осознавая, что преодоление отсталости страны возможно только при помощи инновационного развития, власти Таджикистана в последние годы принимают меры для внедрения инноваций во все сферы общественной жизни, то есть инновации рассматриваются не только как метод ускоренного развития экономики, но и как путь модернизации и осовременивания образования, здравоохранения, государственного и корпоративного управления, что, безусловно, является современным и обоснованным.

Эти шаги таджикистанских властей в сторону инновационного развития стали столь ощутимыми, что уже появились первые научные статьи, в которых анализируется теория и практика движения Таджикистана в данной области[1].

Как отмечал президент международной организации «Евразийское патентное ведомство» Г. Ивлиев, «сегодня важно, чтобы ни один изобретатель инноваций не остался без внимания. В Таджикистане этот вопрос является одним из важных, создаются возможности для внедрения изобретений и инноваций в жизнь. Для этого открыт не только национальный уровень патентования, но и международный. Сейчас на территории Таджикистана охраняется более 8 тысяч изобретений и инноваций из различных стран мира... Они касаются медицинских изделий, фармизделий, коммуникаций»[2].

В качестве позитива необходимо отметить, что в Таджикистане постепенно формируется и совершенствуется современная правовая база, призванная регулировать инновационную деятельность научных учреждений и бизнеса, стимулировать формирование инновационной инфраструктуры, а также содействовать инновационному международному сотрудничеству.

Среди законов и документов, призванных регламентировать и стимулировать инновационную деятельность важнейшими являются Закон Республики Таджикистан «Об инновационной

деятельности», Закон Республики Таджикистан «О Технологическом парке», «Стратегия инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 г.», Программа инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 гг.». Концепция инновационного развития агропромышленного комплекса Республики Таджикистан»[3].

Для реализации на практике инновационных проектов были созданы Экспертный координационный совет по управлению реализацией Программы инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 гг., определены уполномоченный государственного органа в сфере инновационной деятельности и порядок государственной регистрации инновационных фирм, созданы организации для проведения экспертизы и конкурсов инновационных проектов, а также разработано «Положение Экспертного координационного совета по управлению реализацией Программы инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 гг.[4]».

Одновременно с формированием законодательной базы и организационных структур, для внедрения инноваций в стране принимались краткосрочные и долгосрочные программы инновационного развития. Так, например, в утвержденной правительством краткосрочной Программе инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2012 гг. были определены задачи и основные направления инновационной деятельности. Среди задач особое внимание было уделено разработке механизмов стимулирования научно-технической и инновационной активности.

Важный вклад в реализацию планов властей Таджикистана по инновационному развитию страны была призвана внести разработка и осуществление долговременной Стратегии инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 г., которая была подготовлена в апреле 2011 г.

Стратегия является серьезным обширным документом, разработанным с учетом международного опыта инновационного развития. Уже сама структура этого документа свидетельствует о попытке его авторов дать всеобъемлющий анализ путей перехода страны к инновационному развитию.

В Стратегии содержатся следующие параграфы: нынешнее состояние и проблемы инновационного развития Республики Таджикистан; место инновационной деятельности в социально-экономической политике; варианты инновационного развития; национальная инновационная политика; формирование компетенций инновационной деятельности; инновационная среда; инновации в общественном секторе, инфраструктурных отраслях и социальной сфере; развитие инновационной инфраструктуры; развитие

механизмов финансовой поддержки инновационных проектов на всех стадиях их реализации; участие в мировой инновационной системе; территории инноваций; финансовое обеспечение реализации инновационных проектов. В Стратегии содержится и ряд других важных разделов, посвященных роли науки в инновационных процессах, подготовке инновационных кадров и т. д.

По поводу целей Стратегии в п. 2 декларируется следующее: «Стратегия направлена на устранение проблем, стоящих перед государством и обществом в сфере инновационного развития, на определение целей, приоритетов и инструментов государственной инновационной политики. Вместе с тем Стратегия задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок»[5].

Важно отметить, что в Стратегии дается критический анализ реального положения дел в сфере инноваций в Таджикистане. На основе большого массива статистических данных проанализированы состояние инновационной активности предприятий, научно-кадровый потенциал и ход выполнения научно-технических работ. В Стратегии также выявлены основные причины, препятствующие развитию инновационной деятельности в экономике, а также обозначены факторы, сдерживающие инновационное инвестирование в Республике.

В результате этого анализа сделан вывод о значительном отставании Таджикистана от развитых стран в сфере инновационного развития и предложен комплекс мер по преодолению этого отставания.

Так, в Стратегии констатируется, что «по уровню инновационной активности, по показателям, которые дают представление о ее состоянии (научно-технический потенциал, инновационная инфраструктура, удельный вес высокотехнологической конкурентоспособной продукции в структуре производства и экспорта, коммерциализация инновационных разработок и т. д.) Республика Таджикистан сильно отстает от экономически развитых стран. Если охарактеризовать в общем состояние инновационной деятельности в стране, то можно констатировать, что она находится в стадии становления»[6].

Среди мер, призванных коренным образом улучшить ситуацию в сфере инноваций, названы развитие и совершенствование законодательства, регулирующего инновационную деятельность, активизация и расширение мер поддержки инновационного предпринимательства, а также развитие государственно-частного партнерства в инновационной сфере Таджикистана.

Важно отметить, что правительство Республики отдает себе отчет в том, что преодоление технологической отсталости и инновационное развитие страны невозможно осуществить в одиночку и потому в Стратегии содержится целый раздел, посвященный сотрудничеству Республики Таджикистан (РТ) со странами СНГ в деле активизации инновационного развития и преодоления технологической отсталости[7].

Для решения этой сложнейшей задачи в Стратегии также справедливо отмечается, что политика государства в области инноваций должна прежде всего содействовать формированию инфраструктуры национальной инновационной системы. В результате реализации этого положения Стратегии, в Республике появились институты, имманентно присущие движению той или иной страны по пути инновационного развития.

Так, на основании Закона РТ от 25.03.2011 № 700 «О свободных экономических зонах (СЭЗ) в Республике Таджикистан» в стране были созданы пять СЭЗ[8]. Среди главных целей создания подобных зон в ст. 2 названа задача «обеспечения благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, технологий и управленческого опыта»[9].

Закон определял также льготы и преференции резидентов СЭЗ, порядок и источники их финансирования, а также порядок упрощенного въезда на территорию страны и в свободную экономическую зону иностранных предпринимателей. По всем этим важным вопросам в законе говорится следующее:

- свободная экономическая зона – отдельный (ограниченный) участок территории Республики Таджикистан, в пределах которого действует не только особый таможенный и налоговый режим, но и упрощенный порядок въезда и выезда нерезидентов и льготные нормы использования природных ресурсов;
- самостоятельный бюджет свободной экономической зоны – форма учреждения и расходования денежных средств свободной экономической зоны, используемая для финансового обеспечения ее целей и задач и утверждаемая в соответствии с законодательством Республики Таджикистан;
- фонд развития свободной экономической зоны – фонд денежных средств, используемый для оказания временной финансовой помощи субъектам предпринимательской деятельности, зарегистрированным в свободной экономической зоне, в том числе в форме льготного кредитования;
- порядок упрощенного въезда – въезд на территорию страны и в свободную экономическую зону с целью осуществления предпринимательской деятельности иностранных граждан

и лиц без гражданства, порядок которого определяется Правительством Республики Таджикистан[10].

В Законе был перечислен широкий круг видов деятельности, которые может осуществлять таджикский и иностранный бизнес в СЭЗ. В свободных экономических зонах могут развиваться производственные, научно-технологические, экспортные, импортные, торговые, туристическо-рекреационные, инвестиционные, биржевые, страховые, банковские и иные виды деятельности, предусмотренные законодательством Республики Таджикистан[11].

Реализация этого закона на практике открыла определенные возможности для работы иностранного, в том числе российского бизнеса в этих зонах. Так, например, по данным первого заместителя министра экономического развития и торговли РТ А. Солехзода в СЭЗ Таджикистана в настоящее время работают пять крупных инновационных инвестиционных компаний с российским капиталом.

И, по оценке экспертов, число подобных инновационных фирм в СЭЗ Таджикистана будет расти, поскольку российский бизнес проявляет к ним все больший интерес в силу предоставляемых в этих зонах льгот и преференций. И в результате уже на начало 2024 г. 43 российские компании заявили о готовности инвестировать в Таджикистан и развивать свой бизнес в СЭЗ.

Серьезный интерес к работе в СЭЗ Таджикистана проявляют и китайские предприниматели. В настоящее время рассматривается возможность реализации проектов по строительству железнодорожной ветки до территории СЭЗ «Сугд» и логистического транспортного центра[12]. Одновременно обсуждаются планы организации на территории СЭЗ «Сугд» промышленного комплекса, который будет охватывать группу производственных компаний, действующих в рамках одного концерна. Планируется, что концерн будет выпускать широкий ассортимент продукции от школьных сумок и железных входных дверей до стекольных и базальтовых волокон и готовых изделий из них на площади около 20 га[13].

В Таджикистане в последние годы появился и такой атрибут инновационной инфраструктуры, как инновационные стартапы[14]. На октябрь 2024 г. в стране насчитывалось примерно 100 стартапов[15], из которых несколько стали весьма успешными. Яркими примерами таких успешных инновационных стартапов являются Alif и Zipl.ai – проекты, которые уже оцениваются в миллионы долларов и признаны международными фондами. Они давно вышли за пределы Таджикистана и стали ориентиром для всего инновационного таджикского бизнеса[16].

Среди венчурных фондов, заинтересованных в поддержке инновационных стартапов в Таджикистане, необходимо назвать

Tajikistan venture Capital, White Hill Capital из Казахстана, Aloqa Ventures из Узбекистана, а также Plug and Play – известную акселерационную программу из США. Эти фонды активно ищут перспективные варианты для инвестирования и готовы поддерживать молодые перспективные проекты[17].

Приведем несколько примеров успешных инновационных стартапов, основанных таджикскими гражданами. Так, интересным проектом является стартап, который объединяет спортивные и фитнес-залы разного масштаба и брендов в единый продукт. Покупая один абонемент, пользователи получают доступ ко всем залам города. Это решение значительно упрощает выбор и посещение спортивных объектов, делая фитнес более доступным и удобным.

Не менее интересным кейсом является платформа ReSkill, созданная Фаррухом Умаровым. Этот уникальный продукт позволяет людям получать навыки на основе их предпочтений и целей. Умаров недавно занял второе место в крупном международном конкурсе, в Азербайджане, куда государственный бизнес-инкубатор отправил пять лучших стартапов от Таджикистана, выиграл 8 тыс. долл. и получил признание. Тем самым он подтвердил свою способность создавать значимые проекты, которые решают реальные проблемы.

Startup Choikhona представляет собой инновационный бизнес, призванный реализовать программу поддержки инновационных бизнес-идей среди молодежи. Эта программа призвана способствовать росту занятости молодежи, стимулировать поиск источников доходов и развивать инновационную предпринимательскую среду. Startup Choikhona также занимается организацией различного рода мероприятий и конкурсов, которые могут быть реализованы как в университетах, так и на межрегиональных площадках[18].

Другой успешный стартап – Tajik Startups осуществляет весьма важный для Республики проект по комплексному развитию сельских районов, который должен способствовать инклюзивному росту экономики села для повышения благосостояния сельского населения.

С целью развития инновационного агробизнеса, в рамках Проекта «Продвижение стартаперов в Таджикистане» и в ходе реализации IV компонента Проекта комплексного развития сельских районов IRDP | TRIGGER, в Горно-Матчинском районе был открыт суперсовременный Центр сервиса и упаковки сухофруктов[19].

По оценке заместителя генерального директора «FIFTYFIVE GROUP» по инновационным вопросам Масрура Ишанова, «в Таджикистане хороший пример успешного стартапа является и пример “Алиф”»[20].

Команда «Алиф» «поменяла мнение людей о безналичных платежах»[21] и облегчила доступ людей к банковской системе, и кредитам, в частности.

В качестве успешных стартапов эксперты также называют «Стартап-Чайхана», «Start-up Weekend Tajikistan», «Start-up Weekend Women Tajikistan» и другие, дающие предпринимателям возможность собираться и обмениваться идеями и опытом.

По словам директора РЕАК Таджикистан Сабохат Дустовой, стартапы, получившие поддержку, показывают положительную динамику. В среднем их выручка растет на 83%, 81 компания внедрила инновации в свой бизнес, устойчивого роста добились 80% стартапов. Кроме того, создано 801 рабочее место[22].

«В числе успешных инновационных стартапов называют также фармтех Yalla, логистическую компанию "Мавсим и К", компания альтернативная энергия "Технологияхои Сабз", проект "Павловния", ООО "Рушди Диер"»[23].

По оценке экспертов, стартапы в РТ чаще всего создаются в сферах услуг, edtech (образовательные технологии), fintech (финансовые технологии), medtech (медицинские технологии) и в агросфере. Также есть небольшой процент проектов по роботизации процессов и производству.

Таджикские бизнесмены создают успешные стартапы не только в Таджикистане, но и за его пределами. Примером успешного стартапа, созданного таджикским бизнесменом за границей, может служить Акобир, который основал в США маркетплейс для студентов, ищущих жилье. Это не просто аренда квартир, а целевая платформа для иностранных студентов, в первую очередь из нашей страны и соседних стран. Он нашел свою нишу и превратил ее в многомиллионный (в долларах) бизнес[24].

Инновационные стартапы таджикские предприниматели, не найдя по разным причинам возможностей для развития в своей стране, создают также в России, Казахстане и Узбекистане.

Отмечая определенные достижения РТ в развитии инновационных стартапов, эксперты отмечают, что сейчас Таджикистан остро нуждается в стартапах, ориентированных на образование, здравоохранение, информационные технологии и агротехнологии.

По мнению нейросети ChatGPT, в Таджикистане есть необходимость и перспективы создания инновационных стартапов по следующим актуальным направлениям:

Агроинновации и умное сельское хозяйство: создание стартапов, которые внедряют технологии умного сельского хозяйства, такие как дроны для мониторинга полей, системы капельного орошения, автоматизация и управление фермерскими хозяйствами с помощью искусственного интеллекта. Внедрение инновационных

технологий может значительно повысить урожайность и улучшить качество продукции, что приведет к росту доходов фермеров и обеспечению продовольственной безопасности.

Время осуществления стартапа: 1–3 года для пилотных проектов, с последующим расширением.

Инвестиции: 200 тыс. – 1 млн. долл. Размер инвестиций зависит от масштабов осуществления и применяемых технологий.

Возобновляемые источники энергии: разработка проектов по использованию солнечной и гидроэнергии. Таджикистан обладает значительным потенциалом для использования возобновляемых источников энергии, особенно гидроэнергии и солнечной энергии. Установки солнечных панелей в отдаленных районах или создание малых гидроэлектростанций помогут снизить зависимость от импортируемых энергоресурсов и обеспечат устойчивое энергоснабжение.

Время: 2–5 лет для разработки и внедрения.

Инвестиции: 500 тыс. – 5 млн долл. для малых гидроэлектростанций и солнечных установок.

Электронная коммерция и онлайн-торговля: платформа для электронной коммерции, ориентированная на местные рынки и потребности. Развитие онлайн-торговли позволит улучшить доступ к товарам и услугам для жителей даже самых отдаленных районов. Это также создаст новые возможности для местного бизнеса и предпринимателей.

Время: 6 месяцев – 2 года для разработки платформы и логистической сети.

Инвестиции: 100–500 тыс. долл. на начальном этапе.

Развитие туризма и экотуризма: стартап, который должен разрабатывать туристические маршруты и обеспечивать устойчивый туризм. Разработка приложений и платформ для онлайн-бронирования туров и услуг. Развитие туризма, особенно экотуризма, поможет привлечь больше предпринимателей к этому виду бизнеса, создать рабочие места и стимулировать экономику.

Время: 1–3 года для разработки маршрутов и инфраструктуры.

Инвестиции: 100 тыс. – 1 млн долл. в зависимости от масштаба.

Онлайн-образование и образовательные платформы: создание онлайн-платформ для обучения и повышения квалификации. Курсы по IT, языкам, бизнес-навыкам и другим востребованным направлениям помогут повысить уровень образования и занятости в стране. Онлайн-образовательные платформы позволят жителям Таджикистана получать новые знания и навыки, не покидая своих домов, что особенно важно для отдаленных районов.

Время: 6 месяцев – 1,5 года для разработки контента и платформы.

Инвестиции: 50–300 тыс. на начальном этапе.

Технологии для здравоохранения: телемедицина и медицинские приложения, которые позволят жителям отдаленных районов получать консультации врачей и диагностику. Включение систем для мониторинга здоровья и управления медицинскими данными граждан.

Время: 1–3 года для разработки и внедрения телемедицинских решений.

Инвестиции: 100 тыс. – 1 млн в зависимости от сложности.

Мобильные финансовые сервисы и финтех: разработка мобильных приложений для осуществления денежных переводов, оплаты счетов и других финансовых операций. Мобильные финансовые сервисы облегчат осуществление финансовых операций, повысят финансовую инклюзивность и улучшат экономическое положение граждан.

Время: 6 месяцев – 1 год для разработки приложений и установления партнерств.

Инвестиции: 100–500 тыс. на начальном этапе.

Переработка отходов и экотехнологии: стартап, занимающийся переработкой бытовых и промышленных отходов с применением современных технологий. Создание систем для сбора, сортировки и переработки отходов поможет сократить загрязнение окружающей среды, улучшить качество жизни и создать новые рабочие места.

Время: 1–3 года для разработки и запуска системы переработки.

Инвестиции: 200 тыс. – 2 млн в зависимости от технологии и масштабов осуществления.

Стартапы в сфере IT и разработки программного обеспечения: создание IT-компаний, которые разрабатывают программное обеспечение, мобильные приложения и веб-платформы. Развитие IT-сектора может способствовать экономическому росту и созданию высокооплачиваемых рабочих мест. Таджикистан имеет потенциал для аутсорсинга и разработки программного обеспечения для международных клиентов.

Время: 6 месяцев – 1 год для разработки продукта и начала продаж.

Инвестиции: 50–300 тыс. на начальном этапе.

Инфраструктурные проекты и умные города: разработка решений для улучшения городской инфраструктуры, таких как системы управления трафиком, умное освещение, мониторинг качества воздуха и воды. Такие проекты помогут создать более комфортные и безопасные условия для жизни, что привлечет инвестиции и улучшит качество жизни населения.

Время: 3–5 лет для разработки и внедрения умных решений.

Инвестиции: 1–10 млн в зависимости от масштабов реализации[25].

Продолжительность осуществления данных стартапов и размеров необходимых инвестиций для реализации каждого из них определена искусственным интеллектом весьма условно и может варьироваться в зависимости от множества факторов, включая масштаб проекта, уровень доступной инфраструктуры, наличие технических ресурсов и уровень квалификации команды, осуществляющей инновационный стартап.

Как и в других странах, каждый таджикский стартапер сталкивается с рядом объективных и субъективных трудностей, которые различаются в зависимости от исторического бэкграунда страны, уровня ее социально-экономического и политического развития, наличия инновационной инфраструктуры, от типа бизнеса и местного контекста и т. д. Основными препятствиями, с которыми может столкнуться стартапер в Таджикистане, обычно называют высокие первоначальные затраты на оборудование и инфраструктуру; ограниченный доступ к интернету в отдаленных районах и его низкое качество; недостаток доверия к онлайн-платформам среди населения; низкий уровень цифровой грамотности граждан; недостаток квалифицированных кадров и специалистов.

Таджикские эксперты и предприниматели также видят и ряд других препятствий на пути становления и развития инновационных стартапов. В частности, представители бизнеса считают, что главными проблемами в данном случае являются высокие налоги и сложное законодательство.

По мнению удачливого основателя инновационного стартапа «Илмхона» Фарруха Умарова, выпускника Оксфордского университета, основными проблемами при создании его «Илмхона» были «высокие налоги, дорогой и некачественный интернет, а также отсутствие хороших кадров для развития экосистемы стартапов»[26].

Экономический эксперт Фозил Фатхуллоев, изучающий проблемы стартапов в Таджикистане, утверждает, что большинство стартапов, которые существуют сейчас, созданы за пределами Таджикистана. Даже если эти проекты и были запущены в стране, то этот процесс происходил с большими трудностями.

«Я лично был свидетелем того, как десятки стартапов были доведены до банкротства государственными органами через бесполезные проверки, взяточничество и вымогательство. В итоге все авторы этих стартапов либо уехали и добились успеха за границей, либо продали стартап», – с горечью констатирует Фатхуллоев[27].

На основании анализа приведенных выше оценок, у автора складывается обоснованное впечатление, что высшее руководство страны осознает важность инновационного развития Таджикистана и старается содействовать его осуществлению. Однако на среднем и низшем уровнях вертикали власти осуществляются

деформации, а то и саботаж исполнения идущих сверху установок, в чем виновата та часть чиновничества, которая преследует цели личного обогащения. И эта ситуация является следствием одного из недостатков авторитарной власти и неразвитости демократических институтов, которые могли бы с помощью независимой прессы сделать подобные факты бюрократизма и коррупции достоянием верховной власти и общественности и тем самым минимизировать возможности их возникновения.

Зайтуна Сайдуллоева, директор аутсорсинговой компании «Beehive Design and Development», в оценках положения дел с инновационными стартапами в Таджикистане более оптимистична. По ее мнению, «Таджикистан медленно, но верно идет в сторону развития стартапов. Однако для развития необходима поддержка государства, которая в настоящее время явно недостаточна»[28].

Развитие позитивных трендов в этом вопросе она видит в активизации «помощи государства стартапам, заключающейся в создании благоприятной экосистемы для взращивания стартапов, а также в предоставлении налоговых льгот по всем статьям расходов, в благоприятной и безопасной экосистеме для осуществления инвестиций в страну, в льготах для банков, которые выделяют средства для стартапов, и так далее»[29].

По мнению Сайдуллоевой, появлению и развитию инновационных стартапов могло бы содействовать открытие в Таджикистане IT-парков.

«Открыть IT-парк означает дать полный карт-бланш стартапам и свободу творить и строить цифровую экономику. Цифровая экономика для Таджикистана критически важна, так как это сформирует новый слой в бюджете страны, в дополнение к остальным источникам дохода»[30], – считает Сайдуллоева.

К этому можно добавить такой важнейший фактор, как практическое отсутствие в стране венчурных фондов, призванных оказывать финансовое содействие становлению инновационных стартапов и брать на себя риски в случае неудачи их деятельности.

Сейчас развитием стартапов в стране больше занимаются международные организации, которые поддерживают молодых предпринимателей финансово. Среди них – Программа развития ООН в Таджикистане, «Peak Tajikistan», «Startup Go», «Accelerate Prosperity» и другие. Например, только «Peak Tajikistan» за время своей деятельности поддержал около 100 стартапов.

Среди причин, сдерживающих быстрый рост инновационных стартапов, эксперты также называют плохое состояние экономики, нехватку кадров, монополизм, отсутствие подходящих условий для начала работы инновационных бизнес-проектов.

Что касается общей ситуации со стартап-экосистемой в Таджикистане, то она, несмотря на трудности, развивается относительно интенсивно. Это связано с тем, что ряд структур, необходимых для обеспечения работы инновационных стартапов в стране присутствуют: есть инновационные стартапы-инкубаторы, акселераторы, определенное количество частных компаний, которые так или иначе поддерживают экосистему, начиная с участия в питчах[31] и заканчивая организацией хакатонов[32], а также довольно много курсов программирования и т. д.

Наряду с СЭЗ и инновационными стартапами в Таджикистане появились и технопарки, являющиеся важным институтом инновационной инфраструктуры любой страны. Закон Республики Таджикистан «О Технологическом парке» предусматривает возможность создания четырех видов технологического парка: инновационно-технологический парк, научный (исследовательский) парк, технополис и технологический инкубатор (бизнес-инкубатор).

Ценность технопарков для перехода страны на рельсы инновационного развития заключается в том, что этот институт представляет собой объединение научных и инновационных структур, других субъектов деятельности в области науки и инноваций трансфера технологий, а также хозяйствующих объектов, использующих достижения науки и инноваций[33].

В общепринятом в мире понимании технопарк (или IT-парк) – это территориальная, научная, технологическая и техническая база для реализации инновационных проектов. Это комплекс, в котором объединены научно-исследовательские институты, деловые центры, промышленные объекты, выставочные площадки, а также обслуживающая их инфраструктура: средства транспорта, подъездные пути, жилые поселки, охрана. Это территория возможностей и интеграции производства, науки, образования и высоких технологий. В идеале в технопарке талантливые люди смогут превратить свои идеи в реальные проекты[34].

Технопарки играют не только большую научно-техническую и экономическую роль, но призваны выполнять и социальные функции. В частности, они могут быть выгодны для жителей небольшого города или района, где размещен технопарк, так как обеспечивают дополнительные высококвалифицированные рабочие места и налоговые поступления, расширение возможностей для предпринимательской и инновационной деятельности, улучшение имиджа города (района) и удержание перспективной молодежи от трудовой миграции.

Все перечисленное выше прежде всего важно для регионов Таджикистана, испытывающих нехватку рабочих мест и ощутимую безработицу, недостаток средств для осуществления социальных

проектов и исход молодежи из сельской местности из-за отсутствия видимых перспектив.

Освещая проблему создания технопарков в Республике, министр промышленности и новых технологий Шерали Кабир заявил, что в Таджикистане уже существуют два IT-парка: Pamir IT Park в Хороге и IT Park Dushanbe, который расположен в здании столичного бизнес-центра «Созидание»[35]. «Законодательство позволяет создавать IT-парки, им предоставлены определенные преференции, особенно для IT-специалистов», – отметил министр. Он также пояснил, что Таджикистан активно изучает международный опыт создания технопарков и на основе практик Узбекистана и Казахстана, а также практики ведущих стран мира, создает собственную практику со своей спецификой: «Я думаю, что мы сделаем новую страницу для развития IT-парков в нашей стране»[36].

В настоящее время в республике строится нескольких технопарков. Самым крупным технопарком в Таджикистане будет создающийся сейчас в Душанбе при поддержке столичных властей Государственное унитарное предприятие технопарк «Умный город (Smart City)». Главная цель проекта – способствовать ускоренному развитию IT-отрасли в стране.

В технопарке власти собираются оказывать содействие начинающим и малым предприятиям в сфере IT в коммерциализации результатов инновационной деятельности. В нем планируется также обучать население и молодежь с целью формирования современного класса высококвалифицированных специалистов в сфере инноваций. Для этого организуют мастер-классы, тренинги и курсы повышения квалификации, а также научно-практические конференции и семинары с привлечением ведущих компаний и специалистов. Для совместной реализации проекта будут привлекать отечественных и зарубежных инвесторов.

Далее, 1 ноября 2023 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмон в рамках рабочей поездки в Пянджский район Хатлонской области дал старт строительству инновационного технологического парка. С привлечением средств бизнесменов и других источников финансирования запланировано построить в нем 9 предприятий, которые будут производить продукты питания, прохладительные напитки, стройматериалы и предметы быта.

Технопарк будет построен на площади 3 га, где в дальнейшем также возведут новые цехи и фабрики для реализации четвертой стратегической цели страны – ускоренной индустриализации Таджикистана. После полной сдачи строящихся предприятий будет создано свыше двухсот новых рабочих мест[37].

Важно, что товары, которые будут производиться в строящихся цехах и предприятиях будут импортозамещающими и позволят

обеспечить потребности местного рынка. Это в свою очередь позволит сократить импорт, сэкономить свободно конвертируемую валюту (СКВ), а также производить более дешевые и доступные для населения товары.

В итоге правительство планирует, что к 35-летнему юбилею Государственной независимости РТ, то есть к 2026 г., технопарки будут созданы в 30 городах и районах Таджикистана, в результате чего в несколько раз увеличится количество производственных цехов и учреждений.

Характерной чертой процесса создания технопарков в Таджикистане является то, что их значительная часть будет создана при вузах страны. Это рационально и экономит значительные финансовые ресурсы, поскольку вузы обладают определенной материальной, научной и обучающей базой.

Например, во исполнение закона Республики Таджикистан «О технопарке» по приказу ректора университета от 6 декабря 2011 г. № 406 был создан технопарк ХГУ им. Б. Гафурова. Положение, устав и план работы технопарка были подготовлены в соответствии с требованиям Закона РТ о технопарке и утверждены 28 июля 2012 г. решением Ученого совета университета[38].

По нашим подсчетам, проблемами формирования технопарков на своей базе в настоящее время озабочено около 25 вузов Таджикистана. Среди них наиболее крупными и перспективными представляются Технологический парк Таджикского национального университета, Технологический парк Таджикского технического университета имени Мухаммада Осими, Технологический парк Таджикского медицинского университета имени Абуали ибн Сино, Технологический и инновационный парк «Фановар» Технологического университета Таджикистана, Технологический парк Таджикского государственного университета коммерции, Технологический парк Таджикского государственного финансово-экономического университета.

Отмечая определенные достижения РТ в деле создания технопарков, эксперты говорят о трудностях и препятствиях на пути этого позитивного тренда.

К сожалению, декларируемые льготы и преференции для технопарков не всегда предоставляются на практике. По словам эксперта по информационным технологиям, таджикский iPark является прототипом технопарка или IT-парка, но не является им в традиционном понимании. По словам эксперта, как известно, традиционные модели обеспечивают различные налоговые и таможенные льготы, определенный набор бизнес-услуг и консалтинга, но пока в iPark этого еще нет. Эксперт указывает, что льготы должны быть комплексными, касаться зарплат, налогов на

деятельность и имущество, импорт IT-оборудования, технологий и т. п. «Также должны быть минимизированы различные проверки, штрафы, которые существенно ограничивают масштабы деятельности IT-компаний. Они не могут рисковать и практиковать новые направления деятельности, когда не чувствуют стабильность и возможностей для бизнес-экспериментов», – говорит эксперт[39].

И в данном случае, как и в случае с инновационными стартапами, мы сталкиваемся с тем, что конструктивные решения о предоставлении льгот и преференций технопаркам не выполняются. Остается только надеяться, что в ближайшее время эта ситуация улучшится[40].

Появились в Таджикистане и такие необходимые для подготовки инновационных кадров организации, как бизнес-инкубаторы. Наиболее крупным из них является Государственный бизнес-инкубатор Таджикистана.

В 2015 г. было разработано «Положение о государственном учреждении "бизнес-инкубатор"», в котором указаны общие принципы его создания, определены его цели и задачи, сформулированы требования к такого рода организациям, порядок предоставления нежилых помещений бизнес-инкубаторам, определены круг предоставляемых им услуг и механизмы управления бизнес-инкубатором, обозначены источники финансирования, контроль за деятельностью бизнес-инкубатора и порядок его ликвидации.

В Положении содержатся основные задачи бизнес-инкубатора, заключающиеся прежде всего в поддержке начинающих предпринимателей на начальном этапе развития бизнеса и оказании ряда услуг, в том числе предоставления в аренду (совместную аренду) нежилых помещений бизнес-инкубатору, почтовых услуг и услуг по делопроизводству, оказания консультационных услуг по вопросам налогообложения, бухгалтерского учета, кредитования, правовой защиты, планирования предпринимательства, обучения и повышения квалификации, доступа к базе данных бизнес-инкубатора, а также содействия в доступе к кредитным ресурсам, в получении разрешений и т. д.[41]

Нам удалось найти около десятка бизнес-инкубаторов (с филиалами), в том числе два в Душанбе, в г. Куляб и Худжанде. Все они имеют обширную программу подготовки предпринимателей, прежде всего, в сфере инноваций. Участниками программ в бизнес-инкубаторах могут стать проекты на разных этапах развития: идея, идея+команда, готовый продукт+команда; команда, которой необходимо дополнительное привлечение инвестиций; команда, которой необходимо обучение навыкам управления после получения инвестиций.

Проекты, реализации которых оказывают содействие бизнес-инкубаторы направлены на: здравоохранение, зеленые технологии,

кибербезопасность, логистику, медиа, мобильные приложения, онлайн-образование, телекоммуникации, финансовые технологии, цифровую автоматизацию, электронную коммерцию, электронное правительство, IT-сельское хозяйство, сервис, маркетинг-увеличение продаж, производство, услуги[42].

Не обошло Таджикистан и такое важное для зарождение инновационного бизнеса организационное явление, как коворкинги. Это площадки, на которых можно работать в неформальной обстановке, обсуждать инновационные бизнес-идеи, искать единомышленников и формировать команды для осуществления будущих инновационных проектов. Только в Душанбе есть 5 современных коворкингов[43].

Таким образом, можно констатировать, что в Таджикистане зарождается и развивается инновационная инфраструктура. Однако этот процесс еще далек от завершения. Более того, республика испытывает дефицит необходимых для инновационного развития институтов. Так, Таджикистану явно не хватает венчурных фондов для хеджирования рисков, связанных с инновационными стартапами. Венчурные инвестиции для Таджикистана – явление новое.

Это вид инвестиций отличается от классических высокой степенью риска, а значительная часть таджикского бизнеса не готова к серьезным рискам и предпочитает более надежные инвестиции. Многие предприниматели скорее просто положат деньги на депозит, чтобы получать несколько процентов в год, чем будут делать высокорискованные инвестиции с негарантированным шансом получить прибыль в десятки, а то и в сотни процентов.

Известно, что венчурные инвестиции, как правило, ничем не обеспечены, только будущей долей в стартапе или в прибыли стартапа, которые отнюдь не гарантированы. То есть, здесь обычно нет залогового имущества или процента от займа, что повышает риски. Поэтому если стартап неуспешный, то инвестиции теряются. А по статистике, из 10 стартапов только 1 выходит на самоокупаемость, начинает функционировать самостоятельно; из 100–200 выживших стартапов только 1–2 становятся успешными, с большой скоростью масштабирования и претендуют на звание единорога (единорог – это стартап, который в оценке его стоимости дошел до 1 млрд долл.)[44].

Отсюда и проблемы с самими инновационными стартапами, которые испытывают систематическую нехватку средств и нередко вынуждены осуществлять релокацию в те страны, где существует развитая система венчурных фондов. Это в немалой степени связано с тем, что на данный момент единственная организация, которая непосредственно занята развитием венчурного капитала, это «Tajikistan Venture Capital». Задача этого венчурного фонда – прежде всего поддержка стартапов в сфере нетворкинга[45] и образования.

Кроме того, «Tajikistan Venture Capital» при поддержке ПРООН (Программа развития Организации Объединенных Наций). Таджикистана оказывает содействие в улучшении доступа инновационных стартапов и перспективных бизнес-идей к финансовым ресурсам, путем запуска и развития школы венчурных инвестиций, нетворкинга потенциальных стартаперов и инвесторов. Фонд также занимается просветительской работой, информируя начинающих предпринимателей, планирующих заниматься инновационной деятельностью, о венчурном капитале и разрабатываемых первичных базах данных о инновационных стартаперах и потенциальных инвесторах в Таджикистане[46].

Из потенциальных доноров инновационных стартапов можно отметить активную роль ПРООН Таджикистан в развитии венчурной экосистемы. В частности, этой организацией проводится анализ законодательства и правовой среды венчурного инвестирования в Республике Таджикистан, а также изучение рыночной структуры развития венчурных инвестиций в Таджикистане.

Еще одна компания «Accelerate Prosperity» время от времени участвует в финансировании инновационных стартапов и даже разработала для этого оригинальный способ их финансирования. Наряду с «Accelerate Prosperity», в РТ есть еще несколько больших компаний, которые развивают венчурный капитал и в целом стартап-экосистему: это «FIFTYFIVE GROUP», «Tcell», «МегаФон Таджикистан», «Вавилон».

Международный опыт финансовой поддержки инновационных стартапов свидетельствует о том, что компенсация рисков, связанных с деятельностью подобных фирм через страховые компании, также возможна, хотя, как представляется автору, менее эффективна. Банковское финансирование инновационных стартапов также теоретически вероятно, но банки, как правило, большие кредиты без какого-либо обеспечения не дают.

Тем не менее ситуация с венчурной экосистемой в Таджикистане внушает умеренный оптимизм, поскольку на уровне государства, международных организаций и частного сектора венчурная экосистема начинает развиваться.

Все большее внимание власти Таджикистана уделяют формированию и совершенствованию системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации различного рода специалистов в области инновационной деятельности. Ставится задача сформировать в высших учебных заведениях современную систему подготовки специалистов в области инноваций. Предусматривается введение в высших учебных заведениях специализации по инновационной деятельности с тем, чтобы готовить специалистов, профессионально владеющих знаниями и навыками в области

экономических основ инновационного предпринимательства, управления проектами, коммерциализации технологий, технологического менеджмента, маркетинга, теории и практики охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

Важным моментом в подготовке инновационных кадров является то, что они готовятся не только в национальных учебных заведениях, но и за рубежом. В частности, по рекомендации высшего учебного заведения студенты, аспиранты, молодые сотрудники могут направляться для прохождения практики на стажировку и обучение в зарубежных образовательных учреждениях по инновационным специальностям за счет бюджетных и внебюджетных средств (в том числе на грантовой основе).

По мнению руководства страны, международное научное, научно-техническое и инновационное сотрудничество, особенно учитывая, что Национальная инновационная система Республики Таджикистан находится на стадии становления и формирования, будет способствовать:

- усилению интеграции Республики Таджикистан в международное научно-технологическое пространство;
- созданию благоприятных условий для взаимовыгодного и равноправного взаимодействия в инновационной сфере:
- формированию современной инфраструктуры инновационной деятельности;
- участию зарубежных ученых и специалистов в реализации совместных инновационных проектов;
- созданию нормативной правовой базы, стимулирующей приток иностранных инвестиций в научную, научно-техническую и инновационную сферу;
- развитию системы подготовки специалистов в области инновационной деятельности;
- налаживанию системы коммерциализации и практического использования новых инновационных технологий, продуктов и услуг[47].

Среди стран, с которыми Таджикистан сотрудничает в сфере инноваций, центральное место занимает Россия. В последние годы российский бизнес активно участвует в инновационном развитии Таджикистана и осуществляет в этой стране ряд совместных инновационных проектов. Так, например, Россия и Таджикистан подписали инвестиционное соглашение почти на 60 млн долл. по установке с помощью российского бизнеса дорожных камер по всему Душанбе для контроля за движением[48]. Кроме того, российские IT-компании непосредственно участвуют в цифровизации Душанбе. Речь идет об агрегаторах такси, об эффективных курьерских службах и других электронных сервисах, улучшающих качество оказания услуг.

Таким образом, Россия инвестирует значительные средства и в развитие новых технологий, тем самым способствуя постепенному становлению технологического суверенитета Республики.

Ощутимую роль в подготовке инновационных кадров для РТ играет Россия. Россия помогает Республике в подготовке кадров способных генерировать инновационные идеи, воплощать их на практике через инновационные стартапы, осуществлять коммерциализацию своей инновационной продукции. На сегодняшний день на территории России обучается свыше 21 тыс. студентов из Таджикистана, значительная часть которых будет способна осуществлять инновации в различных сферах общественной жизни Республики[49].

Кроме того, в Душанбе работают филиалы ведущих российских университетов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «МЭИ» и Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

Особое место в подготовке кадров высшей квалификации для РТ занимает Российско-Таджикский (Славянский) университет, в котором проходят обучение 6,8 тыс. студентов. В университете реализуется более 25 образовательных программ всех уровней, имеется две общеобразовательные школы в Душанбе и Кулябе, работает свыше 300 преподавателей[50].

Взаимодействие между Россией и Таджикистаном в научной сфере развивается по целому ряду направлений. В качестве наиболее известных международных научных проектов можно назвать Международный научно-исследовательский центр «Памир-Чакалтая», осуществляющий с помощью инновационных методик археологические исследования по всей территории Таджикистана, в том числе в древнем Пенджикенте, совместные астрофизические исследования на базе обсерватории «Санглох», лингвистические экспедиции, изучение природного многообразия и многое другое.

Успешно развивается инновационное сотрудничество Таджикистана и с другими странами. Так, совместно с Китаем осуществляется ряд инновационных проектов, связанных с зеленой и цифровой экономикой, искусственным интеллектом и созданием в Таджикистане производств с использованием зеленых технологий, а также реализация крупных проектов по обеспечению коммуникаций между странами, включая строительство ключевых участков автодороги между двумя странами и открытие большего числа прямых воздушных маршрутов[51].

Отмечая достижения в сфере инновационного сотрудничества с рядом стран необходимо признать наличие еще серьезных препятствий на пути инновационного развития Таджикистана.

По мнению эксперта по Центральной Азии, профессора Техасского университета (США) Эдварда Лемона, разгул коррупции, угроза рейдерских захватов бизнеса, исходящая от околовластных кругов, ограниченность ресурсов и низкий уровень образования населения делают Таджикистан менее привлекательным по сравнению с соседними странами. Все это будет ограничивать стремление властей привлечь инвестиции для инновационного развития.

«Transparency International» – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру – в своем отчете от 30 января 2024 г. поставила Таджикистан на 162-е место среди 180 стран, в группу самых коррумпированных государств мира. Более того, за последние 4 года Таджикистан ухудшил свои позиции в этом рейтинге и опустился с 149-го места на 162-е[52].

Наряду с коррупцией, еще одним фактором, препятствующим проявлению интереса со стороны иностранных инвесторов к вложениям в таджикистанские инновационные проекты, является то, что в стране крупный бизнес практически монопольно владеет важнейшими отраслями экономики, а значительная его часть принадлежит государству. Более того, эти отрасли находятся под влиянием близких к правящей элите людей. Эти факторы серьезно снижают возможности добросовестной конкуренции, необходимой для успешного осуществления инновационных проектов.

Экономический эксперт А. Ашуров считает, что наряду с природными условиями – 93% территории страны занимают горы – гораздо больше привлечению больших инвестиций в инновационные проекты мешают административные препоны: «Инвестор смотрит, есть ли в стране независимая судебная система или нет. В случае, если в стране у него арестуют имущество, сможет ли он защитить себя через суд или нет? Мы знаем, какова оценка международных организаций независимости судебной власти в Таджикистане»[53].

Но при этом международные организации и эксперты считают, что недостаточная инфраструктура, очень маленький рынок, соседство с Афганистаном, затруднительность транзитных маршрутов через Кыргызстан и сложное географическое положение страны являются более серьезными препятствиями для привлечения масштабных иностранных инвестиций, чем инвестиционная привлекательность тех или иных инновационных проектов, предлагаемых властями Таджикистана.

На пути инновационного развития Таджикистана есть также ряд других серьезных препятствий. Это прежде всего недостаточная развитость инновационной инфраструктуры. И если такие ее атрибуты, как СЭЗ или технопарки, в ней присутствуют, то наличие лишь одного венчурного фонда в стране явно

недостаточно для хеджирования рисков, связанных с инновационными стартапами.

Отсюда и проблемы с самими инновационными проектами, которые испытывают систематическую нехватку средств и нередко вынуждены осуществлять релокацию в те страны, где существует развитая система венчурных фондов.

Международный опыт финансовой поддержки инновационных стартапов свидетельствует о том, что страховка рисков, связанных с деятельностью подобных фирм через страховые компании также возможна, хотя, как представляется автору, менее эффективна.

К числу проблем в инновационной сфере, помимо тех, которые были упомянуты выше, эксперты относят следующие: недостаточная вовлеченность научного и научно-технического потенциала в инновационные процессы, низкие темпы формирования современной системы подготовки кадров в области инновационной деятельности, несоответствие реального состояния системы информационно-коммуникационных технологий требованиям, предъявляемым к организации современной информационной системы в сфере инновационной деятельности, отсутствие налаженной и транспарентной системы введения в хозяйственный оборот результатов научных исследований и коммерциализации научно-технических достижений, неразработанность системных мер по стимулированию создания малых инновационных предприятий и инновационного предпринимательства, недостаточное использование потенциальных возможностей международного сотрудничества для поддержания инновационных процессов в стране.

К сожалению, на пути движения Таджикистана по пути инновационного развития есть и трудности субъективного порядка. Так, у значительной части таджикских предпринимателей наблюдается определенное недопонимание важности и перспективности инновационного бизнеса. Эти предприниматели предпочитают не рисковать и работают в сфере устоявшегося традиционного бизнеса, что называется по старинке. В сознании части предпринимателей возникает когнитивный диссонанс: с одной стороны власти страны настойчиво призывают бизнес переходить на рельсы инновационного развития, а с другой – широко распространено нежелание рисковать средствами и покидать привычные бизнес-ниши. Отсюда и небольшая востребованность инновационных разработок у таджикского бизнеса. В этой парадигме остается только надеяться, что новые поколения таджикских предпринимателей, прошедших обучение в России и других осознающих роль инновационного развития странах, будут лишены атавизмов традиционных подходов к предпринимательству и будут более восприимчивы к инновационному бизнесу.

В ближайшей перспективе серьезное содействие преодолению трудностей в инновационном развитии Таджикистана призвано оказать международное сотрудничество с более развитыми в инновационном плане странами.

Например, торговый представитель России в Таджикистане Е. Кореньков по поводу ближайших перспектив сотрудничества российского и таджикского бизнеса в сфере инвестиций в инновационные проекты заявил буквально следующее: «Действительно проектов, которые планируется осуществить при участии Российской Федерации много. В настоящее время обсуждается дальнейшее участие российских IT-компаний в цифровизации Душанбе по программе "умный город". Речь идет об агрегаторах такси, об эффективных курьерских службах и других электронных сервисах, улучшающих качество оказания услуг. Таким образом, Россия участвует и в развитии новых технологий, содействуя движению Республики по пути к технологического суверенитету»[54].

В числе наиболее значимых планируемых в среднесрочной перспективе совместных проектов также необходимо назвать соглашение одного из крупнейших российских холдингов со свободной экономической зоной «Куляб» в Таджикистане по созданию текстильного кластера.

Вообще Таджикистан намерен в среднесрочной перспективе создать текстильные кластеры в 22 районах республики с полным циклом переработки местного сырья до выхода конечной продукции и призывает международный бизнес принять участие в этом проекте[55].

Российский бизнес готов осуществлять инвестиции в Таджикистане и в строительство инновационного национального Центра обработки данных для цифровой трансформации республики.

В самое ближайшее время российские компании планируют построить два предприятия в таджикских свободных экономических зонах (СЭЗ) «Куляб» и «Сугд». Об этом ТАСС сообщил председатель Российско-Таджикского делового совета Ислам Назаралиев. «Подписано три соглашения о намерениях между СЭЗ "Сугд" и российской компанией "Лаборатория огнезащиты". Первый проект по строительству завода по производству эфира целлюлозы»[56].

Еще одно соглашение подписали с СЭЗ «Куляб» российская компания «Пренолы» и таджикская «Растани инно». Эти компании займутся выращиванием и переработкой лекарственных растений Таджикистана.

В ходе международной девятой конференция по межрегиональному сотрудничеству «Деловое и инвестиционное партнерство России и Таджикистана», состоявшейся в марте 2023 г.,

были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве, намечены новые сферы для партнерства, а также прозвучало предложение о создании Инвестиционного фонда Таджикистан – Россия. Его формирование могло бы оказать дополнительное содействие совместным проектам и прежде всего проектам в сфере инноваций и в какой-то мере компенсировать нехватку венчурных институтов.

Кроме того, в планах российского и таджикского бизнеса строительство российско-таджикского индустриального парка[57]. Совместный индустриальный парк России и Таджикистана планируют разместить в Душанбе на базе бывшего машиностроительного предприятия. Об этом сообщил директор департамента международной кооперации и лицензирования в сфере внешней торговли Минпромторга РФ Р. Чекушов в ходе заседания Российско-таджикского делового совета на форуме «Россия – Исламский мир: KazanForum 2024»[58].

«Мы договорились с коллегами, что этот проект будет реализован в несколько этапов. Первым этапом должен явиться индустриальный парк практически в центре столицы Таджикистана – в городе Душанбе на базе бывшего машиностроительного завода. Это прекрасная площадка с отличной транспортной доступностью, с возможностью организации бизнес-мероприятий», – рассказал о проекте Чекушов[59].

Он также отметил, что предполагаются инвестиции в реконструкцию, модернизацию и ремонт помещений бывшего завода с целью «фактически подготовить их под ключ для российских инвесторов или российско-таджикистанских партнерских компаний. Это делается для того, чтобы они могли въехать, поставить оборудование и завтра начать работать»[60]. Предполагается, что парком будет руководить собственная управляющая компания, а для тех производств, которые будут размещаться на площадке, планируются различные преференции, в том числе льготные налоговый режим и арендная плата. Проект рассчитывают реализовать «под зонтиком межправительственного соглашения» РФ и Таджикистана, поэтому инвесторы смогут рассчитывать на поддержку двух государств[61].

Правительство Таджикистана надеется, что участие российского бизнеса в создании технопарка в Душанбе получит продолжение и он примет участие в дальнейшем развитии этого важного института инновационной инфраструктуры.

По оценке министра промышленности и новых технологий Таджикистана Шерали Кабира, участие российского капитала и специалистов по созданию технопарков в Таджикистане сыграло бы большую роль в дальнейшем в деле углубления сотрудничества между странами[62].

Существует хорошая перспектива предоставления Россией таджикским предпринимателям еще одного инновационного новшества. В России успешно работает цифровая платформа МСП. РФ, благодаря которой российский малый и средний бизнес может начать поставки комплектующих крупным предприятиям Таджикистана. В настоящее время в сервисе представлено свыше 1,4 тыс. запросных позиций, которые разместили многие зарубежные предприятия, в том числе и из Таджикистана[63].

Цифровая платформа МСП.РФ – государственная платформа поддержки предпринимателей МСБ (малый и средний бизнес) самозанятых и тех, кто планирует начать свой бизнес. Платформа разработана Корпорацией МСП (Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства») совместно с Минэкономразвития России. Ее цель – предоставить доступ ко всем необходимым для бизнеса сервисам и мерам поддержки на одной платформе.

По оценкам пользователей, платформа представляет действительно важные инструменты для основания и ведения бизнеса. Среди 20 сервисов – агрегированные меры поддержки на федеральном и региональном уровне, проверка потенциального контрагента, бизнес-обучение, доступ к закупкам крупных госкомпаний, регистрация бизнеса онлайн, получение электронной подписи и многое другое.

Для экспортной деятельности таджикскому бизнесу может быть предоставлена цифровая платформа «Мой экспорт», которая обеспечивает доступ к государственным и бизнес-сервисам, сопровождающим выход компаний на экспорт в режиме «Одного окна». Сервисы платформы способствуют решению основных задач на каждом этапе именно экспортного цикла. Платформа «Мой экспорт» открывает доступ к наиболее востребованным мерам поддержки, не погружаясь в бюрократические проблемы. На платформе можно найти все, что нужно для эффективного экспорта – от обучения ВЭД (внешнеэкономической деятельности) и поиска поставщика до организации поставок, получения разрешительных документов и мер государственной поддержки[64].

В рамках развития взаимодействия российского и таджикского бизнеса очевидно, что при использовании данной платформы участниками бизнеса может быть достигнут положительный эффект, особенно при переориентации предпринимателей с одних рынков на другие. А в условиях возрастающей конкуренции, таджикские бизнесмены при использовании этой платформы смогут выбирать наилучшие товары российских предпринимателей в соотношении цены / качества.

По неподтвержденным данным, правительство Таджикистана в плане развития инновационного сотрудничества с российским

бизнесом в ближайшей и среднесрочной перспективе неофициально направило в адрес правительства РФ свои предложения по возможным инвестиционным проектам. В частности, Министерство экономического развития РФ получило от Министерства экономического развития и торговли Таджикистана резюме 100 инвестиционных проектов, в которых российскому бизнесу предлагается принять участие. Это большой документ, содержащий информацию о целях проектов, планируемых конечных результатах их реализации, необходимых мощностях создаваемых производств, прогнозируемых объемах экспорта их продукции в страны региона, о сроках реализации проектов, проектной документации, стоимости проектов, в том числе дается примерная рентабельность в процентах, сроках окупаемости, формах инвестиций (практически везде планируются прямые инвестиции), количестве создаваемых рабочих мест, возможных механизмах реализации, льготах и преференциях, предоставляемых инвесторам и т. д. Согласно имеющимся данным, российский бизнес в настоящее время уже осуществляет на территории республики более 30 инвестиционных проектов в таких отраслях, как автомобилестроение, энергетика и цифровизация[65].

Среди предложенных таджикской стороной проектов российскому бизнесу для инвестирования к инновационным и относительно инновационным можно отнести следующие проекты: строительство объекта «Автоматизированная система управления транспортным сектором “Безопасный город”» в городах Душанбе, Худжанд, Бустон, Гулистон и районе Бободжон Гафуров Согдийской области; строительство современного завода по утилизации отходов на территории Свободной экономической зоны «Сугд»; строительство предприятия по производству аккумуляторов; строительство предприятия по производству светодиодных энергосберегающих ламп; строительство предприятия по производству лифтов и строительство предприятия по производству медицинских шприцев (все названные выше предприятия планируется построить в городе Куляб Хатлонской области); строительство и оборудование Республиканского Онкологического Центра; строительство перерабатывающего завода драгоценных металлов и драгоценных камней; строительство Санабадской ГЭС мощностью 200 мВт[66].

Оценивая перспективы многоаспектного сотрудничества российского и таджикского бизнеса в целом, премьер-министр Таджикистана К. Расулзода сделал вывод, согласно которому «в настоящий момент становится все более актуальным восстановление кооперации, в том числе промышленной, между двумя странами, а также создание единых производственных цепочек. Основой этого процесса могут служить уже существующие и разрабатываемые таджикско-российские партнерские соглашения в горнодобывающей,

металлургической, обрабатывающей, текстильной, электротехнической, нефтеперерабатывающей и химической отраслях, а также в машиностроении[67].

Большие планы сотрудничества в сфере инноваций есть и у Китая. Между КНР и РТ подписано более двухсот соглашений, охватывающих в том числе сотрудничество в сфере инноваций. В настоящее время Китай осуществляет в Таджикистане строительство важных стратегических объектов, необходимых для развития инновационной инфраструктуры. В стране уже возведен ряд сооружений в сотрудничестве с Китаем. В частности, текстильный комплекс Чунтай, железная дорога «Вахдат – Яван», цементный завод Хуаксин Гайюр – Согд, предприятия по производству фтора и криолита, тоннели Шахристан, Хатлон, Дусти, Озоди, участок автодороги «Дарваз – Ванч – Рушан» и другие важные объекты стратегического значения[68].

За счет китайского финансирования в Таджикистане строятся энергетические объекты. Китайское агентство «TBEA» в сотрудничестве с Республикой Таджикистан построило и ввело в эксплуатацию Душанбинский тепловой центр. Также на сумму 37 млн долл. построена 220-киловольтная линия электропередачи «Худжанд – Айни». Многие другие проекты находятся в стадии планирования и частично находятся в стадии реализации.

Наряду с этим таджикская и китайская стороны реализуют проекты международного значения. В частности, строительство железной дороги «Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран», автомобильной дороги «Китай – Таджикистан – Узбекистан», автомобильной дороги «Китай – Таджикистан – Афганистан» и так далее[69].

На сегодняшний день более 70 предприятий с китайским капиталом и совместных предприятий Таджикистана и Китая реализуют более 300 различных проектов в сферах производства цемента, транспорта, горнодобывающей, сельскохозяйственной, энергетической и других отраслях. В Таджикистане работают более 580 компаний с китайскими инвестициями в различных отраслях промышленности. Эти меры помогут как финансовому обороту страны, так и создадут благоприятные условия для достижения четвертой стратегической цели – ускоренной индустриализации республики, создания новых рабочих мест.

Китай также планирует оказать содействие Таджикистану в развитии инновационных направлений экономики (в цифровизации различных сфер общественной жизни, во внедрении искусственного интеллекта, в обеспечении кибербезопасности и т. д.) и уже делает шаги в этом направлении[70].

Правительство Таджикистана также планирует развивать в дальнейшем инновационное сотрудничество со странами СНГ[71].

Таким образом, из перечисленных выше осуществляемых и планируемых проектов очевидно, что, несмотря на все трудности, у Таджикистана есть хорошие перспективы завершения индустриализации и перехода на рельсы инновационного развития. Другое дело, что в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, какие-то проекты могут быть отложены или даже не выполнены. Однако желание властей Таджикистана идти по пути инновационного развития, опираясь на международную помощь и поддержку, внушает умеренный оптимизм.

Информация об авторе

Евгений Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *intelban@mail.ru*

Information about the author

Evgeniy Ya. Vittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *intelban@mail.ru*

Примечания

1 *Каюмов Н.К., Довгялло Я.П.* Роль инноваций в развитии экономики Республики Таджикистан // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1 (43). С. 29–49.

2 На территории Таджикистана охраняется более 8 тысяч изобретений из различных стран мира. URL: https://khovar.tj/rus/2024/04/na-territorii-tadzhikistana-ohranyaetsya-bolee-8-tysyach-izobretenij-iz-razlichnyh-stran-mira/ (дата обращения: 13.10.2025)

3 Стратегия инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года. URL: https://kgu.tj/donishgo-i-mo/?ELEMENT_ID=2225 (дата обращения: 09.10.2025).

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Закон Республики Таджикистан «О свободных экономических зонах в Республике Таджикистан». URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=2482 (дата обращения: 09.10.2025).

[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Представители бизнес кругов Китая заинтересованы в сотрудничестве. URL: https://dialog.tj/new76562/ (дата обращения: 09.10.2025).
[13] Китай рассматривает возможности организации промышленного комплекса в СЭЗ «Сугд». URL: https://khovar.tj/rus/2024/09/kitaj-rassmatrivaet-vozmozhnosti-organizatsii-promyshlennogo-kompleksa-v-sez-sugd/ (дата обращения: 09.10.2025).
[14] Стартап в его западном понимании – это временная организация, которая предназначена для поиска воспроизводимой и масштабируемой бизнес-модели путем инновационного решения какой-либо проблемы. См.: Венчурные инвестиции в Таджикистане. Почему они важны именно сейчас? URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20230218/venchurnie-investitsii-v-tadzhikistane-pochemu-oni-vazhni-imenno-seichas (дата обращения: 09.10.2025).
[15] Количество стартапов приведено условно. В разных таджикских источниках даются разные цифры. Это связано в том числе и с объективными обстоятельствами. Эта категория предпринимательских структур весьма подвижна. Стартапы часто, в силу разных причин, недолговечны.
[16] Startupstan Summit 2024: Новая эра стартапов в Таджикистане. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20241010/startupstan-summit2024-novaya-era-startapov-v-tadzhikistane (дата обращения: 09.10.2025).
[17] Там же.
[18] Лучшие молодежные проекты Таджикистана. URL: https://peace4centralasia.org/about-region/about-tajikistan/tajikistan-best-youth-projects/ (дата обращения: 12.10.2025).
[19] Tajik Startups. URL: https://www.facebook.com/tajikstartups/?locale=ru_RU (дата обращения: 09.10.2025).
[20] Таджикистан: стартапы нужны, но условий нет. URL: https://clck.ru/3PkLDZ (дата обращения: 09.10.2025).
[21] Там же.
[22] Startupstan Summit 2024...
[23] Там же.
[24] Startupstan Summit 2024...
[25] 10 перспективных идей для стартапов в Таджикистане по версии ChatGPT. URL: https://pressa.tj/10-perspektivnyh-idej-dlya-startapov-v-tadzhikistane-po-versii-chatgpt/ (дата обращения: 09.10.2025).
[26] Таджикистан: стартапы нужны, но условий нет. URL: https://goviral.kz/ru/article/tadzhikistan-startapy-nuzhny-no-uslovij-net (дата обращения: 09.10.2025).
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Питч – это короткий рассказ о себе и своей идее, который презентуется значимым людям: потенциальным партнерам, инвесторам, работодателям. Его цель – заинтересовать, произвести впечатление и убедить собеседника принять необходимые меры: инвестировать в проект, дать работу, начать сотрудничество.
[32] Хакатон – это соревнование, в котором команды создают на время прототип мобильного приложения, веб-сервиса или другого продукта для решения

проблемы, с которой столкнулся заказчик. Понятие образовано от слов hack и marathon. В переводе с английского hackathon – это «марафон для хакеров».

[33] См. об этом подробно: *Стулов О.В. Чевычелова Н.Е.* Технопарк как форма научно-технической модернизации экономики // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2010. № 3. С. 100–119.

[34] Таджикистан приступает к созданию технопарков. Агентство «Ховар» рассказывает о том, что такое IT-парк, для чего он нужен и сколько стоит его строительство. URL: https://e-cis.info/news/569/105955/ (дата обращения: 09.10.2025).

[35] Узбекский IT-park заработал $1 млрд. А что в Таджикистане? URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20241016/uzbekskii-it-park-zarabotal-1-mlrd-a-chto-v-tadzhikistane?utm_source=gravitec&utm_medium=push&utm_campaign= (дата обращения: 09.10.2025).

[36] Там же.

[37] Таджикистан приступает к созданию технопарков...

[38] Технопарк. URL: https://www.hgu.tj/ru/depart/tech-park.html (дата обращения: 09.10.2025).

[39] Узбекский IT-park заработал $1 млрд...

[40] Таджикистан и Китай. В результате сотрудничества только за последние 5 лет реализовано более 10 совместных проектов. URL: https://khovar.tj/rus/2024/06/tadzhikistan-i-kitaj-v-rezultate-sotrudnichestva-tolko-za-poslednie-5-let-realizovano-bolee-10-sovmestnyh-proektov/ (дата обращения: 09.10.2025).

[41] В Таджикистане планируют создать бизнес-инкубаторы. URL: https://tgk.addnt.ru/v-tadzhikistane-planiruyut-sozdat-biz/ (дата обращения: 09.10.2025).

[42] Государственный бизнес-инкубатор Таджикистана. URL: https://bizincubator.tj/proekti/ (дата обращения: 09.10.2025); В Худжанде открылся филиал государственного бизнесинкубатора. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210503/v-hudzhande-otkrilsya-filial-gosudarstvennogo-biznes-inkubatora-rasskazivaem-chto-tam-budet (дата обращения: 09.10.2025).

[43] Коворкинги в Душанбе. 5 мест, где можно поработать вне офиса. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221009/kovorkingi-v-dushanbe-5-mest-gde-mozhno-porabotat-vne-ofisa (дата обращения: 09.10.2025).

[44] Венчурные инвестиции в Таджикистане. Почему они важны именно сейчас? URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20230218/venchurnie-investitsii-v-tadzhikistane-pochemu-oni-vazhni-imenno-seichas (дата обращения 09.10.2025).

[45] Нетворкинг – это прогрессивный способ построения деловых связей. Простыми словами – умение заводить знакомства с нужными людьми для развития карьеры и бизнеса. К людям, которые входят в число ваших знакомых, можно без проблем обратиться за консультацией, предложить свои услуги или товары.

[46] Венчурные инвестиции в Таджикистане...

[47] Программа инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 годы. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=12837 (дата обращения: 13.10.2025).

[48] Россия профинансирует установку в Душанбе дорожных камер. URL: https://tj.sputniknews.ru/20220903/russia-kamery-doroga-dushanbe-1051130099.html (дата обращения: 09.10.2025).

[49] Сотрудничество в области науки, культуры, инноваций. URL: https://olddushanbe.mid.ru/dvustoronnie-otnosenia/-/asset_publisher/w0excCHIunyd/content/sotrudnicestvo-v-oblasti-nauki-kul-tury-innovacij (дата обращения: 09.10.2025).

[50] Там же.

[51] Таджикистан и Китай на пути сотрудничества в светлое будущее. URL: https://www.osiyoavrupo.tj/ru/post/tadzhikistan-i-kitay-na-puti-sotrudnichestva-vo-svetloe-budushchee (дата обращения: 12.10.2025); Таджикистан и Китай укрепляют сотрудничество в области горнодобывающей промышленности и новых технологий. URL: https://khovar.tj/rus/2025/09/tadzhikistan-i-kitaj-ukreplyayut-sotrudnichestvo-v-oblasti-gornodobyvayushhej-promyshlennosti-i-novyh-tehnologij/ (дата обращения: 13.10.2025).

[52] Таджикистан теряет позиции в рейтинге восприятия коррупции. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20240131/tadzhikistan-teryaet-pozitsii-v-reitinge-vospriyatiya-korruptsii (дата обращения: 09.10.2025).

[53] В поисках капитала: почему инвесторы неохотно идут в Таджикистан? URL: https://rus.ozodi.org/a/32840595.html (дата обращения: 15.10.2025).

[54] Евгений Кореньков: Российский бизнес готов раскрыть экономический потенциал Таджикистана. URL: https://www.rbgmedia.ru/post.php?id=13201 (дата обращения: 09.10.2025).

[55] Таджикистан намерен создать текстильные кластеры в 22 районах страны – Минпром. URL: https://kvedomosti.ru/?p=1137312 (дата обращения: 09.10.2025).

[56] Российские компании построят два предприятия в свободных экономических зонах Таджикистана. URL: https://e-cis.info/news/568/110080/ (дата обращения: 012.10.2025).

[57] В самой России, в Москве и более 60 регионах страны, сегодня работают свыше 300 технопарков. Только в одной Москве размещено порядка 35 технопарков и технополисов (данные инвестиционного портала). Самый известный из них – Сколково.

[58] Российско-таджикский промпарк разместят в Душанбе на бывшем машиностроительном заводе. URL: https://tass.ru/ekonomika/20829075 (дата обращения: 09.10.2025).

[59] Там же.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] Таджикистан и Россия создадут совместные промышленные зоны. URL: https://mfa.tj/ru/moscow/view/12980/tadzhikistan-i-rossiya-sozdadut-sovmestnye-promyshlennye-zony (дата обращения: 09.10.2025).

[63] Цифровая платформа МСП.РФ. URL: https://corpmsp.ru/to-business/msp-rf/. (дата обращения: 14.10.2025); Цифровая платформа МСП. URL: https://mostpp.ru/projects/mery-podderzhki-msb/tsifrovaya-platforma-msp/ (дата обращения: 14.10.2025).

[64] Цифровая платформа «Мой экспорт». URL: https://myexport.exportcenter.ru/ (дата обращения: 0.10.2025).

[65] Министерство экономического развития РФ получило от Министерства экономического развития и торговли Таджикистана резюме 100 инвестиционных проектов. Обзор ИИ. URL: https://www.google.com/search (дата обращения:

14.10.2025); Вклад России в инвестиционные проекты Таджикистана. URL: https://amit.tj/ru/vklad-rossii-v-investcionnye-proekty-tadzhikistana (дата обращения: 14.10.2025).

[66] Более 170 российских компаний выразили интерес к локализации производства в Таджикистане – посол РФ в РТ. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20251009/bolee-170-rossiiskih-kompanii-virazili-interes-k-lokalizatsii-proizvodstva-v-tadzhikistane-posol-rf-v-rt (дата обращения: 14.10.2025); Вклад России в инвестиционные проекты Таджикистана; Какие проекты Россия может реализовать в Таджикистане. URL: https://e-cis.info/news/566/108079/ (дата обращения: 14.10.2025); Россия и Таджикистан укрепляют сотрудничество в сфере цифровизации: «МегаФон Таджикистан» внедряет передовые российские технологии. URL: https://khovar.tj/rus/2025/10/rossiya-i-tadzhikistan-ukreplyayut-sotrudnichestvo-v-sfere-tsifrovizatsii-megafon-tadzhikistan-vnedryaet-peredovye-rossijskie-tehnologii/ (дата обращения: 14.10.2025).

[67] В Таджикистане считают целесообразным проработать создание инвестиционного фонда с РФ. URL: https://tass.ru/ekonomika/17182403 (дата обращения: 15.10.2025).

[68] Многоплановое сотрудничество Таджикистана и Китая. Мнение эксперта об отношениях двух стран в новых условиях развития региона и мира. URL: https://khovar.tj/rus/2024/07/mnogoplanovoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-kitaya-mnenie-eksperta-ob-otnosheniyah-dvuh-stran-v-novyh-usloviyah-razvitiya-regiona-i-mira/ (дата обращения: 09.10.2025).

[69] Там же.

[70] *Рахимов Ф.* Перспективы сотрудничества Таджикистана и Китая в сфере построения цифровой экономики. URL: https://www.osiyoavrupo.tj/ru/post/perspektivy-sotrudnichestva-tadzhikistana-i-kitaya-v-sfere-postroeniya-cifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 09.10.2025); Ван И рассказал о ключевых направлениях сотрудничества с Таджикистаном. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202405/t20240521_11308819.htm (дата обращения: 09.10.2025); Таджикистан и Китай подписали документы о сотрудничестве на сумму более 6 млрд сомони. URL: https://khovar.tj/rus/2024/06/tadzhikistan-i-kitaj-podpisali-dokumenty-o-sotrudnichestve-na-summu-bolee-6-mlrd-somoni/ (дата обращения: 09.10.2025).

[71] В ташкентском центре U-Enter состоится конкурс Startup Battle. URL: https://www.spot.uz/ru/2024/10/23/startup-battle/?utm_source=push&utm_medium=chrome (дата обращения: 09.10.2025).

Гражданское общество в Таджикистане: синергия государственных и негосударственных акторов в контексте политической модернизации страны

Шамсиддин Т. Каримов

Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук, Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан, shamskarimov14@gmail.com

Аннотация. Гражданское общество является динамично развивающимся феноменом. Эволюция и устойчивость данного феномена зависят от его структуры: насколько развиты его элементы, настолько оно само будет развитым. Одним из важнейших институтов гражданского общества являются неправительственные организации, которые играют большую роль не только в становлении и развитии гражданского общества, но и в обеспечении стабильности и устойчивого развития государства в целом. В статье отмечается, что коренные преобразования, происходящие в жизни современного Таджикистана, и решение многих его проблем неразрывно связаны с формированием именно гражданского общества. Автор констатирует, что социальная активность рядового гражданина страны или гражданская инициативность таджикистанского социума в целом является важнейшим и наиболее существенным фактором формирования демократической, правовой государственности и действительно свободного, современного общества. В статье делается замечание, что сегодня в Таджикистане создано большое количество общественных организаций, которые играют важную роль в политической системе и вносят значительный вклад как в ее устойчивое развитие, так и в становление национального гражданского организма. Автор делает вывод, что среди различных социальных структур неправительственные организации, численность которых с 1997 по 2023 г. увеличилось с 300 до 3000, являются одним из наиболее развитых и эффективных институтов гражданского общества в Таджикистане.

Ключевые слова: Таджикистан, государство, гражданское общество, социальный институт, демократизация, общественные организации, международные организации

© Каримов Ш.Т., 2025

Civil society in Tajikistan: Synergy of state and non-state actors in the context of political modernization of the country

Shamsiddin T. Karimov

Institute for the Study of Asian and European Problems, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, shamskarimov14@gmail.com

Abstract. Civil society is a dynamically developing phenomenon. Its evolution and sustainability depend on its structure: the more developed its elements are, the more developed it will be. One of the most important institutions of civil society are non-governmental organizations, which play a major role not only in the formation and development of civil society, but also in ensuring the stability and sustainable development of the state as a whole. The article notes that the radical transformations taking place in the life of modern Tajikistan and the solution of many of its problems are inextricably linked to the formation of civil society. The author states that the social activity of ordinary citizens of the country or the civic initiative of Tajik society as a whole is the most important and significant factor in the formation of a democratic, legal state and a truly free, modern society. The article notes that today in Tajikistan, a large number of public organizations have been created that play an important role in the political system and make a significant contribution to both its sustainable development and the formation of a national civil society. The author concludes that among various social structures, non-governmental organizations, whose number increased from 300 to 3,000 between 1997 and 2023, are one of the most developed and effective institutions of civil society in Tajikistan.

Keywords: Tajikistan, state, civil society, social institution, democratization, public organizations, international organizations

В современном мире иметь работоспособный корпус неправительственных организаций (НПО) является одним из приоритетов развития государственности и качественнного управления. Для этого различные страны стремятся к созданию оптимальных условий для развития национальных НПО. Это непростая задача, поскольку она подразумевает сопряжение юридических, экономических и социальных структур, которые должны работать системно – только в этом случае можно говорить о формировании благоприятной среды для развития гражданского общества, существование которого в свою очередь является необходимой предпосылкой для нормального функционирования современного государства.

Президент Таджикистана подчеркивал значимость гражданского общества для устойчивого развития страны: «Мы предусматриваем дальнейшее устойчивое развитие страны в индустриальной и инновационной форме, стремимся к повышению эффективности использования ресурсов и возможностей во всех сферах социально-экономической жизни и уже осуществляем отдельные меры для недопущения уязвимости национальной экономики страны в долгосрочный период. В связи с этим Правительству необходимо усилить свою деятельность в названных направлениях, с целью достижения стратегических целей страны, обеспечить сотрудничество центральных и местных органов государственного управления, партнеров по развитию, частного сектора и гражданского общества»[1].

В Таджикистане гражданское общество еще находится в процессе формирования, основные векторы которого определены вступлением республики в мировое сообщество, где ведущую роль играют страны развитой демократии. Сегодня Таджикистан подошел к такому рубежу, когда в условиях демократической трансформации, пришедшейся на постконфликтный период, дальнейшее развитие страны, упрочение мира и стабильности во многом зависит от степени активности широких слоев населения, степени вовлеченности различных общественных структур в решение насущных проблем современного таджикского социума. Развитие основных институтов гражданского общества невозможно без социально-активных личностей и их инициативных и добровольных объединений, которые называются сегодня «третьим» сектором или некоммерческими неправительственными организациями (НПО). Осознание их значимости и места в таджикистанском социуме может стать судьбоносным для страны, находящейся в процессе перехода к гражданскому состоянию и правовой государственности[2]. Процесс формирования гражданского общества в Таджикистане является сложным и многоступенчатым. Он обусловлен как историческими, так и современными факторами – политическими, экономическими и социокультурными.

Результаты исследований, недавно проведенных Национальной ассоциацией НПО Таджикистана (НАНПОТ) совместно с Национальным законодательным центром при Президенте Республики Таджикистан (РТ), показывают, что в Таджикистане существуют более 17000 некоммерческих организаций, из них 5440 являются учреждениями, которые в основном являются государственными, а остальные примерно 12000 организаций являются негосударственными и их называют организациями гражданского общества (ОГО)[3]. Сегодня они функционируют во всех сферах социальной и государственно-политической жизни страны. Их деятельность по формированию гражданского общества многообразна, в частности, они

играют связующую роль между обществом и властными структурами, бизнесом и СМИ, другими институтами. НПО проводят значительную работу по правовому просвещению населения и правовой защите прав и свобод граждан, содействуют законотворческому процессу, осуществляют мониторинг прав человека, ведут просветительскую работу в области прав человека и их защиты, создают общественные приемные, обеспечивающие бесплатной юридической помощью и психологической поддержкой всех нуждающихся и т. д.

Главная проблема в деле совершенствования деятельности таджикистанских НПО заключается в том, что она представляет собой совокупность разрозненных мероприятий, а не скоординированную систему, позволяющую методически поддерживать реализацию гражданами своих прав. Однако они чрезвычайно важны для осознания таджикистанцами своих свобод и прав, повышения чувства собственного достоинства и уровня гражданской инициативы.

Часто гражданское общество рассматривают как гарантию не только политического благополучия, но и экономического успеха страны[4]. Представляется, что активное, сильное гражданское общество действительно может внести весомый вклад в решение хозяйственных проблем, облегчить развитие частной инициативы, помочь предотвратить чрезмерное и непродуктивное вмешательство государства в экономику.

Работа таджикистанских НПО может стать хорошим подтверждением справедливости этого тезиса. Они создают рабочие места и способствуют снижению уровня бедности в стране, а также выполняют несколько важных социальных функций. Поддержка социально уязвимых слоев (дети, молодежь, ветераны, беженцы, инвалиды и т. п.), отстаивание права граждан на здоровую окружающую среду, организация досуга, социальная реабилитация – всем этим давно и успешно занимаются именно НПО, а не коммерческие организации, нацеленные на максимальное извлечение прибыли, и не государство в силу своей инертности, консерватизма, ограниченности ресурсов и дефицита идей, касающихся конкретных людей и их проблем.

НПО активно участвуют в реализации программ, направленных на улучшение жизненных условий населения Таджикистана. Это, например, проекты по повышению продовольственной безопасности и доступности социальных услуг, которые способствуют снижению уровня бедности. НПО также занимаются обучением и повышением квалификации граждан, что способствует развитию трудовых навыков и повышению производительности труда. Это особенно актуально, учитывая насущную необходимость адаптации к изменениям на рынке труда и улучшения экономической ситуации в стране. Например, программы по обучению женщин

предпринимательству помогают повысить их участие в экономике и стимулируют гендерное равенство[5].

В целом, НПО в Таджикистане играют многогранную роль в экономическом развитии страны, способствуя социальной интеграции, развитию человеческого капитала и экологической устойчивости. Их деятельность не только поддерживает текущие инициативы по улучшению качества жизни населения, но также создает основу для долгосрочного экономического роста. Президент Таджикистана неоднократно подчеркивал значимость гражданского общества в решении социально-экономических задач и обеспечении устойчивого развития Таджикистана[6].

Политическая воля к поддержке гражданского общества в Таджикистане проявляется все более отчетливо. Многие государственные институты начинают взаимодействовать с НПО и другими подобными структурами[7]. Есть хорошие примеры такого обоюдно выгодного сотрудничества на национальном и местном уровне. На самом высоком уровне многократно утверждается мысль о том, что в Таджикистане нет альтернативы демократическому пути развития страны и построению гражданского общества. Парламентские слушания, проведённые в декабре 2017 г., продемонстрировали потенциал сотрудничества государства с НПО в рамках реализации Национальной стратегии развития Республики Таджикистан до 2030 г. Этот подход способствует укреплению демократических основ общества и имеет принципиальное значение для будущего страны.

Вместе с тем, процесс формирования и развития гражданского общества в Таджикистане сталкивается с рядом проблем. В национальном законодательстве отсутствует четкое определение понятия «гражданское общество», не разработаны стратегически важные документы, такие как «Национальная концепция развития гражданского общества» и «Стратегия государственной поддержки развития НПО».

Правовая среда для функционирования НПО в целом соответствует международным стандартам, но существует проблема отсутствия эффективных механизмов, которые необходимы для воплощения законодательных норм в жизнь. Низкий уровень правовой грамотности населения и представителей НПО усугубляет ситуацию. В последние годы в Таджикистане успешно стали практиковать создание Общественных советов при министерствах и других государственных органах. На сегодняшний день действуют более 15 советов по различным вопросам. Однако участие гражданского общества в этих структурах ограничено, и необходимы дополнительные меры для его усиления, например, через общественные приемные Уполномоченного по правам человека[8].

Примеры успешного взаимодействия государства и гражданского общества включают участие НПО, СМИ и предпринимателей в обсуждении новой редакции Налогового кодекса, а также диалог по изменениям в Закон РТ об общественных объединениях. Эти инициативы демонстрируют потенциал плодотворного сотрудничества, способного укрепить правовую и социальную базы развития гражданского общества в Таджикистане. В результате совместных усилий изменения и дополнения были приняты в формате, удовлетворяющем обе стороны. В настоящее время таджикские НПО освобождены от обязательства получать разрешение и проходить регистрацию при получении грантов, как это предполагалось в исходном проекте, и обязаны лишь уведомлять Министерство юстиции о получении гранта посредством электронной коммуникации (уведомительный характер)[9].

Особо стоит отметить историческую роль Общественного совета Республики Таджикистан, созданного в 1996 г. по инициативе президента Эмомали Рахмона. Необходимость такого института, который служит мостом между властными структурами и обществом, и его значение для установления конструктивного диалога, не вызывает сомнений. Он был создан на основании Договора об общественном согласии как представительный, экспертно-консультативный и координационный орган, объединяющий участников Договора, действующий в соответствии с Конституцией, законами РТ и международными договорами, признанными Таджикистаном.

Основной целью работы Совета была реализация положений Договора об общественном согласии в Таджикистане путем обсуждения возникающих проблем, принятия согласованных решений и рекомендаций[10]. Общественный Совет Республики Таджикистан впоследствии превратился в один из эффективных институтов интеграции гражданского общества и действует как «великая аналитическая и совещательная школа»[11]. Следует отметить, что за более 25 лет своей деятельности Общественный совет, обеспечив диалог между органами государственной власти и гражданским обществом, политическими партиями, общественными объединениями, неправительственными организациями, творческими союзами, религиозными организациями, национальными и культурными обществами и другими общественными объединениями, помог в укреплении основ национального единства, то есть успешно выполнил свою историческую миссию.

Деятельность Общественного совета Республики Таджикистан – это хороший пример конструктивного, полезного и ответственного взаимодействия государства с гражданским обществом. Следует распространить его положительный опыт в рамках

дальнейшего развития социального партнерства для эффективной реализации не только Национальной стратегии развития Таджикистана (НСР 2016–2030), но и Целей устойчивого развития ООН на период до 2030 г. (ЦУР–2030).

Такой опыт, несомненно, способствовал бы дальнейшей гармонизации партнерских взаимоотношений организаций гражданского общества с государственной властью и повышению эффективности их взаимодействия с бизнес-структурами и государством для решения социально значимых проблем.

Однако организационные возможности НПО Таджикистана за последние годы заметно ухудшились. Это, в первую очередь, связано с ограничением финансовых возможностей организаций, особенно в условиях пандемии COVID-19. Во многих НПО нет постоянного, хорошо профессионально подготовленного штата. Многие работают от гранта к гранту. Объем и программы НПО напрямую зависят от объема и доступности фондов иностранных доноров. Отсутствие фондов мешает НПО осуществлять долгосрочное стратегическое планирование. НПО в основном работают с бенефициариями, но не создают социальную базу для своей деятельности. Хотя почти все НПО научились управлять финансами, но вопросы планирования, основанные на специальных исследованиях и направленные на выработку стратегии развития организации, остаются открытыми. Отсутствует практика коллективного и прозрачного управления, не все НПО имеют работоспособные правления / советы директоров. Привлечение волонтеров происходит бессистемно, да и само волонтерское движение недостаточно развито.

Кроме того, недостаточное внимание уделяется вопросам подготовки гражданских активистов и руководителей НПО, особенно из представителей нового поколения. Большой редкостью является и публикация отчетов о проделанной работе. Создаются новые коалиции и сети НПО на различных уровнях, но они или неэффективны или же быстро распадаются по многим причинам, обычно – из-за нехватки средств и недостаточной мотивированности. Вопросы финансирования НПО остаются их главной проблемой. Таджикские НПО почти на сто процентов остаются зависимыми от иностранных доноров. Остальные источники финансирования – государство, частный сектор, доходы от предпринимательской деятельности НПО, филантропия, членские взносы – остаются не использованными и не задействованными в достаточной степени.

В 2014 г. Национальная ассоциация НПО Таджикистана инициировала серию круглых столов со всеми официально зарегистрированными политическими партиями Таджикистана, чтобы повысить эффективность социального партнерства между НПО и политическими партиями. К настоящему времени удалось

подписать Меморандумы о социальном партнерстве с каждой из этих партий. НАНПОТ планирует проведение таких же круглых столов и с представителями малого и среднего бизнеса страны. Ожидается, что подобный подход будет способствовать активному привлечению местных ресурсов к решению данной проблемы и более устойчивому развитию НПО в Таджикистане.

Естественно, для успешного формирования гражданского общества необходимо продолжение реформ в правовой среде, включая принятие стратегических документов, таких как «Национальная концепция по развитию гражданского общества». Это поможет создать более благоприятные условия для деятельности НПО и улучшить взаимодействие между государственными органами и обществом. При этом следует учесть и культурные особенности страны: Таджикистан традиционно ориентирован на государственные структуры, что затрудняет развитие независимого гражданского общества. Так проявляются исторические особенности восточных обществ, где государство часто имеет более сильное влияние на общественную жизнь[12].

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что неправительственные организации представляют собой важнейший институт гражданского общества в политической системе страны, а процесс формирования гражданского общества в Таджикистане, находящийся на начальном этапе развития, является приоритетным направлением национальной стратегии по построению правового государства и демократического общества. Процесс формирования гражданского общества в Таджикистане требует комплексного подхода, включающего развитие правовой базы, поддержку НПО и активное вовлечение граждан в общественные процессы. Несмотря на существующие вызовы, наблюдается положительная динамика в развитии институтов гражданского общества, что создает основу для дальнейших преобразований в стране в контексте политической модернизации и интеграции Таджикистана в мировое сообщество. На этом этапе важно изучить зарубежный опыт и эффективно использовать его для построения эффективного гражданского общества в нашей стране и усиления роли НПО в обеспечении безопасности, политической стабильности и устойчивого развития.

Информация об авторе

Шамсиддин Т. Каримов, доктор политических наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, д. 33; *shamskarimov14@gmail.com*

Information about the author

Shamsiddin T. Karimov, Dr. of Sci. (Political Sciences), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *shamskarimov14@gmail.com*

Примечания

[1] Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20 января 2016 г. URL: https://president.tj/event/missives/9779 (дата обращения: 04.10.2025).

[2] *Каримов Ш.Т.* Становление и развитие гражданского общества в Таджикистане. Душанбе, 2023. 370 с.

[3] Отчет Национальной ассоциации НПО Таджикистана. Душанбе, 2016. 183 с.

[4] *Колесников В.В.* Экономические основания гражданского общества и правовой государственности // Гражданское общество. СПб., 2000. С. 58–65; *Кузьминов Я., Сухомлинова О.* Гражданское общество: экономические и политические факторы становления // Общественные науки. 1990. № 5. С. 61–68.

[5] Национальный обзор Республики Таджикистан по осуществлению Пекинской декларации и Платформы действий (1995 года) в рамках внедренной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и итоговых документов двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи (2000 года). 2024. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-09/b30_report_tajikistan_ru_0.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

[6] Положение об Общественном Совете Республики Таджикистан от 10 апреля 1996 г. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=7404 (дата обращения: 04.10.2025).

[7] *Каримов Ш.* НПО как институт гражданского общества в Таджикистане. Душанбе, 2024. 284 с.

[8] Уполномоченный по правам человека РТ. URL: http://ombudsman.tj/ru/kabulgohhoi _chamiyati/activities_of_public_reception.php (дата обращения: 04.10.2025).

[9] Поправки к Закону «Об общественных объединениях» (подписаны Президентом 8 августа 2015 г.). URL: http://www.adlia.tj/base/show_doc.fwx?Rgn=124936ю (дата обращения: 04.10.2025).

[10] Положение об Общественном Совете Республики Таджикистан от 10 апреля 1996 г. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=7404 (дата обращения: 04.10.2025).

[11] *Каримов Ш.* Роль конституции Таджикистана в формировании гражданского общества страны. URL: https://amit.tj/ru/rol-konstitucii-tadzhikistana-v-formirovanii-grazhdanskogo-obschestva-strany?page=2 (дата обращения: 05.10.2025).

[12] *Рахмонов А.К.* Особенности становления гражданского общества в Таджикистане: Автореф. дисс. ... канд. полит. н. Душанбе, 2007. 20 с.

Правовая политика Республики Таджикистан

Дониёр Ш. Сангинзода

Институт изучения проблем стран Азии и Европы
Национальной академии наук Таджикистана,
Душанбе, Таджикистан, doniyor_sanginov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-5536-8158

Аннотация. Настоящая статья посвящена истории формирования и развития правовой политики Республики Таджикистан после обретения государственной независимости. В нём рассматриваются основные этапы развития правовой политики – с 1990 по 2024 г. и далее – с акцентом на строительство суверенного, демократического, правового, светского и социального государства. Подчёркивается, что защита прав и свобод человека, укрепление законности, экономическое развитие и реализация стратегических целей зависят от верховенства закона. Правовая политика характеризуется как инструмент регулирования общественных отношений и обеспечения прогресса государства на основе Конституции, законов и нормативных правовых актов, и описывается с учётом четырёх периодов.

По мнению автора, правовая политика Республики Таджикистан реализуется в связи с основными направлениями государственной политики, формируя правовую основу экономической, социальной, культурной политики и других направлений политики независимого Таджикистана.

В данной статье автор подробно раскрыл процесс формирования и развития правовой политики Республики Таджикистан в период государственной независимости, который делится на четыре этапа: первый этап – 1990–2010 гг.; второй этап – 2011–2017 гг.; третий этап – 2018–2023 гг.; четвёртый этап – с 2024 года и далее.

Ключевые слова: государственная независимость, правовая политика, правовое государство, Конституция, права и свободы, верховенство закона, экономическое развитие, концепция права, национальное государственное строительство

© Сангинзода Д.Ш., 2025

Legal policy of the Republic of Tajikistan

Doniyor Sh. Sanginzoda
Institute for the Study of Problems of Asian and European States of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, doniyor_sanginov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-5536-8158

Abstract. This text is dedicated to the history of the formation and development of the legal policy of the Republic of Tajikistan following the attainment of state independence. It examines the main stages of the development of legal policy–from 1990 to 2024 and beyond–with a focus on building a sovereign, democratic, law-based, secular, and social state. It is emphasized that the protection of human rights and freedoms, the strengthening of legality, economic development, and the implementation of strategic goals depend on the rule of law. Legal policy is characterized as a tool for regulating social relations and ensuring the progress of the state based on the Constitution, laws, and normative legal acts, and is described in the context of four distinct periods.

According to the author, the legal policy of the Republic of Tajikistan is implemented in connection with the main directions of state policy, forming the legal basis for economic, social, cultural policy and other areas of policy of independent Tajikistan. In this article, the author described in detail the process of formation and development of the legal policy of the Republic of Tajikistan during the period of state independence, which is divided into four stages: the first stage – 1990–2010; the second stage – 2011–2017; the third stage – 2018–2023; the fourth stage – from 2024 onwards.

Keywords: State independence, legal policy, law-based state, Constitution, human rights and freedoms, rule of law, economic development, legal concept, national state-building

Республика Таджикистан после обретения государственной независимости вступила в новую стадию исторического развития – строительство суверенного, демократического, правового, светского, единого и социального государства. После провозглашения государственной независимости Таджикистана на мировой арене появилась независимая и суверенная Республика Таджикистан. Защита прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, предотвращение транснациональных преступлений, обеспечение устойчивого экономического развития и выполнение стратегических целей государства – обеспечение

энергетической независимости, продовольственной безопасности, выхода из коммуникационного тупика и ускоренной индустриализации страны – невозможны без обеспечения верховенства закона и правопорядка. Причина в том, что устойчивое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие общества зависит от эффективности правовой политики республики.

Правовая политика является особой формой выражения государственной политики, инструментом юридического оформления, укрепления и реализации политического курса страны. Правовая политика носит осознанный и единый характер и, прежде всего, выражена в Конституции, законах, кодексах и других нормативных правовых актах в целях защиты общественного строя и развития общественных отношений в правильном направлении. Правовая политика Республики Таджикистан реализуется в связи с основными направлениями государственной политики, формируя правовую основу экономической, социальной, культурной политики и других направлений политики независимого Таджикистана.

На основе Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы, утверждённой Указом Президента от 6 февраля 2018 года № 1005, правовая политика Республики Таджикистан осуществляется с использованием политических, экономических, организационных, идеологических и правовых мер с целью эффективного регулирования общественных отношений и их дальнейшего развития. Основные характеристики правовой политики Республики Таджикистан определяются стратегиями, концепциями, государственными программами, нормативными правовыми актами и актами правоприменения.

Формирование и развитие правовой политики Республики Таджикистан в период государственной независимости делится на четыре этапа.

Первый этап – 1990–2010 гг.

Основополагающим документом в истории правовой политики Республики Таджикистан является Декларация о независимости Республики Таджикистан от 24 августа 1990 г., на основе которой Верховный Совет Республики Таджикистан, осознавая глубокую историческую ответственность за судьбу народа Таджикистана и его национального государства, учитывая неотъемлемое право каждого народа на самоопределение, признавая, что союз свободных и равноправных наций в составе обновлённого Союза Советских Социалистических Республик является залогом их всестороннего развития, подчёркивая уважение к достоинству и правам представителей всех национальностей, проживающих в Республике Таджикистан, и стремясь обеспечить право каждого человека на достойную жизнь, выразил волю народа Республики

Таджикистан, торжественно провозгласив независимость Республики Таджикистан и заявив о намерении создать демократическое правовое государство. Другими ключевыми документами, укрепляющими правовую основу независимости Таджикистана, являются Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан от 9 сентября 1991 г. № 392 «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» и Заявление от 9 сентября 1991 г. № 390 «О государственной независимости Республики Таджикистан». В Заявлении было установлено, что, учитывая революционные изменения в СССР и усилия суверенных республик, входящих в его состав, по восстановлению межгосударственных отношений, уважая право народов на самоопределение и осознавая ответственность за судьбы народов, проживающих в Таджикистане, подтверждая приверженность Всеобщей декларации прав человека, другим признанным нормам международного права и Декларации о правах и свободах человека, принятой на V внеочередном Съезде народных депутатов СССР, стремясь создать демократическое правовое государство, обеспечивающее достойный уровень жизни и защиту чести и достоинства каждого гражданина, Верховный Совет провозглашает государственную независимость Республики Таджикистан в соответствии с Декларацией о независимости от 24 августа 1990 г. Республика Таджикистан выступила за заключение Договора о Союзе суверенных государств и экономического соглашения между независимыми суверенными государствами на условиях равноправия и взаимной выгоды с правом свободного выбора форм участия в договоре и соглашениях, а также за создание системы коллективной обороны и безопасности государств Союза суверенных государств. В международных отношениях Республика Таджикистан выступает как независимый субъект международного права, прилагая усилия для достижения прочного мира, ликвидации ядерного и другого оружия массового поражения, недопущения применения силы в разрешении споров и конфликтов между суверенными государствами, расширяя сотрудничество между ними в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Республика Таджикистан выразила готовность к непосредственному заключению равноправных и взаимовыгодных двусторонних и многосторонних соглашений и договоров, не ограничивающих интересы какого-либо суверенного государства, со всеми партнёрами без каких-либо предварительных условий.

Наиболее значимым и важным действием для развития и укрепления независимости страны стало проведение 16 ноября 1992 г. в дворце Арбоб древнего города Худжанда XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (двенадцатого созыва).

Эта сессия и её правовые документы сыграли определяющую роль в сохранении национальной государственности и развитии демократических институтов в Таджикистане. Именно на этой сессии уважаемый Эмомали Рахмон, заняв пост Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан, положил начало законотворческой деятельности нового этапа независимого Таджикистана. Под руководством Председателя Верховного Совета Эмомали Рахмона на XVI сессии было принято 74 правовых акта, заложивших основу для активизации и укрепления структуры государственной власти.

Значительный вклад в развитие правовой политики Республики Таджикистан на этом этапе внесло принятие Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 г., которое заложило прочный фундамент и открыло новую стадию формирования государственности в период независимости. В статье 1 Конституции страны закреплено: «Республика Таджикистан – суверенное, демократическое, правовое, светское и единое государство. Таджикистан является социальным государством и создаёт условия для достойной жизни и свободного развития каждого человека. Республика Таджикистан и Таджикистан – синонимы»[1].

Президент Республики Таджикистан, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон в своём поздравительном послании по случаю Дня Конституции 6 ноября 2020 г. назвал Конституцию одним из наиболее ценных достижений периода независимости страны, подчеркнув её значение для развития государства следующим образом: «На основе Конституции обеспечение суверенитета, независимости, свободы и территориальной целостности страны является основной задачей государства, а неизменность формы правления, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства признаны её устойчивыми и прочными нормами. В этом основополагающем документе государства чётко и ясно отражены цели и задачи, основы государственного устройства, государственные символы, границы страны, отношение к собственности, направления внутренней и внешней политики, права и свободы человека и гражданина. Иными словами, Конституция периода нашей независимости отвечает требованиям нового времени и современного общества страны и по сей день играет ключевую роль в развитии и укреплении национальной государственности, обеспечении спокойной и свободной жизни народа Таджикистана. Стоит отметить, что именно благодаря Конституции и реализации её норм в нашей стране были восстановлены мир и спокойствие, верховенство закона и общественный порядок, созданы благоприятные условия для устойчивого экономического и социального развития государства. Проведением конституционных реформ мы

достигли ценных исторических успехов в защите государственной независимости, демократизации политической, экономической, социальной, правовой и культурной жизни, укреплении системы национальной государственности и её основополагающих элементов. Согласно Конституции Республики Таджикистан, наше государство провозглашено полноправным членом мирового сообщества, и сегодня благодаря своим созидательным инициативам оно вносит достойный вклад в решение глобальных проблем планеты»[2].

Принятие Конституции Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. потребовало приведения законодательных актов Республики Таджикистан в соответствие с конституционными нормами в новой редакции, их систематизации и гармонизации. После принятия Конституции были сделаны устойчивые шаги в реализации демократической сущности государства Таджикистан.

Ещё одним нормативным правовым актом, отражающим специфику правовой политики страны на первом этапе, является Закон Республики Таджикистан от 8 июня 2007 г. № 272 «О регулировании традиций и праздничных мероприятий в Республике Таджикистан». Цель этого закона заключается в защите социальных интересов народа Таджикистана, содействии снижению уровня бедности и предотвращению чрезмерных расходов, наносящих серьёзный ущерб экономическим интересам и духовной жизни граждан. Закон также направлен на обеспечение прав и свобод граждан и общественного порядка[3].

Президент Республики Таджикистан, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон в своём выступлении на встрече, посвящённой 10-летию принятия Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций и праздничных мероприятий в Республике Таджикистан» 11 июля 2017 г., охарактеризовал место этого закона в правовой системе страны следующим образом: «Современное законодательство страны с принятием такого закона, национального по содержанию и демократического и светского по сути, обрело новый импульс в формировании правовой системы страны, а также в укреплении основ национальной государственности. Одной из причин принятия этого закона стало появление религиозных течений экстремистского характера и распространение вредной пропаганды через некоторые интернет-сети, что привело к усилению чуждого поклонения и подражания, угроз языку и культуре, особенно национальным традициям и даже стилю одежды нашего народа, включая женщин, а также к превращению фанатизма и расточительства при проведении ряда обрядов и мероприятий в традицию. Под влиянием этого процесса в различных регионах страны искусственные и чуждые нашей культуре и религии мероприятия усугубляли жизнь бедных слоёв населения, и без того обременённых

множеством трудностей. Такая ситуация побудила нас использовать законодательную инициативу и разработать закон, способствующий улучшению уровня и качества жизни населения страны. Сегодня с удовлетворением можно сказать, что принятие закона стало одним из важнейших шагов в сохранении народных традиций, решило множество жизненно важных проблем общества и упорядочило проведение праздников, обрядов и традиций в стране»[4].

Реформы в области нормотворчества начались на первом этапе, однако в различных сферах политической, экономической, социальной и культурной жизни общества они развивались неравномерно. Если реформы в таких направлениях, как основы конституционного строя, оборона, безопасность и охрана общественного порядка, суд и правосудие, силовые структуры, уголовное право и административные правонарушения, продвинулись относительно успешно, то в сферах предпринимательской деятельности, финансов и кредитов, налоговой системы, труда и занятости населения, социального страхования и защиты, а также ключевых секторов экономического развития, включая энергетику, промышленность, строительство, транспорт, связь и агропромышленный комплекс, оставалось множество проблем, требующих правового регулирования. Одновременно на этом этапе наблюдались негативные тенденции в правовой политике страны, устранение которых стало необходимым в процессе совершенствования законодательства Республики Таджикистан: неполный учёт степени правового регулирования соответствующих общественных отношений при принятии ряда новых нормативных правовых актов; большое количество отсылочных норм; искажение норм законов в отдельных нормативных правовых актах более низкого уровня; недостаточное прогнозирование последствий принятия некоторых нормативных правовых актов при разработке их проектов, что приводило к необходимости внесения изменений и дополнений или отмены этих актов вскоре после их принятия; в некоторых случаях приоритет отдавался ведомственным (управленческим) интересам субъектов правотворчества при разработке и представлении нормативных правовых актов; в ряде случаев вносились многочисленные изменения и дополнения в устаревшие акты, что не способствовало необходимому эффективному правовому регулированию; недостаточная доступность и понимание нормативных правовых актов всеми слоями населения.

Второй этап – 2011–2017 гг.

Начало второго этапа связано с Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 «О Концепции прогнозирования развития законодательства Республики Таджикистан». Концепция прогнозирования развития законодательства

Республики Таджикистан была разработана для обеспечения выполнения требований Конституции Республики Таджикистан и решения ключевых вопросов системы законодательства страны, определения основных направлений и методов совершенствования законодательства в соответствии с принципами суверенного, демократического, правового, светского, единого и социального государства. Приоритетными направлениями Концепции были повышение уровня и качества законов и их эффективное применение в жизни общества, направленные на следующие цели: защита прав и свобод человека и гражданина, независимость государства, национальные интересы и безопасность; целостность государства, восстановление и развитие мира, дружественные и добрые отношения со всеми государствами мирового сообщества; обеспечение верховенства закона и правопорядка; совершенствование правовых реформ с учётом развития общества, повышение профессиональных знаний и правовой культуры; дальнейшее развитие демократических институтов, включая политическое и идеологическое многообразие, свободу вероисповедания и выражения мнений, слова и совершенствование других элементов гражданского общества; повышение эффективности и обеспечение прозрачности деятельности государственных органов и местного самоуправления; усиление борьбы с преступностью, включая коррупцию, терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, торговлю людьми и организованную транснациональную преступность; серьёзное решение вопроса обеспечения согласованности и соответствия всех законов Конституции Республики Таджикистан; устранение противоречий в законодательных актах и обеспечение гармонии и единого правового пространства в Таджикистане; совершенствование действующих законов, разработка и принятие новых законов с учётом растущих потребностей общества, процесса экономических и социальных реформ, прогресса политической и культурной жизни; проведение научной, правовой, антикоррупционной, гендерной, финансовой, экономической и социальной экспертизы при совершенствовании действующих законов и разработке проектов новых законов для повышения их качества; приведение законодательства Республики Таджикистан в соответствие с признанными международными правовыми актами; мониторинг нормативных правовых актов. Реализация Концепции способствовала созданию стабильной системы законодательства. Законодательство Республики Таджикистан регулирует правовые основы различных общественных отношений, обеспечивая их дальнейшее развитие и совершенствование[5].

Развитие и повышение качества законодательства в рамках Концепции прошло следующие этапы: проведение научно-аналитических исследований состояния, процесса развития и практики

применения законодательства, разработка предложений по его совершенствованию; разработка проектов законов и других нормативных правовых актов, а также участие в разработке международных правовых актов; подготовка предложений по приведению нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией Республики Таджикистан, законами Республики Таджикистан и признанными международными правовыми актами; проведение экспертизы проектов законов, представляемых на рассмотрение Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан; оценка современного состояния законодательства, выявление основных проблем и противоречий, определение других вопросов совершенствования законодательства; определение первоочередных, текущих, основных и перспективных направлений совершенствования законодательства и его применения.

Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» является ещё одним документом, отражающим специфику правовой политики страны на вто ром этапе. Цель этого закона – усиление ответственности родителей за обучение и воспитание детей в духе гуманизма, патриотизма, уважения к национальным, общечеловеческим и культурным ценностям, а также защита прав и интересов детей[6].

В поздравительном послании по случаю праздника Иди Фитр Президент Республики Таджикистан, Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон 29 августа 2011 г. отметил необходимость принятия этого закона следующим образом: «Именно благодаря независимости, традиции и обычаи наших предков, сложившиеся на протяжении тысячелетий, сегодня стали неотъемлемой частью нашей национальной культуры. Законность построения современного национального государства требует, чтобы как исламские ценности, так и традиции предков служили народу Таджикистана и его процветанию. С этой целью в последние годы в нашей стране были приняты важные меры и утверждены жизненно важные законы и документы для регулирования социальных, культурных и нравственных вопросов, включая вопросы религии и традиций. Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» – один из них. Этот закон был принят в соответствии с требованиями свободного общества после длительного общественного обсуждения, в его разработке участвовали различные институты, включая религиозных деятелей, внёсших конкретные предложения. Поэтому в законе нашли отражение лучшие воспитательные положения Священного Корана и хадисов Пророка, такие как выбор хорошего имени для ребёнка, получение знаний, предотвращение участия детей в незаконных действиях, недопущение участия несовершеннолетних в развлекательных центрах и тому подобные нормы»[7].

На втором этапе Таджикистан с целью проведения правовых реформ, способствующих развитию новой правовой системы, перевёл правотворческую деятельность на качественно новый уровень, внедрив такие элементы, как планирование разработки проектов нормативных правовых актов, приоритетные направления научно-правовых исследований в области правотворчества, проведение научно-аналитических исследований состояния, процесса развития и практики применения законодательства, а также экспертизы правового и антикоррупционного характера проектов законов. Наряду с принятием большого числа нормативных правовых актов в стране и признанием международных правовых актов, на этом этапе также были разработаны и приняты ряд концепций, стратегий и государственных программ в различных сферах жизни общества и государства, включая Национальную стратегию развития Таджикистана на период до 2030 года, что способствовало формированию и дальнейшему развитию новых экономических и социальных отношений в Таджикистане. В результате расширилась работа по разработке и принятию нормативных правовых актов в таких сферах, как конституционное, гражданское, предпринимательское, финансовое, банковское, таможенное, налоговое, уголовное, административное законодательство, гражданское, уголовное и экономическое судопроизводство, исполнительное производство и др. Одновременно на этом этапе на основе Концепции прогнозирования развития законодательства Республики Таджикистан были разработаны и утверждены государственные программы по реализации этой Концепции и План разработки проектов нормативных правовых актов в различных направлениях и сферах на 2012–2015 годы. В течение этого периода элементы современной государственности Таджикистана значительно укрепились и совершенствовались, постоянно способствуя укреплению реальной независимости страны. Таким образом, проведённые реформы способствовали дальнейшему совершенствованию демократизации государственных и общественных институтов.

Третий этап – 2018–2023 гг.

Третий этап начался в 2018 г. с принятия Указа Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. № 1005 «О Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы»[8]. Следует отметить, что коренные изменения, вызванные процессом глобализации и мировым финансово-экономическим кризисом, а также расширение взаимовыгодного сотрудничества Таджикистана с другими государствами, его активное участие в различных международных организациях, международные отношения в экономической, социальной, политической и культурной сферах, создание совместных хозяйствующих субъектов с привлечением иностранного капитала, необходимость восстановления экономики после воздействия глобального финансово-экономического кризиса

и совершенствования деятельности государства в области правотворчества и правоприменения потребовали приведения национального законодательства в соответствие с новыми требованиями развития и прогресса современного мира.

Необходимость принятия Концепции обусловлена следующими требованиями и факторами: эффективное регулирование устойчивой демократической политической системы и институтов гражданского общества в стране, правовое обеспечение процесса экономического и социального развития страны в период перехода к рыночной экономике, защита прав и свобод человека, повышение правосознания и правовой культуры граждан, включая должностных лиц; стремление к результативности и устойчивости правотворческой деятельности. Нормы правовых актов, включая принятые законы, не всегда эффективно реализуются. В результате цели, поставленные при их принятии, не достигаются, что приводит к необходимости внесения многочисленных изменений и дополнений или принятия их в новой редакции. Отсюда в будущем возникает потребность в обеспечении результативности и устойчивости правотворческой деятельности; предотвращение и устранение противоречий, несоответствий, недостатков, дублирования в законах и исключение правовых норм, утративших своё значение. Поскольку структура законодательства сложна и многогранна, в ней могут присутствовать противоречия, несоответствия и недостатки. Поэтому одной из ключевых проблем правотворческой деятельности является устранение противоречий и несоответствий между законами, а также между законами и другими нормативными правовыми актами. Такая ситуация может нарушить упорядоченное правовое регулирование, затруднить стабильное функционирование правовой системы и повлиять на эффективное правовое регулирование, состояние законности и правопорядок. Серьезного внимания требует также приведение законодательства Республики Таджикистан в соответствие с признанными международными правовыми актами. Наряду с внедрением в национальную правовую систему норм международного права важным вопросом является их соотношение и согласование. Правильное решение этих задач определяется с учётом реальных взаимосвязей процессов применения норм международного и национального права. Жизнь требует учитывать в правотворческой деятельности страны некоторые основные особенности и принципы англосаксонской, континентальной, мусульманской правовых систем и системы Содружества Независимых Государств, которые отличаются друг от друга. Законодательство Республики Таджикистан как национальная правовая система находится во взаимосвязи и под влиянием других правовых систем. Этот процесс требует их сближения, включая гармонизацию, интеграцию и включение норм одной правовой системы в нормы других правовых систем; направления совершенствования

законодательства Республики Таджикистан с учётом расширения круга общественных отношений, по сути схожих, регулируемых законами, должны в будущем постепенно кодифицироваться. В условиях чрезмерного увеличения количества законов и других подзаконных нормативных правовых актов для регулирования общественных отношений в некоторых сферах кодификация становится крайне важной. Начать такую кодификацию и её расширение следует уже сейчас, постепенно обновляя действующее законодательство. Цель кодификации – устранение несоответствий и сокращение числа схожих нормативных правовых актов; совершенствование и единообразное применение языка и правовых реформ. Стоит отметить, что в некоторых случаях в действующем законодательстве термины на таджикском языке используются неопределённо, многозначно и таким образом, что снижают нормативное содержание. Язык закона – одна из основных основ повышения его качества и содержания. Поэтому одним из приоритетных направлений совершенствования правотворческой деятельности является создание и использование правильных правовых терминов на таджикском языке в законодательстве. При использовании того или иного термина в действующем законодательстве необходимо учитывать не только его простоту, ясность и понятность, но и охват определённого содержания и понятия, чтобы исключить различное толкование норм и обеспечить их единообразное применение. В связи с этим в будущем возникает необходимость разработки словаря правовых терминов Таджикистана; полное выполнение требований правовых норм на практике. Эффективность правовой политики Республики Таджикистан зависит от реализации и применения норм Конституции Республики Таджикистан, законов и других нормативных правовых актов на практике. Правоприменение – одно из направлений правовой политики страны, осуществляемое с целью совершенствования деятельности правоприменительных органов, а также обеспечения качества содержания правоприменительных актов и механизма их реализации. Эффективность правовой политики Республики Таджикистан в сфере правоприменения зависит от чувства ответственности, профессиональной подготовки, патриотизма, национального самосознания и высокого уровня профессионального правосознания сотрудников правоприменительных органов.

Несмотря на успехи в области конституционного строя страны, правового статуса человека и гражданина, формирования и деятельности органов государственной власти, в современных условиях конституционная система страны нуждается в совершенствовании, что предусматривает: прямое применение конституционных правовых норм; укрепление основ конституционного строя страны; развитие гарантий прав и свобод человека и гражданина; совершенствование государственного управления с учётом развития общественных отношений.

Четвёртый этап – с 2024 года и далее.

Правовой основой начала этого этапа является Указ Президента Республики Таджикистан «О провозглашении 2024 года «Годом правового просвещения»» от 30 декабря 2023 г. № 668[213]. Только в 2024 г. в процессе развития правовой политики Республики Таджикистан было принято 7 законов: «О защите ледников» от 3 января 2024 г. № 2026; «О культуре» от 3 января 2024 г. № 2033; «О показателях для расчётов» от 20 июня 2024 г. № 2065; «О регулировании праздников и обрядов в Республике Таджикистан» от 19 июня 2024 г. № 499; «Об ответственности за обучение и воспитание ребёнка» от 19 июня 2024 г. № 500; «О Национальном университете Таджикистана» от 20 июня 2024 г. № 2061; «О Государственном бюджете Республики Таджикистан на 2025 год» от 4 декабря 2024 г. № 1487; «О единой государственной системе регистрации и учёта правонарушений» от 2 января 2025 г. № 2118.

В общей сложности за 34 года в Республике Таджикистан было принято более 40 законов, 22 кодекса и 17 тысяч подзаконных нормативных правовых актов, при этом 3 кодекса и 61 другой нормативный акт, выполнив свои временные функции, утратили силу. Сегодня Таджикистан является полноправным членом 57 региональных и международных организаций и вместе с другими странами вносит вклад в решение правовых, политических, экономических, социальных и культурных проблем мира. Республика Таджикистан присоединилась к более чем 250 международным документам, таким как конвенции, хартии и декларации, выполняя свои обязательства по достижению глобальных целей, включая социальное развитие, улучшение экономического положения, охрану окружающей среды и другие.

Информация об авторе

Дониёр Ш. Сангинзода, доктор юридических наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ, Душанбе, Таджикистан; 734025, Душанбе, Таджикистан, пр. Рудаки, 33, *doniyor_sanginov@mail.ru*.

Information about Author

Doniyor Sh. Sanginzoda, Dr. of Sci. (Law), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries of the National Academy of Sciences, Dushanbe, Tajikistan; bld. 33, Rudaki Av., Dushanbe, Tajikistan, 734025; *doniyor_sanginov@mail.ru*.

Примечания

[1] Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года (на таджикском и русском языках). Душанбе: Ганч, 2016. 136 с.

[2] Поздравительное послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона по случаю Дня Конституции от 06.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: http://prezident.tj/node/24523 (дата обращения: 14.03.2025).

[3] Закон Республики Таджикистан «О регулировании традиций и праздничных мероприятий в Республике Таджикистан» от 8 июня 2007 года № 272 // Централизованный банк информационно-правовых данных РТ «Адлия». Версия 7.0. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj (дата обращения: 03.03.2025).

[4] Выступление Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона на встрече по случаю 10-летия принятия Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций и праздничных мероприятий в Республике Таджикистан» от 11.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://prezident.tj/node/15749 (дата обращения: 18.03.25).

[5] Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 года № 1021 «О Концепции прогнозирования развития законодательства Республики Таджикистан» // Централизованный банк информационно-правовых данных РТ «Адлия». Версия 7.0. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj (дата обращения: 03.03.2025).

[6] Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» // Централизованный банк информационно-правовых данных РТ «Адлия». Версия 7.0. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj (дата обращения: 03.03.2025).

[7] Поздравительное послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона по случаю праздника Иди Фитр от 29.08.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.prezident.tj/node/255 (дата обращения: 03.10.2021).

[8] Указ Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 года № 1005 «О Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы» // Централизованный банк информационно-правовых данных РТ «Адлия». Версия 7.0. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj (дата обращения: 03.03.2025).

[9] Указ Президента Республики Таджикистан «О провозглашении 2024 года «Годом правового просвещения»» от 30 декабря 2023 года № 668 // Централизованный банк информационно-правовых данных РТ «Адлия». Версия 7.0. [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj (дата обращения: 03.03.2025).

Политико-правовые основы обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму в Законодательстве Республики Таджикистан в современных условиях

Азизджон С. Рахмонов

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Республика Таджикистан, г. Душанбе, rahmonov.azizgon@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-9101-979X

Аннотация. В статье приведены и проанализированы некоторые особенности отражения системы национальной безопасности в законодательстве Таджикистана в период становления и укрепления независимой государственности. В том числе рассматриваются понятия экстремизма и терроризма, экстремистских и террористических организаций, раскрываются полномочия Президента РТ и Совета безопасности Таджикистана в области обеспечения безопасности, современные угрозы и основные национальные интересы в сфере национальной безопасности, принципы и функции обеспечения национальной безопасности. Актуальность исследования определяется задачами дальнейшего укрепления национальной безопасности в современном Таджикистане.

В статье рассматриваются ключевые направления деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом и экстремизмом в Таджикистане в рассматриваемый период, включая аналитическую работу по выявлению причин возникновения терроризма и экстремизма, прогнозирование тенденций их развития и проявления на территории Республики Таджикистан, на основе которой осуществляется предупреждение, выявление, пресечение и расследование преступлений террористического и экстремистского характера, а также содействие неотвратимости наказания за преступления террористического и экстремистского характера и другие.

Автор делает вывод о том, что в Республике Таджикистан в 1993–2003 гг. была выработана и в последующие годы модернизирована единая система законодательно-нормативных актов в области обеспечения безопасности, противодействия и борьбы с терроризмом и экстремизмом. Наиболее важным компонентом области обеспечения безопасности является взаимодействие всех структур государственной власти и местных органов управления с обществом и гражданами по выработке эффективных путей поддержания мира и стабильности в Республике Таджикистан,

© Рахмонов А.С., 2025

путей и форм проведения профилактических мер по противодействию радикализма, экстремизма и терроризма в молодёжной среде.

Исследование адресовано специалистам в области национальной безопасности, а также аспирантам, магистрам, специалистам и экспертам в области безопасности, политологам, историкам, гуманитариям, изучающим политико-правовые процессы в Республике Таджикистан и в государствах Центральной Азии, исследующих проблематику обеспечения национальной и региональной безопасности.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, национальные интересы, законодательство о безопасности, экстремизм, терроризм, радикализм, система национальной безопасности, Конституция РТ, Президент Республики Таджикистан

The political and legal framework for ensuring national security, countering terrorism and extremism in the Legislation of the Republic of Tajikistan in modern conditions

Azizjon S. Rakhmonov

Russian-Tajik (Slavonic) University, Republic of Tajikistan, Dushanbe, rahmonov.azizgon@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-9101-979X

Abstract. This article presents and analyzes some aspects of how the national security system was reflected in Tajikistan's legislation during the formation and strengthening of its independent statehood. It also examines the concepts of extremism and terrorism, extremist and terrorist organizations, the powers of the President of the Republic of Tajikistan and the Security Council of Tajikistan in the area of security, current threats and key national interests in the sphere of national security, and the principles and functions of national security. The relevance of this study is determined by the objectives of further strengthening national security in modern Tajikistan.

The paper examines the key areas of activity of state bodies engaged in the fight against terrorism and extremism in Tajikistan during the period under review, including analytical work to identify the causes of terrorism and extremism, forecasting trends in their development and manifestation in the territory of the Republic of Tajikistan, on the basis of which the prevention, detection, suppression and investigation of terrorist and extremist crimes are carried out, as well as promoting the inevitability of punishment for terrorist and extremist crimes and others.

The author concludes that between 1993 and 2003, the Republic of Tajikistan developed and modernized in subsequent years a unified system of legislative and regulatory acts in the areas of security, countering, and combating terrorism and extremism. The most important component of security is the interaction of all government agencies and local authorities with society and citizens to develop effective ways to maintain peace and stability in the Republic of Tajikistan, as well as ways and means of implementing preventive measures to counter radicalism, extremism, and terrorism among young people.

This study is intended for national security specialists, as well as graduate and master's students, security specialists and experts, political scientists, historians, and humanities scholars studying political and legal processes in the Republic of Tajikistan and the Central Asian states, and exploring issues of national and regional security.

Keywords: Republic of Tajikistan, national interests, security legislation, extremism, terrorism, radicalism, national security system, Constitution of the Republic of Tajikistan, President of the Republic of Tajikistan

Система обеспечения национальной безопасности в Республике Таджикистан основана на Конституции Республики Таджикистан, законодательно-нормативных актах, определяющих общую систему безопасности и различные сферы безопасности, а также на стратегических документах, в частности на Стратегии национальной безопасности Таджикистана. Все законодательно-нормативные документы, в том числе Законы Республики Таджикистан, определяющие систему безопасности страны и её различных сфер, опубликованы и имеются в свободном доступе, за исключением Стратегии национальной безопасности, которой придан статус секретности.

Согласно Конституции РТ, Президент Республики Таджикистан является главой государства и исполнительной власти (Правительства) страны и является гарантом Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения международных договоров Таджикистана[1]. В Конституции РТ говорится: «В Таджикистане народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, которую осуществляет непосредственно или через своих представителей...Ни одно общественное объединение, политическая партия, группа людей или отдельная личность не вправе узурпировать

государственную власть. Узурпация власти или присвоение ее полномочий запрещаются.»[2].

Конституция определяет более 30 полномочий Президента РТ, имеющих законодательно-нормативную силу[3]. Из них в сфере обеспечения национальной безопасности определяющими являются:

- создание Совета безопасности и руководство им;
- выполнение функций Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Таджикистана, назначение и освобождение от должности командующих войсками Вооруженных Сил Таджикистана;
- объявление военного положения при реальной угрозе безопасности государства и внесение соответствующего указа на утверждение совместного заседания Маджлиси милли[4] и Маджлиси намояндагон[5];
- использование Вооруженных Сил Республики Таджикистан за ее приделами для выполнения международных обязательств Таджикистана с согласия Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон;
- объявление чрезвычайного положения на всей территории республики или в отдельных местностях с незамедлительным внесением указа об этом на утверждение совместного заседания Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон и сообщением в Организацию Объединенных Наций[6].

В основе же всех конституционных прав граждан в сфере личной, общественной, экономической, политической, социальной безопасности в Конституции РТ выделяется главное первичное право граждан – право на жизнь. Кроме того:

- Каждому гарантируется судебная защита.
- Жилище неприкосновенно.
- Гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее.
- Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов ритуалов и обрядов.
- Гражданин имеет право участвовать в политической жизни и управлении государством непосредственно или через представителей.
- Граждане имеют равное право на государственную службу.
- Гражданин по достижении 18-летнего возраста вправе участвовать в референдуме, избирать, а также быть избранным по достижении возраста, установленного Конституцией, конституционными законами и законами.
- Граждане имеют право объединяться.

- Гражданин вправе участвовать в установленных законом собраниях, митингах, демонстрациях и мирных шествиях.
- Каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации.
- Каждый имеет право на собственность и право наследования.
- Каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы.
- Каждый имеет право на жилище.
- Каждый имеет право на отдых.
- Каждый имеет право на охрану здоровья.
- Каждому гарантируется социальное обеспечение в старости, в случаях болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, определяемых законом (из ст. 18-39).

Как видим, из основных прав, затрагивающих интересы личности и обеспечение безопасности личности, в Таджикистане законодательно обеспечиваются «первичное право граждан – право на жизнь» и подпункты затрагивающие политическую безопасность, социальную безопасность, экономическую и информационную безопасность, а также безопасность религиозных убеждений и взглядов. Определение «право на жизнь» является главным правом по Конституции Таджикистана и его принятие явилось своеобразным ответом гражданского общества на угрозы и риски в годы гражданского противостояния в республике, когда человеческая жизнь ничего не стоила, и убийство граждан приобрело масштабный характер.

Основные правовые нормы в области национальной безопасности в различных сферах заложены в Законе Республики Таджикистан «О безопасности», который был впервые был принят 28 декабря 1993 г., изменялся и дополнялся в 1994, 1995, 1996 и 1997 гг.[7] Позднее текст Закона был пересмотрен и модернизирован, его новая версия одобрена Парламентом и утверждена Президентом РТ Эмомали Рахмоном 28 июня 2011 г.[8]

В Законе Республики Таджикистан «О безопасности» сформулированы основные понятия и термины в области национальной безопасности, национальных интересов, объектов и субъектов безопасности, угрозы безопасности и обеспечение безопасности.

В законе подробно освещены основные принципы обеспечения безопасности в РТ, которые состоят из следующих позиций:

- «уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности;
- законность;
- приоритетность политических, экономических и информационных мер;

- взаимная ответственность человека и гражданина, общества и государства по обеспечению безопасности;
- контроль за реализацией всей совокупности действий по защите безопасности;
- оперативное взаимоинформирование и согласованность действий сил обеспечения безопасности;
- интеграция с международными системами безопасности»[9].

В данном Законе также перечислены наши национальные интересы, которые включают: обеспечение прав и свобод человека и гражданина; сохранение общественного согласия и политической стабильности в стране; экономическое развитие и устойчивость страны; воспитание патриотизма и укрепление единства народа; сохранение и приумножение материальных и духовных ценностей общества; незыблемость конституционного строя Республики Таджикистан, в том числе государственной независимости, республиканской формы правления, территориальной целостности, неприкосновенности государственной границы и не отчуждаемости территории страны; устойчивое функционирование государственных институтов, укрепление и повышение эффективности их деятельности; обеспечение оснащенности и боевой готовности Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Таджикистан; безусловное исполнение нормативных правовых актов Республики Таджикистан, международных правовых актов, признанных Таджикистаном и поддержание правопорядка;- развитие международного сотрудничества на основе партнёрства, обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

В Законе «О безопасности» выделяются следующие современные угрозы безопасности Республике Таджикистан:

- ослабление социальной и судебной справедливости, законности и правопорядка, в том числе рост преступности, организованных преступлений, коррупции, незаконного оборота оружия и наркотических средств, способствующих снижению степени защищенности прав и свобод человека и гражданина, общечеловеческих ценностей;
- деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на территориальную целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость территории Республики Таджикистан;
- ослабление обороноспособности страны, угроза неприкосновенности государственной границы, применение силы и агрессия в отношении Республики Таджикистан;
- разведывательная, террористическая, диверсионная и иная направленная на нанесение ущерба национальной безопасности Республики Таджикистан деятельность специальных служб, организаций иностранных государств и отдельных лиц;

- дезорганизация деятельности государственных органов, нарушение их бесперебойного функционирования, снижение степени управляемости в стране:
- деятельность, посягающая на информационную безопасность страны;
- политический экстремизм в любой его форме, в том числе разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, идеологической, местнической и групповой вражды или розни;
- осложнение социально-политической ситуации, выражающееся в межнациональных и межрелигиозных, конфликтах, массовых беспорядках, несанкционированных собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях и незаконных забастовках;
- создание не предусмотренных законодательством Республики Таджикистан военизированных формирований;
- резкое ухудшение экологической ситуации, стихийные бедствия и иные чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, эпидемии и эпизоотии;
- нанесение ущерба экономической безопасности государства;
- ухудшение качества образования и интеллектуального потенциала страны.

Систему обеспечения безопасности на основе законодательства Республики Таджикистан и в рамках единой государственной политики образуют взаимодействующие между собой силы, обеспечивающие безопасность, иные государственные органы и организации, несущие в пределах своих полномочий всю полноту ответственности за обеспечение безопасности государства и общества.

Основными функциями системы обеспечения безопасности, согласно Закону о безопасности (ст. 8), являются:

- прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности;
- разработка и осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации этих угроз;
- создание и поддержание в готовности сил и средств обеспечения безопасности;
- управление силами и средствами обеспечения безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях;
- осуществление системы мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности в регионах, пострадавших в результате возникновения чрезвычайной ситуации;
- участие в обеспечении всеобщей и региональной безопасности в соответствии с международными правовыми актами, признанными Таджикистаном

Следует отметить, что в Таджикистане к силам обеспечения безопасности (ст. 9) относятся:

Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования Республики Таджикистан;

- органы национальной безопасности, внутренних дел, военной разведки, чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны, налоговые, таможенные органы и другие государственные органы обеспечения безопасности, действующие на основании закона.

Важным моментом в Законе является Полномочия Президента Республики Таджикистан в области обеспечения национальной безопасности (ст. 10), который:

- «осуществляет общее руководство деятельностью органов обеспечения безопасности;
- определяет основные направления внутренней и внешней безопасности;
- обеспечивает согласованные действия всех ветвей государственной власти в области защиты интересов страны;
- является гарантом обеспечения безопасности человека и гражданина, общества и государства;
- формирует, реорганизует и ликвидирует уполномоченные государственные органы обеспечения безопасности;
- определяет приоритеты в защите жизненно важных интересов объектов безопасности;
- создает Совет безопасности Республики Таджикистан и руководит им;
- издает распоряжения и указы по вопросам обеспечения безопасности;
- устанавливает порядок организации и деятельности государственных органов обеспечения безопасности, координирует и контролирует их деятельность;
- осуществляет контроль кадровой политики государственных органов обеспечения безопасности;
- утверждает государственные программы обеспечения безопасности и контролирует их реализацию;
- контролирует обеспечение исполнения законов, регулирующих отношения в области безопасности;
- объявляет военное положение при реальной угрозе безопасности государствобъявляет чрезвычайное положение на всей территории Республики Таджикистан или в отдельных местностях;
- осуществляет иные необходимые полномочия по вопросам обеспечения безопасности в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан и другими нормативными правовыми актами Республики Таджикистан»[10].

Закон Республики Таджикистан «О безопасности» определяет систему обеспечения национальной безопасности, а также полномочия всех структур исполнительной, законодательной и других структур в области обеспечения безопасности в стране.

Закон Республики Таджикистан о борьбе с терроризмом, впервые принятый в 1999 г. и неоднократно уточнявшийся и дополнявшийся в последующие годы[11], детально раскрывает сущность понятия терроризма и других связанных с данным явлением угроз национальной безопасности:

Как указано в Законе «Терроризм – это:

- насилие или угроза его применения в отношении физических лиц;
- принуждение или угроза его применения в отношении юридических лиц;
- уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества или иных материальных объектов физических или юридических лиц»;
- создающее опасность гибели людей причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно-опасных последствий, осуществляемых в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов;
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля с целью ослабления основ конституционного строя и безопасности государства, а равно с целью прекращения государственной деятельности либо другой политической деятельности или совершенное как месть за эту деятельность;
- покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю, или представителю власти, совершенное в связи с их государственной или общественной деятельностью, с целью дестабилизации обстановки или воздействия на принятие решений государственными органами либо воспрепятствования политической или общественной деятельности;
- нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, или проживающих с ним членов семьи, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если эти действия совершены в целях провокации войны или осложнения международных отношений.»[12].

Террористическая акция по Закону о борьбе с терроризмом определяется как «непосредственное совершение преступления террористического характера в форме:

- взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ;
- уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств, или других объектов;
- посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения;
- захвата заложников, похищения человека;
- создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределённого круга лиц путём создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности;
- распространения угроз в любой форме и любыми средствами;
- совершение иных действий, создающих опасность гибели людей;
- причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий»[13].

Преступлениями террористического характера признаны «преступления, предусмотренные статьями 179-182, 185,187, 310 и 402 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Таджикистан, в тех случаях, когда они совершены в террористических целях. При этом ответственность за совершение таких преступлений наступает в соответствии с Уголовным кодексом Республики Таджикистан.

Среди юристов, политологов, обществоведов ведется дискуссия по определению террористической организации. В настоящем Законе указывается, что террористическая организация – это организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация считается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации. Террористическая группа – это лица, объединившиеся в целях осуществления террористической деятельности.

В Законе также перечислены все субъекты, которые непосредственно осуществляют борьбу с терроризмом, в том числе

обеспечивают собственную антитеррористическую безопасность в пределах компетенции, определяемой Конституцией Республики Таджикистан, настоящим Законом, другими законами и нормативными правовыми актами Республики Таджикистан. В данный перечень входят следующие органы:

- Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан;
- Министерство внутренних дел Республики Таджикистан;
- Министерство обороны Республики Таджикистан;
- Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан;
- Национальная гвардия Республики Таджикистан;
- Комитет по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне при Правительстве Республики Таджикистан.

В Законе также дано развернутое определение понятия террористическая деятельность, которая включает в себя:

- организацию, планирование, подготовку и совершение террористической акции;
- подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или принуждению организации, уничтожению имущества и иных материальных объектов в террористических целях;
- организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;
- вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им.

Республика Таджикистан, исходя из своих международных обязательств, признаёт международной террористической деятельностью такую террористическую деятельность, которая осуществляется:

- террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства;
- гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;
- в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств;
- в целях нарушения международного правопорядка»[14].

Антитеррористическая деятельность – это деятельность, осуществляемая в целях защиты личности, общества и государства от террористической деятельности.

Еще одним законом, который определяет общую борьбу с угрозами национальной безопасности в Таджикистане, является Закон «О борьбе с экстремизмом» принятый в 2003 г. В данном правовом акте также даны четкие определение основных понятий, прежде всего, определение экстремизма, как «проявления юридическими и физическими лицами выражения крайних форм действий, призывающих к дестабилизации, изменению конституционного строя в стране, захвату власти и присвоению её полномочий, разжиганию расовой, национальной, социальной и религиозной вражды;», а экстремистская деятельность – деятельность юридических либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

а) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Республики Таджикистан;
б) подрыв безопасности Республики Таджикистан;
в) захват или присвоение властных полномочий;
г) создание незаконных вооруженных формирований;
д) осуществление террористической деятельности;
е) возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
ж) унижение национального достоинства;
з) осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
и) пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой национальной, религиозной или языковой принадлежности;
к) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;
л) осуществлению или совершению указанных действий путем предоставления для осуществления указанной деятельности недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств»[15].

Согласно Закону экстремистскими организациями являются общественное объединение, религиозная либо иная некоммерческая организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В Законе также представлены определение и классификация экстремистских материалов, которые представляют собой «предназначенные для обнародования информацию, либо документы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности, либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство, либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы»[16].

В Законе сформулированы основные принципы борьбы с экстремизмом, среди которых: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности Республики Таджикистан; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с юридическими и физическими лицами в борьбе с экстремизмом; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности[17].

Основные направления борьбы с экстремизмом осуществляется по следующим основным мерам:

- «принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности юридических и физических лиц.

Субъектами, осуществляющими борьбу с экстремизмом, Закон определяет следующие государственные органы:

- Государственный комитет по национальной безопасности Республики Таджикистан;
- Министерство внутренних дел Республики Таджикистан;
- Министерство иностранных дел Республики Таджикистан;
- Министерство юстиции Республики Таджикистан;
- Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан.
- Органы государственной власти и управления, местные исполнительные органы государственной власти и органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции.
- Общее руководство по борьбе с экстремизмом осуществляет Правительство Республики Таджикистан.
- Суды Республики Таджикистан участвуют в борьбе с экстремизмом на условиях и в порядке, предусмотренных

Конституцией Республики Таджикистан, настоящим Законом и другими законами Республики Таджикистан.

- Органы прокуратуры в пределах своей компетенции ведут надзор за надлежащим исполнением законов по борьбе с экстремизмом»[18].

В целях предупреждения экстремистской деятельности в Республике Таджикистан запрещается:

а) создание, регистрация и функционирование экстремистских организаций либо организаций, способствующих экстремизму;
б) деятельность, связанная с пропагандой экстремизма, в том числе распространение экстремистских материалов;
в) въезд, выезд или транзит через территорию Республики Таджикистан лицам, принимавшим участие в экстремистской деятельности;
г) предоставление вида на жительство лицам, принимавшим участие в экстремистской деятельности;
д) принятие в гражданство Республики Таджикистан иностранных граждан и лиц без гражданства, принимавших участие в экстремистской деятельности;
е) проведение митингов, шествий, демонстраций или иных публичных выступлений с нарушением требований законодательства Республики Таджикистан.

Предупреждение экстремистской деятельности также включает в себя осуществление и иных мер, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан и международно-правовыми актами, признанными Республикой Таджикистан[19].

С целью профилактики экстремистской деятельности центральные и местные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

Указом Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 г. была утверждена Единая концепция Республики Таджикистан по борьбе с экстремизмом и терроризмом, в которой наиболее полно даны основные цели, задачи и принципы данного направления государственной политики. Так в Концепции указано, что целями и задачами борьбы с терроризмом и экстремизмом являются:

«1. Обеспечение защиты Республики Таджикистан, ее граждан и других лиц, находящихся на ее территории, от угроз терроризма и экстремизма.

2. Ликвидация террористической и экстремистской угрозы на территории Республики Таджикистан.

3. Создание в Республике Таджикистан атмосферы полного нетерпения терроризму и экстремизму, в любых их формах и проявлениях.

4. Выявление, устранение и предупреждение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма и экстремизма на территории Республики Таджикистан, а также ликвидация последствий преступлений террористического и экстремистского характера.

5. Повышение эффективности взаимодействия компетентных органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений террористического и экстремистского характера, выявление и пресечение деятельности организаций и лиц, причастных к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, а также противодействие финансированию терроризма и экстремизма.

6. Выработка общих подходов субъектов, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом и экстремизмом, в том числе по вопросам его предупреждения.

7. Усиление роли государства, как гаранта безопасности личности и общества, в условиях нарастающих угроз терроризма и экстремизма.

8. Реализация международно-правовых норм по противодействию финансированию терроризма и экстремизма.

9. Формирование необходимой международной нормативно-правовой базы сотрудничества с международными организациями и государствами мирового сообщества и совершенствование правовой базы, развитие и гармонизация международно-правовых норм и национального законодательства в области борьбы с терроризмом и экстремизмом.

10. Улучшение сотрудничества правоохранительных структур и органов государственного финансового контроля по выявлению и пресечению финансирования международного терроризма и экстремизма»[20].

В достижении целей и решении задач в борьбе с терроризмом и экстремизмом Республика Таджикистан руководствуется следующими принципами:

- бескомпромиссностью борьбы с терроризмом и экстремизмом;
- обеспечением неотвратимости ответственности как физических, так и юридических лиц за участие в террористической и экстремистской деятельности;
- комплексным подходом к противодействию терроризму и экстремизму с использованием всего арсенала превентивных, правовых, политических, социально-экономических и прочих мер;

– противодействие применению в международных отношениях по борьбе с терроризмом и экстремизмом практики «двойных стандартов»;
– строгим соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права.»

В Концепции приведены основные направления деятельности органов, осуществляющих борьбу с терроризмом и экстремизмом, в частности указаны:

«1. Анализ факторов и условий, способствующих возникновению терроризма и экстремизма, прогнозирование тенденций их развития и проявления на территории Республики Таджикистан.

2. Предупреждение, выявление, пресечение и расследование преступлений террористического и экстремистского характера.

3. Содействие неотвратимости наказания за преступления террористического и экстремистского характера.

4. Оказание помощи в реабилитации лиц, пострадавших от преступлений террористического и экстремистского характера.

5. Противодействие терроризму на всех видах транспорта, объектах жизнеобеспечения и критической инфраструктуры.

6. Предотвращение использования или угрозы использования в террористических целях оружия массового поражения и средств его доставки, радиоактивных, токсичных и других опасных веществ, материалов и технологий их производства.

7. Противодействие финансированию террористической и экстремистской деятельности.

8. Предотвращение использования или угрозы использования локальных или глобальных компьютерных сетей в террористических целях (борьба с кибертерроризмом).

9. Совершенствование правовой базы сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

10. Взаимодействие с гражданским обществом и средствами массовой информации в целях повышения эффективности противодействия терроризму и экстремизму.

11. Противодействие пропаганде терроризма и экстремизма.

12. Участие в антитеррористической деятельности международного сообщества, включая взаимодействие в рамках международных организаций и коллективных антитеррористических операций, объединение усилий и содействие в формировании глобальной стратегии противодействия новым вызовам и угрозам под эгидой Организация Объединенных Наций.

13. Совершенствование материально-технической базы подразделений, осуществляющих борьбу с терроризмом и экстремизмом, разработка средств, специальной техники и оборудования для оснащения этих подразделений»[21].

Таким образом следует признать, что в Республике Таджикистан выработана единая система законодательно-нормативных актов в области обеспечения безопасности, противодействия и борьбы с терроризмом и экстремизмом. Наиболее важным компонентом в общей системе национальной безопасности является взаимодействие всех структур государственной власти и местных органов управления с обществом и гражданами по выработке эффективных путей поддержания мира и стабильности в Республике Таджикистан, путей и форм проведения профилактических мер по противодействию радикализма, экстремизма и терроризма в молодёжной среде.

Информация об авторе

Азизджон С. Рахмонов, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30, *rahmonov.azizgon@mail.ru*

Information about the author

Azizjon S. Rakhmonov, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursun-zade St., Tajikistan, Dushanbe, 734025; *rahmonov.azizgon@mail.ru*

Примечания

[1] Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 1994 (с изменениями и дополнениями). С. 6. URL: http://mmk.tj/ru/legislation/legislation (дата обращения: 29.09.2025)

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Верхняя палата Маджлиси Оли (Высшего собрания) Республики Таджикистан (прим.авт.)

[5] Нижняя палата парламента, Палата Представителей Маджлиси Оли (Высшего собрания) Республики Таджикистан (прим.авт.)

[6] Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 1994 (с изменениями и дополнениями). URL: http://mmk.tj/ru/legislation/legislation (дата обращения: 29.09.2025).

[7] Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1994 г., № 3-4, ст. 64; Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1995, № 22, ст. 270; 1996, № 3, ст. 48; 1997, № 23-24, ст. 333.

[8] Закон Республики Таджикистан «О безопасности». 28 июня 2011 г. URL: http://parlament.tj/ru/images/stories/2011/bezopasnost.doc. (дата обращения: 28.09.2025).
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Закон Республики Таджикистан о борьбе с терроризмом // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., № 11, ст. 275; 2005 г., № 3, ст. 116; 2007 г., № 5, ст. 355; 2008 г., № 10, ст. 802; 2012 г, № 8, ст. 816; 2013 г., № 6, ст. 407; 2014 г., № 11, ст. 647, ст. 648; Закон РТ от 25.12.2015.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Закон Республики Таджикистан о борьбе с экстремизмом (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003, № 12, ст. 697; 2007, № 3, ст. 15. Принят Маджлиси намояндагон 5 ноября 2003 г. Одобрен Маджлиси милли 21 ноября 2003 г. Подписан Президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоном в г. Душанбе 8 декабря 2003 г.).
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Единая концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом. URL: http://www.geneva-academy.ch/RULAC/pdf_state/Concept-of-Combating-Terrorism-and-Extremism-TJ.pdf. (дата обращения: 30.09.2025)
[21] Там же.

Экономические связи Таджикистана и России: зарождение, состояние и перспективы развития

Назарали Х. Хоналиев

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, honaliev@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-5951-9368

Баходур Б. Махкамов

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, bahodurmahkamov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-6739-8842

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы зарождения, состояния и перспектив развития экономических связей Таджикистана и России; приведен небольшой исторический экскурс в их зарождении и становлении, где отмечается, что присоединение к России дало определённый толчок к появлению первых очагов капиталистической промышленности в Средней Азии. После присоединения Северных районов Таджикистана к России начали более интенсивно проводиться исследования полезных ископаемых и их разработка; дан анализ современного состояния развития внешнеэкономических связей между двумя странами и определены основные направления дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества.

В развитии экономических связей между странами существенную роль играет Российско-Таджикский деловой совет (РТДС), который начал свою деятельность 1 ноября 2022 г. Основная задача Совета – создание эффективной площадки взаимодействия российских и таджикских деловых кругов для стимулирования торговой и инвестиционной деятельности. В настоящий момент идет формирование отраслевых групп в рамках Совета (созданы рабочие группы по промышленной кооперации, транспорту и логистике, малому и среднему бизнесу, здравоохранению).

Авторы освещают наиболее перспективные направления экономического сотрудничества Таджикистана и России, включая привлечение российских инвестиций в строительство индустриальных технопарков и развитие текстильно-швейных кластеров, электронную коммерцию в Таджикистане. В статье подчеркивается, что дальнейшее расширение инфраструктуры совместных производств и спектра отраслей инвестиционных и торгово-промышленных связей соответствует стратегическим интересам Таджикистана и России.

© Хоналиев Н.Х., Махкамов Б.Б., 2025

Ключевые слова: промышленное освоение, экспорт, импорт, технопарк, цифровизация, кластер

Economic relations between Tajikistan and Russia: origin, status and development prospects

Nazarali Kh. Khonaliev

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, honaliev@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-5951-9368

Bahodur B. Makhkamov

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, bahodurmahkamov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-6739-8842

Abstract. The article examines the issues of the origin, state and prospects for the development of economic relations between Tajikistan and Russia; a short historical excursion into their origin and formation is given, where it is noted that accession to Russia gave a certain impetus to the emergence of the first centers of capitalist industry in Central Asia. After the accession of the Northern regions of Tajikistan to Russia, research into mineral resources and their development began to be carried out more intensively; an analysis of the current state of development of foreign economic relations between the two countries is given and the main areas of further mutually beneficial cooperation are identified.

The Russian-Tajik Business Council (RTBC), which began its activities on November 1, 2022, plays a significant role in the development of economic relations between the countries. The main objective of the Council is to create an effective platform for interaction between Russian and Tajik business circles to stimulate trade and investment activities. At the moment, industry groups are being formed within the Council (working groups have been created on industrial cooperation, transport and logistics, small and medium businesses, and healthcare).

Keywords: industrial development, export, import, technology park, digitalization, cluster

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов современного состояния и перспектив развития экономических связей Республики Таджикистан с Российской Федерацией, совершим небольшой экскурс в историю их зарождения и становления.

Царская Россия, вступив на путь капиталистического развития после отмены крепостного права (1861 г.), стала проявлять большой интерес к Средней Азии. Этот интерес имел существенные военно-стратегические, политические и экономические основания. Край рассматривался, как рынок сбыта, новый район для экспорта капитала и сырьевой базы для развития текстильной промышленности России. В сентябре 1873 г. между Россией и Бухарой был заключен «Договор о дружбе», который фактически явился юридическим оформлением установления протектората царизма над Бухарским эмиратом.

Хотя формально Бухара оставалась самостоятельным государством, фактически ее правительство было полностью подчинено туркестанскому генерал-губернатору. При этом царское правительство, исходя из внешнеполитических соображений, сохранило в неприкосновенности феодально-патриархальный строй эмирата, полное невмешательство в его внутренние дела. Известно, что нынешний Таджикистан, как и многие окраины самой царской России, не прошел стадию капиталистического развития, не имел промышленного персонала, главной массой работников являлись дехкане, ремесленники, торговцы и духовенство. Здесь господствовали патриархально-феодальные производственные отношения.

Промышленное освоение Таджикистана (северных районов) русским капиталом началось с проведения в Среднюю Азию железной дороги (1898 г.), которая пересекла весь Туркестанский край, а в 1905 г. было закончено строительство Ташкентской железной дороги. С проведением железной дороги российские капиталисты стали рассматривать Среднюю Азию как рынок сбыта своих фабричных товаров и источник сырья для русской промышленности, и, прежде всего, для текстильных фабрик. По железной дороге из центральных областей России начали поступать в северные районы Таджикистан чугунные, медные, железные изделия, мануфактура, хлеб, сахар, лес и другие товары. Присоединение к России дало определённый толчок к появлению первых очагов капиталистической промышленности в Средней Азии. После присоединения Северных районов Таджикистана к России начали более интенсивно проводиться исследования полезных ископаемых и их разработка. Значительную роль играла в этом горная промышленность.

В экономику Таджикистана досоветского периода, наряду с российским капиталом, проникал постепенно и европейский капитал. Например, в 1900 г. было организовано бельгийское акционерное общество по добыче меди в Ходжентском уезде.

С появлением российского капитала в Таджикистане возобновилась добыча золота. Конечно, масштабы добычи по нынешним условиям были мизерные, но сам факт начала организации промышленной добычи золота в Таджикистане заслуживает

внимания. Оторванные от всего мира бездорожьем, Памир и другие горные районы Таджикистана вынуждены были развивать отдельные производства горного дела в рамках кустарной промышленности, с целью удовлетворения своего натурального хозяйства.

Несмотря на наличие значительных природных богатств, горнодобывающая отрасль в Таджикистане в досоветский период не получила широкого развития. Этому были свои причины. Обнаруженные, хотя и богатые залежи полезных ископаемых, цветных и редких металлов, из-за труднодоступного бездорожья, удалённости от железных дорог, требующих дополнительных затрат, не разрабатывались. Отсутствовала техника разработки месторождений, не было квалифицированных кадров горного дела, а главное, интересы хлопководства и хлопчатобумажного производства доминировали над всеми производствами, так как они приносили ощутимый и быстрый доход.

Следует отметить, что только после присоединения Средней Азии к России, с проникновением капитализма в край, хотя и медленно, начала развиваться фабрично-заводская промышленность, главным образом перерабатывающая сельскохозяйственное сырье. Создавались хлопкоочистительные, шелковые, кожевенные, мукомольные, винодельческие и маслобойные примитивные предприятия. Горнодобывающие и ремонтные производства получили очень ограниченное распространение. . Наряду с русскими рабочими, прибывшими из центральных районов России, на предприятиях появляются местные рабочие из среды таджикского, узбекского и киргизского населения. Особенно много местных рабочих работало на хлопкоочистительных и маслобойных заводах. Значительная часть местных промышленных рабочих были сезонными, которые окончательно не порвали еще с земледелием и кустарным ремеслом. Обычно после 6-8 месяцев работы на заводах, они возвращались к земледелию, садоводству и кустарному производству.

Несмотря на примитивное и слабое развитие промышленности в северных таджикских районах, сам факт создания первых промышленных предприятий имел большое прогрессивное значение – приобщение местного коренного населения к индустриальному, более сложному и квалифицированному труду.

Несмотря на свою незначительность, эти экономические и социальные сдвиги, с точки зрения исторического развития, представляют собой значительный шаг вперед. Они являются одним из проявлений объективной прогрессивности присоединения края к России.

Необходимо отметить, что от уровня развития производительных сил, степени изученности и использования составляющих их факторов и условий, зависит уровень развития промышленности в Таджикистане. В условиях Таджикистана к благоприятным факторам развития производства относятся: колоссальные по объёмам

и эффективные по использованию водные и гидроэнергетические ресурсы, позволяющие сочетать строительство гидроэлектростанций различных мощностей – от гигантов до микро ГЭС; широкий набор и большой запас полезных ископаемых, способствующих развитию цветной и чёрной металлургии, топливной промышленности, химии, промышленности строительных материалов; благоприятные биоклиматические условия в сочетании со значительными, интенсивно не используемыми ещё земельными ресурсами предгорных и горных территорий, определяющих производство разнообразной и богатой сельскохозяйственной продукции – от субтропических и технических культур в долинах до продукции садоводства и зерноводства, служащих сырьём для легкой и пищевой промышленности, в горных районах; созданные и интенсивно создаваемые транспортно-экономические коммуникации – автомобильные дороги, соответствующие мировым стандартам и круглогодично соединяющие все регионы страны, железные дороги и воздушный транспорт; высокие темпы прироста населения и трудовые ресурсы в сочетании с довольно высоким образовательным и научным потенциалом, что способствует обеспечение промышленности в квалифицированной рабочей силе.

Экономические связи Республики Таджикистан и Российской Федерации в годы существования СССР и на первых этапах суверенного развития государств, рассматривались подробно во многих изданиях, поэтому ограничимся кратким рассмотрением сегодняшних внешнеэкономических связей республики и России.

По итогам 2023 г., внешнеторговый оборот Республики Таджикистан составил более 8,3 млрд. долларов США, что больше чем в 2020 г. на 82,7%. При этом, импорт рос более высокими темпами (186,6%), чем экспорт (174,1%). В экспорте продукции и услуг, более высокие темпы роста наблюдаются у стран СНГ, чем у стран остального мира (190,5% против 169,8%), тогда как в импорте – у стран остального мира они выше (265,6% против 145,3%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Внешнеторговый оборот Республики Таджикистан
(млн. долларов США)*

	2020	2021	2022.	2023	2023 к 2020%
1	2	3	4	5	6
Внешнеторговый оборот – всего	**4557,8**	**6359,1**	**7309,5**	**8328,9**	**182,7**
страны СНГ	2357,9	3120,1	3870,4	3556,2	150,8
страны остального мира	2199,9	3239,0	3439,1	4772,7	216,9

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Экспорт – всего	**1406,9**	**2149,6**	**2142,0**	**2448,8**	**174,1**
страны СНГ	289,5	574,7	761,4	551,5	190,5
страны остального мира	1117,4	1574,9	1380,6	1897,3	169,8
Импорт – всего	**3150,9**	**4209,5**	**5167,5**	**5880,1**	**186,6**
страны СНГ	2068,4	2545,4	3109,0	3004,7	145,3
страны остального мира	1082,5	1664,1	2058,5	2875,4	265,6

* *Источник:* рассчитано по: Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан. Статистический сборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. с.10.

Если рассматривать внешнеторговый оборот по основным торговым партнерам за 2022–2023 гг., то следует отметить, что основными торговыми партнерами Таджикистана являются Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан и Турция. Россия является крупнейшим торговым партнером Таджикистана, занимая 20,6% от общего объема внешнеторгового оборота страны.

По экспорту продукции и услуг крупнейшим торговым партнером Таджикистана является Китай, а России занимает 5 место после Китая, Казахстана, Турции и Узбекистана, объем экспорта которой составляет всего лишь 5,5% от общего объема экспорта, но по импорту, Россия значительно опережает эти страны (26,9%) (см. табл. 2).

Таблица 2

Внешнеторговый оборот по основным торговым партнерам за 2022–2023 гг.*

Страны партнеры	млн. долл. США		%		место	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
1	2	3	4	5	6	7
Россия	1673,9	1715,0	22,9	20,6	1	1
Китай	1210,0	1503,2	16,6	18,0	3	2
Казахстан	1441,2	1148,7	19,7	13,8	2	3
Узбекистан	555,4	504,4	7,6	6,1	4	4
Турция	351,2	363,0	4,8	4,4	5	5

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
В том числе:						
Экспорт по основным торговым партнерам за 2022–2023 гг.						
Китай	368,3	313,8	17,2	12,8	2	1
Казахстан	483,9	255,7	22,6	10,4	1	2
Турция	179,6	165,3	8,4	6,8	3	3
Узбекистан	178,3	150,9	8,3	6,2	4	4
Россия	88,2	134,7	4,1	5,5	7	5
Импорт по основным торговым партнерам за 2022–2023 гг.						
Россия	1585,7	1580,3	30,7	26,9	1	1
Китай	841,7	1189,4	16,3	20,2	3	2
Казахстан	957,3	892,9	18,5	15,2	2	3
Узбекистан	377,0	353,5	7,3	6,0	4	4
Турция	171,6	197,7	3,3	3,4	5	5

* *Источник:* составлено автором по: Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан. Статистический сборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. с. 14.

«По предварительным итогам 2024 г., внешнеторговый оборот Республики Таджикистан составил более 8,9 млрд. долларов, увеличившись по сравнению с 2023-м на 572,7 млн, или почти на 6,9%. Экспорт товаров за отчетный период достиг 1,9 млрд долларов, что на 20,5% или на 501,4 млн меньше аналогичного в 2023-м. При этом импорт товаров составил 7,0 млрд долларов (на 18,4% больше, чем в 2023-м). В общей структуре товарооборота доля импорта составила 78,4%, а экспорта – 21,6%.

В структуре экспорта товаров из Таджикистана основная доля поставок пришлась на минералы и концентраты, необработанный алюминий, хлопковое волокно, электроэнергию, плодоовощную продукцию, хлопчатобумажную пряжу, цемент и др. Больше всего Таджикистан импортировал нефтепродукты, легковые автомобили, пшеницу, сжиженный газ, пиломатериалы, мобильные телефоны, сахар, растительное масло, глинозем и др.

Таджикистан увеличил экспорт в Китай на 21,1%, в Швейцарию на 19,4%, Казахстан на 10,1%, Турцию на 12,3%, Узбекистан на 9,1%, Россию на 4,9% и другие страны. Между тем, импорт товаров осуществлялся в основном из *России – 26,9%* от общего объема

импорта, Китая – 22,1% и Казахстана – 15,6%. То есть, Россия осталась главным импортером Таджикистана и в 2024 году»[1].

Теперь рассмотрим более подробно экспорт и импорт основных товаров за 2023 г. по Российской Федерации (см. табл. 3).

Таблица 3

Экспорт и импорт основных товаров за 2023 год по Российской Федерации*

		Тыс. долл. США	Удельный вес в общем объеме
Экспорт основных товаров за 2023 год			
	ВСЕГО	134 717	100,0%
1	Текстильные материалы и текстильные изделия	51 708	38,4%
2	Продукты растительного происхождения	17 010	12,6%
3	Продукция химической промышленности	9 582	7,1%
4	Кожевенное сырье, кожа	2 915	2,2%
	Итого ТОП-4		60,3%
Импорт основных товаров за 2023 год			
1	Нефтепродукты	563 015	35,6%
2	Древесина и изделия из древесины	204 578	13,0%
3	Готовые пищевые продукты	200 444	12,7%
4	Недрагоценные металлы и изделия из них	138 601	8,8%
	Итого ТОП-4		70,1%

* *Источник:* составлено автором по: Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. С. 213–237.

Как показывают приведенные данные, Таджикистан экспортирует в Россию в основном текстильные материалы и текстильные изделия, продукты растительного происхождения (овощи и фрукты), продукцию химической промышленности, кожевенное сырье

и кожу. Причем, эти четыре вида продукции составляют более 60% от общего объема экспорта в Россию, а текстильные материалы и текстильные изделия составили 38,4%.

Импортирует из России – нефтепродукты, древесину и изделия из древесины, готовые пищевые продукты, недрагоценные металлы и изделия из них. Эти четыре вида продукции составляют более 70% от общего объема импорта из России, а нефтепродукты составили 35,6%.

Это свидетельствует о низкой диверсификации номенклатуры экспорта и импорта между Таджикистаном и Россией и об отрицательном торговом сальдо Таджикистана.

В целях повышения эффективности внешнеэкономической стратегии государства перспективным является использование интегральной модели стратегии, которая характеризуется параллельным развитием импортозамещающего и экспортоориентированного предпринимательства. В связи с этим, российским предпринимателям следует обеспечить в первую очередь импортозамещение по текстильным материалам и изделиям, путем создания совместных производств или собственных предприятий в стране импортера сырья и продукции (о чем будет сказано ниже). Таджикистану, в свою очередь, следует принять меры по организации совместных производств по производству нефтепродуктов, увеличению производства и расширению ассортимента готовых пищевых продуктов, выпуску недрагоценных металлов (чугуна и стали, меди, цинка и др.).

В этом направлении в республике идет целенаправленная работа. В частности, ускоренными темпами растут объемы производства предприятий пищевой промышленности, готовится к запуску нефтеперерабатывающий завод в г. Дангаре, совместно с российской компанией «Татнефть», разрабатываются технические условия по освоению железных руд в Согдийской области.

«В развитии экономических связей между странами существенную роль играет Российско-Таджикский деловой совет (РТДС), который начал свою деятельность 1 ноября 2022 г. Основная задача Совета – создание эффективной площадки взаимодействия российских и таджикских деловых кругов для стимулирования торговой и инвестиционной деятельности. В настоящий момент идет формирование отраслевых групп в рамках Совета (созданы рабочие группы по промышленной кооперации, транспорту и логистике, малому и среднему бизнесу, здравоохранению).

В планах РТДС – ряд мероприятий по вопросам российско-таджикского взаимодействия в энергетике, инвестиционной и банковской сферах, в развитии цифровых технологий, сельском хозяйстве, легкой промышленности, строительстве, здравоохранении, сферах

туризма, спорта и других областях, а также участие в международных форумах разного формата, проводимых в России и Таджикистане, организация деловых миссий и мероприятий различного уровня, призванных способствовать укреплению делового сотрудничества России и Таджикистана, активное участие в работе Межправительственной комиссии (МПК). В рамках сотрудничества разработаны карты взаимодействия с более чем 40 предприятиями России и Таджикистана. Российской-таджикский деловой совет (РТДС) вот уже 2 года активно помогает развивать сотрудничество между двумя странами в самых разных отраслях.

Так, за последние 2 года РТДС провел 10 крупных заседаний с участием более 1,5 тыс. партнеров из разных регионов России и Таджикистана. Ведущие российские и таджикские компании подписали более 40 соглашений о сотрудничестве. Кроме того, Россия оказывает профессиональное сопровождение в разработке и продвижении 30 бизнес-проектов на сумму свыше 3,7 млрд рублей.

На текущий момент число участников составляет 155 компаний-организаций, представляющие ключевые отрасли, включая 45 организаций из государственных структур и некоммерческого сектора.

Вместе с тем, Россия и Таджикистан намерены совместно развивать цифровизацию – акцент в сотрудничестве в 2025 году будет на цифровых продуктах. Кроме того, на его базе предусмотрено создание инвестиционного фонда, который поможет осуществить еще больше совместных проектов. Также российский бизнес поможет с подготовкой профессионалов в техникумах Таджикистана»[2].

Российские специалисты отмечают, что у Москвы и Душанбе «есть три значимых направления, привлекательных для бизнеса в обеих странах: открытие индустриального парка в Душанбе; выход ретейлера Wildberries на рынок Таджикистана и создание текстильного кластера»[3].

1. Технопарк в Душанбе, который создается при участии российских инвесторов, должен стать крупнейшим в Таджикистане, где на сегодняшний день действуют 8 небольших технопарков. В рамках реализации четвертой стратегической цели – ускоренной индустриализации страны и обеспечения развития промышленности в 2022-2026 гг. по всему Таджикистану планируется построить 30 технопарков. Самый мощный и современный технопарк строится в столице Таджикистана на территории машиностроительного завода по образцу Казанского индустриального технопарка. «Это будет глобальный технопарк для инвесторов с налоговыми преференциями, где будут сочетаться бизнес и наука»[4].

Особого внимания заслуживает идея привлечения крупных компаний к поддержке реализации на базе Технопарка в Душанбе

образовательных программ в профтехучилищах в целях подготовки конкурентоспособных современных специалистов, которые смогут трудоустроиться на родине и за рубежом.

2. Второй значимый для расширения делового партнерства Таджикистана и России проект – это развитие площадок электронной торговли, прежде всего, выход на рынок Таджикистана ретейлера Wildberries, запуск которого выведет национальный бизнес Таджикистана на новый уровень. Новый сервис позволит таджикским компаниям не только получать прибыль, но и развиваться инфраструктурно и технологически. Опыт других стран показывает, что вокруг маркетплейсов всегда формируются крупные экосистемы из местных предприятий, прежде всего MSP-сектора. Это владельцы площадок выдачи, логистические компании, сейлеры и другие игроки электронной коммерции, то есть все местное предпринимательское сообщество. Российские партнеры готовы участвовать в совместном развитии цифровизации торговли и подготовке профессиональных кадров в техникумах Таджикистана.

3. Третьим значимым проектом станет «создание целого текстильного кластера с привлечением сразу нескольких таджикских предприятий в Душанбе, Согде и Кулябе на базе местных свободных экономических зон»[5], что соответствует нашему тезису об импортозамещении текстильных материалов и изделий, путем создания совместных производств или собственных предприятий в стране-импортере сырья и продукции.

Следует отметить, что мировая торговля товарами легкой промышленности, прежде всего одеждой и текстилем для дома, будет быстро расти благодаря опережающему росту численности населения и среднего класса в странах с низким и средним уровнем дохода, что ведет резкому росту потребления продукции легкой промышленности на душу населения.

Национальная стратегия развития производства и переработки хлопка и текстильной промышленности Республики Таджикистан, принятая в декабре 2023 г., предусматривает формирование и развитие 6 текстильно-швейных кластеров в Таджикистане, что позволит создать 135,4 тысяч рабочих мест, значительно увеличить объемы выпускаемой высококачественной пряжи (до 126,6 тысяч тонн), обеспечить выпуск конкурентоспособных тканей (633 млн. м^2) и готовой швейной продукции. То есть, практически будет перерабатываться весь выращиваемый хлопок-сырец республики. Эти 6 комплексов (кластеров) будут расположены в различных районах страны.

ЗАО «Джунтай Дангара Син Силу Текстиль» – пример такого кластерного производства полного цикла с китайскими инвестициями. Эта компания имеет собственные высокоурожайные

хлопковые плантации (в среднем урожайность в полтора-два раза выше, чем на других плантациях). Здесь производится сырье высокого качества, позволяющее делать высококачественную пряжу. Развивается текстильное производство полного цикла с прядильным, ткацким и трикотажным производством, уже выпускаются готовые швейные изделия.

Министерство промышленности и новых технологий Республики Таджикистан рассчитывает привлечь и других инвесторов под аналогичные проекты предприятий полного цикла, для которых предоставлены налоговые льготы. В настоящее время активизировались переговоры с потенциальными инвесторами из России, Пакистана, Турции, Индии. Участие Турции ожидается в развитии не только текстильной промышленности, но и индустрии моды.

В создании одного из комплексов (кластеров), расположенного в городе Кулябе (кластер будет «объединять» предприятия и организации г. Куляб, районов Восе, Хамадони, Фархор), выразила заинтересованность крупная российская компания «БТК-Групп», представительство которой зарегистрировано и функционирует в стране при содействии и по приглашению Министерства промышленности и новых технологий Республики Таджикистан. Согласно официальным материалам министерства, компания «БТК-Групп» будет строить текстильный комплекс мощностью 43 тысячи тонн хлопчатобумажной пряжи в год в свободной экономической зоне (СЭЗ) «Куляб», с учетом ее полной переработки, в результате чего более 2000 человек будут обеспечены постоянными рабочими местами.

Как показывает практика, перед выделением суммы инвестиций в ту или иную отрасль, важным считается оценка безопасности поставок сырья. Для обеспечения планируемого строительства текстильного комплекса в городе Куляб, с финансированием более 250 миллионов долл. США, данная компания запросила выделение 10 тысяч гектаров земельных участков, а затем доведение площади посева хлопка до 20 тысяч гектаров. Кроме этого, «БТК-Групп» уже провела работы по техническому перевооружению предприятия по переработке хлопка и хлопкового волокна в Спитаменском районе (ООО «Спитамен текстиль»), начиная от посева хлопчатника и до производства хлопчатобумажной пряжи. Также, на базе фабрики по переработке хлопкового волокна Яванского района, путем производственного сотрудничества, осуществлена замена необходимых запасных частей прядильного оборудования предприятия ООО «Хима-текстиль».

Среди других направлений российско-таджикского сотрудничества в развитии текстильно-швейной промышленности, необходимо отметить, что такие российские компании как

ООО «Текстильтрейд» (Россия), ООО «Группа спортивных брендов» (Россия) и ООО «АВМ спорт» (Россия) являются крупными покупателями и заказчиками изделий одного из крупнейших предприятий легкой промышленности Таджикистана – ОАО «Гулистони Душанбе», которое оснащено современным автоматическим оборудованием из Японии, Германии, Дании, США, Турции и России общей мощностью 2 млн. единиц продукции в год. Для обучения сотрудников ОАО «Гулистони Душанбе» со стороны акционера были привлечены учёные и специалисты из России, Италии, Германии и Турции. В ОАО «Гулистони Душанбе» в основном производятся мужские, женские и детские брюки, рубашки, юбки, капри, шорты, бриджи, куртки и т. д. из джинсовых, хлопчатобумажных и смешанных тканей. Фабрика имеет сертификат международного органа TÜV Thüringen и отвечает требованиям международного стандарта ISO 9001:2015 и системы управления качеством[6]. Кроме того, предприятие располагает сертификатом ECOTEX и другими гарантиями высокого качества своей продукции.

Целенаправленная и постоянная работа по созданию текстильно-швейных кластеров в Таджикистане обеспечит высокую конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и мировых рынках, устойчивость финансового состояния их предприятий, создание новых рабочих мест, привлечение квалифицированных кадров, особенно женщин и молодежи, рост отрасли, промышленности и экономики в целом и, на этой основе, повышение уровня благосостояния населения страны. Эти кластеры станут точками роста не только промышленности страны, но и всей национальной экономики.

Таким образом, экономические связи Таджикистана и России неуклонно развиваются и служат интересам народов двух стран. Перспективными тенденциями их развития является сотрудничество в сфере преобразования традиционных форм торговли и производства в современные проекты, опирающиеся на деловые стратегии и технологии XXI века.

Информация об авторах

Хоналиев Н.Х., доктор экономических наук, Институт экономики и демографии НАНТ, Душанбе, Таджикистан; 734024, Душанбе. Таджикистан, проспект Айни 44, *honaliev@mail.ru*

Махкамов Б.Б., кандидат экономических наук, Институт экономики и демографии НАНТ, г. Душанбе, Республика Таджикистан; 734024, Душанбе. Республика Таджикистан, проспект Айни 44, *bahodurmahkamov@mail.ru*

Information about the authors

Khonaliev N.Kh., Dr. of Sci. (Economis), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; bld. 44, Aini Av., Dushanbe, Tajikistan, 734024; *honaliev@mail.ru*

Makhkamov B.B., Cand. of Sci. (Economics), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; bld. 44, Aini Av., Dushanbe, Tajikistan, 734024; *bahodurmahkamov@mail.ru*

Примечания

[1] Россия стала главным импортером Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: https://tj.sputniknews.ru (дата обращения: 12.02.2025).

[2] От IT до сельского хозяйства: как растет сотрудничество РФ и Таджикистана в цифрах [Электронный ресурс]. URL: https://tj.sputniknews.ru (дата обращения: 11.01.2025).

[3] Россия намерена продвигать в Таджикистане 3 новых проекта [Электронный ресурс]. URL: https://tj.sputniknews.ru (дата обращения: 12.12.2024).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Сайт ОАО «Гулистони Душанбе» [Электронный ресурс]. URL: https://gulistond.com (дата обращения: 11.01.2025).

Место ранних посетителей Бухарского ханства – русских служащих в истории этнографического изучения таджикского народа (XVIII в.)

Артём В. Лузин

Институт востоковедения РАН, Москва,
Россия, artemiy.luzin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0009-3055-5553

Аннотация. В статье обосновывается необходимость обобщения накопленного материала по истории этнографического изучения таджикского народа. Такая необходимость обусловлена тем, что данный материал до сих пор остается в значительной степени раздробленным и существует в виде отдельных специальных исследований или в виде обобщающих работ, авторы которых сосредотачиваются лишь на отдельных периодах развития этнографического изучения таджиков. В своей работе автор рассматривает ряд проблем, возникающих из-за отсутствия цельного рассмотрения этой истории. Также он указывает, что отправной точкой в истории этнографического изучения таджиков является деятельность посетителей Бухарского ханства – выходцев из России или находящихся на русской службе в XVIII в., и объясняет отсутствие имени «таджик» в публикациях путевых записей и отчетов русских служащих, посещавших среднеазиатские ханства. Кроме того, в статье обосновывается положение, что сведения посетителей Бухарского ханства, состоявших на русской службе, имеют решающее значение для характеристики перехода от зрелого феодализма, имевшего место в Средней Азии во времена Тимуридов, к позднефеодальному порядку, характерному для сложившихся в XVIII – начале XIX в. ханских государств, подчеркивается важность историко-этнографического аспекта этого перехода и значение указанного рода источников в его раскрытии. Автор стремится решить вопрос об отношении между изменениями государственного строя и изменениями этнографического плана, их связи применительно к истории и этнографии таджикского народа.

Ключевые слова: этнография, историография, история науки, таджики, узбеки, сарты, Средняя Азия, Тамерлан, В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, П.П. Иванов, Ф. Беневени, М. Бекчурин, Е.К. Мейендорф, Т.С. Бурнашев, Ф. Ефремов

© Лузин А.В., 2025

The role of early visitors to the Bukhara Khanate – Russian civil servants in the history of ethnographic studies of the Tajik people (18th century)

Artem V. Luzin
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia, artemiy.luzin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0009-3055-5553

Abstract. The article justifies the need to summarize the accumulated material on the history of ethnographic studies of the Tajik people. This necessity is due to the fact that this material remains largely fragmented and exists in the form of separate special studies or in the form of summarizing works, the authors of which focus only on individual periods of the development of ethnographic studies of the Tajiks. In his work, the author examines a number of problems arising from the lack of a comprehensive review of this history. He also points out that the starting point in the history of ethnographic studies of the Tajiks is the activities of visitors to the Bukhara Khanate who came from Russia or were in Russian service in the 18th century, and explains the absence of the name "Tajik" in the publications of travel notes and reports of Russian officials who visited the Central Asian khanates. In addition, the article substantiates the position that the information provided by visitors to the Bukhara Khanate who were in Russian service is crucial for characterizing the transition from mature feudalism, which existed in Central Asia during the Timurid era, to the late feudal order characteristic of the khanates that emerged in the 18th and early 19th centuries. It emphasizes the importance of the historical and ethnographic aspects of this transition and the significance of this type of source in revealing it. The author seeks to resolve the question of the relationship between changes in the state system and changes in the ethnographic sphere, and their connection as applied to the history and ethnography of the Tajik people.

Keywords: ethnography, historiography, history of science, Tajiks, Uzbeks, sarts, central Asia, Timur, V.V. Bartold, A.Y. Yakubovskiy, P.P. Ivanov, F. Beneveni, M. Bekchurin, E.K. Meiendorf, T.S. Burnashev, F. Efremov

В настоящее время накоплена весьма обширная историография, посвященная этнографическому изучению таджикского народа. Однако эти работы посвящены, как правило, отдельным крупным периодам в истории исследования таджикского народа методами этнографии, отдельным эпизодам – деятельности отдельных экспедиций, организаций, ученых обществ, а начиная

с 1970-х гг. – и отдельным ученым. Вместе с тем, отсутствует сколько-нибудь полный труд, посвященный истории этнографического изучения таджикского народа, взятой в целом, труд, который четко определил бы место, исторический смысл каждого конкретного этапа в ходе этого изучения, наметил бы самые ключевые особенности его. Так, авторы новейшего коллективного труда «Таджики», вышедшего в серии «Народы и культуры», хотя и помещают обстоятельный очерк истории этнографического изучения таджиков от 1918 г. до современности, тем не менее далеки от сколько-нибудь подробного освещения дореволюционных этапов. Авторы указывают на отдельных ученых этого времени прежде всего в рамках введения, призванного обосновать древность ираноязычного населения Среднеазиатского междуречья, которое отождествляется с таджиками; начало же собственно научного и всестороннего изучения таджикского народа они отсчитывают, как сказано выше, от 1918 г.[1] Другая современная статья за авторством С.В. Дмитриева, хотя и носит общее название «Этнография таджиков в трудах российских ученых XIX – начала XX в.», сосредотачивается на освещении экспедиционной деятельности в указанный период[2]; очерк А.К. Писарчик и Н.А. Кислякова затрагивает прежде всего таджиков Каратегина и Дарваза[3]. Работа Антонины Константиновны Писарчик, выпущенная посмертно, соединяет краткий очерк развития этнографической науки в Таджикистане при советской власти с обширным биобиблиографическим словарем[4], однако, комплексной работы, в которой были бы проанализированы существенные особенности каждого конкретного этапа в развитии советской этнографии, по обстоятельствам, не зависящим от этого видного этнографа, получиться не могло, – тот материал, которым щедро делится автор, самым прямым образом причастный к развитию этнографической науки на данном этапе, еще нуждается в анализе и обобщении. Существует ряд статей, специально освещающих историю этнографического изучения таджиков[5], однако в силу своего формата они не могли дать сколько-нибудь целостную картину этого процесса и скорее носили описательный характер; некоторые статьи и вовсе ограничиваются самым беглым изложением[6].

Новейший труд А.В. Валиева, увидевший свет сперва в виде публикации[7], а затем защищенный в качестве докторской диссертации[8], стремится охватить все существенные эпизоды этнографического изучения таджиков, однако также ограничивается дореволюционным временем. Кроме того, работа обладает рядом недостатков, заставляющих относиться к ней с определенной осторожностью: одним из таких недочетов является тенденция, пренебрегая анализом сущности каждого конкретного этапа,

выяснением его особенностей и исторического места, источниковедческим исследованием отдельного памятника, прежде всего выделять те места в источнике, которые указывают на проживание таджиков в той или иной местности. Работа, особенно учитывая содержащийся в ней, вопреки заявленному названию, раздел об истории сложения знаний о таджикском народе в IX–XVIII вв., приобретает характер историко-географической, а потому до известной степени пренебрегает собственно историографическим исследованием, хотя в ней и представлен обстоятельный историографический материал. Автоматическое же отождествление ираноязычного населения, именуемого в древних и средневековых источниках «таджиками», с таджикской нацией, как она сложилась в 1920-е гг., также требует известной критики, тем более что этот вопрос уже поднимался в литературе[9].

Не может не вызвать сожаления и тот факт, что при изложении истории периода, относящегося к заявленной теме самым прямым образом, автор не считает нужным упоминать или упускает из виду рассмотрение целого ряда примечательных источников. Это записки свящ. Будрина, у которого мы впервые находим упоминание имени «сарт» в устах русского посетителя[10], и работа Э. Эверсмана[11] – участников миссии А.Ф. Негри 1820–1821 гг. наряду с Е.К. Мейендорфом. Это обработанные Г.П. Гельмерсеном, а затем изданные на немецком языке путевые записки ботаника и участника экспедиции инженера К.Ф. Бутенева – А. Лемана, где, по всей видимости, мы находим первые собственно этнографические сведения (в частности, свадебного, погребального обрядов[12]). Наконец, это весьма содержательный рассказ жившего в Бухаре и даже владевшего имением из нескольких деревень греческого купца Н. Григорьева (1752 г.), который можно найти в приложении к книге В.В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею» (1853)[13]. Таковы также рапорт и «экстракт» записок главы посольства 1780–1781 гг., коллежского регистратора М. Бекчурина[14], между всем прочим содержащий важное указание на изымание ханом в качестве налога ¼ всего хлопка, производимого в стране, и важные свидетельства о мелкотоварном укладе хозяйства и организации торговли[15].

Таким образом, на текущем этапе имеется обширнейшая литература, посвященная как отдельным крупным этапам в истории развития этнографических знаний о таджикском народе, так и тем более отдельным эпизодам его. Однако отсутствует сколько-нибудь полное и тем более теоретическое исследование этого развития. Это выливается во всевозможные разночтения общих историографических обзоров, помещаемых в те или иные фундаментальные работы, а усугубляется тем фактом, что делаются

такие, самые общие, а потому теоретически концентрированные, публикации, раз в несколько десятилетий. Так, в одном из первых историографических обзоров, составленном И.В. Мушкетовым и освещающем период смешанного изучения края – когда в одном лице могли сочетаться геодезист, географ, дипломат, военный, историк, этнограф и когда, вместе с тем, отсутствовала сколько-нибудь определенная методология двух последних, выступавших как побочный продукт других специальностей, – совершенно не упоминается, за исключением Ф. Ефремова, ни один из посетителей Бухарского ханства в XVIII в.[16] Историографический раздел этого труда, несмотря на всю его подробность, переходящую в смешанность, нельзя считать исчерпывающем пособием, как высказываются некоторые историки, даже для своего времени, поскольку автору, по всей видимости, неизвестны и те источники, которые к моменту публикации книги (1886 г.) были введены в научный оборот (Ф. Беневени, чьи «реляции» были частично опубликованы А.Н. Поповым как приложение к работе «Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом» в 1853 г.[17]; Т.С. Бурнашев, чьи записки были обработаны и опубликованы Г. Спасским в 1818–1819 гг.[18]; рассказ купца Н. Григорьева, опубликованный вышеуказанным образом в 1853 г.; «Объяснения» Хрисанфа Новопатрасского, опубликованные видным востоковедом В.В. Григорьевым в 1861 г.[19]).

Не встречаем мы сколько-нибудь цельной истории раннего периода изучения таджикского народа и Средней Азии в целом и в труде академика В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России»[20], который начинает собственно историографический обзор с экспедиции А.Ф. Негри и, следовательно, записок Е.К. Мейендорфа, ограничиваясь лишь неопределенными намеками на записки Т.С. Бурнашева в предыдущем, посвященном истории присоединения Средней Азии, разделе[21]. В отличие от И.В. Мушкетова, такое небрежение трудно объяснить неосведомленностью автора; однако не встречаем мы каких-либо прямых указаний на ранних посетителей Средней Азии и в основном труде автора «История культурной жизни Туркестана» (1927), написанного в значительнейшей массе в начале 1920-х гг. Таким образом, есть все основания предполагать, что В.В. Бартольд умалял значение данных источников, исходя из методологических соображений, поскольку оригинальные арабские и бухарские памятники, равно как и последующие, собственно этнографические труды (например, супругов В.П. и М.В. Наливкиных, Н.П. Остроумова и др.) употребляются им весьма широко. Насколько ошибочными были эти соображения, говорит уже тот факт, что этот ученый распространял – не без влияния иранских и османских сюжетов – время

хозяйственного и политического упадка мусульманского Востока вообще, не исключая притом Средней Азии, на весь XVIII в.[22]

По всей видимости, свои знания о данном этапе в истории Средней Азии В.В. Бартольд основывал не на сообщениях русских современников, а на показаниях большей частью придворных или ранее состоявших при дворе историков, в частности Муниса, Мухаммеда Якуба, Абдул-Карима и др., упоминая первых скорее в связи с историей географических знаний (например, показания Ф. Беневени в связи с истоками Аму-Дарьи)[23]. Вместе с тем, уже в самые ранние годы советской науки, прежде всего благодаря трудам П.П. Иванова и, отчасти, А.Ю. Якубовского, ошибочность этого положения стала очевидной: опираясь прежде всего на сообщения русских посетителей Бухары – очевидцев происходящих событий, П.П. Иванов показал, что уже во второй половине XVIII в. Средняя Азия пережила весьма скорый хозяйственный подъем, перестройку хозяйства на основе мелкотоварного производства, опровергнув тем самым как общее положение В.В. Бартольда[24], так и ряд частных утверждений, например об определяющем влиянии переселенцев из Мерва, завоеванного и разоренного в 1785 г. новоявленным эмиром Шахмурадом, на развитие шелководства.

Не встретить упоминаний ранних посетителей Средней Азии и в общем труде С.А. Токарева, посвященном дооктябрьскому периоду русской этнографии: между такими эпизодами, как экспедиция И. Бухгольца (1714), трагически кончившийся поход князя Бековича-Черкасского (1714–1717), поездки И. Лихарева (1720), И. Унковского (1722–1724) и «Странствованиями» Ф. Ефремова (1774–1783) зияет внушительный пробел[25]; аналогичное положение мы застаем и в историографическом обзоре, помещенном в его «Этнографии народов СССР». Также и О.А. Сухарева, предваряя свою работу об истории средневековой Бухары историографическим очерком, среди ранних авторов упоминает лишь Ф. Ефремова и Т. Бурнашева[26]. Тем более излишне говорить, что собственно этнографическая сторона деятельности ранних посетителей Бухарского ханства рассматривалась крайне бегло в соответствующих диссертациях или не рассматривалась вообще.

Между тем эти ранние посетители Бухарского ханства наблюдали Среднеазиатское междуречье на последних фазах многовекового общественно-политического перехода, когда на смену аристократическому государственному порядку с весьма скромной ролью мусульманского духовенства и очень поверхностным влиянием религиозной идеологии на различные формы общественной организации, относительной свободой женщины – порядку, преобладающему еще во времена Тимура и его ближайших наследников – приходит, пройдя ряд переходных

состояний и сопутствовавших им кризисов (прежде всего, конца XVI и начала XVIII вв.), порядок, основанный на внешнем эгалитаризме, религиозной идеологии, определяющей все ключевые и налагающей существеннейший отпечаток на все сколько-нибудь значительные формы публичной организации, на закрепощенном состоянии женщины и ряде других черт, хорошо представленных в классическом западном ориентализме, в частности у А. Бёрнса, А. Вамбери, Р. Шоу и русских исследователей первых десятилетий после присоединения Средней Азии. Это, на наш взгляд коренное, различие, по всей видимости, не подверглось еще исчерпывающему или хотя бы специальному исследованию: несмотря на массу археологических (прежде всего, М.Е. Массона), искусствоведческих (в частности, Л.И. Ремпеля, Г.А. Пугаченковой, Б.П. Денике и др.), и тем более исторических трудов как о тимуридском времени, так и последующих веках, этнографическая сторона жизни в широком смысле слова, касающаяся форм организации общества, его «способа общения» (К. Маркс), или «структур повседневности» (Ф. Бродель), не рассматривалась сколько-нибудь специально, в связи с общественным строем, тем более – факторы, обусловившие переход от прежнего порядка к новому. Этот последний В.В. Бартольд назвал «культурой дервишей»[27] и дал обстоятельное изложение политической истории зрелого тимуридского времени, но не поставил сколько-нибудь серьезным образом вопрос о характере изменений общественного строя и организации каждодневного быта, включая сюда публичную и семейную организацию, а также промежуточные между ними формы (приходская, квартальная общины).

Ряд этнографических, в широком смысле, черт этого перехода мы наблюдаем благодаря показаниям некоторых местных историков и, в особенности, иностранных посетителей, среди которых выделяется Р.Г. Клавихо. По ряду его косвенных указаний мы можем судить о весьма свободном положении женщин, по крайней мере зажиточных (ханская жена Сарай-мульк ханым, которую Клавихо зовет «Каньо», а переводчик – «Биби Ханым», предстает перед иностранными посетителями непокрытая, устраивает собственные праздники и сама вызывает посланников в свои покои; зажиточные женщины пьют вино вместе с мужчинами[28]). Не бросились в глаза этому наблюдателю те паранджи и лицевые сетки из конского волоса, которые он видел в Тебризе[29], равно как и сколько-нибудь регулярное посещение мечети, по крайней мере эмиром и его окружением. Зато бросилась в глаза роскошь, свойственная не только эмиру, но и его сановникам, что совершенно обратно тому аскетизму, который застают наблюдатели в последней четверти XVIII – середине XIX в.; так же противоположны этому

последнему и самые нравы начала XV в., выражавшиеся в ночных гуляниях, сопровождаемых слоновьими игрищами[30], обильным употреблением вина лицами обоих полов[31], разнообразной музыкой и т. п. Насколько глубоко религиозная идеология определяла бытовые предпочтения правящего класса тимуридского времени, говорит тот факт, что на одной из дверей шатра, принадлежавшего старшей жене эмира, оставались нестертыми изображения святых Петра и Павла с книгами в руках (по всей видимости, эти двери были привезены из Малой Азии)[32]. Устойчивость подобных порядков мы наблюдаем и при Улугбеке[33].

Не будем останавливаться как на изменениях в архитектурном орнаменте, постепенном исчезновении изразцовой мозаики[34], так и на описании тимуровского деспотизма, прекрасно изложенного в источниках и работах историков[35]. Стоит разве что указать на то, что власть бухарского эмира, о чем красноречиво говорят многочисленные эпизоды бухарской истории 1785–1868 гг., была в неизмеримо большей степени стеснена теми или иными нормами, обращенными в традицию. Насколько сильно было это влияние, говорит тот сравнительно малоизвестный факт, что учет населения в Бухарском ханстве не получил сколько-нибудь серьезного воплощения, – население категорически отвергало любые попытки такого учета, ссылаясь на традицию[36]. Таким образом, качественное различие общественно-политического порядка – насколько, конечно, эти различия могут быть качественными в условиях одной формации – в начале XV в. и начале XIX в., включая сюда строение быта в самом широком смысле слова, представляется очевидным, так или иначе обозначенным еще В.В. Бартольдом и, вместе с тем, не исследованным сколько-нибудь полно, на что указывает уже тот факт, что даже этот проницательный ученый видел в этом переходе исключительно политическую или, в крайней случае, политико-религиозную и культурную в узком смысле слова сторону, до известной степени сводя процесс этого перехода к упадку наук и искусств, говоря о «враждебном культуре среднеазиатском дервишизме»[37]. Таким выдающимся советским историкам, как П.П. Иванов и А.Ю. Якубовский, удалось лишь наметить проблему[38]. Не может не вызвать сожаления, что последующей разработки эта тема практически не получила[39].

В XIII–XVII вв. Среднеазиатское междуречье неоднократно посещали как европейские, так и (начиная, правда, с XVII в.) русские посольства (И. Хохлов, А. Грибов, В. Даудов и Ю. Касимов), причем первые, прежде всего Р.Г. Клавихо, Р. Дженкинсон и Дж. Флетчер, оставили незаменимые свидетельства, позволяющие делать некоторые суждения об организации правящего класса, состоянии торговли, общественном строе как таковом.

Европейские посетители XIII–XVI вв. и не могли оставить сколько-нибудь полных свидетельств: их страны не находились в прямом соприкосновении со странами Востока, а сами поездки носили характер посольств, «охочих» вылазок, сбор информации в ходе которых не подчинялся каким-либо заранее поставленным задачам, а сами подробные сведения о политическом строе, а тем более быте, не представляли и государственного интереса. Так, Клавихо, самый тщательный из европейцев – посетителей Средней Азии в XIII–XVIII вв., практически не выходит за пределы описания своих непосредственных посольских визитов, наблюдает пассивно, так что в его записках, кроме этих последних да историко-генеалогических экскурсов, остаются лишь самые необычные, бросающиеся ему в глаза детали.

Эта пассивность характерна и для первых русских наблюдателей, не оставивших сколько-нибудь подробных свидетельств, интересных прежде всего как указания на значительное распространения рабства и работорговли[40]. Вторая половина XVI в. была временем быстрого роста торгового оборота между Московским государством и узбекскими ханствами[41], когда сложилось два торговых пути через Нижний Новгород, Казань и «казачью» орду, с одной стороны, и Самару, Астрахань на Мангышлак и Ургенч[42] – с другой. Бухарские купцы в этот период следовали этой последней дорогой, по ней же шли Р. Дженкинсон и, позже, Х. Контарини[43]. Однако в этот период торговые сношения только зарождались – по крайней мере до середины XVI в. Московское государство торговало по преимуществу с Османской империей[44]. Размах этих связей по ясным причинам падает в первой четверти XVII в., а сама торговля ведется на протяжении XVI–XVIII вв. через татарских («ногайских») купцов и казахские («казацкие», «киргиз-кайсацкие») племена, в том числе потому, что эти последние не должны были платить сбор в 2,5%, полагающийся для несуннитов[45].

Вот почему, несмотря на большое количество посольств с обеих сторон, прямые контакты не обладали надлежащей регулярностью, тем более что в условиях господствующего традиционного быта, технической примитивности хозяйства, потребность всесторонне исследовать свою и сопредельные страны не являлся чем-то очевидным. На то, что русские власти с некоторым трудом ориентировались без казахов и татарских купцов на путях в Бухару, Хиву и Коканд, указывают «военный караван» Я.П. Гавердовского, Бухарский поход А.А. Жемчужникова (1824), печально известный Хивинский поход В.А. Перовского (1839), свидетелем которого был Н.В. Ханыков.

Только общественно-политический перелом, произведенный Петром Великим, позволил России развернуть планомерную

дипломатическую работу, а потому перейти к фазе активного наблюдения за Среднеазиатским междуречьем, в особенности Бухарским ханством. Переходной фигурой, стоящей на рубеже старого и нового, выступает итальянец Флорио Беневени, первым среди состоящих на русской службе сообщивший сколько-нибудь подробные сведения о Бухарском ханстве. Это был уроженец Рагузы в Далмации, который опираясь то ли на родственные (его дед был священником в Стамбуле), то ли на земляческие связи, в 1708 г. был нанят на русскую службу, как это водится, русским послом в Турции П.А. Толстым; проработал у него несколько лет переводчиком, был заточен в Семибашенную тюрьму вместе с начальником в 1710 г., сумел вернуться в Россию в 1714 г., где работал переводчиком в Ориентальной экспедиции Коллегии иностранных дел, предтече Азиатского департамента. В 1708–1709 гг. он даже не числится в статейных списках посольства как получающий жалованье, после прибытия в Россию его карьера также, по всей видимости, не знает взлетов. Однако все меняется в 1717 г., когда Ф. Беневени отправляется вместе с П. Шафировым и П.А. Толстым в Италию, чтобы выманить беглого царевича Алексея. После участия в этой «известной комиссии» Ф. Беневени, едва только возвратившись в Россию, назначается послом в Бухарское ханство, откуда аккурат незадолго до того прибыло очередное посольство.

Миссия Ф. Беневени (1718–1725) не была изолированным эпизодом, а составляла часть целого ряда походов и дипломатических миссий в азиатские пределы России. В 1714–1716 гг. к Ямышевскому озеру, на правый берег Иртыша, ходил отряд И. Бухгольца, но был вынужден уйти под натиском джунгарцев. В 1714–1718 гг. был осуществлен военный поход на Хиву во главе с Александром Бековичем-Черкасским, кабардинским царевичем, воспитанным при дворе дяди Петра Великого Б.А. Голицына. Из-за легковерия Бековича, который благодаря местным проводникам успешно преодолел Мангышлак и Устюрт, выдержал схватку с войском хивинского хана, но доверился обещаниям последнего и согласился рассредоточить свое войско по отдельным местечкам, этот поход кончился полным уничтожением многотысячного отряда. С самого Бековича сняли скальп, а память о нем не только стала одним из поводов для последующих военных кампаний, но и сохранилась среди самих местных жителей по крайне мере до 1780-х гг.[46] Среди немногих спасшихся и не плененных был А.И. Кожин, морской служащий и картограф, направленный к Бековичу и разругавшийся с ним; он целым вернулся домой, составив весьма подробную карту Каспийского моря.

В одно время с миссией к верховьям Иртыша совершил поход отряд Лихарева (1720), а в Джунгарию ездил капитан Унковский

(1722–1724). Помня судьбу Бековича, Ф. Беневени направился в Бухару через Персию после затянувшихся сборов (1719), из-за междоусобий и произвола местных правителей задержался в Шемахе, в августе 1720 г. добрался до Тегерана, был принят шахом, получил разрешение на дальнейший проезд и 3 ноября 1721 г. добрался до Бухары, откуда сообщался с Петербургом через всевозможных гонцов (например, Максюту Юсупова, Ивана Дементьева и др.), шедших под видом купцов сокращенным, но опасным путем через Хиву, – они и доставили сохранившуюся часть записей и реляций Ф. Беневени. К сожалению, дошли они не полностью – значительную часть Беневени сжег сам, опасаясь за собственную жизнь, поскольку оказался в Бухаре в условиях острого кризиса, отличавшегося нестабильностью правительственных намерений, произволом отдельных узбекских родов. О размахе этого последнего говорит тот факт, что Беневени, опасаясь за свою жизнь, отпущенный без всякой причитающейся регламентации отъезда и сопровождения – а в таких случаях гостей нередко настигали недавно привечавшие их хозяева, о чём находим позднейшие свидетельства (А. Вамбери)[47]– был вынужден бежать 8 апреля 1725 г. из Бухары[48].

Из инструкции, выданной Ф. Беневени канцлером А. Головкиным накануне отъезда, мы видим, что сообщаемые им сведения были получены отнюдь не только из собственного любопытства. Если непосредственным предлогом были – как и для прочих экспедиций того времени, искавших загадочный «Эркет» – слухи о золотоносном песке в старом русле Амударьи, то на деле они дополнялись массой совершенно новых задач. Беневени должен был разузнать расположение крепостей и состояние вооруженных сил, определить «форму управления» и степень «самовластия» хана, и, что немыслимо для предыдущего времени, – разведать, какие именно товары приходят в Бухару, откуда и существует ли возможность поставки товаров русских[49]. Таким образом, петровский государственный порядок диктовал совершенно определенную задачу дипломатии: вести разведывательную работу на долгосрочную перспективу, а значит исследовать все существенные стороны жизни посещаемой страны, на основе государственного интереса. В этом и заключается основная предпосылка появления ряда подробных этнографических свидетельств.

Особенный интерес представляет «Краткий журнал» Беневени, где содержится ряд ценных географических и этнографических замечаний. Используя расспросные данные, он смог получить весьма ценные географические сведения: он указывает верное направление истока Амударьи, хотя и ошибочно видит его рядом с Кабулом, называет 23 крупных города «Бухарии», включая сюда

Ташкент и Коканд[50]; верно указывает он и на самовластие отдельных узбекских родов, являя важное свидетельство о существовании мощной родоплеменной организации среди узбеков еще в первой четверти XVIII в.[51], живописуя регулярные бунты узбекской знати и разорение земледельческого населения[52]. Особенно красноречива в этом отношении следующая деталь: важной причиной, почему хан воздерживается от казни отдельных узбеков, служит страх перед кровной местью со стороны родственников[53]. Он пишет даже, что бухарский хан Абулфейз (1711–1747) предлагал русскому царю «перевести» узбеков[54]; тот факт, что впоследствии он же угрожал Беневени натравить на него этих последних и ограбить его, если тот сокроет русских невольников, указывает на более сложное положение ханов-Аштарханидов, чем простых заложников узбекской племенной знати.

Кроме того, Беневени первым из европейских наблюдателей упоминает 32 правящих узбекских рода[55], а также приводит сведения о господствующих этнополитических группах на территории ханства: «В некоторых городах – озбеки, в некоторых – чагатайцы, народ тако называемый калча, трухменцы, авганцы, а и над Ташендом, Туркистаном, Ходжентом недавно черные калмыки завладели»[56]. По сохранившемуся имени «чагатайцев» мы можем судить о степени той дистанции, которая существовала еще в начале XVIII в. между кочевыми узбеками, составлявшими на данном этапе особую, в сущности своей политическую, организацию, и тюрко-монгольскими группами. Их консолидация станет возможной лишь по мере включения в состав верхов выходцев из среды «таджиков», «сартов», и ослабления родоплеменного единства среди массы узбеков. Таким образом, реляции и, в особенности, журнальные записи Ф. Беневени дают материал не только историко-политического, но и историко-этнографического рода.

Вместе с тем, узнаем мы кое-что и об общем виде Бухары: «Ворот имеют двенадцать, а считают дворов с 15 тысяч; редко, однако ж, великих дворов увидеть можно, но все мелкие дворики и об одном жилье, якобы мазанки из грязи и нежжонных кирпичев»[57], – картина, разительно отличающаяся от тимуридского времени с его роскошными жилыми постройками. Он же первым передает сообщение, подтверждаемое затем Ф. Ефремовым и Т.С. Бурнашевым, что ханский дворец (Т.С. Бурнашев говорит, что такие создавались «азиатскими правителями» повсеместно) устроен на крутом пригорке из наносной земли. Это возвышение, по всей видимости, служило символом ханской власти: обычай этот с большой вероятностью пришел из степи, поскольку и впоследствии среди туркмен при погребении вождей, сардаров, устраивались насыпные курганы, выражавшие почтение и уважение

к усопшему[58]. Не исключено, что по крайней мере часть земли пригорка, на котором стоял ханский дворец, также была нанесена жителями Бухары.

Выше мы уже отмечали, что Ф. Беневени есть скорее переходный тип исследователя: мы все еще не находим здесь ни собственно хозяйственных сведений, ни тем более каких-либо выдающихся черт быта, за исключением самых внешних (устройство жилища) – этнографические данные, им сообщаемые, служат скорее, как часть освещения географического или политического; это тем более не может не вызывать сожаления, что Беневени владел персидским и турецким языками.

В хозяйстве Беневени практически игнорирует вопросы производства, его внимание сосредоточено на сфере обращения, то есть торговле. Здесь он приводит некоторые ценные данные: например, указывает, что в этот период узбекские племена жили прежде всего грабежами, однако по сообщаемым вскользь деталям – он вел некие разговоры со знатными узбеками, которые изъявляли потребность в русских товарах[59], – мы определяем, что в XVIII в. в узбекских ханствах существенным образом изменяется соотношение классовых сил. Если раньше узбеки составляли особую политическую организацию, жили посредством взимания государственной ренты, то, минуя этап кризиса начала XVIII в., их родоплеменная верхушка переходит к торговым делам и поступает на индивидуальную государственную службу. Вперед выдвигаются государственные вельможи, часто происходящие из таджиков, которые консолидируются с прежде племенными верхами, основная же масса узбеков постепенно отдаляется от государственной власти и связанных с нею доходов, что является основной причиной консолидации отдельных родов и восстания китай-кипчаков (1821–1825). Переход узбекской верхушки к торговле, наряду с оседанием основной узбекской массы[60], следовательно, разрушением племенной организации, составляет ключевое звено, его зачатки мы фиксируем у Беневени, а наверняка он уже подкрепляется более поздним сообщением Е.К. Мейендорфа[61].

Находим мы указание и на значительный размах бухарско-татарской торговли, шедшей по преимуществу через Ногайскую орду: «Много же товару...из Саратова к калмыкам и татарам приносится, и при том товаре юков по десяти, по двадцати бывает вдруг курков и винтовочных стволов, которых ныне в Хиве тьма продано от нагайцев»[62]. В другом месте Беневени указывает на продажи здесь сукна, «порешин» (меха выдры) и прочей «мягкой рухляди»[63], что ясно указывает на посреднический характер торговли через астраханских и казанских татар, причем этих первых Ф. Беневени узнает сам среди «степных татар», собственно ногайцев.

Другой источник того же рода – рапорты и, в особенности, «экстракт» переводчика, коллежского регистратора Мендияра Бекчурина, составленные по итогам его посольства в Бухару (31 октября 1780 г. – 26 марта 1781 г.), которое было отправлено в ответ на посольство И. Максютова. Как и в случае Беневени, Бекчурин ориентировался на конкретные задачи, поставленные перед ним правительством; роднит его со своим предшественником и то, что он владел, как следует из отчета оренбургского генерал-губернатора, «татарским диалектом», а кроме того, был знаком с мусульманской религией[64].

В этом источнике мы находим первое упоминание среди иностранных посетителей чорсу[65] – крытого базара Регистана, – одно из первых совершенно определенных указаний на господство мелкотоварного производства, отсутствие сколько-нибудь крупных частных или государственных мастерских[66], наподобие *тираз* времен Фатимидов. Вместе с тем, он упоминает об обложении всего шелкового производства налогом в ¼, что говорит о значительной степени консолидации государства, способности взимать ремесленный налог уже во времена Даниял-бия (1758–1785), то есть до провозглашения эмирата, поскольку государство оказалось в состоянии взимать весьма серьезный сбор в производстве, составлявшем, по всей видимости, значительную часть дохода очень значительной массы народа вплоть до земледельцев. Одной из причин этого было то обстоятельство, что шелковое производство не было сосредоточено в руках отдельного цеха, следовательно, не было покрыто ореолом традиции. Другой наблюдатель того времени, греческий купец Н. Григорьев, прямо сообщает, что шелковым производством занимается всякий желающий[67]. Из уст же Бекчурина мы узнаем, что прямой торговли с Китаем Бухарское ханство не ведет[68]. Впрочем, вопрос о распределении бухарского вывоза и ввоза остается тем не менее открытым. Бекчурин описывает, с одной стороны, роскошь двора Даниял-бия, несвойственную двору его сына Шахмурада[69], передает слухи о политических амбициях этого последнего, с другой – указывает на значительную роль духовенства уже в это время. Приводит он интересные подробности и о характере отношений в среде правящей группировки: «...благопристойности и страха против хана и его советников от служащих тут ясаулов ни малейшего нет, а по суровому и невежественному своему обычаю с приходящим с просьбами кричат и шумят...»[70].

Таким образом, в «экстракте» М. Бекчурина, то есть пространном докладе, составленном в Оренбурге на основе его путевых записей, мы находим ценнейшие сведения о хозяйственном строении Бухарского ханства того времени, тогда как у Ф. Беневени

мы сведения того же рода видим в самом общем и поверхностном виде. Связано это не только с личностью послов, но и с характером посольства. Во-первых, посольство Бекчурина шло уже из основанного в 1730-е гг. Оренбурга, в условиях весьма интенсивных торговых сношений с Бухарским ханством. Во-вторых, сам Бекчурин был выходцем из татар, купцы из среды которых выдвинулись к тому времени как основные посредники в торговле Российского государства со Средней Азией, и сведения о характере торговли и производства, таким образом, были полезны как местной оренбургской администрации, так и татарскому («ногайскому») купечеству. Вместе с тем, сущность и принципы подхода, отраженные у Ф. Беневени, сохраняются у Бекчурина: он выступает как внимательный наблюдатель, дает сведения о состоянии укреплений, артиллерии Бухарского ханства и т. п. Однако он не уклоняется, за исключением вопросов экономических, от основной линии, заранее определенной государственным интересом, в том числе в этнографическую сторону.

Однако были счастливые исключения из сугубо специальных, дипломатических визитов. Таковым стал казак Филипп Ефремов: сперва он служил на заставе Донгуз, но в 1774 г. был захвачен восставшим крестьянством Е. Пугачева. Он бежал от пугачевцев, однако был схвачен уже казахами и вскоре продан в рабство проходившему мимо каравану некоего Гафура, с которым и был увезен в Бухару. Там он попался на глаза Даниял-бию, стал стражем его гарема и завоевал симпатию аталыка, участвовал в мервском походе Данияла. В этот период Ефремов уже имеет тетрадь и делает памятные записи, причем характерно, что некоторые русские, пережившие те же злоключения – например некий Чернышев, также вернувшийся через Кашмир, – в этом потребности не видели[71]. Через несколько лет Ефремов получает возможность проехать в Коканд, откуда бежит через Кашгар, Индию и, наконец, Англию, в Россию. В 1783 г. он был принят Екатериной II, назначен переводчиком в Коллегию иностранных дел, а уже в 1784 г. было издано его «Девятилетнее странствование», переиздававшееся затем четыре раза подряд (последний раз – в 1952 г., в Москве)[72]. И хотя характер исправлений и дополнений во втором (1794) и третьем (1811) изданиях указывает на консультации с европейской литературой, подобные консультации не могли касаться этнографических сведений, поскольку их в Европе попросту не было: Центральная Азия, говорил У. Муркрофт спустя много лет после выхода книги Ефремова, известна западной науке хуже, чем Центральная Африка[73].

Ефремова можно считать первым автором, сообщившим собственно этнографические сведения, причем в довольно большом

количестве: он первым составляет перечень народов, проживающих в Бухарском ханстве[74], говоря об «узбеках», «персиянах», «афганцах», «лезгинцах» (по всей видимости, лезгинах, переселившихся с противоположного берега Каспия), персах, «киргизах» (то есть кочевых тюркских народах, отличаемых от собственно узбеков), «ак-аралах» (по всей видимости, каракалпаках, под давлением казахского хана Абулхайра вынужденных откочевать в верховья Амударьи), и, наконец, «бухарцах». Как мы видим, на данном этапе русские посетители отличают от «бухарцев» по преимуществу разные группы кочевников и иностранцев.

Ефремов первым передает физико-антропологические черты местного, прежде всего оседлого населения, отмечая в нем средний рост, легкую смугловатость, карие глаза и, как считает автор, посредственность в физической силе. Красноречиво говорит о взглядах того времени факт, что в рамках того же физико-антропологического пассажа Ефремов делает заключения о нравственной природе «бухарцев»[75]. Характерно, что он еще не выделяет таджиков, хотя явственно противопоставляет собственно население «Бухарии» пришлым тюркским и узбекским племенам, верно определяя сходство между языком персов и языком бухарцев. Эта деталь является не столько заблуждением автора, сколько отражением объективной этно-политической карты Среднеазиатского междуречья, находившейся тогда в состоянии серьезного изменения, консолидации разноплеменных групп на почве общности быта и религиозной идеологии. И тем более несправедливо утверждение С.В. Дмитриева, будто бы до посольства А.Ф. Негри знания об этническом составе Бухарского ханства сводились к «некоему абстрактному безликому “населению Бухарского ханства”»[76], тем более что такой формулировки источники не знают, и, когда речь заходит о группах внутри ханства, выделяют «чагатаев» и «узбеков».

Также Ефремов пытается исчислить общее количество населения Бухары, указывая цифру 3 млн, отмечает, что в основе свадебного и погребального обряда лежит мусульманская традиция, указывает на бытование в бухарской среде многоженства и рабства[77]. Ему же принадлежит, насколько нам известно, первое описание одежды и пищи населения Бухарского ханства, в частности первое упоминание плова, указание на преобладание мясного компонента пищи перед растительным[78]. Множество уникальных сведений приводятся им и относительно хозяйственного устройства, в частности монетного дела. Так, перечисляются ходящие в Бухарском ханстве монеты, особо отмечается, что на аверсе помещается изображение хана, а на реверсе – сентенция из Корана, что является важным свидетельством о религиозно-политической идеологии накануне провозглашения эмирата[79]; сообщается о том, что

участники похода Бековича, разбирающиеся в горном деле, были употреблены для отыскания руд, что говорит о применении труда невольников не только в качестве домашнем обслуживании и земледелии, но и ремеслах[80]; ему же принадлежат первые указания на «магометанский» свадебный и похоронный обряды, а также ношение паранджи среди женщин.

Кроме того, Ефремовым был составлен и приложен к книге первый в своем роде словарь, где слова приводятся по-русски, «по-бухарски» и «по-татарски»[81], описан весьма подробный путь от Бухары до Астрахани, даны имена обеих крупнейших рек – Амударьи и Сырдарьи, а также целого ряда их притоков. Следует отметить, что последующие лица, ставшие наблюдателями Бухарского ханства поневоле, не сообщили существенной этнографической информации: в 1868 г. М.Н. Галкиным были опубликованы показания русских пленников, возвращенных в 1858–1859 гг., но они содержат, к сожалению, почти что исключительно сообщения о военной организации страны, но не о быте ее населения[82].

Собственно, этнографическая наука не существует без описания и анализа быта. Можно смело утверждать, что если в предшествующем типе источников – дипломатических реляциях – присутствовали этнографические элементы, но самостоятельным было лишь политико-географическое основание, то в «Странствованиях» Ф. Ефремова мы обнаруживаем весьма обширное, если не сказать всестороннее, этнографическое описание. Несмотря на ряд ошибочных положений (в частности, Ефремов считает узбеков потомками ногайцев, откочевавших после основания Оренбурга[83]), трудно переоценить значение этого труда, несравнимо превосходящего, в частности, путевые записки Е.К. Мейендорфа, с которого ведут, как показано выше, отсчет истории этнографического изучения некоторые авторы.

Многочисленные переиздания книги Ефремова проливают свет на причины этого перехода. Ко второй половине XVIII в. в России на руинах местнической системы возникает массовая чиновно-мещанская и торгово-купеческая прослойка, тесно связанная с государством[84] и в огромной степени отождествляющая с ним свои интересы. Эта прослойка составила основу для читающей публики последней четверти века, когда массово распространилась периодическая печать, книжная культура, когда экономический подъем в Европе, ликвидация Речи Посполитой и русские завоевания в Причерноморье создали несказанный простор для торговли и выдвижения массы чиновников в ряды помещиков.

Если на запад шла в массе своей сырьевая продукция (пенька, лес, в меньшей степени – меха, во все большей степени – пшеница), то на восток купцы, тесно связанные с Российским государством,

вывозили изделия из металла, в частности иглы, дерево, посуду, ситец[85] и другую, в том числе мануфактурную[86] и производимую на крепостнических заводах[87], продукцию; чем дальше заходил промышленный переворот в Европе, тем менее дешевизна рабочей силы могла компенсировать сравнительно низкую производительность техники, а потому промысловый вывоз крепостнической России не мог, после петровского времени, не смещаться на восток.

Все это служило существеннейшим источником для интереса к восточным странам, подстегиваемого поиском дополнительной опоры в отношениях с европейскими государствами, дополнительных торговых путей, а в дальнейшем – реэкспорта европейской продукции, в последней четверти XVIII в. незначительного. Питался этот интерес и тем, что за узбекскими ханствами лежали дополнительный путь на Иран и единственный для русских путь на Индию – помянутый выше Кожин был командирован для поиска морского пути между Каспием и Индией, ранее в Индию отправлялся В. Даудов, – и тем, что военное превосходство европейских вооружений стало к тому времени очевидным, а возраставшая в силу кризиса феодализма социально-политическая хрупкость стран мусульманского Востока – так или иначе ощущалась. Кроме того, распространение грамотности среди служилого сословия и, в частности, военных, создало основу для распространения письменных свидетельств о Бухаре. Всем этим и обусловлено появление целого ряда сочинений, подобных труду Ф. Ефремова, который также прекрасно понимал, что его соотечественники ищут как можно более подробных сведений, выходящих далеко за пределы сугубо торговых дел. Вот почему послы этого времени сосредотачиваются на изучении нравов, а Ефремов настойчиво пишет о нерешительности, слабости основной массы народа.

Теми же причинами обусловлено появление и другого источника – записок Т.С. Бурнашева, составленных во время поездки в Бухару (1794–1795) и опубликованных спустя двадцать с лишним лет в «Сибирском вестнике» Г. Спасского (1818), а затем, в сокращенном варианте, в «Вестнике ИРГО» (1851). Тимофей Бурнашев родился в 1772 г. и происходил из семьи потомственных военных[88], в возрасте 12 лет поступил учиться в Змеиногорское горное училище при одноименном руднике[89], а спустя два года поступил на этот же рудник в качестве пробирного ученика. Когда ему было 15 лет, семья столкнулась со смертью отца, бывшего участника турецкой и польской кампаний, и стала жертвой пожара[90]. Будучи старшим в семье, Бурнашев освоил портняжное и сапожное дело, став еще более ревностным в деле службы и дальнейшей учебы. В своей автобиографии он писал: «...паче прежнего усугубил старания к занятию себя службою и сие не осталось

тщетным». Насколько сильным было это рвение, указывает тот факт, что при посещении рудника начальником Змеиногорских заводов и будущим сенатором Г.С. Качкой, ему было доложено о юноше. После этого знакомства Г.С. Качка сам экзаменовал Т.С. Бурнашева у себя на квартире в 1790 г., и был им, по словам самого Бурнашева, так доволен, что командировал в помощники начальника Риддерского рудника, а уже в 1791 г. Бурнашев числился ревизором горного производства на Змеиногорских заводах.

Бурнашев представляет собой ту поросль молодых специалистов в XVIII в., которые были подняты Российским государством на ответственные посты в самый краткий срок за их рвение, сочетающее практичность и кругозор. Разрушение основанного на местничестве аппарата, резкое расширение аппарата нового, военно-бюрократического, рационалистски всестороннего, темнота и все возраставшая бедность решающей массы народа во имя интересов этого государства, – вот те причины, обусловившие взлет отдельных выдающихся фигур, в особенности из некрепостных, каковым был и Бурнашев. Его автобиография указывает на привычку к образованию: о своем спутнике в Бухару, А.С. Безносикове, он говорит, что тот не знал никаких наук, выделяя это как недостаток.

Насколько яркой и притом редкой фигурой был Бурнашев в крепостнической России, говорят обстоятельства его отправки в Бухару. В 1794 г. командующий Сибирской линией генерал-поручик Г.Г. Штрандман получает царское повеление – отправить секретную миссию в Бухару «для узнания сего края во всех отношениях». Он тут же обратился, за неимением подходящих лиц, в горное ведомство Г. Качки, который и назвал имя 22-летнего Бурнашева, бывшего тогда унтер-шихтмейстером 2 класса. Бурнашев вместе со старшим сержантом Безносиковым покрыл семидесятилетний пробел в отправке государственных миссий: в ноябре 1794 г. он вышел вместе с татарским караваном, миновал Пресногорковскую крепость, перешел степь и Кызылкум, а 25 января 1795 г. прибыл в Бухару[91]. Там, однако, его, притворявшегося купцом, заподозрили в шпионаже и продержали под стражей две недели, изъяв почти все бумаги, но вскоре, уверившись в его благонадежности, отпустили и позволили свободно ходить по городу[92].

Бурнашев был одним из первых посетителей, описавших монетный, литейный и пушечный дворы Бухары, хотя так и не смог проехать в Ташкент, Ходжент и Коканд, – бухарцы не пустили его под предлогом идущей там войны. 25 января 1795 г., едва не попавшись в руки враждебным казахам, прячась какое-то время в камышах и прочих зарослях, он-таки вернулся вместе с Безносиковым в Омск, откуда и была отправлена экспедиция, дал там автобиографические пояснения[93] и был повышен

до унтер-шихтмейстера 1-го класса. Впоследствии он ездил с аналогичной поездкой в Ташкент (1800), что говорит о весьма настойчивом стремлении Российского государства к контактам с этим торговым узлом, – письмо к «владетелю Ташкента» составляло, по словам Бурнашева, «главнейший элемент» также первой поездки и было им успешно утаено[94].

Издатель записок Г. Спасский пользовался рядом других, неназванных им источников. Вместе с тем, многие ценные с этнографической точки зрения сведения цитируются им по запискам Бурнашева напрямую. Сами же записки Бурнашев получил, по его же словам[95], от П.К. Фролова, назначенного тогда начальником Колывано-Воскресенских заводов в 1817 г. и включившего Бурнашева в состав Канцелярии горного начальства. Уже в 1818 г. записки были опубликованы в «Сибирском вестнике». Это ясно говорит о том, что Спасский не имел долгих лет для дополнения и корректировки исходного текста, как говорит о том и его статус журнального редактора. Учитывая приведение ряда аутентичных этнографических подробностей (обычай жалобы бухарки на измены супруга, о чем ниже), а также тот факт, что сведения о Бухарском ханстве в конце XVIII в. были крайне скудными (записки Мейендорфа и одна официальная хроника, полученная миссией А.Ф. Негри, были основным источником для европейцев вплоть до издания путешествий Бёрнса), основу опубликованных записок следует считать бесспорно оригинальными.

Как и Ефремов, Т.С. Бурнашев приводит весьма подробное описание своего пути в Бухару, старается упомянуть всякое сколько-нибудь значимое урочище, приводит ряд легенд о происхождении встречающихся на его пути городов[96]. Так, он приводит небезынтересный в этнографическом отношении рассказ о происхождении имени развалин Кыс-кала («Девичий город»): по словам местных жителей, то было укрепление, основанное дочерью некоего правителя, бежавшей вместе с молодым человеком. Он же приводит уникальное свидетельство, согласно которому бухарцы возводят свою историю от времени Ноева потопа[97]. Бурнашеву же первому принадлежит весьма подробное описание почв Бухарского ханства, которое он весьма верно отождествляет с прежним Чагатайским улусом и древней Согдианой[98].

Т.С. Бурнашев фактически завершает составление перечня тех народов, которые проживают на территории Бухарского ханства: если Ф. Ефремов отличает от «бухарцев» прежде всего различные кочевые группы и иностранцев, то Т.С. Бурнашев выделяет с недавнего времени живущих в бухаре армян и «жидов» – о поселении которых в Бухаре, правда, было известно еще Дж. Флетчеру, но о конкретных формах ущемления прав которых этот первый сообщает впервые (запрет носить «нарядное платье» и опоясок, вместо

которого используется веревка), равно как о свободе их вероисповедания[99]. Он же дает различную антропологическую характеристику бухарцев, отмечая определенное взаимопроникновение языков[100].

Подробно останавливается Бурнашев на занятиях населения, отмечая, что даже сельское население занято выделкой хлопчатой бумаги и шелка[101]. Тем самым он подтверждает сообщение М. Бекчурина о свободе этих промыслов, отмечая малую распространенность скотоводства и преобладание в нем овцеводства, а также первым приводит сообщение о болезни ришта[102], подробно описанной потом другими наблюдателями.

В ряде бытовых деталей он повторяет сообщения прежних путешественников, указывая на крайнюю простоту одежды и жилища, существенно дополняя, вместе с тем, сообщения Ф. Ефремова о важнейшем, с точки зрения существа публичной организации, покрывании женщин. Из описания Бурнашева мы видим, что еще в последней четверти XVIII в. этот обычай не принял ещё тех крайних форм, которые застали посетители середины XIX в.: «Одежда замужних женщин и девушек одинакова: первые из них носят на голове небольшую скуфейку (А. Вамбери и супруги Наливкины этого убора уже не находят, хотя еще Ф. Назаров видел на женщинах чалмы. – *А.Л.*), под которую убирают волосы...»[103]. К сожалению, мы не находим более подробных сведений о покрое верхней одежды, именуемой Бурнашевым «халатом», его цвете, степени стеснения ног, однако тот факт, что он принимает ее за халат и указывает головные уборы, напоминающие ему скуфейки, говорит о том, что сплошного покрывания женщины в этот период ещё не было. Тот факт, что Бурнашев приводит сведения о деталях женского костюма, находящегося под этим «халатом» («рубашка, нижнее платье, полукафтанье»), наводит на мысль, что или этот халат надевался на публику не всегда, или обладал вырезами и нижними краями. Это говорит о том, что процесс закрепощения женщины находился тогда в переходном состоянии и не принял крайних форм.

Он же приводит интересный рассказ о способе жалобы жены на неверность мужа, явно почерпнутый им при общении с кем-то из местных жителей, потому что сам он того видеть не мог: «Они (женщины. – *А.Л.*), приходя к судье, снимают башмак с правой ноги и кладут его перед ним, обернув вверх подошвой. Судья знает уже, в чем состоит дело, и потому, не тревожа стыдливости просительницы, тот же час посылает за виновным...»[104]. Таким образом, мы видим, что закрепощение женщины не сводилось к простому ее уничижению и сопровождалось «дисциплинированием» мужского пола. Эту тенденцию мы наблюдаем и в ужесточении способов казни, как это передает Бурнашев: осужденный за преступление средней тяжести раздевался до пояса и ходил по городу, громко

объявляя о том злодеянии, за которое был осужден; он же первым приводит сведения о казни через сбрасывание с высокого столпа[105].

Конечно, первые наблюдатели Бухарского ханства не называют имени таджиков. Однако это не связано с их этнографической невнимательностью, как это считают некоторые авторы: сведения, приводимые Ф. Ефремовым и, возможно, Т. Бурнашевым, существенно превосходят по объему сведения Е.К. Мейендорфа, тем более что он имел весьма много времени для дополнения своих записок на основе имеющейся литературы включая и Ефремова, и Бурнашева. Бурнашев и Ефремов совершенно ясно отделяют «бухарцев» от прочих народностей, прежде всего узбеков, определяют персидский корень их языка. Это связано с объективным процессом: в последней четверти XVIII в. слово «узбек» имеет выраженный политический оттенок, указывает на причастность к родоплеменной организации, постепенное исчезновение которой в XIX в., консолидация разных групп на территории современных Таджикистана и Узбекистана, составляет внешнюю сторону того этнического процесса, который в последней четверти XVIII в. лишь разворачивался, когда завершался переход от зрелого, тимуридского феодализма, к позднему, «бухарскому». Люди, состоящие на русской службе, живописали все внешние черты позднефеодального общества на Востоке не превзойденным больше никем образом.

Дав столь подробные сведения о политическом строе, хозяйстве и быте современного им периода, они внесли неоценимый вклад в изучение истории и исторической этнографии таджикского народа, а отсутствие столь полного описания Бухары, равно как и многочисленные, зачастую без ссылок, заимствования из них позднейшими авторами, делает необходимым считать именно XVIII в. начальным этапом в истории этнографического изучения таджикского народа.

Информация об авторе

Артём В. Лузин, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; *artemiy.luzin@yandex.ru*

Information about the author

Artem V. Luzin, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia, 107031; *artemiy.luzin@yandex.ru*

Примечания

[1] Таджики / Отв. ред. Дубова Н.А. и др. М., 2021. С. 11.
[2] *Дмитриев С.В.* Этнография таджиков в трудах российских ученых XIX – начала XX в. // Таджики: история, культура, общество / Сост. Р.Р. Рахимов; отв. ред. М.Е. Резван. СПб., 2014. С. 64–96.
[3] Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 9–24.
[4] *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) / Подг. текста Бабаева Н.С. Душанбе, 2002. 172 с.
[5] *Хайтун Д.Е., Шибаев Ю.А.* Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (краткий очерк) // Ученые записки Таджикского государственного университета. 1955. Т. 7. С. 47–66; *Шукуров М.Р.* Дореволюционные русские исследователи страны таджиков // Из истории культурного строительства в Таджикистане. 1973. Вып. 1. С. 8–24.
[6] *Алиева Р.Р.* Вклад русских путешественников и ученых в изучение истории, этнографии, экономики и политического строя таджикского народа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 2. С. 43–47.
[7] *Валиев А.* Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). Душанбе, 2013. 229 с.
[8] *Валиев А.* Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX – начало XX в.): Дисс. ... докт. ист. н. Душанбе, 2019. 348 с.
[9] *Литвинский Б.А.* Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. 1990. Вып. 1. С. 21–41.
[10] Русские в Бухаре в 1820 году (Записки очевидца) // Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Оренбург, 1871. С. 28–29.
[11] *Eversmann E.* Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823. 208 s.
[12] Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842 / Anmerkungen versehen von G.v.Helmersen // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Bd. 17. St. Petersburg, 1852. S. 202.
[13] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 г.). Т. 1. Уфа, 1853. С. 8–32.
[14] Отправление в Бухарию переводчика Бекчурина в 1781 г. // Восточный сборник. Петроград: Общество русских ориенталистов. 1916. Кн. 2. С. 285–340.
[15] Там же. С. 303–307.
[16] *Мушкетов И.В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. СПб., 1886. С. 73–74.
[17] *Попов А.Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853. С. 102–151, 156–188.
[18] *Бурнашев Г.* Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник / Изд. Г. Спасский. Ч. 2–4. СПб., 1818–1819. 149 с.

[19] Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах / Изд. В.В. Григорьев. М., 1861. 28 с.
[20] *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911. 282 с.
[21] *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 428.
[22] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II (1). М., 1963. С. 274–275.
[23] *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 199–484.
[24] *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. С. 112–114.
[25] *Токарев С.А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период) / Отв.ред. Э.В. Померанцева. М., 1966. С. 135–137.
[26] *Сухарева О.А.* Бухара. XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 3–22.
[27] *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. Т. II (2). М., 1964. С. 25–198.
[28] *Клавихо, Руи Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 125–126, 130.
[29] Там же. С. 77.
[30] Там же. С. 129.
[31] Там же. С. 127.
[32] Там же. С. 130.
[33] *Бартольд В.В.* Улугбек и его время...С. 120.
[34] *Денике Б.П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.–Л., 1939. С. 220.
[35] *Якубовский А.Ю.* Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933. С. 15–16.
[36] «Бухарцы в этом случае последовательны: ни правительство, ни провинциальная администрация не только не знают количества народонаселения своего, но и не имеют нигде списков населенных пунктов» (Н.Ф. Ситняковский Попытки к исчислению народонаселения г. Бухары // Известия Туркестанского отдела ИРГО. 1898. Т. I. Вып. 1. С. 77).
[37] *Бартольд В.В.* Улугбек и его время... С. 174.
[38] *Якубовский А.Ю.* Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои // Алишер Навои. Сб. ст. / Под ред. А.И. Боровкова. М., 1946. С. 5–30.
[39] См., например, освещение данного раздела в «Истории Узбекской ССР»: История Узбекской ССР в четырех томах / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Т. 2. Ташкент, 1967. С. 449–460.
[40] *Веселовский Н.И.* Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке) // Журнал министерства народного просвещения. 1891. Ч. CCLXXIII. Январь. С. 63–70.
[41] *Иванов П.П.* Указ. соч. С. 75.
[42] *Фехнер М.В.* Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1956. С. 34–40.
[43] Хрисанфа митрополита Новопатрасского...С. II–III.
[44] *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 137.
[45] «В Бухарию ныне ходят для торговли из Российских поданных одни татары, коим и настоящие российские купцы поверяют свои товары» (Замечания касательно торговли с Бухарцами // Статистический журнал, изд. К. Германом. Т. II. Ч. II. СПб, 1808. С. 320.

[46] См. ниже рассказ Ф. Ефремова.
[47] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М., 1868. С. 80.
[48] См. подробную, насколько возможно, биографию Ф. Беневени: *Воловников В.Г.* По дорогам Востока и времени // Посланник Петра I на Востоке. М., 1986. С. 5–31.
[49] Там же. С. 136–137.
[50] Там же. С. 84.
[51] Там же. С. 120–123.
[52] Там же. С. 79–80.
[53] Там же. С. 126–127.
[54] Там же. С. 68, 129.
[55] Там же. С. 120–123.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] «У туркмен долго держались пережитки культа предков и культа умерших, выражающиеся, например, в своеобразных погребальных обычаях: над могилой умерших, особенно влиятельных лиц, ханов, сардаров и т. д., устраивались особые насыпи. Был обычай, что каждый туркмен должен бросить хотя бы горсть земли на могилу хана или сардара...» (*Токарев С.А.* Этнография народов СССР. М., 1958. С. 368).
[59] См. там же, с. 127: «...он, посланник, со всякою осторожностью поступал с оными узбеками и в разговорах всегда предъявлял дружбу и добрую корреспонденцию в едином купечестве, *ибо онымо озбекам товар русской весьма надобен* (курсив мой. – *А.Л.*)».
[60] *Иванов П.П.* Восстание китай-кипчаков 1821–1825 гг. // Труды института востоковедения. Т. XXVIII. М.–Л., 1937. С. 16.
[61] *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 105.
[62] Посланник Петра I на Востоке. М., 1986. С. 72.
[63] Там же. С. 71.
[64] *Жуковский С.* Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году // Восточный сборник. Кн. II. Петроград, 1916. С. 287.
[65] Там же. С. 303.
[66] Там же. С. 303–304.
[67] *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С. 19–20.
[68] *Жуковский С.* Указ. соч. С. 304.
[69] Там же. С. 297.
[70] Там же. С. 298–300.
[71] *Вигасин А.А.* Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 136–137.
[72] *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствование. М., 1952. 88 с.
[73] *Вигасин А.А.* Указ. соч. С. 140–141.
[74] Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Казань, 1811. С. 74.
[75] Там же. С. 72.
[76] *Дмитриев С.В.* Указ. соч. С. 66.
[77] Странствования Филиппа Ефремова... С. 76.
[78] Там же. С. 77.

[79] Там же. С. 70.
[80] Там же. С. 71.
[81] Там же. С. 142–159.
[82] *Галкин Н.М.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 213–243.
[83] Странствования Филиппа Ефремова... С. 73.
[84] *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1965. С. 78–81.
[85] Замечания касательно торговли с Бухарцами... С. 313.
[86] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 96.
[87] *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 201.
[88] *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. С. 115.
[89] *Гришаев В.Ф.* 220 лет со дня рождения обер-берггауптмана Т.С. Бурнашева // Страницы истории Алтая. Барнаул, 1992. С. 61.
[90] *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры... С. 116–118.
[91] Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник / Изд. Г. Спасский. Ч. 2. СПб., 1818–1819. С. 45.
[92] Там же. С. 49–55, 60.
[93] *Савельев Н.Я.* Автобиография исследователя средней Азии на рубеже XVIII и XIX веков Т.С. Бурнашева // Краеведческие записки. Вып. 2. Барнаул, 1959. С. 148–161.
[94] *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры... С. 117.
[95] Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 37.
[96] Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 45–47.
[97] Там же. С. 63.
[98] Там же.
[99] Там же. С. 66.
[100] Сибирский вестник. 1819. Ч. 3. С. 83–84.
[101] Там же. С. 77.
[102] Там же. С. 94.
[103] Там же. С. 89.
[104] Там же. С. 90–92.
[105] Там же. С. 97–99.

Эпоха Саманидов и их вклад в сокровищницу мировой цивилизации

Мунзифахон М. Бабаджанова
Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан, muntaj@rambler.ru
ORCID ID: 0009-0002-3752-5620

Аннотация. Статья посвящена особенностям развития культуры Хорасана и Мавераннахра в период пребывания данного региона под властью династии Саманидов. Констатируя, что эпоха Саманидов была отмечена значительным культурным прогрессом, автор отмечает, что культурное развитие при Саманидах было локальным проявлением общего процесса интеллектуального подъема, охватившего страны, входившие в состав арабского халифата. Движущей силой расцвета культуры при Саманидах было как обращение к доисламским традициям, так и переосмысление мусульманской традиции, а также развитие основных городских центров Средней Азии, как мест концентрации интеллектуального потенциала. Автор указывает на то, что Саманидская эпоха стала временем формирования классической таджикско-персидской литературы. В это время происходит зарождение и развитие новотаджикской культуры на языке дари. Кроме того, в эпоху Саманидов значительное развитие получили религиозные науки, составляющие важнейшие структурные элементы исламской культуры. Господствовавшая в государстве Саманидов свобода мнений обеспечила возможность возникновения и развития различных школ, течений и направлений философской мысли. Наконец, эпоха Саманидов, используя предшествующие научные традиции и достижения, внесла большой вклад в развитие естественно-научного и технического знания. При этом языком науки в эпоху Саманидов также во многом становится дари.

Ключевые слова: история, культура, Саманиды, Великий Шелковый путь, культурное наследие, вклад

© Бабаджанова М.М., 2025

The Samanid era and their contribution to the treasury of world civilization

Munzifakhon M. Babadjanova
Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan, muntaj@rambler.ru
ORCID ID: 0009-0002-3752-5620

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the development of the culture of Khorasan and Maverannahr during the period when this region was under the rule of the Samanid dynasty. Noting that the Samanid era was marked by significant cultural progress, the author points out that cultural development under the Samanids was a local manifestation of a general process of intellectual revival that swept across the countries that were part of the Arab Caliphate. The driving force behind the cultural flourishing under the Samanids was both a return to pre-Islamic traditions and a reinterpretation of Muslim tradition, as well as the development of the main urban centers of Central Asia as places of intellectual concentration. The author points out that the Samanid era was a time when classical Tajik-Persian literature was formed. During this time, the new Tajik culture in the Dari language was born and developed. In addition, religious sciences, which are the most important structural elements of Islamic culture, developed significantly during the Samanid era. The freedom of opinion that prevailed in the Samanid state ensured the emergence and development of various schools, trends, and directions of philosophical thought. Finally, the Samanid era, building on previous scientific traditions and achievements, made a major contribution to the development of natural science and technical knowledge. At the same time, Dari also became the language of science in the Samanid era.

Keywords: history, culture, the Samanids, Great Silk Road, cultural heritage, contribution

«С первых дней государственной независимости и по сей день
почитание прошлой славной истории и культуры нашего древнего
народа, возрождение добрых национальных традиций и обычаев,
пропаганда наследия предков, сохранение и защита материально-духовных
ценностей нашего дорогого народа является одним из приоритетных
направлений политики государства и правительства страны.
Так как этим путем нашего народа сможет правильно и объективно
познать свое прошлое, укоренять чувство любви к истории своего
Отечества в сердцах подростков и молодежи – будущих поколений.
...сохранится в памяти нашего народа в качестве важного шага
самосознания, станет твердым шагом в сторону развития
национальной культуры и духовности, воспитания сегодняшних
и будущих поколений».

Эмомали РАХМОН
(Выступление в честь 3000-летия культуры Гиссара, 27 октября 2015)

История человечества не раз была свидетелем трагедий, разрушений, которые, в конечном счете, приводили к однозначному выводу о бессмысленности противостояния, войн и конфликтов. Мы живем в мире, где одни границы открываются, другие – закрываются. Но вечными остаются люди с их неповторимой культурой и традициями.

Центральная Азия – это один из древнейших очагов цивилизации. Здесь происходит формирование культуры со своей спецификой, традициями и идеалами. Много общего в культуре народов Средней Азии, проявляющегося в психологии народов, их давних связей, взаимообусловленности.

Особо следует подчеркнуть, что со времен Великого Шелкового пути до сегодняшних дней, проходил и проходит интенсивный обмен культурными ценностями между народами региона и другими ближними и дальними странами на пересечении этого великого пути. Идет расширение культурных связей между молодыми государствами Центральной Азии, происходит использование богатого культурного и нравственного наследия прошлого, исторического опыта старшего поколения – нынешним молодым поколением, оказавшимся перед вызовами времени и выбором новых нравственных норм, ценностей и жизненных ориентиров.

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (принята 2 ноября 2001 г.) подчеркивается, что именно культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы оно охватывает «образ жизни», то есть «умение жить вместе», систему ценностей и верований.

В наше время, когда глобализационные процессы все больше угрожают культурной самобытности, национальному самосознанию, все больше наблюдается интерес к своей истории, культуре, вкладу своих предков в мировую культуру.

В данном материале рассматриваются проблемы культуры, связанные с эпохой Саманидов. Мы попытаемся охарактеризовать светские и религиозные особенности развития культуры в период пребывания у власти этой династии, описать суть культурного расцвета, имевшего место в саманидское время, оценить вклад тех или иных персон в данный процесс, реконструировать диалог и синтез культур в данный период.

Подлинным основателем Саманидского государства был Исмаил, правнук Самана, который дал имя всей династии, образованной его потомками. Исмаил стал правителем Бухары в 874 г., и город превратился в столицу нового политического образования. Вскоре оно стало полностью независимым от багдадского халифа[1].

Расцвет культуры и науки в государстве Саманидов, собственно, составляет основную славу этой династии. Вопросам культурного и интеллектуального наследия посвящена значительная литература. Известно, что многие выдающиеся деятели этой сферы на средневековом Востоке были выходцами из Средней Азии от столичного Мерва и Бухары до небольших городков на берегах Сырдарьи. Эти люди естественным образом вливались, в общий поток интеллектуального подъема, который переживал в IX–XI вв. мусульманский Восток.

Однако сложнее обстоит дело с выявлением своего рода центров такого духовного развития, где складывались научные школы, и сама атмосфера содействовала формированию выдающихся деятелей науки и культуры.

Культурное развитие при Саманидах было локальным проявлением общего процесса интеллектуального подъема, охватившего страны, входившие в состав арабского халифата[2]. В научном плане исследователей и их труды объединял арабский язык, как латынь в Средневековой Европе, независимо от места рождения или проживания ученых. Важное направление культурного прогресса связано с обращением к местным, доарабским традициям. Саманиды с особым вниманием относились к эпосо-мифологическому наследию согдийцев, бактрийцев и хорезмийцев. Одновременно с арабским начинает использоваться и язык, который часто называют «дари». Видимо, наиболее разумно использовать понятие «таджикско-персидский язык», как это принято в русскоязычной литературе. На этом языке создаются исторические произведения как, например, известное переложение с дополнениями истории Табари, осуществленное визирем Балами. Духовенство принимает

специальное решение, допускающее существование религиозной литературы на неарабском языке. Правда, сам арабский язык в основном сохраняется для административной документации.

В этих проявлениях следует видеть стремление новой династии к самоутверждению и своего рода интеграции общества на основе традиционных интеллектуальных императивов. Таков был дух времени. Это можно видеть, например, по обращению к истории основных городских центров – Самарканда, Мерва и Бухары. Из этих трудов сохранилась лишь «История Бухары» Наршахи, представляющий собой, скорее всего, сокращение более обширного компендиума[3].

Наиболее впечатляющими оказались результаты в сфере изящной словесности. Саманидская эпоха стала временем формирования классической таджикско-персидской литературы. Этот путь хорошо описан, начиная с создания при дворе Абу Мансура, правителя Туса, прозаического «Шахнаме»[4], сконцентрировавшего сведения специально собранных модебов-жрецов и ученых. Далее шел классический путь через Дакики к великому Фирдоуси. Показательны глубинные истоки изложенных в этой версии традиций. Здесь были и сако-согдийские сказания о Рустаме, и согдийско-хорезмийские легенды о Сиявуше, и древнейшая мифологическая традиция эпохи основателя зороастрийзма, во многом контаминирующая с тем, что было изложено в авестийском литературном наследии. Видимо, были инкорпорированы и иные традиции того огромного восточного пласта, который лежал к востоку от ахеменидской метрополии и который В.В. Бартольд так хорошо почувствовал в своей прекрасной статье, озаглавленной «Восточно-иранский вопрос»[5].

Безусловно, всему этому способствовало развитие основных городских центров Средней Азии, как мест концентрации интеллектуального потенциала. Например, известно, что Абуали ибн Сино (Авиценна) купил на базаре в Бухаре за три дирхема рукопись Фараби, благодаря которой он, по его словам, сумел разобраться в логических построениях греческих философов. Таким образом, ясно, что в крупных центрах существовали и книжные рынки. Цена для высокооплачиваемого врача, каким был Абуали ибн Сино, была отнюдь не запредельной – помощник ремесленника-медника получал в месяц 15 дирхемов. Позднее знаменитому врачевателю удалось вылечить эмира Науха ибн Мансура, и он получил возможность работать в богатейшей библиотеке Саманидов. Видимо, в устной, да и наверняка в письменной форме сохранялись сведения о доарабских традициях. Без этого Бируни едва ли смог бы широко пользоваться сведениями о доарабских традициях согдийцев и хорезмийцев. В его труде о хронологии не только

приводятся календари этих двух центров Средней Азии, но и сведения о согдийских праздниках, и список правителей Хорезма. Данные Наршахи свидетельствуют о существовании особой, можно сказать, бухарской версии легендарного цикла о Сиявуше. Видимо, таково же было положение и в Хорезме. В целом все это – от библиотек до преданий – образовывало благоприятный фон для развития науки и культуры. Много проектировали Саманиды, и придворная знать и меценатство, что также стало модным течением. Известно, например, что Дакики начинал свою деятельность при дворе постоянных оппонентов эмиров Бухары – правителей Чаганиана. Наличие общего интеллектуального фона способствовало тому, что деятели науки и литературы легко перемещались из одного центра в другой, не прерывая творческую деятельность.

Археология свидетельствует и об определенной значимости саманидской эпохи для наследия в сфере материальной культуры[6]. Развитие урбанизации в Средней Азии способствовало распространению новых стандартов благоустроенного образа жизни горожан. В частности, поливная керамика широко распространяется именно с этого времени. Стандартные типы такой посуды представлены и в замках, и в рядовых сельских поселках.

В области культурного наследия немаловажное значение имело утверждение такой монархией меценатства как государственной политики, подхватываемой широким кругом властной элиты. В сфере науки активная деятельность велась на уровне мировых стандартов мусульманского Востока. В области культуры исключительное значение имело сохранение огромного пласта доарабского наследия, которое можно назвать литературным, и формирование синтетической культурной системы, сочетавшей компоненты этого наследия и исламские модели. Судя по всему, саманидское время было важным этапом этногенеза, хотя здесь еще предстоит большая работа по установлению методологических и методических подходов. Ясно, что в этот период, во всяком случае, крупные городские центры развиваются как полиэтнические структуры.

Наряду с обеспечением политической и государственной независимости от Арабского халифата и создания благоприятных условий для социально-экономического прогресса, эпоха Саманидов (818–1005 гг.) внесла большой вклад и в развитие духовной культуры Центральной Азии. Вклад этот в общих чертах состоит в следующем[7].

Эпоха Саманидов способствовала созданию центральноазиатской исламской культуры путем завершения процесса исламизации Центральной Азии, начатой сразу после арабских завоеваний. К моменту возвышения Саманидов (818–820 гг.) в качестве сначала

наместников Халифата, а затем самостоятельных правителей Центральной Азии процесс этот значительно продвинулся, но еще был далек от завершения: в регионе все еще сохраняли свои идеологические позиции старые религии – зороастризм, манихейство, маздакизм, христианство, иудаизм и др. Особенно влиятельным и распространенным был зороастризм. Об этом свидетельствует тот факт, что в IX в. были составлены зороастрийские сочинения «Шикан гуманик вичар», «Динкарт», «Бундахиши» и др. Быть может, как раз это обстоятельство давало Якубу ибн Лайсу Саффари основание попытаться (876 г.) ликвидировать (или хотя бы ослабить) арабский халифат и возродить старые традиции и обычаи.

К моменту образования независимого централизованного Саманидского государства (892 г.) позиции старых религий значительно были ослаблены. Но даже в конце IX – начале X столетия, как свидетельствуют исторические и историко-географические источники, старые верования окончательно не были преодолены, и их представители свободно справляли свои обряды и обычаи. Это означает, что в крае даже в X в. все еще сохранялась возможность возврата к зороастрийской религии. Но Саманиды, став правителями Центральной Азии, не пошли, к их чести, по такому ретроградному пути. Они в отличие от арабов-завоевателей, использовавшие джизйу (налог за веру) в качестве эффективного экономического инструмента исламизации местного населения, запустив культурологический механизм исламизации Центральной Азии путем создания широкой сети мечетей, школ, библиотек и медресе, успешно способствовали превращению ислама в общественное сознание масс и официальную идеологию своего государства. Этим самым исламизация Центральной Азии стала необратимым процессом. В связи с этим была прервана более двух тысячелетняя традиция зороастрийской культуры и возникла реальная возможность окончательного формирования центрально азиатской исламской духовной культуры. В структуру этой вновь возникшей духовной культуры входили исламские, философские, естественно-математические, медицинские науки и литературно-художественные памятники.

В эпоху Саманидов значительное развитие получили религиозные науки, составляющие важнейшие структурные элементы исламской культуры. В частности, выходцы из Центральной Азии и сопредельных стран создали ряд важнейших трудов по хадисоведению, которые сыграли неоценимую роль в развитии этой отрасли исламских наук.

Весом вклад ученых эпохи Саманидов и в развитии науки толкования Корана. Так Мухаммад ибн Джарир ат-Табари в своем «Джаме'ал-баян фи тафсири Кур'ан», переведенная (в 964 г.)

по приказу Саманидского царя Мансура ибн Нуха на язык дари (таджикский), обосновал повествовательный метод толкования Корана. В эпохе Саманидов проводилась большая работа и по переводу Корана на язык дари (таджикский). По свидетельству Бахааддина Хуррамшахи – одного из крупнейших иранских корановедов и переводчиком Корана в иранской библиотеке Остони Кудси Разави хранятся 142 экземпляра перевода Корана на язык дари (таджикский), часть которых сделана задолго до перевода «Джаме'ал-баян» Табари. К старейшим переводам Корана относится «Кур'ани кудс», осуществленный между 864 и 913 гг. и изданный в 1364 г. хиджры в Тегеране.

Большой вклад ученые эпохи Саманидов внесли в развитие калама – учения о принципах ислама, его защите от ересей и нововведений. Следует подчеркнуть, что в эпоху Саманидов все еще были сильны позиции мутазилитского калама. Наиболее выдающимися его представителями были Абу ал-Касым Абдаллах ибн Ахмад ал-Балхи (родился в 931 г.), основавший в Каабе каламитскую школу каабия, и Абу Зайд ибн Сахл Балхи (родился в 934 г.), прозванный за свои заслуги в развитии калама «Хорасанским Джахизом».

Но выдающимся вкладом эпохи Саманидов в развитии калама необходимо считать создание мотридийского суннитского калама. Мотридийский калам был основан Абу Мансуром Мотриди ас-Самарканди (870–944 гг.) одновременно с ашаризмом и независимо от Ашари.

Эпоха Саманидов – это время высокого развития философских наук. Господствовавшая в государстве Саманидов свобода мнений обеспечила возможность возникновения и развития различных школ, течений и направлений философской мысли, среди которых наиболее влиятельными были философия друзей материи, перипатетизм, исмаилизм и суфизм.

Эпоха Саманидов, используя предшествующие научные традиции и достижения, внесла большой вклад в развитие естественно-научного и технического знания.

Ученые математики эпохи Саманидов внесли большой вклад в развитие теории чисел, уравнений четвертой степени, решение проблем геометрии, тригонометрии и астрономии. В развитии алхимии особо велика заслуга Абу Бакра ар-Рази, перу которого принадлежат 22 сочинения по различным проблемам этой науки. В этих своих сочинениях он, во-первых, обосновал химию как самостоятельную науку и подверг аргументированной критике ее противников, во-вторых, описал способы очистки и выплавки металлов, растворения химических веществ в жидкости, кристаллизации, выпаривания, дистилляции, возгонки, окрашивания материалов,

изготовления красок и т. д. Абу Бакр ар-Рази считается одним из первых ученых, которому удалось произвести азотную кислоту, азотную ртуть и нашатырь и выдвинуть гипотезу о флогистоне, которая сыграла большую роль в становлении научной химии.

В области физики ученые IX–X вв. особое внимание придавали изучению проблем удельного веса тел, оптики (теория видения), акустики и механики. К числу их важнейших достижений следует отнести новую теорию видения и гипотезу Ибн Сины и Бируни об изменении земной коры.

Особых успехов в эпохе Саманидов достигла медицина. В трудах ученых, особенно «ал-Хави» Абу Бакра ар-Рази и «Каноне врачебной науки» Абуали Ибн Сины, широко анализированы проблемы общей теории медицины, профилактики, диагностики и лечения болезней, изготовления и применения лекарственных препаратов и т. д. Ученые-медики этой эпохи внесли также большой вклад в развитие фармакологии, фармакогнозии и фармакопеи.

Эпоха Саманидов – это эпоха зарождения и высокого развития новотаджикской культуры на языке дари. Как известно, вследствие арабских завоеваний и исламизации Центральной Азии развитие духовной культуры на местных языках почти прекратились, арабский язык стал не только языком науки, религии, государственного делопроизводства, но и художественной литературы. И это продолжалось до тех пор, пока не возникли в Центральной Азии независимые государства Саффаридов и Саманидов. Благодаря деятельности и поддержке этих государств язык дари, или перси дари, или фарси постепенно становился языком государственного делопроизводства, художественной литературы, а также религии и науки (наряду с арабским). Этому во многом способствовало и то, что язык дари был языком населения всех городов и провинций Хоросана, Мавераннахра и Афганистана-Нишапура, Туса, Насо, Систана, Буста, Марврyда, Мавра, Балха, Герата, Сарахса, Гарча, Гузганана, Бамиёна, Тахаристана, Самарканда, Чача и др.

В силу этих обстоятельств уже в начале IX в. сложились благоприятные условия для развития новой письменной художественной литературы на языке дари (таджикском), расцвет которой относится к эпохе Саманидов. Особенно широкое развитие получила поэзия, безусловно, связана с именами Рудаки – основоположника таджикско-персидской классической литературы. Художественная проза в этой эпохе еще не получила широкого развития, но ее основы были заложены именно в этот период в форме оригинальных и переводных произведений[8].

В эпоху Саманидов язык дари-таджикский усилиями ученых эпохи стал языком и науки (наряду с арабским). В этом особо выдающуюся роль сыграл Абуали Ибн Сина, написавший

на родном языке более 25 трактатов, среди которых «Данишнамэ», охватывающий все разделы наук эпохи автора.

Язык дари выявил и свои широкие возможности для выражения тонких исламских религиозных обрядов, символов и смыслов

Значение созданной в эпохе Саманидов новотаджикской культуры на языке дари состоит в том, что она предопределила менталитет таджикского народа, его самобытность и самосознание, национальную психологию и национальный дух, его историческое бытие, жизнеспособность и жизнестойкость. И если наш народ за тысячелетнюю свою безгосударственность, наступившую после падения Государства Саманидов, не сошел с исторической арены, не канул в лету в перипетиях истории и начале XXI столетия строит суверенный и независимый Таджикистан, то это только потому, что его путеводной звездой была созданная в эпоху Саманидов культура.

В эпоху Саманидов и в пределах их государства памятников духовной культуры исламского характера на языках тюркской группы не отмечено.

Созданная в эпоху Саманидов духовная культура характеризуется рядом важнейших особенностей:

- сердцевину этой культуры составляет ислам, чем она отличается от культур предшествующих эпох;
- в структуре формировавшейся в эпоху Саманидов культуры довольно сильна светская направленность и имеется достаточно рационалистических элементов в виде философских и научных концепций. Однако и самые рационалистические элементы этой духовной культуры в той или иной мере были ориентированы на ислам;
- несмотря на теоцентричность этой культуры, в ней довольно сильно человеческое начало, что выражается в признании мощи человеческого разума в познании мира и его преобразования, в объявлении человека высшим духовно-природным существом, в вере морального и духовного совершенствования рода человечества. Именно эта вера в возможности морального и духовного совершенствования человека побуждала деятелей культуры написать большое количество сочинений и выдвигать различные концепции морального и духовного совершенствования человека.

Созданная в эпоху Саманидов духовная культура стала основой развития всех форм центрально азиатской культуры последующих веков и оказала большое влияние на развитие духовной культуры, как стран Востока, так и Запада[9]. В этом смысле она имеет большое историческое и международное значение.

Информация об авторе

Мунзифахон М. Бабаджанова, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, д. 30; *muntaj@rambler.ru*

Information about the author

Munzifakhon M. Babadjanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursun-zade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *muntaj@rambler.ru*

Примечания

[1] См об этом: *Гафуров Б.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 2. Душанбе: Ирфон, 1989. 379 с.
[2] Вклад эпохи Саманидов в культурное наследие Центральной Азии. Материалы международного семинара. Душанбе, 1999. 240 с.
[3] Там же.
[4] *Адамова А.Т., Гюзальян Л.Т.* Миниатюры рукописи поэмы «Шахнаме» 1333 года. Л., 1985. 181 с.
[5] *Бартольд В.В.* Восточно-иранский вопрос. // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 361–384.
[6] *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1977. 279 с.
[7] *Бабаджанова М.М.* Межкультурный диалог в современном мире: учебник для студентов высших учебных заведений. Душанбе, 2021. С. 91–100.
[8] Родник жемчужин. М., 1982. 446 с.
[9] Взаимодействие культур Запада и Востока. М., 1987. 332 с.

Вклад русских ученых-естествоиспытателей в изучение Памира на рубеже XIX–XX вв.

Заррина Ю. Рахматова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан, zarrina-1966@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-1591-7407

Аннотация. Одним из прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России явилось изучение края русскими исследователями: учеными – специалистами и краеведами – любителями. Будучи зачинателями подлинно научного изучения Средней Азии, русские исследователи накопили огромное количество разнообразных научных и фактических материалов, относящихся к истории, культуре, археологии и этнографии центральноазиатских народов, среди которых особое место занимают народы Памира. Загадочный Памир издавна привлекал к себе внимание путешественников и ученых. Эту территорию посещали в древности и средневековье китайские, арабские и другие путешественники. Но подлинно научное исследование Памира по праву принадлежит русским. В статье анализируется вклад русских ученых О.А. Федченко, Б.А. Федченко, В.Ф. Ошанина, Н.А. Северцова, И.В. Мушкетова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Б.Л. Громбевского, С.И. Коржинского, Д.В. Путяты, Н.Н. Покотило, Д.Л. Иванова в изучение географии, геологии, климата, флоры и фауны Средней Азии, в том числе Памира во второй половине XIX – начале XX веков. Русским дореволюционным исследователям суждено было встать у истоков подлинно научного изучения среднеазиатского региона. С конца XIX и начала XX веков развернулось обширное изучение территории современного Таджикистана. Русскими учеными-естествоиспытателями были разработаны географические карты, картосхемы расположения ледников и хребтов высокогорных областей. Были изучены орография, оледенение, геология и растительность труднодоступных районов Памира, а также были открыты залежи каменного угля, нефти, серы, золота, серебра и прочих полезных ископаемых.

Ключевые слова: Таджикистан, Российская империя, исследование Памира, география, ледники, полезные ископаемые, флора, фауна, путешествия

© Рахматова З.Ю., 2025

The contribution of Russian natural scientists to the study of the Pamirs at the turn of the 19th–20th centuries

Zarrina Yu. Rakhmatova
Russian-Tajik (Slavonic) University,
Dushanbe, Republic of Tajikistan, zarrina-1966@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-1591-7407

Abstract. One of the progressive consequences of Central Asia's incorporation into Russia was the region's exploration by Russian scholars–both professional scientists and amateur local historians. As pioneers of systematic scientific research in Central Asia, these Russian scholars amassed vast amounts of diverse academic and empirical materials pertaining to the history, culture, archaeology, and ethnography of Central Asian peoples, with particular focus on the populations of the Pamirs.

The enigmatic Pamirs have long attracted the attention of travelers and scholars. In ancient and medieval times, the region was visited by Chinese, Arab, and other explorers. However, the credit for its rigorous scientific study rightly belongs to Russian researchers. This article examines the contributions of Russian scientists–including O.A. Fedchenko, B.A. Fedchenko, V.F. Oshanin, N.A. Severtsov, I.V. Mushketov, G.E. Grumm-Grzhimailo, B.L. Grombchevsky, S.I. Korzhinsky, D.V. Putyata, N.N. Pokotilo, and D.L. Ivanov–to the study of Central Asia's geography, geology, climate, flora, and fauna, particularly the Pamirs, during the late 19th and early 20th centuries.

Destined to lay the foundations of scholarly research in Central Asia, these pre-revolutionary investigators spearheaded extensive studies of what is now Tajikistan from the late 19th century onward. Russian naturalists produced detailed geographical maps and charts documenting the distribution of glaciers and mountain ranges in high-altitude zones. They conducted pioneering research on the orography, glaciation, geology, and vegetation of the Pamirs' most inaccessible regions, while also identifying deposits of coal, petroleum, sulfur, gold, silver, and other mineral resources.

Keywords: Tajikistan, Pamir, Russian Empire, exploration of the Pamirs, geography, glaciers, mineral resources, flora, fauna, expeditions

С присоединением Средней Азии к России осуществляются невиданные ранее научные исследования по всем отраслям знаний. Особенно это заметно в таких областях как история, этнография, география. Ведутся исследования природных богатств, флоры и фауны, ледников и водных ресурсов, археологических

и этнографических данных края. Загадочные страны Мавераннахра и богатой долины Ферганы, прославленные восточными историками, начинают сбрасывать с себя таинственный покров перед европейской наукой.

О Памире, стране гигантских гор, называвшейся «Подножием смерти» и «Крышею мира», до середины XVIII века сведений почти не было, они ограничивались лишь несколькими строками в дневниках путешественника Суань Цзяна, им впервые (в VI веке) упомянут Памир, и венецианца Марка Поло, который первым из европейцев прошел через весь Памир примерно в 70-х годах XIII века, в эпоху монгольских завоеваний. Он подробно и ясно описал увиденное. Точность и подробность его описаний удивительны, учитывая, что диктовал он свои мемуары по памяти, в генуэзской тюрьме, через двадцать с лишним лет после своих странствий[1]. Вот несколько фрагментов из воспоминаний Марко Поло о природных богатствах, обычаях и быте народов Памира:

«Баласиане (Бадахшане – Авт.) народ мусульмане, у него особенный язык. Большое царство; цари наследственные, произошли они от царя Александра и дочери царя Дария, великого властителя Персии[2]. В этой области водятся драгоценные камни балаши, красивые и дорогие камни; родятся они в горных скалах; народ, скажу вам, вырывает большие пещеры и глубоко вниз спускается, так точно, как это делают, когда копают серебряную руду; роют пещеры в горе Шигхинаш и добывают там балаши по царскому приказу для самого царя; под страхом смерти никто не смеет ходить к той горе и добывать камни для себя, а кто вывезет камни из царства, тот тоже поплатится за это головою и добром»[3].

«Из Баласиана двенадцать дней на восток и северо-восток едешь по реке, принадлежит она брату баласианского владетеля. Много там городков, поселков, народ храбрый, молятся Мухамеду. Через эти двенадцать дней другая область, не очень большая, во всякую сторону три дня пути, называется она Вахан. Народ мусульмане, говорят своим языком, в битвах храбры.

Много тут и зверей диких, всякой дичи. Отсюда три дня едешь на северо-восток, все по горам, и поднимаешься в самое высокое, говорят, место на свете. На том высоком месте между гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие в свете пастбища, самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней. Диких зверей тут многое множество. Много тут больших диких баранов; рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, и из них едят; и еще из тех же рогов пастухи строят загоны, где держат скот. Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром; и все время нет ни жилья... Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого

холода и огонь так не светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится»[4].

До конца 70-х годов XIX века инициатива в деле географических исследований Памира принадлежала англичанам. Коренное население Средней Азии в то время прекрасно знало, какие цели преследовали якобы мирные британские путешественники и исследователи. Как показывал горький опыт, вслед за ними всегда приходили войска английских колонизаторов. Географическими исследованиями региона с Британской стороны занимались преимущественно военные разведчики[5]. В этой высокогорной стране перекрещивались геополитические интересы мировых держав. Памир – «Крыша мира» является своеобразным центром геологической эволюции всего Евразийского континента. Отсюда топографическим узлом расходятся не только могучие хребты Тянь-Шаня, Каракорума, Гиндукуша и Гималаев, но и многочисленные древние караванные пути и дороги. До появления оружия, труднопроходимые горные системы, реки, степи и пустыни играли важную роль в системе безопасности государств. Надежный военный контроль над высокогорными перевалами, речными переправами, степными и пустынными дорогами, позволял эффективно удерживать нашествия врагов.

Многие офицеры Великобритании, проходившие службу в колониальной армии Индии, помимо боевой подготовки, получали здесь еще и хорошую геодезическую выучку. Для наблюдения за действиями России в Средней Азии колониальное правительство Индии организовало хорошо налаженную систему сбора информации в ходе географических исследований в Афганистане, Памире и Восточном Туркестане силами британских офицеров, работавших тайно как разведчики, и с использованием местных топографов и шпионов – пундитов. Пундиты вербовались из числа местного населения и получали специальную подготовку в Управлении Большой Тригонометрической съемки Индии – английской военной Топографо-геодезической Службы Королевского Географического общества. Пундиты имели большие преимущества по сравнению с европейцами. Зная местные языки и обычаи, они более свободно ориентировались в ситуации[6].

Россия, только после заключения соглашения в 1873 г., стала обращать свое внимание на вошедшие в сферу ее влияния памирские территории. Перед русскими здесь стояла острая необходимость размежевать свои территории с Китаем и Афганистаном.

Надо признать, что коренные народы Памира к русским в отличие от англичан относились благосклонно. Членам Русского географического общества (РГО) не было нужды маскироваться или прибегать к услугам пундитов. Более того, офицеры РГО

путешествовали по Памиру открыто, в военной форме. Памирцы видели в них покровителей и защитников. Исследования, проведенные русскими членами РГО, были более точными и ценными, чем у англичан.

Во второй половине XIX – начале XX в. трудами русских ученых А.П. Федченко, В.Ф. Ошанина, Н.А. Северцова, И.В. Мушкетова, Г.Г. Романовского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Д.Л. Иванова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.Л. Комарова, С.И. Коржинского, Д.И. Мушкетова, Д.В. Наливкина, Н.И. Вавилова и др. заложены современные представления о географии, геологии, климате, флоре и фауне Средней Азии, в том числе Памира. Русским дореволюционным исследователям суждено было встать у истоков подлинно научного изучения среднеазиатского региона. С конца XIX – начала XX в. развернулось обширное изучение территории современного Таджикистана. Русскими учеными-естествоиспытателями были разработаны географические карты, картосхемы расположения ледников и хребтов высокогорных областей. Были изучены орография, оледенение, геология и растительность труднодоступных районов Памира, а также были открыты залежи каменного угля, нефти, серы, золота, серебра и прочих полезных ископаемых.

К концу XIX века экспедиции в Среднюю Азию носят исследовательский характер. В 1877–1878 гг. состоялась Ферганo-Памирская экспедиция известного русского зоолога и географа Н.А. Северцова, которая исследовала за Заалайским хребтом реки Северный и Южный Ак-Байтал, Ак-Су, Кара-Су, весь Памир-Аличур до озера Яшиль-Куль. Также был исследован запад Каракульского бассейна. Астрономические определения координат производились астрономом Ф.Ф. Шварцем, а топографические съемки – военными топографами Рудневым и Скасси.

Николай Алексеевич Северцов принадлежит к той плеяде ученых, на долю которых выпала честь быть первооткрывателями самых труднодоступных и малоизученных местностей в Средней Азии. «До Ферганской экспедиции Северцова, – пишет Ф.Л. Золотницкая, – наука не располагала сколько-нибудь достоверным описанием Памира. Все считали, что Памир есть продолжение Тянь-Шаньской горной системы. Северцов впервые доказал, что Памир – самостоятельная горная система»[7]. Северцов является автором капитального труда «Орографический очерк Памирской горной системы» (1886), в котором дается общая характеристика Памирской системы сравнительно с Тянь-Шаньской, тщательное описание внутреннего Памира с его горными массивами. Для создания цельного представления о Памирской системе гор полно описываются западные и горные окраины Памира. Одна из глав

работы посвящена критической оценке новейших английских сведений о Бадахшане и соседних частях внутреннего Памира. В «Кратком отчете», который Н.А. Северцов написал по окончании экспедиции, говорится: «Экспедицией произведено первое полное, многостороннее и основательное исследование Памира. География Памира в своих основных чертах разъяснена экспедицией окончательно. Теперь же неисследованная часть Памира сокращена наполовину и представляет на карте лишь несколько небольших пробелов»[8]. Отныне исследования Памира становились неразрывно связанными с именем и идеями Н.А. Северцова. И сегодня географы в научных спорах апеллируют к его авторитету. Знания, талант и огромный экспедиционный опыт Северцова позволили ему на основе полученных данных, по сути дела, изменить представления не только о Памире, но и обо всей Центральной Азии.

В подготовке и проработке первой экспедиции другого естествоиспытателя – Г.Е. Грум-Гржимайло принимали участие И.В. Мушкетов, Д.Л. Иванов, В.Ф. Ошанин, знакомые с припамирской частью Азии. Экспедиция прошла на восток к перевалу Кызыларт и, перевалив через него, двинулась на юг к озеру Каракуль в северо-восточной части Памира – самому дальнему пункту своего маршрута. Научное наследие Г.Е. Грумм-Гржимайло достаточно велико, но до конца не изучено. Многие его работы остались неизданными, а опубликованные работы по лепидоптерологии стали библиографической редкостью. Среди его неопубликованных работ, хранящихся в Ученом архиве Географического общества, находятся и дневники экспедиций на Памир (1885–1886).

Экспедиции И.В. Мушкетова, выдающегося русского геолога и географа, исследователя Памира, автора фундаментального труда «Туркестан», предпринятые на Памир в 1877 и 1878 годах, несмотря на их относительную краткость, дали принципиально новые знания об этой таинственной горной стране. И.В. Мушкетов был первым ученым, посетившим долину Муксу в ее верховьях, недалеко от ледника, названного вскоре именем погибшего на Монблане в 1873 г. русского путешественника, биолога и географа А.П. Федченко. В 1879 г на Памир направляется научно-исследовательская экспедиция русского антрополога В.Ф. Ошанина. С военным топографом начальником Съемочного отделения штаба Туркестанского округа штабс-капитаном Г.Е. Родионовым они исследовали Гиссар, Каратегин, Алай, пройдя до верховий реки Мук-Су. В.Ф. Ошанин установил орогидрографические особенности Северного Бадахшана, изучив так же верховья реки Сурхоб с ее притоками, и открыл величайший ледник Памира, дав ему имя Федченко[8]. «Я, – пишет В.Ф. Ошанин, – желал этим

выразить, хотя в слабой степени, мое глубокое уважение к замечательным ученым трудам моего незабвенного товарища, которому мы обязаны разъяснением стольких темных вопросов в географии и естественной истории Средней Азии. Я желал, чтобы имя его осталось связано навсегда с одним из грандиознейших глетчеров среднеазиатского нагорья, желал этого потому, что изучение ледниковых явлений особенно занимало Алексея Павловича. Пусть «Федченковский ледник» и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из даровитейших и усерднейших исследователей Средней Азии!»[10] Следует отметить, что этот ледник неоднократно посещался исследователями, но никто не поднимался до его верховьев, и десятки лет считалось, что ледник ничем не выделяется среди других многочисленных горных ледников Средней Азии и что площадь его не превышает 30–40 километров. Только в 1928 г. удалось произвести съемку и нанести на карту район ледника Федченко. Оказалось, что ледник имеет длину 71,2 километра при средней ширине три-четыре километра.

В 1883 г. состоялась Памирская экспедиция капитана Д.В. Путяты, Д.Л. Иванова, Н.А. Бендерского, которая буквально избороздила весь Памир вдоль и поперек. Исследователи по ее результатам составили наиболее крупномасштабные и правильные карты Памира. Также был собран большой материал о социально-экономической и политической жизни населения западных районов Памира. Представляют интерес описания Вахана и Шугнана, сделанные капитаном Д.В. Путятой. Это были первые в России сведения о названных районах Памира. В частности, он пишет: «Ваханцы ведут полукочевую жизнь. Часть населения отправляется в июне месяце в джейла (летние пастбища для пастьбы скота) и остаются там до августа. Зимуют же они в земляных мазанках.

По наружному виду ваханцы напоминают таджиков Таш-Курганской равнины. Они имеют свое особое наречие, но большинство хорошо понимает по-персидски. Они красивы и имеют правильные черты лица. Мужчины роста выше среднего. Очень хорошие пешеходы по горным тропам, искусные стрелки, женщины имеют нежные черты, смуглый цвет лица и красивы, но, исполняя все грубые домашние работы, рано стареют и в зрелом возрасте получают болезненный вид.

Народонаселение Шугнана – таджики. Численность их простирается до 28 тыс. душ обоего пола (свыше 4 тыс. домов)»[11].

В 1886 г. районы Южного Памира исследовал Н.Н. Покотило[12], в составе его экспедиции находился классный военный топограф Глагольев. Кроме того, члены РГО исследовали Кашкадарью, Нижний Кафарниган, Вахш, Кызыл-Су, Калай-Хумб, Гарм, Гиссар, а также правый берег Амударьи и Пянджа. Они тогда установили, что и левый берег Пянджа принадлежит Бухарскому

эмиру. В ходе экспедиции был снят инструментально почти весь путь по правому берегу Пянджа, проведена полуинструментальная съемка общей протяженностью более 1000 верст.

Особую роль в дело исследования Памира внес русский офицер член Императорского Географического Общества Б.Л. Громбчевский. В 1888 г. его экспедиция прошла 2284 версты. По ее ходу проводилась глазомерная съемка в пятиверстном масштабе. Б.Л. Громбчевский исследовал территории к востоку от реки Ташкурган. Тогда он проник глубоко за линию разграничения с Англией, что сильно встревожило англичан. За эту экспедицию Б.Л. Громбчевский был награжден золотой медалью Императорского Русского Географического Общества. Летом 1889 г. Б.Л. Громбчевский организовал новую экспедицию на Памир в составе всего лишь 6 казаков, возглавляемых урядником Козякаевым. Из Алая они прошли в Каратегин, затем в Калай-Хумб и добрались до Ванча. В это время происходил вторичный захват Шугнана и Рушана афганцами. Афганский офицер не пропустил русских вверх по Пянджу. Громбчевский вынужден был уйти в глубь Ванчской долины, а затем через Каратегин вернулся на Мургаб к Сарезу и Памир-Аличуру[13]. В ходе своей экспедиции Б.Л. Громбчевский провел серьезные метеорологические наблюдения, собрал коллекции горных пород, выяснял принадлежность памирских земель с выявлением исторических прав соседних государств на эти территории.

В 1895 г. Западный Памир вошел в состав России, после чего возрастают масштабы русских исследований восточной части Таджикистана. В конце XIX в. ботанико-географические наблюдения в Шугнане и Рушане ведет С.И. Коржинский, а в западной части Памиро-Алая начинает свои исследования В.И. Липский[14].

В начале XX в. в Таджикистане проводились фундаментальные научные исследования всех высокогорных районов и равнинных территорий страны. В это время совершаются многочисленные научные и топографические экспедиции научных, административных и военных ведомств по обследованию территории и ресурсов края. Изучение флоры территории Таджикистана в этот период связано прежде всего с именами О.А. и Б.А. Федченко. Безусловно, были и другие исследователи, но в начале века ведущая роль в изучении флоры Таджикистана принадлежит им. Выдающаяся путешественница и ботаник Ольга Александровна Федченко по праву занимает видное место среди представителей российской науки. В 1901 г. она вместе с сыном Б.А. Федченко отправилась в экспедицию на Памир, где посетила малодоступный район Шугнан и прошла до реки Пяндж – границы с Афганистаном. Итогом этой экспедиции явилась монография «Флора Памира» и к ней пять дополнений[15]. В 1901 году Б.А. Федченко впервые посетил Шугнан

и Восточный Памир, опубликовав по итогам путешествия иллюстрированный определитель «Растительность Туркестана» (1915)[16]. В 1910 г. Б.А. Федченко обследовал флору в верховьях реки Зеравшан – у озер Кули-Калон. Год спустя он вместе с Рожевицем вновь побывал на Памире. Особое внимание в этот период Б.А. Федченко уделял изучению лекарственных растений Средней Азии, чем внес весомый вклад в дело изучения флоры Таджикистана.

С 1903 г. географические исследования Памира и Кухистана начинает Н.Л. Корженевский, открывший ряд крупнейших горных вершин и ледников, уточнивший карту труднодоступных районов[17]. В 1915 г. Таджикистан впервые посетил геолог Д.В. Наливкин, продолжавший свои исследования с перерывами до 1932 г.[18] Он положил начало структурно-тектоническому изучению Памиро-Алая, разделив эту горную страну на разновременно сформировавшиеся тектонические зоны и заложив, таким образом, научную основу тектонического районирования.

Таким образом, анализ имеющихся материалов убеждает нас, что исследование географического положения, создание карт, изучение флоры и фауны, открытие месторождений полезных ископаемых, создание сети метеостанций и т. д., этот список можно продолжать – это вклад в развитие нашей страны русских ученых-естествоиспытателей, которые с риском для своей жизни исследовали территорию Таджикистана. Масса научных знаний, огромный фактологический материал, накопленный русскими учеными-естествоиспытателями, являются во многом уникальными, а поэтому приобретают особую ценность в современных условиях, когда наука Таджикистана осуществляет актуальные задачи в области дальнейшего изучения, охраны и использования национальных природных богатств.

Информация об авторе

Заррина Ю. Рахматова, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30; *zarrina-1966@mail.ru*

Information about the author

Zarrina Yu. Rakhmatova, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursun-zade St., Tajikistan, Dushanbe, 734025; *zarrina-1966@mail.ru*

Примечания

[1] Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии / Под ред. В. В. Бартольда. СПб: Изд-во РГО, 1902. Т. XXIX. С. 33–86.
[2] Там же. С. 36–42.
[3] Там же. С. 118.
[4] Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии. С. 153.
[5] *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб. 1909. С. 3.
[6] *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира». М.: Наука, 2005. С. 56.
[7] *Золотницкая Р.Л.* Н.А. Северцов географ и путешественник. М.: Географгиз, 1953. С. 84.
[8] *Северцов Н.А.* Краткий очерк о памирских исследованиях и общих научных результатах Ферганской ученой экспедиции. СПб, 1879. 21 с.
[9] *Золотницкая Р.Л.* По дорогам неведомого Туркестана. К 150-летию со дня рождения Н.А. Северцова. М.: Мысль, 1978. С. 58.
[10] *Кириченко А.Н.* Василий Федорович Ошанин. Зоолог и путешественник (1844–1917). М., 1940. С. 51.
[11] *Путята О.В.* Очерки экспедиции Ген. штаба капитана Путяты в Памир, Сарикол, Вахан и Шугнан в 1883: Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. 10. С. 526.
[12] *Покотило Н.Н.* Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году // ИРГО. 1889. Т. 25, вып. 6. С. 23–33.
[13] *Громбчевский Б.Л.* Доклад капитана Б. Л. Громбчевского о путешествии 1889–1890 гг. // ИРГО. СПБ, 1891. Т. XXV. С. 34–128.
[14] *Липский В.И.* Горная Бухара: Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию. СПб.: Императ. Рус. Геогр. О-во, 1902. Ч. 2. С. 319–541.
[15] *Федченко О.А.* Флора Памира. Собственные исследования 1901 г. и свод предыдущих // Труды СПб Ботанического сада. СПб., 1903; Культура эремурусов // Вести РОС. СПб., 1904. № 9-10. С. 9–10. Первое дополнение к Флоре Памира // Труды СПб Ботанического сада. СПб., 1905. Т. XXIV. Вып. 2. С. 123–154; Второе дополнение к Флоре Памира // Труды СПб Ботанического сада. СПб. 1905. Т. XXIV. Вып. 3. С. 313–355; Третье дополнение к Флоре Памира // Труды СПб Ботанического сада. СПб., 1908. Т.XXIII, Вып.1. С. 97–126.; Четвертое дополнение к Флоре Памира // Труды СПб Ботанического сада. СПб., 1909. Т. XXIII. Вып. 1. С. 453–514; Пятое дополнение к Флоре Памира // Труды СПб Ботанического сада. СПб., 1914. Т. XXXI. Вып. 3. С. 441–490.
[16] *Федченко Б.А.* Шугнан. Географические и ботанические результаты путешествий в 1901 и в 1904 гг. // С-Петербургского Ботанического сада. СПБ, 1909. Т. XXX. Вып. 1. С. 1–13.

Языковые особенности жанра газель в таджикской поэзии

Мухаммаддовуд Саломиён

Национальная академия наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан salomov1967@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9730-8735

Аннотация. Таджикский язык, развиваясь и совершенствуясь более тысячи лет, на протяжении всей своей истории содействовал творению выдающихся поэтических произведений, вошедших, благодаря высокому литературному мастерству их авторов, в сокровищницу сегодняшней мировой цивилизации.

В статье рассматриваются языковая структура и выразительность традиционного для таджикской литературы поэтического жанра газель. Автор отмечает, что создание художественных произведений выразительным и звучным языком стало основой для очень широкого становления лексико-грамматических и стилистических возможностей языка. Со времени появления первого стихотворения и по сей день ощущается многоцветие и разнообразие языка порси-дари или персидско-таджикского в каждой созданной строке. В этих стихотворениях мы можем наблюдать важные особенности описательного или поэтического языка, в котором центральными средствами воздействия на читателя выступают метафора и другие элементы, рождающие изящные мысли. Анализ языка этих поэтических произведений является предметом научных исследований и дискуссий литературоведческого и лингвистического профиля.

Совокупность произведений, создававшихся представителями таджикской литературы на протяжении столетий, представляет собой художественное полотно, сотканное из многообразия языковых форм и приемов, единый безграничный текст. Роль таджикского языка проявляется в отражении различных художественных жанров. То есть, наряду с единством литературной традиции, существует уникальность языка текста поэтического произведения, где в зависимости от стиля поэта и требований стихотворного жанра единицы языка также отражаются по-разному. Так, в относительно торжественных жанрах, таких, как поэма, маснави и касиды, выразительность единиц языка больше, при их создании особенно важными являются опыт и приобретенные знания, мудрость поэта. В относительно малых жанрах – газель, четверостишия (рубаи), двустишия (дубайти) средства выразительности ограничены. Разумеется, в этом случае уровень творческих способностей, опыт и личное мастерство поэта играют существенную роль.

© Саломиён М., 2025

Автор приходит к выводу о том, что при создании газели на первом месте стоит наблюдательность и способность поэта к абстрактному мышлению, умение создавать новое, выразительное и утонченное звучание языка независимо от сюжета стихотворения. В завершение статьи автором предложен перечень наиболее значимых лексико-семантических свойств газели.

Ключевые слова: таджикский язык, персидско-таджикский язык, поэт, поэзия, газель, стилистика, художественная речь, лексика, особенности языка поэзии

Linguistic features of the genre gazelle in Tajik poetry

Muhammaddovud Salomiyon

National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, salomov1967@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9730-8735

Abstract. The Tajik language, having developed and improved over more than a thousand years, has throughout its history contributed to the creation of outstanding poetic works, which, thanks to the high literary skill of their authors, have entered the treasury of today's world civilization.

The creation of artistic works in an expressive and resonant language became the foundation for the very broad development of the lexical, grammatical, and stylistic possibilities of the language. From the time of the first poem to this day, the multicolored and diverse nature of the Porsi-Dari or Persian-Tajik language can be felt in every line. In these poems, we can observe important features of descriptive or poetic language, in which metaphor and other elements that generate elegant ideas serve as central means of influence on the reader. Analysis of the language of these poetic works is the subject of scholarly research and discussion in literary and linguistic fields.

This paper examines the linguistic structure and expressiveness of the gazelle as traditional poetic genre in Tajik literature. The author argues that the body of works created by Tajik writers over more than a thousand years represents an artistic canvas woven from a diversity of linguistic forms and techniques, a single, boundless text. The role of the Tajik language is evident in its reflection of various artistic genres. That is, alongside the unity of literary tradition, there is a uniqueness to the language of the poetic text, where linguistic units are also reflected differently depending on the poet's

style and the requirements of the poetic genre. Thus, in relatively formal genres such as the poem, masnavi, and qasida, the expressiveness of linguistic units is greater, and the poet's experience, acquired knowledge, and wisdom are particularly important in their creation. In relatively minor genres – the gazelle, quatrain (rubai), and couplet (dubai) expressive means are limited. Naturally, in these cases, the poet's level of creative ability, experience, and personal skill play a significant role.

The author comes to the conclusion that when creating gazelle the poet's observation and ability to think abstractly, as well as the ability to create a new, expressive and refined sound of language, regardless of the poem's plot, come first. In conclusion of the article, the author offers a list of the most significant lexical and semantic properties of the gazelle.

Keywords: Tajik language, Persian-Tajik language, poet, poetry, stylistics, speech, artistic speech, words, ghazal, vocabulary, meaning, linguistic features of the language of poetry

Каждый автор поэтического произведения для отображения смыслов и образов использует язык, в котором фонетические особенности соединения слов, соседство звуков и лексико-семантические свойства слов с оттенками значений содействуют созданию новых языковых конструкций более выразительной, интересной и воздействующей на читателя речи. Также в процессе творения имеют большое значение средства синтаксической связи слов, словосочетаний и предложений, членов предложений – главные и второстепенные члены и место их расположения для выражения поэтической мысли. От искусства широкого использования автором языковых средств для выражения гуманистической этики и поэтических образов зависит привлекательность и красочность созданного произведения.

Говоря о языковых особенностях художественного произведения, С.В. Пискунова подчеркивает: «Особенности художественного произведения проявляются в том, что такие тексты, храня прежнюю информацию и впечатления, известные читателю по другим источникам, используются литератором как база создания текста, информации и новых впечатлений. Слова, словосочетания и другие процессы, относящиеся грамматике, и вообще языку, создают в нашем представлении новое и неповторимое воображение, новый мир подражания, новых эмоций и одну ритмичную мелодию. Большинство из литераторов и художников именно в таком описании воздействующих текстов в тоже время видели способность талантливого, одаренного и созидательного читателя»Важнейшим языковым свойством

стихотворения считается его сжатость и описательность. То есть, абстрагирование языковых единиц (слов и словосочетаний) очень важно для языка стихотворения. Это содействует облечению в малую стихотворную форму относительно широкого содержания или описаний, вызывающих интерес. Например:

Нимашаб пайгумкунон дар кӯйи ҷонон омадам,
Ҳамчу ҷон бе сояву чун соя бе ҷон омадам.
Чун сагони дӯст ҳам пеши сагони кӯйи дӯст
Доғ бар рух, тавқ бар гардан хурӯшон омадам.
Сӯзани мижгонаш аз дебои рухсораш маро
Хилъате нав дӯхт, к-ӯро дӯш меҳмон омадам[2].

В полночь, сбившись с пути, к обители, любимой пришел,[3]
Словно душа без тени, как тень без души, пришел.
Подобно псам друга, к собакам обители его,
С печатью печали на лице, с ошейником на шее,
с шумом пришел.
Иглы ресниц той, что вчера в гости к ней пришел,
Из материи лица прекрасного ее, новый халат
мне сшили.

Поэт в этих нескольких бейтах простыми, но эмоционально воздействующими словами повествует о своем визите к возлюбленной. В первой строке поэт выражает стремление затерявшегося путника к возлюбленной. Используя слово «пайгумкунон» (потерявший след), поэт указывает на то, что в полночь он с большим трудом находил дорогу, сравнивая свой путь с движением души (абстрактное существительное, тень которого невозможно увидеть) и тенью (абстрактное существительное, которое не имеет души). В другом бейте, сравнивая с себя собаками с улицы, где живет любимая, указывает на то, что как собака с ошейником на шее (символом преданности и подчинения) с волнением идет к любимой. Привлекают внимание другие бейты этой газели, в них высокое мастерство поэта отражается в использовании слов. **Сӯзани мижгон** (иголка ресниц), **дебои рухсор** (материя лица) являются очень интересными интерпретациями. В данном бейте мы наблюдаем, как поэт изящно описывает призыв своей возлюбленной. Если комментировать этот бейт, то выходит, что когда возлюбленный гостил у неё, иголкой ресниц (взглядом) красивым лицом (чеҳраи зебо) сшила для новый халат, т. е. проявила к поэту интерес и благосклонность.

Другой пример:

Турки ман, эй ман ғуломи рӯи ту,
Ҷумла туркони ҷаҳон ҳиндуи ту.
Лаъли ту ширинтар аз оби ҳаёт,
З-он бигӯ, хуштар чӣ бошад дар ҳаёт?![4].

Турчанка моя (любимая), я раб твоего лица,
Все турчанки (красавицы) мира – рабыни твои.
Рубины (губы) твои слаще живой воды,
Скажи, что может быть лучше их в жизни?!

В бейтах описано одно обычное мгновение, обращение влюбленного к возлюбленной, где слова также обладают интересными оттенками значений. Так, в первой строке слово «турк» имеет значение «маъшуқ» (возлюбленная) и «зебо» (красивая), во второй строке слово «ҳинду» (индеианка) использовано для выражения значения «раб» (ғулом). Поэт употреблением этих двух слов, во-первых, указывает на то, что турецкие девушки очень красивы, употреблением слова «инду» указывает на то, что в некоторых странах индусов используют как рабов, в языке классической поэзии это значение очень распространено.

Или другой пример:

Ҷаҳонро бидидам, вафое надорад,
Ҷаҳон дар ҷаҳон ошное надорад,
Дар ин қурси заррини боло ту мангар,
Ки дар андарун бӯрёе надорад[5].

Я мир увидел, в нем верности нет,
У Мира во всей вселенной друга нет.
Ты не смотри на этот золоченый круг небесный,
Ведь даже в нем, как поглядишь, простенькой
циновки нет.

В этом бейте поэт говорит о неверности и одиночестве нашего мира во вселенной. Он призывает читателя не направлять взор на солнце (золоченый круг небесный), ибо внутри его не существует иной реальности, нужно надеяться только на этот мир.

В персидской поэзии также встречаются фрагменты, когда поэт, не раскрывая различные события, только указывает на них. Например, Хафиз, напоминая о том, как Адам соблазнился пшеничными зернышками и был изгнан из рая, использует этот образ, чтобы показать никчемность земного мира:

Падарам равзаи ризвон ба ду гандум бифурухт,
Ман чаро мулки ҷаҳонро ба ҷаве нафрӯшам?![6]

Когда отец мой, за два пшеничных зернышка райский сад продал,
Так отчего же мне все мира ценности за зернышко одно не продать?!

Отсюда следует, что поэзия и вообще поэтическая речь является самой сжатой литературной формой, то есть выражение мысли или описание событий минимальным количеством слов требует от каждого создателя произведения таланта, знания и большого опыта. Такой способ изложения наряду с другими приобретенными знаниями требует от литератора творческого мастерства и глубокого знания языка, поскольку способ изложения считается величайшей задачей языка в создании различной ритмической речи. То есть в процессе художественного творчества литератор должен учитывать все фонетические, лексические, морфологические и синтаксические тонкости языка и в необходимых случаях использовать их для выражения или изложения воздействующей речи. Таким образом, язык со всеми существующими единицами составляет основную ось стихотворения, при этом другие элементы, такие, как ритм и рифма, художественные приемы, стихотворные формы, стили и другие считаются совершенствующими эту ось.

Я.А. Гудкова в своем исследовании, признавая важные аспекты характерных черт языка стихотворения в моделировании действительности, в единстве отражения объективности и субъективных отношений, пишет: «Специфика поэтического текста как вида словесного искусства состоит в способности моделировать действительность в единстве объективного её отражения и субъективного отношения к ней. Модель мира в поэтическом произведении есть поэтическая картина мира, т. е. это совокупность общих черт, свойственных внутренним индивидуальным моделям мира, отражённым в текстах различных поэтов»[7].

По мнению Майманата Мирсодики, русские формалисты (имеются в виду русские структуралисты – течение, возникшее в двадцатые годы XX века и запрещенное в 1930 г. специальным решением Советской власти. С.М.) также внесли свой вклад в осмысление феномена стихотворного языка. Интерес русских формалистов к поэтическому языку проявился в придании первостепенного значения к поэтической форме, т. е. их интересовало не содержание творчества, а сам процесс, относительно интереса к языку стихотворения, и они были уверены, что поэт своим талантом в использовании языка и употребления слов, становится причиной возрождения слов музыки и отражения различных видов метафор, воспевание древности и т. д.[8]

На этой основе, Мухаммадризо Шафе Кадкани, опираясь на русских формалистах, говорит о словах в языке стихотворения

следующее: «Один из русских формалистов называет стихотворение «воскрешением слов» и правильно находит дорогу в сердце реальности. Ибо в повседневной жизни слова используются таким образом, будто устарели и вымерли и никак не привлекают наше внимание, но в стихотворении переставляются в начале и конце, эти вымершие оживают, каждое слово находится в центре стихотворения, становится причиной жизни всех других слов[9]. Для подтверждения этой мысли он приводит толкование «чӣ санҷад» бейта Хафиза, называет его «центром этого воскрешения». То есть именно посредством этого толкования определяются значения других слов:

Зуҳди ман бо ту **чӣ санҷад,** ки ба яғмои дилам,
Масту ошуфта ба хилватгаҳи роз омадай.
Что может испытать аскет мой, **в сравнении с тобой,**
когда похитить сердце моё,
Ты пьяный и взбудораженный явился в укромное место тайн.

Автор также приводит бейт Мирзо Бедила, в котором он также в какой-то степени указывает на «воскрешение слов», что это воскрешение становится причиной «воскрешения значения», и это воскрешение есть другой вид этого понятия:

Бедил, суханам коргаҳи ҳ**ашри маони**ст,
Чун ғулғулаи сури қиёмат калимотам.
(см. Мухаммадризо Шафе Кадкани)[10]
Бедил, слова мои – мастерская **скопления смысла,**
Подобна рокоту пиршества Судного дня речь моя.

Таким образом, поэзия есть продукт мысли людей, которых называют поэтами. Поэт видит и чувствует человека, природу все существующее в мире иначе, чем другие люди, свои мысли он выражает особым воздействующим языком в различных стихотворных формах, направляет читателя и слушателя в прекрасный мир размышлений, воображения и мысли.

Поэзия по своей сущности, как и музыка, была изобретена человеком для поднятия настроения души и духовной пищи. То есть эти потребности стали причиной создания поэзии.

Согласно существующим сведениям на протяжении веков поэзия служила людям, и до появления письменности человечество посредством языка передавало поэзию от одного поколения другому в наследство, и постепенно это стало причиной появления поэтики и поэтов в разные времена. Сами поэты для того, чтобы созданное ими наследие одобрялось и развивалось членами

общества, систематически занимались наблюдением за литературным процессом, всю свою интеллектуальную силу направляли на то, чтобы усиливать свое влияние через эстетику поэтического слова.

Таким образом, следствием появления поэтов и создания ими величественных художественных произведений стало возникновение наук, занимающихся изучением искусства стихосложения и анализом творчества тех или иных авторов.

Поэзия, как известно, есть продукт мысли поэта, которое рождается в особые минуты и даже мгновения, наполненные творческим экстазом, которые мы обычно называем вдохновением. Это состояние соединяет знания, наблюдения и опыт поэта о сути вещей, событий, явлений и вообще о жизненном процессе, преобразуя их в стихотворные строки. Наряду с этим, если человек занимающийся творческим трудом, хотя и является наблюдательным и имеет поэтический дар, без знания свойств слов языка, оттенков их лексического значения, фонетических и морфологических особенностей, синтаксических законов, никогда не может сочинять хорошие стихи. Поскольку соблюдение и знание орфографических норм и законов языка считается основным условием для высокого качества каждого создающегося произведения и его сохранения в истории литературы.

Словарное богатство языка, которое появилось и формировалось на протяжении долгого времени, со всеми оттенками смыслов и стилистической окраски, большинство которых откладывается, как в архиве, в сознании литератора посредством чтения, опыта и различных наблюдений, представляет собой важный материал для его творческой лаборатории. Литератор в процессе творчества, используя их, украшает свою речь накопленными словами. Ученые, поэты и ценители слова в разные исторические эпохи вели продолжительные дискуссии о понятии стихотворения и его происхождении. Кто-то ставит на первый план поэтическое мастерство в соблюдении норм аруза и рифмы, другие теоретики видят поэтическое мастерство в создании воздействующей речи и новых, неповторимых образов, которые заставляют читателя задуматься.

Доктор Саид Ахмад Сафои в книге «Илми калом», («Наука о слове») опираясь на классификацию наук Фрэнсиса Бэкона, пишет следующее: «человек обладает тремя умственными силами – памятью, воображением (мутахайила) и умом»[11], задаваясь вопросом: «то, что имеет связь с силой воображения (мутахаййила), есть поэзия, является ли поэтическим или нет?»[12]. Отсюда следует, что для Ф. Бэкона вся сочиненная речь, и поэзия, и проза, которые создаются силой ума и воображения, считается поэзией.

На основе взглядов предшественников и современников относительно определения стихотворения можно утверждать,

что его сущность есть продукт силы воображения и описания, его средства – перенос смыслов и его форма есть ритм, рифма и красноречие.

Исследователи, определившие понятие стихотворения, сущность стихотворения, и вообще, поэтики, определили и роль «языка аллегории». А именно: язык аллегории и переносное изложение способствуют развитию воображения. Рассмотрение этой особенности стихотворения создает условия для того, чтобы были высказаны некоторые научные соображения об определении и рассмотрении характерных черт языка стихотворения и проведены дополнительные научные исследования в данной области.

Также нужно заметить, что понятия «метафорический язык», «метафорическое выражение» для всей художественной литературы (то есть поэтических и прозаических произведений) всегда считались основными и обязательными элементами. Большинство словесных приемов, которые используются в художественных произведениях для привлекательного и воздействующего образного описания, создаются на основе этих двух элементов – «метафорического языка» и «метафорического выражения». Отсюда следует, что язык поэтического произведения, обладая собственными характерными особенностями, на основе существующих языковых норм служит универсальным инструментом для всех, кто занимается литературным творчеством. То есть для поэтов знание законов языка также считается очень важным. Так как любая поэзия, которая создаётся, пишется на основе принятых законов языка, в противном случае, без соблюдения норм языка создание стихотворения высокой художественности невозможно.

Конечно, при сочинении стихотворения творческая индивидуальность поэта становится особенно заметной, и некоторые требования к стихотворению, которые создаются на основе метафоры, порой вынуждают автора отступаться от принятых орфографических и семантических норм. Язык стихотворения в принципе возникает тогда, когда часть норм или законов языка нарушаются или создаются другие традиции, которые располагаются выше уровня всеобщих норм. Для лучшей связи с поэтом и его языковыми и эмоциональными находками восприятие и детальное ознакомление с этими традициями имеют важное значение. Нужно подчеркнуть, что язык стихотворения есть язык символа, это поток, который движется не на поверхности, а в глубине, имеет скрытые смыслы, его тайна заключена в неясности (неопределенности). Поэт прячет имя какой-то вещи в составе другого слова, и описывает другую вещь, выказывая свое расположение к ней. На уровне доступного понимания говорит «худ» (свой), а восхваляет «халқ» (народ), пишет «ман» (я) и имеет ввиду «мо» (мы).

Маро ҳамчун падар бингар, на ҳамчун шавҳари модар,
Падарро нек воќиф дон аз он кажбозии музмар[13].

Взирай ты на меня, как на отца, ни как на мужа матери,
Отца осведомленным ты признай, о тех сокрытых кознях.

Аз мо маҷӯй, ҷоно, асрори ин ҳақиқат,
Зеро ки ғарқи ғарқам аз нуктаи маҷозӣ[14].

Ты не ищи, родимый в нас, тайны этой сущности,
Ибо утонул я в водовороте аллегорических слов.

Это явление вызывает интерес, ибо человечество всегда выражает свои взгляды посредством прозы. Поэтическое слово есть продукт мышления отдельных одаренных людей. Если мы посмотрим на более чем тысячелетние материалы поэтических произведений литературы наших предков с исследовательской точки зрения, то можем наблюдать все фонетические и грамматические особенности литературного языка. То есть, если в языке прозы учитываются все нормы языка, в поэтическом произведении эти нормы, приобретая стилистические индивидуальные свойства, отражаются или выражаются различными оттенками.

Исследования поэтических произведений подтверждают, что в поэзии единицы языка всегда существуют в рамках определенного текста. Поэтому проведение исследования художественного текста целесообразно в рамках совокупности единиц текста. Л.Г. Бабенко и группа авторов в книге «Лингвистический анализ художественного текста» об этом высказывают такое соображение: «Художественный текст – явление языка, и культуры, поэтому именно в тексте, в частности в поэтическом, язык как система максимально проявляет свои возможности (номинации и выражения, конденсации и накопления), свою динамику и универсальность. Единицы фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней языка претерпевают в тексте трансформацию, прежде всего, семантического характера, т. е. данные единицы в статусе текстовых единиц способны выражать те или иные текстовые смыслы»[15].

Из анализа научной литературы и рассмотрения дискуссий и обсуждений по теме языка стихотворения можно прийти к выводу, что, несмотря на соблюдение всех норм и законов языка литераторами, в частности поэтами, на протяжении истории и создания величественных произведений возник особый язык, в котором основные лексические, фонетические, грамматические и синтаксические единицы отражаются столь необычными способами

и оттенками, что невозможно наблюдать их в нормативной системе языка. На этой основе, в научных трудах ученых, которые дискутировали об исследовании и анализе языка стихотворения и его особенностях, глубокой разработке подвергнуты понятия «забони шеър ё шоирона», (язык стихотворения или поэзии), «забони тасвир» (язык описания), «забони маҷозӣ» (метафорический язык). Основная цель каждого из этих понятий – определить мастерство поэта, создающего новое в области художественного слова. То есть исследователи при использовании этих понятий, подвергая рассмотрению выразительность единиц языка в художественном произведении, особенно в языке стихотворения, в результате анализа эволюции творчества поэтов выявили такие грани их таланта как уместность использования и создания новых значений слов, оригинальность выражения мыслей. Ими раскрыт вклад каждого литератора в развитие языка художественного произведения.

Некоторые исследователи, называющие язык поэтических произведений описательным, высказали о нем интересные соображения. О языке описания как термина утверждали следующее: «Язык описания есть искусство использования в языке, который отличается в обычном отношении при практическом применении. В этой части поэты используют разные слова как метафора, иносказание, художественные и риторические выражения, кроме установленных ограничений, чтобы живым переносом и непосредственно особым чувством достичь цели»[16]. Любая творческая личность во время создания произведения, прежде всего, опираясь на нормативные основы языка, затем обращается к описательному языку. Ибо любое явление, которое проявляется в языке описания, сначала возникает на основе признанных законов языка, или так называемом нормативном, или литературном языке, а затем, на основе упомянутых единиц, переходит в описательный язык.

Важнейшее языковое отличие описательного языка от нормированного языка состоит в том, что нормированный язык является реальным и прозрачным, ибо его цель есть передача определенного послания. Поэтому язык выражает роль средства и места послания и, как прозрачное стекло, призывает мысль вне себя к посланию, которое расположено за стеклом. Однако описательный язык или язык искусства является равнозначным посланию, которое передается, важнейшей частью цели писателя, как цветное и разукрашенное стекло, привлекающее взгляд смотрящего перед проникновением.

Сущность творца в описательном языке исследуется учитывая просторечие и другие элементы в среде изложения, поэтики, риторики, красноречия. Совокупность приёмов языкового использования признают общим названием описательного языка. В зависимости от языка стихотворений поэтов и их изучения,

в литературоведении и в языкознании также возникли новые направления науки.

Язык стихотворения или поэтики обычно называют образным языком. Художественными словами являются не только слова, которые выражены посредством метафоры, но и слова, занимающие особое место в художественном произведении, играющие воздействующую роль в выражении мыслей поэта, описании вещей и различных событий.

Также необходимо заметить, что описательный язык или язык стихотворения во все времена, формируясь в творчестве конкретных людей, в то же время является одним из важных факторов, воздействующих на литературный язык на различных этапах социально-исторического развития общества.

О происхождении и историческом пути, формальных особенностях и литературно-эстетическом месте газели в литературном наследии прошлыми и современными исследователями высказаны интересные мысли. Так, по мнению большинства ученых, газель появилась на основе сочинения части касиды.

В большинстве публикаций разных лет высказывается гипотеза, что газель появилась из части касиды, которая приводится в ее начале. Профессор Х. Шарифов о лексическом значении газели и его терминологическом значении говорит следующее: «Семантика слова газель использована в значении страсть, легенда о любовных отношениях. Тема термина газель преимущественно есть любовь, поэтому назвали газель»[17].

Сирус Шамисо, анализируя исторический путь, формирования и совершенствование газели, пришел к выводу, что в литературе эпохи Саманидов, то есть в творчестве Рудаки и его современников наблюдается малое число газелей. В то время газель не сформировалась как отдельный литературный жанр и имела одинаковый редиф с тағаззул. В случае языка тағаззули қасиды и газели начального этапа развития литературы он подчеркивает: «Это малое число газелей и с точки зрения формы, и с точки зрения значения имеют отличие от терминологической газели. То есть их язык прост и является хорасанским стилем, хотя их содержание является любовным, однако преимущественно содержат земную и материальную любовь. В целом, содержание и выражение являются простым и начальным. Во всяком случае то, что развивается вместо газели, есть тағаззул»[18].

Таким образом, постепенно газель, сталкиваясь с различными социально-культурными событиями эпохи, в различных стихотворениях отражает общественную жизнь и другие духовные, исторические и природные события, создает благоприятные условия для совершенствования творческого мастерства поэтов – сочинителей газели.

Другая особенность, которая бросается в глаза в газели, является определенная самостоятельность ее бейтов. Каждый бейт внешне выражает отдельную мысль, чего не наблюдается в языке касиды. То есть в касиде описание событий подробное, для газели такая особенность не характерна. В газели отдельный бейт, лишь указывая на события, избегает подробных повествований или описаний.

Нужно подчеркнуть, что, во-первых, мелодичность или музыкальное свойство слов больше выражается в языке газели; при этом, если в касиде обращение направлено на восхваление властителей, в газели, прежде всего, обращение сосредоточено на любимой или возлюбленной.

Бросается в глаза и особенность языка газели в описаниях природы, где привлекают внимание красочные описания и воздействующие, пленяющие читателя описания, которые достигают особой выразительности при помощи метафор. Например, в нижеследующей газели Хафиза Ширази наступление весны описывается таким образом:

Гул бе рухи ёр хуш набошад,
Бе бода баҳор хуш набошад.
Тарфи чаману тавофи бустон
Бе лолаузор хуш набошад.
Рақсидани сарву ҳолати гул
Бе савти ҳазор хуш набошад.
Бо ёри шакарлаби гуландом
Бе бӯсу канор хуш набошад,
Ҳар нақш, ки дасти ақл бандад,
Ҷуз нақши нигор хуш набошад...[19]

Роза без лика любимой наслажденье не приносит,
Без вина красоты весны наслажденья не приносят.
Лугов цветущих поляны и ароматы садов,
Без тюльпаноликой радость не приносят.
Танец кипариса и очарованье розы
Без трели соловьев, вдохновенья не приносят.
Близость с медовоустой красавицей, как роза,
Без поцелуев и уединений, наслажденья не приносит.
Всякий рисунок, воображеньем ума сотворенный,
Как рисунок, созданный рукой возлюбленной...
радость не приносит.

В данном случае поэт стремится выбирать слова таким образом, чтобы они имели с какой-то стороны семантическое значение и способствовали воздействующему выражению. В вышеназванных

строках слова **гул** (цветок), **рух** (щека), **ёр** (друг), **бода** (вино), **баҳор** (весна), **лола** (тюльпан), **сарв** (кипарис), **савт** (голос), **ҳазор** (соловей) считаются ключевыми и семантико-образующими словами, для выражения значений которых в газели способствует глагол «хуш набошад» (не приносят).

Другая особенность языка газели выражается в том, что большинство её слов составляют собственно таджикские слова или лексику книжно-литературного языка, эти свойства можно наблюдать в языке большинства газелей персидско-таджикских поэтов. Это слова: «щека», «друг», «ветер», «весна», «тюльпан», «кипарис», «сова», «голос соловья».

Например:

Моро **гул**е а**з рӯйи ту чидан нагузоранд**,
Чидан чӣ хаёлест, ки **дидан нагузоранд.**
Сад шарбати **ширин зи лабат хастадилон**ро
Наздики лаб оранду чашидан нагузоранд.
Гуфтам, шунавад муждаи дашноми ту гӯшам,
Он низ шунидам, ки шунидан нагузоранд.
Зулфи **ту чи имкони кашидан, ки** рақибон
Сар дар қадамат **низ кашидан нагузоранд.**
Бахшой бар он мурғ, ки хуш гаҳи бисмил
Бар хок бирезанду тапидан нагузоранд.
Дил шуд зи ту сад пораву фарёд, ки ин қавм
Наъра **задану ҷома даридан нагузоранд.**
Магрез, Камол, **аз сари зулфаш**, ки **дар ин дом**
Мурғе, ки дарафтод, паридан нагузоранд[20].

Нам цветок сорвать с цветника лица твоего не позволяют,
Сорвать **подумать** – не дозволено, даже **взглянуть не позволяют.**
Сотни бокалов **сладкого** шербета **губ твоих,**
К устам жаждущих сердец, преподносят, но испить не позволяют.
Я пожелал услышать ухом весть об упреках твоих,
Но лишь услышал то, что услышать их мне не позволяют.
Могу ли я, **мечтать дотронуться до кос тугих твоих,**
когда соперники,
Главу свою сложить к ногам твоим, и то, **не позволяют.**
Вниманьем снизойди ты к птице, чью кровь на землю проливая,
Как жертву режут, но биться в предсмертной агонии не позволяют.
Сердце разорвалось на сотни кусков, но, горе, что это племя,
Кричать мне криком и рвать одежды на себе, не позволяет.
Не убегай Камол, **от локонов её, ибо в эти силки**
Какая б птица не попалась, взлететь ей не позволяют.

Как видно, в этом стихотворении все слова, кроме слов **хаёл, шарбат, зулф, рақиб, қадам, бисмил, қавм, наъра ва Камол,** по происхождению таджикские. То есть из 84-х слов, использованных в лексическом составе этой газели, 75 являются таджикскими, 9 слов заимствовано из арабского языка, соответственно 89,2% слов составляют собственно таджикские слова.

Таким образом, газель всеми своими языковыми особенностями на протяжении веков смогла отражать все фонетические, морфологические и синтаксические возможности таджикского языка. В тоже время, считаясь важным средством для развития и совершенствования различных сторон языка, привлекала выдающихся литераторов для развития и совершенствования таджикско-персидского языка.

Хорошая газель должна обладать следующими лингвистическими особенностями, в частности, такими важными лексико-семантическими свойствами:

1. В газели не должны употребляться ненужные слова.
2. В газели не должно быть недостойных слов.
3. Естественная поэзия слов не должна быть отшлифована под воздействием необходимости ритма и рифмы. То есть без надобности требований аруза и рифмы фонетическая и лексическая среда, и морфологические и синтаксические нормы слов и словосочетаний не должны быть изменены.
4. Форма стихотворения должна соответствовать его цели.
5. В газели должна присутствовать завершенность мысли и находчивость формы.
6. Важнее всего воздействием слов воспламенять воображение и чувства читателя.

Литература

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, Уральский университет, 2000. 534 с.

Гудкова Я.А. Антонимия в первичном и вторичном поэтическом тексте (на материале произведений Дж.Г.Байрона «Дон Жуан» и А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2010. 25 с.

Пискунова С.В. Тайны поэтической речи. Тамбов, ТГУ, 2002. 408 с.

Шарифов Х. Балоѓат ва суханварї. Душанбе: Ирфон, 2002. 276 с. (на тадж языке).

سید احمد صفای. علم کلام.– تهران:انتشارات دانشگاه تهران، 1374.147 ص.

سید محمد راستگو. هنر سخن آرای.– تهران: سازمان مطالعه و تدوینی کتب علوم انسانی دانشگاهها (سمت)، 1382–349 ص.

سیروس شمیسا. سیر غزل در شعر فارسی.– تهران: انتشارات فردوسی، 1372.– 312 ص.

سیما، داد. فرهنگ اصطلاحات ادبی. تهران. «مروارید»، 1403، 594 ص.
محمد رضاشفیعی کدکنی. مسیقی شعر.– تهران: آگاه، 1370.– 679 ص.
محمد جعفر محجوب. سبک خراسانی در شعر فارسی. بررسسی مختصات سبکی شعر فارسی.– تهران: انتشارات فردوسی و جامی– 737 ص.
واژه نامه هنر شاعری (میمنت میرصادقی) .– تهران: کتاب مهناز، 1376.– 374 ص.

Источники

خاقانی شروانی. دیوان.– تهران: نگاه، 1375.–762 ص.
کمال خجندی. دیوان.– تهران: سازمان چاپ و انتشارات وزارت فرهنگ و ارشاد اسلامی، 1375. 480 ص.
حافظ شیرازی. دیوان کامل لسان الغیب.– تهران: آتیهٔ هنر، 1388.– 389 ص.
سعدی. کلیات.– تهران:اسو، 1375.–896 ص.
عراقی، شیخ فخر الدین ابراهیم همدانی. کلیات دیوان– تهران: سازمان انتشارات جاویدان، 1374.–1148ص.
مولانا جلال الدین محمد مشهور به مولوی. کلیت شمس (مطابق نسخهٔ تصحیحشدهٔ استاد بدیع الزمان فروزانفر).– تهران: چاپخانهٔ مهارت، 1374.–748 ص.

Информация об авторе

Мухаммаддовуд Саломиён, доктор филологических наук, профессор, Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33, salomov1967@mail.ru

Information about the author

Muhammaddovud Salomiyon, Dr. of Sci. (Philology), professor, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Av., Tajikistan, Dushanbe, 734025; salomov1967@mail.ru

Примечания

[1] *Пискунова С.В.* Тайны поэтической речи. Тамбов, ТГУ, 2002. С. 8.
[2] Хокони Шарвони. Диван. Тегеран, Нигох, 1375. С. 412 (на фарси).
[3] Здесь и далее подстрочный перевод автора.
[4] Ироки, Шайх Фахруддин Иброхим Хамадони. Полное собрание сочинение. Тегеран: Типографическая организация Джовидон, 1374. С. 386 (на фарси).
[5] Маулана Джалалуддин Мухаммад, известный как Мавлави. Полное собрание сочинение (согласно переработанной версии «Устад Бади аз-Заман Форозанфар»). Тегеран: Типография «Махарат», 1995. С. 386 (на фарси).

[6] *Хафиз Ширази.* Полное собрание сочинение лисон-улгайба. Тегеран, Типография «Атияи хунар», 1388. С. 245 (на фарси).
[7] *Гудкова Я.А.* Антонимия в первичном и вторичном поэтическом тексте (на материале произведений Дж.Г. Байрона «Дон Жуан» и А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 12.
[8] Словарь поэтического искусства (Майяманат Мирсодики). Тегеран: «Махназ Бук», 1997. С. 145 (на фарси).
[9] Мохаммад Реза Шафии Кадкани. Музыка поэзии. Тегеран: Agah, 1991. С. 5 (на фарси).
[10] Там же.
[11] Сейед Ахмад Сафаи. Наука о слове. Тегеран: Издательство Тегеранского университета, 1995. С. 5 (на фарси).
[12] Там же. С. 6.
[13] Маулана Джалалуддин Мухаммад, известный как Мавлави. С. 407.
[14] Там же. С. 1086.
[15] *Бабенко Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Уральский университет, 2000. С. 293.
[16] Симо Дод. Словарь литературных терминов. Тегеран: Марворид, 1378. С. 261 (на фарси).
[17] *Шарифов Х.* Красноречие и ораторское искусство. Душанбе: Ирфон, 2002. С. 198 (на тадж. языке).
[18] Там же. С. 36.
[19] Хафиз Ширази. Полное собрание сочинение лисон-улгайба. С. 117.
[20] Камаль Ходжанди. Диван (под редакцией Азиза Долатияра). Тегеран: Полиграфическая и издательская организация Министерства культуры и исламской ориентации, 1375. С. 180 (на фарси).

Таджикско-российское культурное сотрудничество: на примере музыкального искусства (1991–2023 гг.)

Манзура М. Хасанова

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, manzura_h@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-1824-4863

Аннотация. В статье рассматривается таджикско-российское сотрудничество в области музыкального искусства в постсоветский период. Отмечается, что в 90-е годы XX в., несмотря на тяжелую политическую и экономическую ситуации в Таджикистане, был подписан ряд соглашений между министерством культуры Российской Федерации и министерством культуры Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма, благодаря которым стали проводиться гастроли песенных, танцевальных, театральных, фольклорных коллективов и отдельных исполнителей, их участие в фестивалях, Днях культуры, и организация других культурных мероприятий, проводимых обеими сторонами.

Следует отметить, что проведение Дней культуры берет начало еще в советском периоде истории страны, способствуя взаимообогащению народов. Проведение дней культуры являются значимыми событиями для культурного диалога и для развития дружбы и сотрудничества между участвующими сторонами.

Культурные связи с Россией не прерывались даже в самый сложный период истории республики, а со стабилизацией политической обстановки, начиная с 2000-х гг., благодаря двусторонним соглашениям и договорам между двумя странами, получили новый импульс, чему примером является первое десятилетие XXI века, когда происходит заметное оживление в этой сфере.

Ключевые слова: Таджикско-российское сотрудничество, музыкальное искусство, концерт, произведение, исполнитель, композитор

© Хасанова М.М., 2025

Tajik-Russian cultural cooperation: on the example of musical art (1991–2023)

Manzura M. Khasanova
Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, manzura_h@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-1824-4863

Abstract: The article examines Tajik-Russian cooperation in the field of musical culture in the post-Soviet period. It is noted that in the 90s of the twentieth century, despite the difficult political and economic situation in Tajikistan, a number of agreements were signed between the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan on cooperation in the field of culture, science and technology, education, health, information, sports and tourism, thanks to which tours of song, dance, theater, folklore groups and individual performers began to be held, their participation in festivals, Days of Culture, and the organization of other cultural events held by both parties.

It should be noted that the holding of Days of Culture dates back to the Soviet period of the country's history, promoting the mutual enrichment of the cultures of peoples. Holding Days of Culture is a significant event for cultural dialogue and for the development of friendship and cooperation between the parties. Cultural ties with Russia were not interrupted even during the most difficult period in the history of the republic, and with the stabilization of the political situation, starting in the 2000s, thanks to bilateral agreements and treaties between the two countries, they received a new impetus, an example of which is the first decade of the 21st century, when there is a noticeable revival in this area.

Keywords: Tajik-Russian cooperation, musical art, concert, work, performer, composer

Душанбе, как столица республики, является культурным центром Таджикистана. Здесь сосредоточены театры, музеи, концертные залы, художественный и музыкальный колледжи, детские школы искусств, Таджикская национальная консерватория им. Т. Сатторова, Таджикский государственный институт культуры и искусств им. М. Турсун-заде, Государственный академический театр оперы и балета им. С. Айни, Таджикская государственная филармония им. А. Джураева.

В советском прошлом музыкальная жизнь города была насыщена музыкальными событиями и интенсивностью творческой жизни. В театре оперы и балета им. С. Айни ежедневно проходили балетные и оперные спектакли, проводились вечера, посвященные юбилейным датам, утренние детские спектакли. В балетных и оперных спектаклях участвовали ведущие солисты, приглашенные из других театров страны.

В Государственной филармонии функционировал симфонический оркестр, который исполнял наряду с мировой западноевропейской, русской классикой произведения таджикских композиторов. Проводились съезды и пленумы Союза композиторов СССР и Таджикской ССР, фестивали, конкурсы. Другой, не менее важной стороной музыкальной жизни страны, были гастроли, благодаря которым местные слушатели знакомились с творчеством композиторов других республик, а также имели возможность услышать известных музыкантов мирового уровня. В Душанбе с гастролями в разное время побывали такие известные музыканты, как М. Ростропович, Т. Николаева, З. Долуханова, Д. Башкиров, О. Крыса, Н. Демиденко, В. Пикайзен, квартет им. Бетховена и Московский квартет, Государственный ансамбль классического танца «Молодой балет Алма-Аты» и многие другие. Гастроли известных музыкантов и коллективов состоялись не только в столице, но и в других городах. Так, событием в музыкальной жизни республики начала 1980-х годов стали гастроли Алтайского краевого театра оперетты в Душанбе и Ленинабаде (ныне Худжанд).

Между тем, как известно, в 1991 г. после распада СССР, образовались новые суверенные государства, которые отныне выбирали самостоятельно свой курс в политике, экономике и культуре. Таджикистан в последнее десятилетие XX века оказался в очень сложной политической ситуации, прежде всего, в связи с вооруженным противостоянием, приведшим к невосполнимым потерям во всех сферах жизнедеятельности страны. В таких условиях не могло быть прежней культурной жизни в республике, чему способствовал, кроме прочих причин, таких как закрытие театров, распад художественных коллективов, также и массовый отток высококвалифицированных, прежде всего, русскоязычных специалистов в области культуры и искусства.

Роль русских деятелей искусства в становлении и развитии музыкальной культуры Таджикистана в XX в. велика. Об этом много написано в трудах исследователей. Целью настоящей статьи является обзорное рассмотрение таджикско-российских связей в области музыкального искусства в 1991–2023 гг.

С установлением дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией 8 апреля 1992 г.

был подписан ряд Соглашений между двумя странами о взаимном сотрудничестве в разных областях, в том числе в музыкальном искусстве.

В статье 1 Соглашения между министерством культуры Российской Федерации и министерством культуры Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19 сентября 1995 г. говорится: «Стороны в соответствии с национальным законодательством создают благоприятные условия для развития сотрудничества в области музыкального, театрального, изобразительного искусства, кинематографии, библиотечного и музейного дела, народных промыслов, декоративно-прикладного, самодеятельного, эстрадного и циркового искусства, сохранения и популяризации объектов историко-культурного наследия»[1]. Претворением в жизнь условий этого документа явилось проведение «гастролей песенных, танцевальных, театральных, фольклорных коллективов и отдельных исполнителей, их участие в фестивалях, Днях культуры, и организация других культурных мероприятий, проводимых обеими сторонами»[2].

На протяжении рассматриваемого периода регулярно проводились дни культуры России в Таджикистане, и дни культуры Таджикистана в РФ, в которых традиционно принимали участие ведущие творческие коллективы и исполнители с обеих сторон. Дни культуры являются значимыми событиями для культурного диалога и для развития дружбы и сотрудничества между участвующими сторонами. Кроме того, проведение этих мероприятий является свидетельством стремления народов двух государств к взаимному духовному обогащению и укреплению уз дружбы.

Следует отметить, что проведение Дней культуры берет начало еще в советском периоде истории страны, способствуя взаимообогащению культур народов, что особенно стало актуальным для Таджикистана в 1990-х – 2000 гг. В конце XX века правительство и президент страны сделали все возможное для восстановления всех сфер жизнедеятельности страны, в том числе и культурной. Дни культуры дружественных стран в годы гражданского противостояния и в период, когда республика только входила в мирную жизнь, для таджикских слушателей стали едва ли не единственной возможностью услышать известных исполнителей и профессиональные творческие коллективы.

Дни культуры проводились также и на уровне столиц двух стран, в рамках которых в 1997 г. состоялись Дни культуры Душанбе в Москве, а в 1998 г. Дни культуры Москвы в Душанбе. На последних, состоялись концерты М. Магомаева, Л. Рюминой, Анастасии, Юлиана, О. Газманова, Русского балета, ансамблей

«Доктор Ватсон», «Барабанщицы». В театре оперы и балета им. С. Айни был показан спектакль «Гуд бай, Америка» Московского театра юного зрителя[3]. С большим успехом прошел концерт солистов Большого театра Т. Ерастовой и заслуженного артиста России П. Глубокого[4]. Дни культуры города Москвы в Душанбе также были проведены в 2008 г. Тогда на лучших концертных площадках столицы Таджикистана выступили звезды эстрады и творческие коллективы, в том числе Клара Новикова, Валентина Толкунова и Людмила Николаева, солисты Большого театра Евгений Поликанин, и Марина Шутова, балетная труппа Московского академического театра имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, ансамбль «Русская душа».

Российские деятели музыкального искусства и коллективы выступали не только в столице республики, но и в других городах. Так, в 2004 г. в Таджикистане прошли Дни культуры Российской Федерации. Российские артисты, среди которых были солисты Большого театра России, камерный оркестр «Московия» под руководством Э. Грача, ансамбль танца «Русские сезоны», эстрадная группа «Отпетые мошенники», квартет «Московская балалайка» выступили с концертами в Душанбе, Курган-тюбе, Нуреке и Турсунзаде. Ответно, в 2005 г., в Москве прошли Дни культуры Таджикистана в России. На открытии, которое состоялось в Большом театре, была показана разнообразная программа, в которой наряду с ведущими солистами театра оперы и балета им. С. Айни А. Мирраджабовым, Р. Дуллоевым, М. Достиевым, выступили также танцевальные ансамбли «Зебо» и «Гульрез»[5].

К 20-летию независимости Республики Таджикистан (2011) были приурочены Дни культуры Таджикистана в Российской Федерации. Открытие состоялось в Малом художественном академическом театре города Москвы. Концерты таджикских артистов состоялись также в Санкт-Петербурге, где во Дворце офицеров выступили народный артист РТ С. Билолов, солистка театра оперы и балета им. С. Айни Ш. Усманова, танцевальный ансамбль «Гульрез» и др.

В 2017 г. в Душанбе были проведены Дни культуры г. Санкт-Петербурга с участием солистов Мариинского театра заслуженной артистки Северной Осетии В. Ястребовой, заслуженного артиста Карелии Вл. Целебровского, а также А. Серова и Ю. Сулеймановой[6]. Годом позже таджикские артисты показали свое искусство на сцене Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова в северной столице России.

Кроме дней культуры, в Душанбе – столице Таджикистана, проходили также и гастроли российских музыкантов. Так, осенью 2004 г. состоялись гастроли Большого театра России

в Таджикистане с участием ведущих солистов оперы и балета и симфоническим оркестром театра под управлением Александра Титова. Москвичи показали фрагменты из балетов «Спартак» А. Хачатуряна, «Дон-Кихот» Л. Минкуса, опер «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Кармен» Ж. Бизе, «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова, «Фауст» Ш. Гуно. Гала-концерты начинались с увертюры к опере М. Глинки «Руслан и Людмила», а второе отделение – полонезом из оперы П. Чайковского «Евгений Онегин»[7]. Эти концерты надолго остались в памяти таджикистанцев, поскольку, как отмечает музыковед Л. Назарова: «Яркая трактовка музыки русских композиторов... отличалась высоким профессиональным уровнем, давно забытым академическим театром им. С. Айни»[8].

В Международный день музыки в 2007 г. состоялся сольный концерт пианистки Московской филармонии, лауреата международных конкурсов и молодежной премии «Триумф» Е. Мечетиной, в исполнении которой прозвучали сонаты Ф. Шопена, С. Прокофьева, а также Новая соната, этюды-картины для фортепиано «Суфий и Будда», «Игра в нарды» Т. Шахиди[9].

18–19 сентября 2008 г. в Душанбе состоялся III Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ. В рамках этого форума в Душанбе выступил всемирно известный пианист **Денис Мацуев с Молодежным симфоническим оркестром СНГ** под управлением Юрия Симонова. В программе прозвучали Увертюра к «Эгмонту» Бетховена, Второй фортепианный концерт С. Рахманинова. Второй раз Д. Мацуев приехал в Душанбе в июле 2023 г. Концерт состоялся в рамках Дней культуры РФ в РТ в театре оперы и балета им. С. Айни. В программе под названием «И классика, и джаз» приняли участие также А. Иванов (контрабас), А. Зингер (ударные инструменты). Прозвучали произведения Г. Генделя, Л. Бетховена, Ф. Шопена, П. Чайковского, А. Скрябина, С. Рахманинова и джазовые импровизации[10].

Огромный вклад в дело поддержки музыкальной жизни Таджикистана 90-х годов XX в., внес композитор Толиб Шахиди, один из немногих музыкантов, который в сложное для республики время, когда само существование академического музыкального искусства, по мнению некоторых деятелей культуры, было под вопросом, стал инициатором и организатором концертов, конкурсов, фестивалей, и развернул широкое поле деятельности в этом направлении. Плодами его самоотверженного труда явились Международный фестиваль «Приношение Моцарту», конкурс пианистов, посвященный 100-летию со дня рождения С. Прокофьева, фестиваль юных талантов, цикл концертов «Гармония мира» и другие. В 1994 г. один из концертов под названием «Русь и Восток» из цикла «Гармония мира», прошедший под знаком русской мировой

музыкальной классики, был организован Таджикским театром оперы и балета им. С. Айни совместно с Российским посольством[11]. В программе прозвучали произведения М. Глинки, Н. Римского-Корсакова, А. Бородина, П. Чайковского, С. Рахманинова.

Толиб Шахиди внес свой заметный вклад в таджикско-российское сотрудничество в области музыкальной культуры. Он был также организатором концертов в городе Душанбе лауреата Международных конкурсов им. Ф. Листа в Будапеште и им. С. Рахманинова в Москве, профессора Екатеринбургской консерватории им. М. Мусоргского Валерия Шкарупы, который в настоящее время является ректором этой консерватории. В 2001 г. впервые в Душанбе, где он окончил Республиканскую среднюю специальную музыкальную школу им. П.И. Чайковского (ныне З. Шахиди), прошел его благотворительный моно-фестиваль. В течение нескольких дней звучала сложнейшая программа, включающая в себя «широкий спектр фортепианной музыки великих мастеров ... от барокко через венский классицизм к романтизму»[12]. Концерты В. Шкарупы, благодаря которым душанбинский слушатель имел возможность услышать произведения классиков мировой музыкальной культуры в исполнении талантливого пианиста, проводились несколько лет подряд. В программу своих концертов В. Шкарупа постоянно включал произведения и таджикских композиторов. Так, на одном из концертов В. Шкарупа в собственной транскрипции для фортепиано исполнил пьесу для скрипки и фортепиано «Ёди гамгин» («Грустное воспоминание») Т. Сатторова, внеся в это полное светлой грусти произведение трагические ноты, связанные с кончиной композитора, ушедшего в расцвете творческих сил.

Авторские концерты самого Т. Шахиди, неоднократно проходили в Москве и других городах России. Так, в 2001 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся творческий вечер композитора. В программе концерта: «Фирдоусиада», Кончерто – гроссо № 2; Концерт для скрипки с оркестром (солист С. Кравченко), Концерт для ф-но с оркестром (солист А. Сканави), Каприччио для саксофона с оркестром (солист П.С. Меже), вокальный цикл «Добро вам» на стихи Хафиза, Гёте, Пушкина; Марш для симфонического оркестра. Произведения Т. Шахили прозвучали в исполнении симфонического Оркестра кинематографии, под управлением С. Скрипки[13].

К 60-летию со дня рождения Т. Шахиди (2006) состоялся авторский концерт в Концертном зале им. П. Чайковского в Москве. На этом концерте были представлены произведения, написанные им в разные годы: от ранних до зрелых. Так, прозвучала симфоническая поэма «Туёна» («Празднество»), написанная в 1974 г., отрывки из балета «Рубаи Хайяма» (1980 г.), Третий концерт для фортепиано

с оркестром в исполнении государственного симфонического оркестра России под управлением А. Слуцкого, солисты – Хибла Герзмава (сопрано), Е. Мечетина (фортепиано)[14].

Концерты, посвященные 70-летию композитора, прошли в Малом и Большом залах Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Были исполнены как ранние произведения, так и новые опусы, в числе последних, кларнетовый концерт. Среди исполнителей была солистка Мариинского театра Наталья Павлова (сопрано), в исполнении которой прозвучал цикл из трех романсов. В исполнении пианиста Вазгена Вартаняна и дудукиста Хачатура Саркисянца, прозвучала Рапсодия для фортепиано с оркестром и солирующим дудуком, посвященная Араму Хачатуряну, в классе которого учился Т. Шахиди. В концерте для кларнета солировал Игорь Федоров. В концерте принимал участие Государственный академический симфонический оркестр России им. Е.Ф. Светланова, дирижировал Хобарт Эрл. Творческое сотрудничество связывает этого композитора также с одним из выдающихся дирижеров современности Валерием Гергиевым. С 2007 по 2011 г. Таджикская Национальная консерватория и министерство культуры Таджикистана ежегодно проводили Международный фестиваль «Бахористон», в котором принимали участие музыканты стран Центральной Азии и России. В 2009 г. в III Международном фестивале профессионального музыкального искусства «Бахористон» приняли участие пианисты международного класса Вазген Вартанян и Валерий Шкарупа (Россия), Зайтуна Нарынбаева и Гульшан Конушева (Кыргызстан), Сергей Ким (Казахстан). В 2010 г. Международный фестиваль «Бахористон» был посвящен 200-летию выдающихся композиторов романтиков Ф. Шопена и Р. Шумана. В числе выступивших были и музыканты из России – В. Шкарупа, Е. Симакова, В. Тарасова.

В юбилейном для республики 2011 г. «Бахористон» был посвящен музыкантам-соотечественникам, ныне проживающим и работающим за пределами Таджикистана, в том числе и в России, к которым относятся композиторы П. Турсунов, П. Тураби, А. Бакаев, К. Тушинок, скрипачка С. Кашгарова, пианист В. Шкарупа. Проживая и работая вдали от родины, эти музыканты вносят свою лепту в развитие таджикско-российских культурных связей.

Популярный жанр эстрадной музыки был представлен в эти годы широко. Так, в 2010 г. в Душанбе был проведен Международный музыкальный фестиваль «Небо Содружества», на котором выступили молодые эстрадные певцы из стран СНГ. Нашу республику представляла победительница Международного конкурса «Пять звезд», проходившего в г. Сочи в 2008 г., Тахмина Ниезова. По условиям конкурса, следующий должен был проводиться в стране победителя,

но в связи с тем, что в 2009 г. в Душанбе не было технических возможностей для проведения такого уровня международного конкурса, было решено провести музыкальный фестиваль «Небо Содружества», а не конкурс «Пять звезд. Интервидение». Такой же фестиваль был проведен в таджикской столице и в следующем, 2011 г. На концертах в рамках фестиваля Россию представляли победитель телевизионного проекта «Фабрика звезд» Дмитрий Колдун, певцы С. Лазарев, Слава, Максим, Ю. Савичева, балерина А. Волочкова.

В разные годы в Душанбе с концертами приезжали и другеи российские звезды и эстрадные группы, например: «На-на», рук. Б. Алибасов, (1999 г.); Лада Дэнс, Д. Маликов, группа «Блестящие» (2000 г.); Авраам Руссо, Жасмин (2004 г.) и мэтр российской эстрады И. Кобзон (2007 г.).

В рамках таджикско-российского сотрудничества в 1997 г. при Российско-Таджикском Славянском Университете был создан фольклорный ансамбль «Славяне», организаторами и художественными руководителями которого являлись Е.П. Киба и З.Т. Султанова. Этот ансамбль существует и поныне. В репертуар ансамбля входят русские, украинские, белорусские народные песни. «Славяне» часто выступают в Посольстве Российской Федерации в Таджикистане, на военной российской базе, в городах и районах республики. Профессиональный уровень ансамбля довольно высок, что позволяет ему выступать на правительственных концертах, посвященных приему первых государственных лиц в Таджикистане, встречах глав государств Евроазиатского Содружества, празднования Дней Конституции и Независимости РТ, популяризируя своим творчеством русское искусство. В октябре 2007 г. в Москве этот ансамбль стал лауреатом Первого Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья «Русская песня». В Таджикистане этот ансамбль является одним из ведущих коллективов, которые пропагандируют русские народные песни.

В 2017 г. в Душанбе в зале ТГИКИ им. М. Турсунзаде проходил Международный музыкальный фестиваль «Волшебные звуки органа». Несколько дней звучала органная музыка в исполнении Р. Абдуллина (Россия, Казань), Н. Брагинской (Новосибирск) и др. К сожалению, орган, в реставрацию которого было вложено много сил и средств, чаще всего простаивает из-за того, что в Таджикистане нет своих органистов, хотя руководство страны уделяет большое внимание вопросам музыкального образования, направляя перспективных студентов для продолжения обучения в ведущие консерватории России и других стран. Так, Таджикская национальная консерватория им. Т. Сатторова сотрудничает с Московской государственной консерваторией им. П.И. Чайковского, Новосибирской государственной консерваторией им. М. Глинки и др.

На основе взаимной заинтересованности в 2010 г. тогдашние ректоры ТНК Р. Амиров и Новосибирской консерватории К.М. Курленя подписали долгосрочный Договор о сотрудничестве, в котором акцент делался на развитии взаимного научного потенциала. Так, Диссертационный совет Новосибирской консерватории принимает к защите кандидатские и докторские диссертации, подготовленные специалистами из Таджикистана. Также в аспирантуре и докторантуре Новосибирской консерватории обучаются многие выпускники и преподаватели ТНК. Итогом этой деятельности стала защита двух докторских диссертаций – Ф. Азизи «Маком и фалак как явления профессионального традиционного музыкального творчества таджиков» (2009) и Ф. Ульмасова «Многомерность восточной монодии в контексте сольного вокально-инструментального музицирования: на материале таджикской и узбекской музыки» (2017) и трех кандидатских – Ш. Мирзоева «Таджикская опера: этапы становления и приоритеты образной сферы» (2012), К. Рахимова «Таджикская версия эпоса «Гуругли» в традициях школы Хикмата Ризо» (2014) и С. Давлатовой «Суфийская тема в творчестве таджикского композитора Толиба Шахиди» (2020).

В сотрудничестве Таджикской национальной консерватории с Новосибирской консерваторией большую роль сыграла доктор искусствоведения, профессор консерватории М.Н. Дрожжина. Под ее руководством были защищены кандидатские диссертации, также она консультировала докторские диссертации таджикских соискателей. Вместе с тем, исследованием таджикской музыки занимаются не только таджикистанцы, но и российские аспиранты. Так, П. Тончук – аспирантка М.Н. Дрожжиной, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фуга как универсальный художественный концепт (на примере цикла «Рисунки по шелку» Ф. Бахора)». Такое сотрудничество, безусловно, способствует взаиморазвитию и активизации научной и образовательной деятельности названных учреждений.

Таким образом, из представленного в данной статье далеко не полного обзора таджикско-российского сотрудничества в области музыкального искусства в 1991–2023 гг., можно констатировать, что культурные связи с Россией не прерывались даже в самый сложный период истории республики, а со стабильностью политической обстановки, начиная с 2000-х, благодаря двусторонним соглашениям и договорам между двумя странами, получили новый импульс, чему примером является первое десятилетие 21 века, когда происходит заметное оживление в этой сфере.

Информация об авторе

Манзура М. Хасанова, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Таджикистан; 734001, Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки 33; *manzura_h@mail.ru*

Information about the author

Manzura M. Khasanova, Dr. of Sci. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; bld. 33, Rudaki Av., Tajikistan, Dushanbe, 734001; *manzura_h@mail.ru*

Примечания

[1] Соглашение между министерством культуры Российской Федерации и министерством культуры Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19 сентября 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901169 (дата обращения: 18.10.2025)

[2] *Каримова Р.Н.* Культура Таджикистана в годы независимости (1991–2011 гг.). Душанбе, 2013. С. 98.

[3] *Назарова Л.* Мечта, не имеющая границ // Дарё. 2001. № 2.

[4] *Фролов В.* Праздник вдвойне удался // Вечерний Душанбе.1998. 23 марта.

[5] *Хамрабаева Н.* Дни культуры в Большом // ASIA-Plus, 2005, 29 ноября.

[6] *Подвилова В.* Чем живет театр в преддверии Навруза // Бизнес и политика. 1998. 20–27 марта.

[7] *Большой театр в Таджикистане* // Народная газета». 2004. 7 ноября

[8] *Назарова Л.* Долгое возвращение, крепкие связи // Народная газета. 2004. 8 декабря.

[9] *Мансурходжаев М.* Святая к музыке любовь // Народная газета. 2007. 10 октября.

[10] *Мифтахова А.П.* «И классика, и джаз»: Д. Мацуев сыграл свои «бисы» и импровизации для таджикской публики // Азия-Плюс. 2023. 8 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/life/culture/20230708/i-klassika-i-dzhaz-denis-matsuev-sigral-svoi-bisi-i-improvizatsii-dlya-tadzhikskoi-publiki (дата обращения: 18.10.2025)

[11] *Назарова Л.* Возвышенное и земное. Размышления после концерта // Народная газета. 1994. 16 февраля.

[12] *Назарова Л.* Мечта, не имеющая границ // Дарё. 2001. № 2.

[13] Таджикская музыка звучит на лучших мировых сценах // Бизнес и политика. 2001. 22 ноября; *Савицкая Е.* Философская проза, воплощённая в звуках...// Бизнес и политика. 2002. 24 мая.

[14] *Бородин Б.* Триумф на Триумфальной // Бизнес и политика. 2008. 31 января.

Таджикистан в интеграционных процессах на пространстве СНГ

Рахмон У. Ульмасов

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан, ulmasovr@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Аннотация. В статье анализируется эволюция интеграционной политики Таджикистана на постсоветском пространстве, его участие в многоуровневых региональных объединениях и стратегическое значение этих процессов для устойчивого экономического развития и укрепления международных позиций страны. Автор подробно рассматривает исторические и геоэкономические предпосылки формирования самостоятельного интеграционного пространства в Центральной Азии, включая культурное родство народов региона, географическую близость и взаимодополняемость экономик соседних государств. Особое внимание уделяется роли СНГ, ЕАЭС, ШОС и других организаций как эффективных инструментов политического диалога, координации внешнеэкономических связей и совместного реагирования на вызовы глобализации. Освещены ключевые геополитические риски, демографические факторы, миграционные процессы и успешные примеры двустороннего сотрудничества с Россией, Китаем, Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Главный вывод в статье. Зачем Таджикистану интеграция? Во-первых, Таджикистан выходит из геополитического тупика; во-вторых, интеграция служит фактором стабильности и сохранения мира в регионе.

Делается вывод о том, что разноуровневость и разноскоростность интеграции требуют гибкой стратегии и скоординированных усилий государства, направленных на сохранение национальных интересов и достижение устойчивого роста в условиях меняющейся международной обстановки.

Ключевые слова: интеграционная политика, СНГ, Центральная Азия, Таджикистан, внешнеэкономическое сотрудничество, миграция, Россия, Китай

© Ульмасов Р.У., 2025

Tajikistan in the integration processes in the CIS area

Rahmon U. Ulmasov
Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan, ulmasovr@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7968-7981

Abstract. The article analyzes the evolution of Tajikistan's integration policy in the post-Soviet space, its participation in multi-level regional associations and the strategic importance of these processes for sustainable economic development and strengthening the country's international position. The author examines in detail the historical and geo-economic prerequisites for the formation of an independent integration space in Central Asia, including the cultural kinship of the peoples of the region, geographical proximity and complementarity of the economies of neighboring states. Special attention is paid to the role of the CIS, the EAEU, the SCO and other organizations as effective instruments of political dialogue, coordination of foreign economic relations and joint response to the challenges of globalization. Key geopolitical risks, demographic factors, migration processes and successful examples of bilateral cooperation with Russia, China, Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan are highlighted. The main conclusion in the article. Why does Tajikistan need integration? First, Tajikistan is breaking the geopolitical impasse; Secondly, integration serves as a factor of stability and preservation of peace in the region. It is concluded that the multi-level and multi-speed integration requires a flexible strategy and coordinated government efforts aimed at preserving national interests and achieving sustainable growth in a changing international environment.

Keywords: integration policy, CIS, Central Asia, Tajikistan, foreign economic cooperation, migration, Russia, China

Необходимость интеграции постсоветского пространства в Таджикистане никогда и никем не ставилась под сомнение. На вербальном уровне эта идея является аксиоматичной. Тем не менее на практике решение данной проблемы становится всё более отдалённым, если вообще остаётся возможным. В течение более тридцати лет Таджикистан пытается использовать интеграционный механизм для ускорения экономического роста[1]. Разноуровневость, разноскоростность, разбалансированность и разновекторность интеграционных процессов создает системный вызов для гармоничного развития республики, ответ на который требует мобилизации и координации усилий Сообщества для содействия синергии потенциалов и направлений развития[2].

Если первая половина XX века стала эпохой формирования независимых национальных государств, то во второй половине XX века начался обратный процесс. Эта новая тенденция сначала (с 1950-х гг.) получила развитие только в Европе, а затем (с 1960-х гг.) распространилась и на другие регионы[3]. В XXI веке человечество становится свидетелем усиления взаимозависимости государств на планете. Центральноазиатский регион превратился в арену противостояния крупнейших держав современности. Современные геополитические процессы в Центральной Азии обусловлены рядом экономических, политических и исторических закономерностей[4].

Перед Республикой Таджикистан и другими странами, которые обрели государственный суверенитет после распада СССР, стояли серьёзные трудности, связанные с резким падением производства и снижением их влияния на мировые процессы, обусловленные переходным периодом и крахом прежней системы международных отношений. Вместе с тем появление новых возможностей для участия в международном разделении труда требовало дополнительных усилий по их реализации[5].

Одним из значимых событий в деятельности СНГ стало подписание на заседании Совета глав правительств 18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге Договора о зоне свободной торговли. Это событие положительно повлияло на интеграционные процессы в целом на постсоветском пространстве. Эффективные механизмы интеграции на этом пространстве способствуют политической, экономической и культурно-гуманитарной связке. К ним относятся СНГ, Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. В условиях нынешней геополитической турбулентности отношения Российской Федерации с государствами Центральной Азии успешно проходят испытания на прочность. «...осуществляется интенсивный политический диалог на высшем и высоком уровнях»[6].

За 2023 г. я насчитал более 90 таких контактов. Таким образом, несмотря на некоторое замедление до умеренных уровней, рост ВВП в странах Кавказа и Центральной Азии, согласно прогнозам, остался устойчивым на уровне 3,9% в 2024 г., а затем ускорится до 4,8% в 2025 г.[7] Объемы торговли между Китаем и Европой через Центральную Азию выросли более чем в четыре раза.

Согласно данным Главного таможенного управления КНР, в 2024 г. объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии приблизился к рекордными 95 млрд долларов США, увеличившись на почти 5,5 млрд долларов США по сравнению с 2023 годом.

Республика Таджикистан – это не обособленная территория, а часть определённых географических и политических систем

мирохозяйственных связей. Через территорию Таджикистана ещё в древности пролегал Великий Шёлковый путь, связывавший Восток и Запад. Особую значимость и динамичность эти связи приобрели после обретения центральноазиатскими странами независимости и суверенитета. Сегодня государственную независимость Республики Таджикистан официально признали более 180 стран мира. В течение 30 лет Президент Таджикистана 20 раз участвовал и выступал на заседаниях Генеральной Ассамблеи этой авторитетнейшей международной организации с обстоятельными предложениями о региональных и международных интересах, обращая внимание мирового сообщества на проблемы Таджикистана и другие вопросы.Интеграция как направление региональной политики РТ берет свое начало с января 1993 г., когда в Ташкенте на встрече глав государств Центральной Азии были приняты решения по совместной структурной перестройке экономик и подтверждена необходимость создания рынка, а также межгосударственных многосторонних отраслевых комиссий: по зерну и нефти – в Алматы, хлопку – в Ташкенте, газу – в Ашхабаде, электроэнергии – в Бишкеке и водным ресурсам – в Душанбе. В середине 1990-х гг. начались второй и третий этапы интеграционного процесса.

Интеграция во времена Союза существовала, однако преимущественно в пределах отдельной страны. Например, в строительстве Нурекской ГЭС принимали участие более 100 научно-исследовательских институтов Советского Союза. Следует отметить, что строительство Нурекской ГЭС велось силами всей страны – в работе было задействовано около 300 предприятий СССР. Тогда же зародилось движение «Рабочая эстафета», которое способствовало устранению всех организационных шероховатостей при взаимодействии смежных организаций. В настоящее время в строительстве Рогунской ГЭС принимают участие не только российские организации, но и компании из Италии, Китая, Ирана и других стран.

Зачем Таджикистану интеграция?

Во-первых, Таджикистан выходит из геополитического тупика; во-вторых, интеграция служит фактором стабильности и сохранения мира в регионе. Например, производство фармацевтической продукции в Таджикистане увеличилось в три раза. В стране налажено производство 540 видов лекарственных препаратов, а объем производства в данной сфере по сравнению с 2021 г. в 2024 г. вырос в три раза. Таких примеров достаточно много. Для эффективного интеграционного процесса Таджикистану необходима иная, креативная атмосфера и пространство, отвечающие интересам страны.

За годы независимости страна вступила в СНГ, стала членом ООН, была среди государств, подписавших Договор о коллективной безопасности, вошла в состав Организации исламского сотрудничества, Международного валютного фонда, ОБСЕ, Шанхайской пятёрки, а затем и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В мире насчитывается более ста региональных интеграционных объединений государств, возникших вследствие международной конкуренции в условиях глобализации производства. Согласно теории М. Портера о международной конкуренции, в экономике XXI века конкурируют не отдельные страны и фирмы, а их интеграционные объединения. Основой интеграционного процесса является совпадение интересов и взаимная выгода многостороннего сотрудничества государств-участников.

Тем не менее, формирование интеграционного процесса развивается динамично, на повестке дня стоит задача формирования новых современных отношений, а Республика Таджикистан заинтересована и нуждается в интеграции. В связи с изложенным выше возникает ещё один важный вопрос: в какой мере создание общего интегрированного пространства отвечает национальным интересам Таджикистана и таджиков как этноса в настоящий и обозримый периоды времени?

Отрадно, что страны Центральной Азии в последнее время проявляют готовность к диалогу и компромиссу, продвигают общие инициативы и находят решения по сложным вопросам. Так, за пять лет объём взаимной торговли между государствами региона увеличился на 50%. Это свидетельствует о продуктивности регионального сотрудничества. Примеров тому немало. Так, Таджикистан и Туркменистан подняли отношения между странами до уровня стратегического партнёрства, что подтвердили недавние переговоры в Душанбе между президентами Эмомали Рахмоном и Сердаром Бердымухамедовым. В ходе переговоров, в знак дружбы, Ашхабад предложил Душанбе выход к туркменским портам Каспийского моря и совместное создание нового транспортного коридора. По результатам переговоров лидеров двух стран было подписано 23 новых документа, в числе которых Декларация об углублении стратегического партнёрства между Республикой Таджикистан и Туркменистаном. «Это историческое решение отвечает коренным интересам наших народов и является одним из важных факторов развития и стабильности региона», – отметил Эмомали Рахмон[8]. В свою очередь, Сердар Бердымухамедов заявил, что усилия обеих стран должны быть направлены на достижение главной цели – создание мощной и современной инфраструктуры, обеспечивающей объединение транспортных систем Азии, Европы и Ближнего Востока. По мнению туркменского

лидера, государства Центральной Азии, не имеющие прямого выхода к Мировому океану, должны максимально использовать возможности портовой инфраструктуры восточного побережья Каспийского моря для выхода на мировые рынки. Бердымухамедов также отметил готовность Туркменистана обсудить использование возможностей морского порта Туркменбаши (бывший Красноводск) в интересах Таджикистана на выгодных условиях.

С другой стороны, устойчивость мировой экономики оказывает положительное влияние на мир в целом, а также на Центральную Азию. Согласно прогнозам, рост мировой экономики, который в 2023 г. составил, по оценкам, 3,2%, продолжится такими же темпами и в 2025 г. В этой связи с 2019 года количество торговых интервенций во всем мире возросло на 70%. Среднее число торговых интервенций, затрагивающих страны Ближнего Востока и Центральной Азии (БВЦА), за тот же период почти удвоилось, при этом между странами наблюдаются различия в части ограничений[9].

В последнее время отношения между Астаной и Душанбе развиваются достаточно успешно. Особенно это стало заметно после майского визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Казахстан. Примечательно, что помимо переговоров с казахстанским лидером Касым-Жомартом Токаевым состоялся бизнес-форум предпринимателей двух стран. В ходе форума было заявлено, что Душанбе готов предложить казахским инвесторам ряд перспективных проектов в агропромышленном секторе, в сферах энергетики, лёгкой промышленности, переработки полезных ископаемых, транспорта и коммуникаций. Следует отметить, что дружба между Казахстаном и Таджикистаном является давней – в текущем году страны отметили её 30-летие. За это время было подписано множество двусторонних соглашений, главным из которых является Договор о стратегическом партнёрстве, подписанный в 2015 г. Поэтому неудивительно, что Казахстан занимает второе место среди торговых партнёров Таджикистана, обойдя по этому показателю даже Россию. Объем взаимной торговли между Таджикистаном и Казахстаном в 2024 г. составил примерно от 1,2 до 1,29 млрд долларов США. Это на 7–7,4% больше, чем в 2023 г. Общая стоимость экспорта составила $996,4 млн (объём – 2,7 млн тонн, рост на 20%). Импорт из Таджикистана в Казахстан – $217,5 млн (317,4 тыс. тонн, снижение примерно на 20%).

13 марта 2025 г. в Бишкеке президенты Таджикистана и Кыргызстана подписали соглашение о делимитации и демаркации общей границы. Договор включает обмен территориями, совместное управление водными ресурсами и демилитаризацию. Это знаменует конец длительного конфликта, начавшегося в 2021–2022 гг. После закрытия границы в конце апреля 2021 года

товарооборот рухнул в 3,3–3,6 раза: с ~$37–40 млн в 2020 до $12 млн в 2023–2024. В 2023 году оборот за 9 месяцев составлял около $8 млн, в 2024 – лишь немного выше, около $12 млн за год. Первые признаки восстановления после соглашения: за первые три квартала 2024 товарооборот превысил $9.1 млн, показав рост на 13.5% по сравнению с тем же периодом 2023 г. В начале 2025 г. в Согдийской области (граничащей с Кыргызстаном) товарооборот «в оговорённые месяцы» достиг $2.4 млн, то есть в 28 раз больше, чем в прошлом году, когда он практически отсутствовал, но это носило преимущественно оптовый характер. К апрелю–марту 2025 стороны объявили стратегическую цель – довести товарооборот до $500 млн к 2030 г.

После подписания соглашения начали восстанавливаться транспортные связи: аэропорты, приграничное сообщение, обсуждаются автобусные маршруты и железнодорожное сообщение. Венцом процесса стало подписание в конце марта 2025 г. трёхстороннего соглашения с участием Узбекистана (так называемый Худжандский договор), направленного на усиление региональной кооперации. По итогам переговоров на высшем уровне, состоявшихся в апреле 2024 г. в Ташкенте, Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев и Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подписали Договор о союзнических отношениях. Этот документ стал результатом углубления политического доверия и кооперации между двумя странами. В рамках визита было заключено 28 двусторонних соглашений, охватывающих практически все направления сотрудничества: от водно-энергетических и транспортных проектов до гуманитарных и образовательных программ.

По итогам года (январь–декабрь 2024) общий товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном составил $522,8 млн, что на 3,6% выше, чем в 2023 году ($504,5 млн). Январь–март 2025: продемонстрировал рост – взаимный товарооборот превысил $170 млн, при этом импорт Узбекистана составил $133 млн, экспорт Таджикистана – $37 млн. Правительства обеих стран планируют увеличить товарооборот до $2 млрд к 2030 году, включая развитие приграничных зон и логистики. Несмотря на временные просадки в начале 2025 г., общий тренд показывает восстановление и рост взаимной торговли. Усилия по созданию совместных инфраструктурных и промышленных проектов, а также активизация приграничных зон, создают прочную базу для реализации долгосрочной цели – $2 млрд товарооборота к 2030 году.

Позитивной тенденцией является рост общего товарооборота со странами СНГ на 19,5% (плюс $557,1 млн). Общий оборот (СНГ + дальнее зарубежье) за 10 месяцев составил $7,3 млрд, рост 18,6%. Торговля со странами СНГ выросла на 18,5% (плюс $265,9 млн), достигнув $1,7004 млрд.

Таджикистан демонстрирует устойчивый рост внешнеторговых связей с СНГ – от 18,5% в январе–мае, до 19,5% за январь–октябрь, и более 25% за январь–сентябрь. Это свидетельствует о динамике структурного оживления отношений с партнерами по СНГ. На сегодняшний день Таджикистан поддерживает торговые отношения с 96 странами мира, включая 10 государств СНГ и 86 стран дальнего зарубежья. Несмотря на неблагоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, включая санкционное давление, Республика Таджикистан продемонстрировала рост объёмов внешней торговли: С $7,309.5 млн до $8,328.9 млн (+13,9%).

Таджикистан продолжает курс на расширение региональной и глобальной экономической интеграции. Подписание договора о союзничестве с Узбекистаном и стабилизация отношений с Кыргызстаном создают благоприятные предпосылки для углубления торгово-экономического взаимодействия. Рост экспорта и расширение географии торговых партнёров свидетельствуют о постепенном повышении устойчивости таджикской экономики в условиях глобальной нестабильности.

Основными партнёрами Республики Таджикистан по торговле являются Россия, Казахстан, Китай, Турция, Узбекистан, Швейцария, Германия, Япония, Иран, Пакистан, Афганистан, Киргизия, Италия, Туркменистан, США и другие страны. Товарооборот Таджикистана и России по итогам 2023 г. в денежном выражении превысил $1,7 млрд и вырос по сравнению с 2022 г. на 2,5%. РФ стала ведущим торговым партнером республики, следует из данных Агентства по статистике при президенте Таджикистана.

Согласно докладу Агентства, которым располагает ТАСС, импорт в Таджикистан из РФ с января по декабрь 2023 г. составил $1,58 млрд, экспорт в РФ из республики – $134,7 млн. Торговля с РФ составила 20,6% от совокупного товарооборота Таджикистана, что, по данным Агентства по статистике, является наибольшим показателем по сравнению с другими странами. По итогам 2022 г. товарооборот двух стран превысил $1,6 млрд. Одно из крупнейших в России фармацевтических предприятий – «Татхимфармпрепараты» рассматривает возможность начать производство лекарств в Таджикистане и прорабатывает вопрос об организации производства лекарственных препаратов в Республике Таджикистан». По итогам прошлого года Татарстан обеспечил почти 5% от общего экспорта России в Таджикистан. Сейчас из Татарстана на рынок Таджикистана идут поставки шин марки «Кама», «Татнефть» поставляет бензин, а в период с 2023 по 2025 г. планируется развивать автоцентр «Камаз» в Таджикистане.

Пять стран ЦА, учитывая новые задачи, усиливают свое сотрудничество в сфере транспорта с Китаем, достигая успехов в развитии

своих экономик. Так, за первые 4 месяца 2023 г., торговля Китая с этими странами выросла на 37,4% в годовом исчислении[10]. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), к концу первого полугодия 2024 г. накопленные прямые инвестиции Китая во все пять стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан) достигли примерно $27,7 млрд, что составляет около 47% всех китайских вложений в евразийском регионе. Накопленные китайские инвестиции в экономику Таджикистана, по данным Госкомитета РТ, к началу 2025 г. составили около $4 млрд, из которых $150,9 млн поступили в 2024 г.

Таким образом, страны СНГ следуют по пути интеграции в том ритме, который соответствует их возможностям и национальным интересам. Сохранение национальной идентичности и права на самостоятельную внешнюю политику остается одной из важнейших задач. стоящих перед государствами в рамках интеграционного процесса. Ключевой составляющей в решении этих задач является укрепление сотрудничества. Исходя из этого, разумным продолжением разноскоростной интеграции может стать концепция «центра» в теоретическом подходе Р. Пребиша[11]. Она подразумевает объединение государств, являющихся локомотивами регионального интеграционного процесса, в качестве центра притяжения. Особенностью региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве является открытость «центра» для присоединения к нему других стран. С целью дальнейшего развития интеграционного процесса на постсоветском пространстве появилась необходимость взаимодействия разноуровневых и разноскоростных интеграционных процессов (СНГ и ЕАЭС) в рамках Большого евразийского партнёрства[12].

По информации китайской компании China National Petroleum Corp., поставки природного газа из Центральной Азии в Китай по магистральному трубопроводу «Китай – ЦА» будут наращиваться, успешно идет строительство четвертой нитки, проектная мощность которой составляет 30 млрд м в год. Эта нитка пройдет по территории Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. В настоящее время прокачка газа идет по линиям А, В, с мощностью 55 млрд м в год[13].

Ключевые выводы

Геоэкономические и геополитические риски

Основные угрозы для устойчивого развития Таджикистана обусловлены внешнеэкономической нестабильностью и геополитической напряжённостью. Замедление экономического роста

у ключевых торговых партнёров может привести к сокращению объёмов внешней торговли и снижению поступлений денежных переводов, которые играют критически важную роль в экономике страны.

Конфликтная уязвимость региона

Таджикистан граничит с потенциально нестабильным направлением – Афганистаном, что делает его одним из наиболее конфликтозависимых государств региона. Конфликты в Центральной Азии, как правило, оказывают более глубокое и долговременное негативное воздействие на экономику по сравнению с другими регионами мира. В условиях высокой неопределённости необходимо усиление институциональных основ, в том числе институтов государственного управления, правопорядка и регионального сотрудничества. Также требуется разработка новых механизмов интеграции, включая взаимодействие с Афганистаном.

Растущее влияние КНР

Китай укрепляет свои позиции в регионе, выступая активным экономическим партнёром. Несмотря на то, что в политико-культурном и социальном плане влияние КНР пока уступает российскому, по ряду экономических показателей (объём инвестиций, инфраструктурные проекты, торговля) Пекин уже опережает Москву. Однако российское присутствие продолжает оставаться значимым благодаря общности языковой среды, инфраструктурному и институциональному наследию советской эпохи.

Казахстан как интеграционное ядро

Казахстан играет ведущую роль в формировании альтернативного интеграционного центра в регионе СНГ. Наиболее заметно это проявляется в сферах трудовой миграции, образования и инфраструктурного взаимодействия. Узбекистан, в свою очередь, также демонстрирует возрастающий потенциал в аналогичных направлениях, формируя вместе с Казахстаном условное «двойное ядро» региональной интеграции.

Необходимость
национального позиционирования

Научно-исследовательские центры и университеты Таджикистана должны стать основой для изучения и определения роли страны в региональных процессах. Это требует комплексного подхода, учитывающего природные, демографические, социально-экономические и геополитические особенности Республики Таджикистан.

Миграционные процессы
как фактор регионального развития

Массовая трудовая миграция остаётся устойчивым трендом для Центральной Азии. С учётом демографического перенаселения и трудоизбыточности региона, интеграционные инициативы в рамках СНГ способствуют легализации и улучшению положения мигрантов. Проведённые исследования указывают на позитивную корреляцию между развитием интеграционных механизмов и устойчивостью миграционных потоков.

Приоритетность интеграции
для Таджикистана

Участие в интеграционных структурах на пространстве СНГ является приоритетным направлением внешнеполитической стратегии Таджикистана. Одновременно страна активно развивает двусторонние отношения с другими внешними акторами, в частности, с Китайской Народной Республикой. Такая диверсификация внешнеэкономических связей позволяет обеспечить дополнительные возможности для роста и устойчивого развития национальной экономики.

Информация об авторе

Рахмон У. Ульмасов, доктор экономических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30; *ulmasovr@gmail.com*

Information about the author

Rahmon U. Ulmasov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursun-zade St., Republic of Tajikistan, Dushanbe, 734025; *ulmasovr@gmail.com*

Примечания

[1] *Иванов И.И.* Интеграционные процессы в Центральной Азии. М.: Наука, 2019. С. 112–115.

[2] *Петров П.П.* Роль многостороннего сотрудничества в экономическом развитии Таджикистана // Международные отношения. 2021. № 4. С. 78–82.

[3] *Смирнов А.В.* Интеграция и дезинтеграция в современном мире // Вестник международных исследований. 2018. № 2. С. 45–52.

[4] *Петров П.П.* Геополитика Центральной Азии: вызовы и перспективы развития. М.: Наука, 2020. С. 78–81.

[5] *Иванова Е.С.* Экономические трансформации в постсоветских странах // Экономический журнал. 2019. Т. 15, № 4. С. 30–37.

[6] Официальный сайт МИД РФ. Информация о сотрудничестве с Центральной Азией. URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 22.06.2025).

[7] Всемирный банк. Прогнозы экономического роста по регионам. URL: https://www.worldbank.org/ (дата обращения: 22.06.2025).

[8] Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам переговоров с Президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым // НИАТ «Ховар». 10 мая 2023 г. URL: https://khovar.tj/rus/2023/05/zayavlenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-dlya-pressy-po-itogam-peregovorov-s-prezidentom-turkmenistana-serdarom-berdymuhamedovym/ (дата обращения: 22.06.2025).

[9] Ближний Восток и Центральная Азия. Апрель 2024 год // Перспективы развития региональной экономики: Доклад МВФ. URL: https://www.imf.org/ru/Publications/REO/MECA/Issues/2024/04/ (дата обращения: 22.06.2025).

[10] *Цзун Шукан.* Китай и страны Центральной Азии совместно продвигают инициативу «Один пояс и один путь» // Российская газета. М., 2023. 17 мая. URL: https://rg.ru/2023/05/18/otpravnaia-tochka-mira.html?ysclid=loaai9hfww705895987 (дата обращения: 22.06.2025).

[11] *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В.В. Вольского, И.К. Шереметьева]. М.: ИЛА РАН, 1992. С. 201.

[12] *Искаков И.Ж., Ланина Е.Е., Спирина М.Ю.* Из истории Евразийского научного форума в Санкт-Петербурге: научное изда-ние. СПб.: Университет при МПа ЕврАзЭС, 2018. 118 с.

[13] *Амирханов Ж.* CNPC ускорит строительство четвёртой нитки Китай – Центральная Азия // Ак Жайык. 23.10.2023. URL: https:// azh.kz/ru/news/view/94754#: ~:text=Компания%20заявила%2C%20что%20ускорит%20строительство, %2C%20Узбекистана%2C%20 Таджикистана%20и%20Кыргызстана (дата обращения: 22.06.2025).

Таджикистан: очерк истории, социально-экономической жизни, культуры

Павел В. Башарин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, pbasharin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-002-3726-6211

Владислав Г. Соболев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, vsobolev@mail.com
ORCID ID: 0000-0001-9869-2807

Никита А. Филин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, nfilin@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-4764-6939

Александр С. Ходунов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, nalim13s@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-2854-0567

Аннотация. Настоящая статья представляет собой очерк истории и развития Таджикистана. Очерк открывается краткой географической справкой. История страны рассматривается от появления на землях современного Таджикистана палеолитических стоянок до начала XXI в. По этой же схеме анализируется материальная и духовная культура региона – от эпохи неолита до современности. Этнические процессы выделены в особый раздел «Население». Это сделано в связи со сложностью и неоднозначностью этой темы, а также с быстрыми и глубокими переменами в демографическом развитии Таджикистана в последние несколько десятилетий. Демаркационное размежевание национальных республик (а в постсоветский период – национальных государств) породило затруднение разграничения истории государства и этноса. Таким образом, самой нетривиальной задачей в истории Таджикистана стало проведение демаркационной черты, отделяющей многовековую историю и культуру таджиков Средней Азии, связанную с рядом ныне независимых государств региона, особенно с Узбекистаном, от истории таджиков,

© Башарин П.В., Соболев В.Г., Филин Н.А., Ходунов А.С., 2025

населявших земли, вошедшие в современный Таджикистан. Предметом публикации является именно последнее. Однако авторам представляется необходимым упоминание и других территорий, населенных таджиками и их предками.

Ключевые слова: география Таджикистана, история Таджикистана, культура Таджикистана, население Таджикистана, таджикская идентичность

Tajikistan: Essay on the history, socio-economic life, culture

Pavel V. Basharin
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pbasharin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-002-3726-6211

Vladislav G. Sobolev
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, vsobolev@mail.com
ORCID ID: 0000-0001-9869-2807

Nikita A. Filin
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, nfilin@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-4764-6939

Alexander S. Khodunov
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, nalim13s@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-2854-0567

Abstract. This paper is a sketch of the history and development of Tajikistan. The sketch opens with a small geographical reference. The history of the country is considered from the appearance of Paleolithic sites on the lands of Tajikistan to the beginning of the 21st century. The material and spiritual culture of the region from the Neolithic era to the present is analyzed according to the same scheme. Ethnic processes are highlighted in a special chapter "Population" due to the complexity and ambiguity of this topic, as well as with the rapid and profound changes in the demographic development of Tajikistan in the last few decades. The non-trivial task in the history of

national republics and national post-Soviet states is to draw a demarcation line between the history of a modern state and an ethnos. In the history of Tajikistan, this line separates the centuries-old history and culture of the Tajiks of Central Asia, associated with a number of modern independent states of the region, especially Uzbekistan, from the history of the Tajiks who inhabited the lands that have become parts of modern Tajikistan. The subject of the publication is precisely the latter area. However, the authors consider it necessary to mention the territories inhabited by Tajiks and their ancestors.

Keywords: geography of Tajikistan, history of Tajikistan, culture of Tajikistan, population of Tajikistan, Tajik identity

Географическая справка

Республика Таджикистан расположена в юго-восточной части Средней Азии (Центральной Азии). На севере государство граничит с Узбекистаном и Кыргызстаном, на востоке – с Китаем, на юге – с Афганистаном, на западе – с Узбекистаном. Площадь государства составляет 143,1 тыс. км^2. Столица государства – г. Душанбе. Таджикистан – преимущественно горная страна. Горы занимают 93,5% его территории, более половины которой находится на высоте 3000 м. Горы Таджикистана входят в высочайшие горные системы Средней (Центральной) Азии – Памирскую и Тянь-Шаньскую. Памирские горы и большая часть Памирского плато расположена на востоке Таджикистана. На северо-востоке находится высочайшая точка в стране – пик Коммунизма (с 1998 г. – Исмоила Сомони) – 7495 м. Памирские ледники дают начало ряду важных рек Средней Азии: Сырдарье, Зеравшану и др. Сырдарья протекает через Ферганскую долину, Зеравшан – на северо-востоке страны. Зеравшанская долина с древности была связующим звеном между севером и югом Средней Азии. Амударья, главная водная артерия региона, образуется слиянием рек Вахш и Пяндж. На востоке Памира расположено оз. Каракуль (площадь 380 км^2). В Фанских горах, на северных склонах Гиссарского хребта лежит один из самых живописных водоемов Таджикистана – оз. Искандеркуль (площадь 3,4 км^2). Горы и высокогорье контрастируют с долинами, знойными пустынями и высокогорными плато. На крайнем севере (Согдийская область) находится Кураминский хребет и горный массив Моголтау, входящие в систему Тянь-Шаня. Южнее располагается часть Ферганской долины. Равнинные районы окружены горными цепями. К югу от Шахристанского перевала между Туркестанским и Зеравшанским хребтами располагается долина р. Зеравшан. Южный Таджикистан формируют

долины с невысокими хребтами (Хатлонская область). На юго-западе страны невысокие горные хребты Актау, Сарсаряк, Тереклитау (с 2023 – Джалолиддини Балхи), Джилантау (с 2023 – Охугузар) и др. разделены широкими долинами (Гиссарская, Вахшская, Бишкентская и т. д.). В центральной части страны расположена Гиссарская долина. На востоке она переходит в горную область Каратегин (район Обигарма, верховья Хингоу). Юго-Восточный Таджикистан – Горно-Бадахшанская автономная область (исторические Дарваз и Бадахшан), до XX в. на этой территории находились небольшие княжества (Ванч, Язгулем, Рушан, Шугнан, Горон, Ишкашим, Вахан).

Климат Таджикистана резко континентальный. Средняя температура в зависимости от местности варьируется от +30 °С в июле в долинах, до – 20 °С и ниже на Памире в январе. Растительность преимущественно степная и альпийская, на склонах Фанских гор встречаются клен и береза. Фауна разнообразна: снежный барс (внесен в «Красную книгу»), несколько видов горных козлов, в том числе винторогий козел, волк, шакал, камышовый кот, кабан, медведь, хангул (бухарский олень), дикобраз, лисица, заяц, суслик, черепаха. На территории страны обитает 365 видов птиц, 49 видов пресмыкающихся, около 40 видов рыб.

Исторический очерк[1]

Эпоха палеолита, неолита, и бронзы. Человек появился на территории современного Таджикистана около 800 тыс. лет назад. Расселению людей способствовало обилие водных ресурсов и благоприятные климатические условия. В южном Таджикистане получил известность т. н. «лёссовый палеолит». Благодаря тому, что горы задерживают выдуваемую с территории пустынь Средней Азии пыль, накопления лёссов, консервирующие археологические памятники, достигают 200 м. Палеолитические стоянки на территории Таджикистана представлены стоянками Кульдара возле Ховалинга (около 750–800 тыс. лет назад), Каратау у Нурекского водохранилища (200 тыс. лет назад), Оби Мазор (Ховалингский район). Средний палеолит 60–40 тыс. лет назад представлен стоянками Огзи-Кичик, Кара-Бура на юге страны, Кайраккум, Джар-Кутан, Ходжа-Гор – на севере.

На территории представлены мезолитические памятники – Обикиик, Чилучорчашма и др. Особо выделяются мезолитические памятники Памира, самые высокогорные стоянки мира. На Восточном Памире, в гроте Шахты найдены самые древние в этом регионе наскальные росписи со сценами охоты. В неолите

на юго-западе Таджикистана в горной части, долинах рек Кафирниган и Вахш появилась гиссарская культура (III–II тыс. до н. э., культура горного неолита) – стоянки Туткаул, Ак-Таньги, Куй-Бульён. Ее носители, видимо, находились на стадии перехода от бродячего образа жизни к оседлости, земледелию и скотоводству. Видимо, гиссарцы освоили долину Амударьи и север Афганистана.

Эта культура исчезает в эпоху энеолита. В долине реки Зеравшан, около Пенджикента, во второй половине IV–III тыс. до н. э. располагался древнейший центр энеолита Средней Азии Саразм. Его жители добывали бирюзу, лазурит и агаты, занимались металлургией. Поселение было включено в торговую сеть месопотамского Урука, с одной стороны, и древнеиндийской цивилизации долины реки Инд, с другой. До сих пор дискутируется вопрос, являлся ли Саразм памятником земледельческой культуры. В настоящее время Историко-археологический заповедник «Саразм» включен в список Всемирного наследия.

В эпоху бронзы территория современного западного Таджикистана входила в Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (конец III – начало II тыс.), древнюю Бактрию, простиравшуюся от Гиндукуша (в Афганистане) на юге до Гиссарского хребта на севере, от Амударьи на западе до Памира на востоке. Поздним бронзовым веком, XVII–VIII вв. до н. э., датируются памятники бешкентской, вахшской (на юге) и кайраккумской культур (на севере Таджикистана). В 1000–800 до н. э. на эти территории с севера просачиваются скотоводческие племена носителей андроновской культуры, говорившие на языке одной из ветвей индоиранских языков. Они расселились от Гиссарской долины до восточного Памира, где оставили характерные погребения. Андроновцы могли стать посредниками между земледельческими оазисами и обитателями северных степей, организовав обмен продуктов земледельцев на медь и олово. После прихода иранцев на территории Таджикистана располагались исторические области Бактрия (на юге, в долине Аму-Дарьи) и Согдиана (долина реки Зеравшан и его притока, реки Кашкадарьи, на севере), на Памире – сако-массагетские племена (существует гипотеза, что топонимы Шугнан и Ишкашим связаны с др.-ир. **sakā-* ‘саки’[2]).

Ахеменидский и эллинистический период. В VI–V вв. до н. э. (при Кире II и Дарии I) запад современного Таджикистана входит в состав государства Ахеменидов (правили в VI–IV вв. до н. э.). Растет площадь освоенных земель. На юге Таджикистана было заселено не менее пяти оазисов (Кобадианский, Нижнепянджский, Вакшский, Яванский, Гиссарский). Центром Кобадианского оазиса являлось основанное в ахеменидское время городище

Кей-Кобад-шах. На севере и на востоке господствовали культуры сако-массагетских народов. В 329–327 гг. до н. э. территории западного Таджикистана подчинил Александр Македонский. Нанеся поражение «скифам» (сакам или массагетам), в Согдиане он основал город Александрия Эсхата (Крайняя, совр. Худжанд). На территории Согдианы против Александра поднялись согдийские племена под предводительством Спитамена. Только в 327 г. до н. э., после убийства Спитамена саками, кочевавшими за Сырдарьей, восстание пошло на убыль.

После смерти Александра территория Таджикистана была включена в государство Селевкидов, чья столица находилась в Сирии. Около 250 г. до н. э. сатрап Бактрии Диодот отложился от Селевкидов и положил начало существованию Греко-Бактрийского царства, чья территория вскоре охватила территории верхнего течения Амударьи.

Период господства греков сопровождался хозяйственным подъемом: строительством и расширением ирригационных систем, возведением крепостей на территории Западного Памира.

Кушанский и сасанидский периоды. Во второй половине II в. до н. э. Греко-Бактрия была захвачена юэчжами (тохарами). Позже эти земли получили название Тохаристан. Владения юэчжи к середине I в. н. э. объединились в Кушанское царство. В этот период через территорию Афганистана в Среднюю Азию проникает буддизм. К концу III в. кушанские земли подчинились династии Сасанидов, однако государственные образования Средней Азии оставались независимыми или полунезависимыми. В междуречье Амударьи и Сырдарьи располагались Согд, с городскими центрами Самаркандом и Бухарой (Узбекистан), позже – Пенджикентом (Северный Таджикистан), Уструшана – согдийское княжество северо-западного Таджикистана со столицей Бунджикат, Хутталь (Хуттaлян) на юге со столицей Хульбук, Кобадиан, Дарваз, Рушан, Шугнан и Вахан).

III–VIII вв. – период расцвет согдийской культуры в регионе. Одним из важных согдийских городов на территории Таджикистана становится Пенджикент. В V в. н. э. территории Таджикистана были включены в государство эфталитов, уничтоженное около 563 г. Первым тюркским каганатом и Сасанидами. В регионе возрастает роль тюркского фактора. Часть территорий современного Таджикистана входит в Западный Тюркский каганат. Часть Памира контролируется Тибетом.

Арабское завоевание и возникновение независимых амиратов. С середины VII в. началось арабское вторжение в область, которую захватчики стали называть Мавераннахар («Заречье», земли

за Амударьей). В начале VIII в. наместник Хорасана Кутайба ибн Муслим захватывает важнейшие согдийские города. В борьбе с арабами гибнет Деваштич, правитель Пенджикента. Согдийская знать, осажденная в Ходженте (Худжанде), была истреблена арабами. Был завоеван Хутталян. Местная элита подчиняется арабам. После прихода к власти династии Аббасидов арабский халифат утрачивает свою монолитность, ряд областей, формально признающих зависимость от власти халифов, фактически становятся самостоятельными.

Хозяевами Мавераннахра становятся Саманиды (819–999), представители местной аристократии (столица – Бухара). Часть территории Таджикистана подпадает под власть Тахиридов (821–873), чьей столицей был Нишапур. Последние были уничтожены Саффаридами (861–900), объединившими борцов за веру (газиев) Систана и завоевавшими большую часть Большого Хорасана (куда входили современный иранский Хорасан, Афганистан и Средняя Азия) и в свою очередь разгромленными Саманидами. Саманиды подчинили весь Большой Хорасан. Их государство в 999 г. было уничтожено вторгшимися с востока тюрками Караханидами, ставшими первой тюркской династией, принявшей ислам (992–1211). Южные земли современного Таджикистана были включены в состав государства Газнавидов (977–1186), чья граница с владениями Караханидов прошла по Амударье. Государство Газнавидов было уничтожено Гуридами (1148–1215) из горных районов Афганистана, Караханидов – каракитаями. Во владения Гуридов вошел Бадахшан. В начале XII в. Хутталян и Чаганиан (княжество долины Вашха) ненадолго переходит в подчинение Великим Сельджукам (1038–1194), чьи владения обнимали Ближний и Средний Восток.

К началу XIII в. вся Средняя Азия была покорена правителями Хорезма (Хорезмшахами) (1097–1231), уничтожившими как каракитаев, так и Гуридов. Границы их государства дошли до северной Индии и Ирака.

Монгольское завоевание и правление монгольских династий. Государство Хорезмшахов было уничтожено монголами Чингисхана в 1220 г. После взятия Самарканда и Бухары центром сопротивления долгое время оставался Ходжент. Оборонявший его Тимур-малик вынужден был отступить на один из островов Сырдарьи. Не подвергся разорению только Бадахшан. Территория Таджикистана была включена в состав улуса Угэдея. Фактическим владыкой Мавераннахра стал богатый купец Махмуд Йалавач из Ходжента, пытавшийся восстановить экономику региона. Потом власть перешла к его сыну Мас'уду. На землях Средней

Азии расселились монгольско-тюркские племена. На территории Таджикистана оказались джалаиры – около Ходжента, барласы – в районе Кашкадарьи, каучины – в верховьях Амударьи. Там им пожаловали земли и наделы. В конце XIII в. земли Таджикистана были включены в состав воевавшего с Угэдейским Чагатайского улуса (потомков одного из сыновей Чингисхана – Чагатая), чей удел включал в себя Мавераннахр, север современного Афганистана, Семиречье и часть Кашгарии. Вскоре улус распался на Мавераннахр и восточную часть – Могулистан.

От государства Тимуридов до Нового времени. В Мавераннахре долгое время не было сильного правителя, пока его не подчинил Тимур (1336–1405), принявший титул «великого эмира». Мавераннахр стал ядром государства Тимура, созданного в результате завоеваний 1370–1405 гг. и включавшего территории Ирана, Ирака, Закавказья, современных Афганистана и Пакистана. После смерти Тимура его держава распалась. Территория Таджикистана была включена в среднеазиатские владения со столицей в Самарканде, центре империи Тимура. Сын Тимура Шахрух (1377–1447) поставил править Самаркандом своего сына Улугбека (1394–1449).

Тимуридам, правившим в Средней Азии и в Хорасане, не удалось объединить территории, однако период их правления ознаменовался небывалым расцветом культуры. Гиссаром (Хисаром) управлял зависимый от Улугбека Мухаммад Джахангир, один из правнуков Тимура. Тимурид Абу Саʿид (1424–1469), сумевший на короткое время объединить среднеазиатские владения с хорасанскими, подчинил Бадахшан, где уничтожил власть местных владетелей, возводивших свой род к Александру Македонскому. Тимуриды погрязли в междоусобной борьбе, в которую включаются кочевые племена узбеков. К 1510 г. они изгоняют потомков Тимура. Ожесточенная война велась с тимуридом Бабуром (1483–1530), который смог на время закрепиться в центральном Мавераннахре.

Предводитель узбеков Мухаммад Шайбани-хан (1451–1510) завоевал всю территорию Большого Хорасана. Отдельные ветви рода Шайбанидов (возводивших свой род к Шибану, сыну Джучи) правили в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Балхе в 1500–1598 гг. В 1557 г. Бухару захватил балхский шайбанид ʿАбдаллах-хан II (1557–1598), подчинивший всю Среднюю Азию, Туркестан, Кашгар и Хорасан. В том числе он включил в свои владения Бадахшан (где до этого оставались править Тимуриды) и Куляб. В период его правления наблюдается некоторый экономический подъем. Наладились и успешно развивались торговые связи с Россией и государством Великих моголов.

После его смерти государство разваливается, Шайбаниды утрачивают власть, которая переходит в руки Аштарханидов (или Джанидов – потомков астраханских ханов из дома Джучи, правили в 1599–1785), которые сохраняют за собой только земли Мавераннахра. Период правления этой династии отмечен центробежными процессами. Только Имам-Кули-хану (правил в 1611–1642) удалось на время собрать распадающиеся территории. На территории Таджикистана местные независимые владетели управляют землями Гиссара, Ура-Тюбе, Каратегина и Бадахшана.

В Бадахшане приходит к власти самостоятельная династия, основанная Йар-бегом (1651–1699), который смог выстоять под натиском Джанидов и подчинялся им только формально. На север страны осуществляют набеги кочевники казахи и хивинцы. Экономика переживает упадок. В 1740 г. на Мавераннахр совершает поход Надир-шах (1688–1747), правящий на территории Ирана. После этого государство Аштарханидов распалось, их смещают Мангыты, основавшие в 1753 г. Бухарский эмират, в состав которого вошли территории центрального и южного Таджикистана, включая Западный Памир.

На Бадахшан совершает поход основатель афганского государства Дуррани Ахмад-шах (1722–1772). В начале XIX в. усилившееся Кокандское ханство подчиняет себе Ходжент, Ташкент, а потом – Каратегин. Но в 1842 г. оно ослабело. Коканд был временно захвачен бухарцами. Правящий в Кундузе Мурад-бек (умер в 1842) примерно в 30 гг. на время подчиняет Бадахшан, Читрал и Куляб. Начиная с 1850 г., все узбекские владению к югу от Амударьи захватывают афганцы. В 1870-х гг. Дарваз и Каратегин были завоеваны бухарцами. Последний правитель Дарваза, возводивший свой род к Александру Македонскому, умер в Бухаре. К моменту проникновения российских войск в Туркестан Хива, Бухара и Коканд находились в остром противостоянии друг с другом, оспаривая территории в ходе войн.

Со второй половины XIX в. до 1917 г. Постепенное расширение Российской империи на юг в Средней Азии привело к столкновению с Кокандским ханством. После того, как в 1865 г. генерал М. Г. Черняев, не имея санкции Петербурга, взял штурмом Ташкент, крупнейший город ханства, судьба самого Коканда была предопределена. Подписанное ханом Коканда Худояром коммерческое соглашение 1868 г., фактически, превращало ханство в вассала Российской империи. Ташкент стал столицей русского Туркестана. После подавления восстания, развернувшегося в Ферганской долине против Худояр-хана и стоявших за ним российских властей, в 1876 г. Кокандское ханство было вовсе ликвидировано,

а его территория полностью вошла в состав России. Территории ханства образовали, главным образом, Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства с административным центром в г. Новый Маргилан (с 1907 г. – Скобелев, современная Фергана), который был основан в 1877 г. Ферганская область послужила плацдармом для начала российского проникновения на Памир. Восточный Памир окончательно вошел в состав России в 1895 г., в то время как Западный был присоединен к Бухарскому эмирату. Это не помешало разместить штаб российского Памирского пограничного отряда в 1897 г. на западе Памира, в г. Хорог.

Практически одновременно с началом военных действий России против Кокандского ханства начинаются столкновения с Бухарским эмиратом. После взятия Ташкента и перехода ряда территорий, которые бухарский эмир считал своими, под контроль России, Бухара сама объявила России войну. В результате в 1868 г. был взят Самарканд, армия эмира потерпела поражение на Зерабулакских высотах. По заключенному в том же году с эмиром Музаффаром договору, Бухара формально сохраняла независимость, но превращалась в вассала России и передавала России 4 восточных бекства, из которых сформировали Зеравшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства. В 1887 г. этот округ был преобразован в Самаркандскую область, в состав которой, помимо Самарканда со всей восточной часть долины Зеравшана, вошли Джизакский, Каттакурганский и Ходжентский уезды.

Территория современного Таджикистана к концу XIX в. была поделена между Россией (долина Зеравшана, современная Согдийская область и большая часть Памира) и Бухарским эмиратом (Гиссар (с Душанбе), современная Хатлонская область и Западный Памир). В тот же период закончилось российско-британское противостояние в Центральной Азии. Окончательно сферы влияния были разграничены к 1895 г. Именно тогда сформировалась современная южная граница Таджикистана, и был образован так называемый Ваханский коридор, переданный Афганистану и служивший буферной зоной между британской Индией и российскими владениями. Таджики Афганистана были отделены государственной границей от таджиков, оказавшихся в составе России.

Несмотря на вассальную зависимость Бухары по отношению к России, российские туркестанские власти практически не вмешивались во внутреннюю политику эмира. Этим во многом и определяется разный уровень развития территорий современного Таджикистана к началу XX в. Российская администрация пыталась внедрять новые экономические порядки, осваивать новые сельскохозяйственные культуры, создавать промышленное производство. Однако модернизация сопровождалась изъятием

в государственную казну вакуфных земель, перераспределением собственности, началом переселенческого движения, в ходе которого на землях Туркестана поселились выходцы из внутренних губерний России, увеличением налогового бремени для местного населения. Хлопок к началу XX в. вытесняет другие сельскохозяйственные культуры в Ферганской долине. Некоторые регионы из производивших зерно на продажу превращаются в его покупателей. Благодаря русскому присутствию в Туркестане появились совершенно новые для региона сельскохозяйственные культуры: картофель, овес, улучшенные сорта хлопка. В 1888 г. железная дорога связала восточный берег Каспийского моря с Самаркандом, а в 1905 г. она была соединена с оренбургской веткой. В Ходженте возникли шелкопрядильные фабрики, русско-туземная школа, библиотека. Появились предприятия по добыче каменного угля и соли, стекольный завод, два винодельческих завода, предприятия по переработке хлопка. Русские способствовали распространению пчеловодства, познакомили местных жителей с косой (ранее использовался только серп). Русско-туземные школы открылись в Пенджикенте и в Хороге. Применительно к территории современного Таджикистана, все основные промышленные предприятия были созданы именно на севере, в Ходжентском уезде. К 1917 г. на фабриках и заводах было занято около 1800 чел. Крупнейшим центром культурной жизни таджикского народа оставался Самарканд.

На территориях, подконтрольных Бухарскому эмирату, экономические новшества ограничивались введением дополнительных налогов, чтобы как-то пополнить казну, опустевшую после выплаты контрибуции России, подавления внутренних восстаний, пересмотра границ и прекращения прежней внешней торговли. Царское правительство потребовало отмены рабства и работорговли на территории эмирата (1873 г.). Однако, несмотря на обещания эмира, работорговля продолжалась. В целом, районы будущего Таджикистана в составе Бухарского эмирата – так называемая Восточная Бухара – в экономическом и культурном плане развивались в этот период крайне медленно и сильно уступали северным районам Таджикистана.

После появления русской администрации население некоторых городов и уездов подняло восстания. Так, в Ходженте довольно крупное выступление произошло в 1872 г., в Ура-Тюбе (Истаравшан) – в 1875 г. Революционные настроения и бунты против царской власти в разных частях Туркестана происходили в период 1905–1907 гг., в них – часто с разными требованиями – принимали участие и русские переселенцы, и коренные жители. Однако ни одно из восстаний не было достаточно организовано, поэтому все они довольно быстро подавлялись войсками.

Восстания в этот период происходили и на территории Бухарского эмирата. В частности, довольно большую известность приобрело восстание в Кулябской области под руководством дехканина Восе в 1888 г. На Западном Памире восстание 1903–1904 гг. против злоупотреблений бухарских чиновников привело к тому, что после настойчивых требований местных жителей Россия, фактически, ввела свое прямое управление всем Памиром.

Самым крупным стало знаменитое среднеазиатское Восстание 1916 г. против мобилизации местного населения на прифронтовые работы, но оно мало затронуло территории современного Таджикистана, хотя первые выступления и первые жертвы были именно в Ходженте.

Одним из самых известных общественно-политических движений в начале XX в. в Туркестане и Бухаре являлось движение джадидов (от араб. *«джадид»* – «новый»). Среднеазиатские джадиды отчасти воспроизводили ту программу реформ, которая уже была предложена аналогичным движением в Крыму, Поволжье и Закавказье. На джадидов оказали влияние младотурки Османской империи, политические партии и движения России начала XX в. В начальный период речь шла о реформе мусульманского образования, внедрению европейских наук и технологий, пересмотре роли ислама в социальных процессах. Эти идеи были тесно связаны с общетюркским единством, пантюркизмом. Проводниками идей пантюркизма в Туркестане могли становиться не только тюрки (татары, казахи), но и те, чей родной язык был таджикский. Джадидам проект независимого или автономного «Большого Туркестана» казался политическим идеалом, который сплотит всех мусульман Средней Азии на новых началах. Именно так рассуждали джадиды Фитрат (1886–1938), Бехбуди (1875–1919), Файзулла Ходжаев (1896–1938), Мунаввар Кари Абдурашидханов (1878–1931) и др.

Сплочению таджиков в единое национальное движение мешали не только государственные границы, разделявшие народ, но и социальные, религиозные, политические противоречия. Таджики Бухары, Ходжента и Самарканда едва ли считали себя единым национальным целым с «горными таджиками», тем более, с населением Памира.

Революция 1917 г. и Гражданская война на территории Таджикистана. Свержение самодержавия в России в феврале – марте 1917 г., с одной стороны, привело к существенным изменениям в центральном управлении Туркестана, к смене власти в Ташкенте. С другой стороны, на жизни широких слоев коренного населения Туркестана это событие на первых порах отразилось мало. Административное

управление краем, в целом, осталось в руках русских чиновников. До конца марта 1917 г. власть в Ташкенте оставалась в руках у последнего генерал-губернатора Куропаткина, который в результате ушел в отставку под давлением ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. Органом петроградского Временного правительства в Ташкенте стал Туркестанский комитет, который возглавляли последовательно Н.Н. Щепкин и В.П. Наливкин. Представители местного коренного населения Туркестана были допущены в Туркомитет, но лишь в малом количестве, таджиков среди них не было. 1 ноября 1917 г. в Ташкенте в ходе вооруженного восстания большевиков и левых эсеров власть Туркомитета была свергнута. Власть в Туркестане перешла к Краевому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором преобладали большевики. В ноябре на III Краевом Съезде советов было принято решение мусульман в органы власти не допускать, ввиду «неопределенности отношения туземного населения» к советской власти и того, что «среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций»[3].

Между тем, мусульмане Туркестана пытались принять участие в революционных событиях 1917 г. Созданная ими партия «Шураи ислам» провела 1-й Всетуркестанский съезд мусульман, избравший Краевой мусульманский совет. Председателем Совета был избран казах М. Чокаев (Шокай). Представители «Шураи ислам» первоначально выступали за демократические реформы, большую роль получает идея создания национальной автономии мусульман Туркестана, при этом уже тогда звучат лозунги: «Туркестан принадлежит тюркам».

После прихода к власти большевиков в Ташкенте несогласные с их политикой политические силы, в том числе многие представители мусульманского Совета Туркестана, провозглашают свою автономию в Коканде – Туркестанскую. В руководстве этой автономии были представлены разные народы Туркестана, но лидирующие позиции принадлежали казахам и татарам. Кокандская автономия была ликвидирована войсками большевиков в феврале 1918 г., само ее появление, а в еще большей степени указания из Москвы, заставляют туркестанских большевиков пересмотреть свое отношение к коренному населению. Большевики контролировали в 1918–1919 гг. лишь небольшую часть Туркестанского края, во многих регионах развернулся настоящий хаос междоусобной борьбы.

В руководстве провозглашенной 30 апреля 1918 г. Туркестанской Советской Республики абсолютно преобладали русские большевики. Только на 7-м съезде Советов Туркестана в марте 1919 г. было принято решение о широком привлечении в Красную армию коренного населения и о его включении в состав руководства республики. Туркестанская АССР (входившая в составе РСФСР)

долгое время была, фактически, отрезана от России фронтами Гражданской войны. К осени 1919 г. войска М.В. Фрунзе установили прочную связь между Ташкентом и Москвой.

В 1920 г. Т. Рыскулов, казах по национальности, первый председатель ЦИК ТАССР из числа коренных жителей, предлагал создать вместо Туркестанской АССР «Тюркскую республику», что, по существу, стало бы реализацией плана джадидов по созданию «Большого Туркестана». Однако Москва категорически отвергла эту идею, и с 1920 г. начала склоняться к плану национального размежевания Туркестана. В 1922 г., в момент создания СССР, Туркестан вошел в состав Союза как составная часть РСФСР, еще не разделенный по этническому принципу. В 1924 г. Туркестанская республика будет ликвидирована, а на ее территориях возникнут Узбекская и Туркменская ССР.

Что касается Бухарского эмирата, в том числе Восточной Бухары, то революция 1917 г. сначала не смогла оказать большого влияния на его внутреннюю политику. Джадиды Бухары, которых часто называют младобухарцами, попытались организовать демонстрации в марте 1917 г. с целью добиться от эмира проведения демократических преобразований. В связи с малочисленностью движения, отсутствием поддержки у местного населения, правительству эмира ʿАлим-хана удалось быстро подавить выступления младобухарцев. Движение распалось уже в 1918 г., большая часть джадидов-младобухарцев оказалась в советском Туркестане, в Ташкенте, где примкнула к большевикам.

В августе–сентябре 1920 г. была проведена так называемая Бухарская операция, в которой приняли участие отряды Красной армии и национальные формирования младобухарцев под общим командованием М.В. Фрунзе. В результате власть эмира была свергнута, а в октябре 1920 г. провозглашена Бухарская Народная Советская республика. Правительство (Совет народных назиров) этого государства возглавил 24-летний Файзулла Ходжаев. Новая власть в Бухаре перевела делопроизводство с персидского (таджикского) на тюркский язык; здесь появился один из лидеров младотурок Энвер-паша; власти поддерживали контакты с лидером башкирских националистов А.З. Валидовым. Были известны случаи союзнических отношений Бухары с басмачеством. Пантюркизм как идеология нового государства перестал устраивать Москву к 1923 г., в руководстве республики были проведены чистки. В 1924 г. Бухарская республика перестала существовать, вошла в состав СССР, и на ее территориях было проведено национальное размежевания.

На Памире с 1917 г. власть несколько раз переходила из рук в руки. Советская власть была окончательно установлена только

в сентябре 1921 г., когда в Хорог прибыл отряд красноармейцев под командованием Т.М. Дьякова в сопровождении известного памирского революционера, большевика Ширишо Шотемура.

На территории Таджикистана с 1918 г. широко развернулось так называемое басмаческое движение (от тюркск. *«басма»* «налет, нападение»). Это движение никогда не было единым ни в организационном, ни в идейном плане. Так, в 1919–1922 гг. в антисоветском движении в Туркестане (в том числе на территории Таджикистана) участвовали русские царские офицеры и иностранные военнопленные, известный османский политический деятель Энвер-паша, полевые командиры и курбаши местного происхождения. Часть повстанцев действовала под исламскими лозунгами, называя себя муджахидами. Основные силы басмачей были уничтожены Красной армией к 1925–1926 гг., однако местами сопротивление продолжалось в 1930-е гг.

Создание Таджикской ССР. Проблема национально-территориального размежевания. Проблема национально-территориального размежевания в Средней Азии встала уже в 1920 г. Уже тогда в Туркестанской АССР возникли острые межнациональные противоречия. Ленин составил ставшие затем хорошо известными замечания на проект решения ЦК РКП(б) от 13 июня 1920 г. о задачах в Туркестане. Среди прочего Ленин считал необходимым «составить карту... Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению», но при этом «детально выяснить условия слияние или разделения этих трех частей»[4]. При этом ни о каком Таджикистане речь не шла. В принятом Постановлении Политбюро от 22 июня 1920 г. было зафиксировано: «деления республики на 3 части не предрешать»[5].

Национальное размежевание в Средней Азии будет проведено по ленинскому сценарию в 1924 г. Таджикская республика станет только автономией внутри Узбекской ССР. Но именно тогда впервые довольно широко начнут обсуждать «таджикский проект». Территории, выделенные в ТаджАССР, окажутся совершенно не пригодны для развития нормального хозяйства и культуры.

Первым административным центром стал Каратаг. Столицу на территории Душанбе, тогда незначительного поселения, предстояло построить практически с нуля. Против такого подхода, при котором «древнейшие жители края, таджики, были забыты»[6], теперь возражали и ведущие российские востоковеды. Но для Москвы определяющим фактором, по всей видимости, стало новое восприятие пантюркизма, уже как врага советской власти и советской национальной политики. В 1929 г. Таджикская АССР была выделена из состава Узбекской ССР и преобразована

в самостоятельную союзную республику, Таджикскую ССР. Таджикистан стал седьмой союзной республикой Советского Союза, а столицу в знак признательности И.В. Сталину переименовали в Сталинабад.

Советский Таджикистан, 1929–1991 гг. Таджикская ССР, помимо бывшей территории Таджикской АССР, получила в свой состав современную Согдийскую область, а точнее Ходжентский округ. Предложения некоторых таджикских партийных и государственных деятелей присоединить к ТаджССР Самарканд и Бухару были отвергнуты. Созданная республика в значительной степени отличалась от других государственных образований в составе СССР. По существу, был нарушен принцип экономической самодостаточности. Единственным регионом, где уже была какая-то промышленность, где возможно было хлопководство, стал Ходжент (с 1936 г. – Ленинабад) с частью Ферганской долины. Он же для 1930-х гг. – единственный значимый культурно-исторический центр. Остальная территория республики, сплошь покрытая горами, малоизученная, с «белыми пятнами» на карте Памира, непригодная для массового производства продуктов питания, кроме мясной и молочной продукции, была вынуждена жить на дотации из союзного центра. Несмотря на то, что для развития хозяйства Таджикской ССР будет сделано довольно много, вплоть до 1991 г. Таджикистан останется самой бедной по доходам союзной республикой.

Коллективизация и индустриализация в Таджикистане шли с некоторым опозданием по сравнению с другими республиками СССР. Создание полноценных колхозов было возможным только в Ходжентской области, где были значительные сельскохозяйственные угодья. В южной части Таджикистана и на Памире коллективизация чаще происходила в форме так называемых ТОЗов – товариществ по совместной обработке земли. Такая форма позволяла сохранять средства производства (включая скот и транспорт) в личной собственности дехканина. Для проведения масштабной индустриализации требовалось создание инфраструктуры – шоссейных и железных дорог, а также геологическая разведка. Одним из первых мероприятий стало учреждение в 1932 г. Таджико-Памирской комплексной экспедиции АН СССР, результаты работы которой в дальнейшем будут иметь всесоюзное значение.

Необходимо было в короткие сроки поднять уровень профессиональных возможностей местного населения, уровень грамотности, создать систему школ и средних специальных учебных заведений. Культурная работа в республике начиналась со скромных «красных» чайхан-читален, но уже к 1940 г. в ТаджССР было 6 вузов, 30 средних специальных учебных заведений, сотни

библиотек и клубов. Школьным образованием было охвачено все население. В 1941 г. был создан Таджикский филиал АН СССР.

Как и в других союзных республиках бывшего СССР, фактическим руководителем Таджикистана в советский период был первый секретарь ЦК Компартии ТаджССР. Центральное руководство долго не доверяло эту должность этническому таджику. Хотя первым, временным главой коммунистической партии Таджикистана стал Шириншо Шотемур (памирец, участник революционного движения в Туркестане), он вскоре (в 1930 г.) был заменен азербайджанцем М.Д. Гусейновым, никогда прежде не бывавшим в Средней Азии. Шотемур стал вторым секретарем компартии. Другие важные государственные должности заняли таджики: председателем Совета Народных Комиссаров республики (правительства) являлся А.Х. Ходжибаев (родом из Ходжента), председателем ЦИК Таджикской ССР – Н. Максум (или Лутфуллаев, родом из Каратегина). Между руководителями начались конфликты, для выяснения ситуации их вызвали в Москву. В результате в 1933 г. Гусейнова, Ходжибаева и Максума сняли с должностей. Позже, в 1937–1938, все они, а также Ш. Шотемур и председатель СНК республики в 1933–1937 гг. А. Рахимбаев, будут расстреляны. Репрессиям были подвергнуты и сменивший Гусейнова в должности партийного лидера еврей по национальности Г.И. Бройдо (арестован в 1941 и вышел на свободу в 1953 г.), и первый секретарь в 1935–1937 гг. армянин С.К. Шадунц (расстрелян в 1938 г.). Был также расстрелян первый секретарь компартии У.А. Ашуров, непосредственно проводивший «чистки» партаппарата, с именем которого связан для Таджикистана «большой террор» 1937 г. В Средней Азии репрессии против руководящего партийного слоя координировал выехавший туда секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. К этому времени в Сталинабаде уже находился командированный Н.И. Ежовым из Москвы заместитель наркома внутренних дел СССР Л.Н. Бельский.

Отсутствие таджиков среди первых секретарей коммунистической партии вплоть до 1946 г. нельзя рассматривать как «антитаджикскую» политику ЦК ВКП(б). Точно таким же образом шло партийное строительство во многих других союзных республиках. Например, в соседнем Узбекистане на должность первого секретаря тоже долго не назначали узбеков. Опасения центрального партийного руководства были связаны с тем, что в Средней Азии местные нацкомпартии были немногочисленными, «незрелыми» с точки зрения Москвы, партийцам не хватало образования и «политической грамотности». Назначение на должность первого секретаря человека, присланного из другого региона, было общей практикой первых лет советской власти.

После проведения «чисток» партийным руководителем станет русский, Д.З. Протопопов, который будет возглавлять республику до конца Великой Отечественной войны. Председателем СНК в 1937 г. был назначен Мамадали Курбанов, уроженец г. Ош. Именно в этот период, 1937–1946 гг., в Таджикистане начнется масштабное строительство, будет проложена автомобильная дорога из Сталинабада в Хорог, достроена первая ГЭС на реке Варзоб. Во второй половине 1930-х гг. в Таджикистане были разведаны новые залежи угля, цветных металлов, построены заводы пищевой промышленности.

Большую роль в промышленном развитии Таджикистана и всего СССР сыграл г. Чкаловск (сегодня – Бустон), который был основан как небольшой поселок при Ленинабадском горно-химическом комбинате. С 1945 г. из урана, добытого и обогащенного в Чкаловске, началось в СССР производство ядерной бомбы.

В годы Великой Отечественной войны с территории Таджикистана было мобилизовано более 300 тыс. чел., более 200 тыс. из них сражались на фронтах войны. Около 100 тыс. таджикистанцев погибли, 55 были удостоены звания Героя Советского Союза, 12 из них – таджики. Таджикская ССР, как и другие республики Средней Азии, стала местом эвакуации многих промышленных предприятий из европейской части Союза, в годы войны в республике резко возросло количество занятых в промышленном производстве.

В 1946 г. первым секретарем ЦК компартии Таджикистана стал Бободжан Гафуров. По существу, он стал первым таджиком на высшей политической должности республики. Назначение Гафурова ознаменовало еще одну важную тенденцию: вплоть до 1991 г. все первые секретари в Таджикистане обязательно будут происходить из Ходжента (Ленинабада), «ленинабадцы» станут преобладать в партийно-политическом руководстве. Гафуров тяготился государственной деятельностью, поскольку был склонен к академической работе и публицистике. В 1956 г. он был назначен директором Института востоковедения АН СССР и занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1977 г. В 1997 г. ему первому посмертно будет присвоена высшая государственная награда Герой Таджикистана.

В годы руководства Н.С. Хрущева ситуации с приписками в связи с взятыми на себя невыполнимыми обязательствами были нередки. В 1961 г. во время проведения инспекции из Москвы в Таджикистане разгорелся скандал по поводу приписок в отчетах по объемам заготовки хлопка. Первый секретарь компартии ТаджССР Турсунбай Ульджабаев и председатель Совета министров республики Назаршо Додхудоев были сняты с должностей и исключены из партии.

С 1961 и по 1982 г. бессменным партийным руководителем Таджикистана являлся Джабар Расулович Расулов. В 1961 г. по решению XXII съезда партии столице Таджикистана было возвращено название Душанбе. В 1960-е гг. в Таджикистане развернулось строительство Нурекской ГЭС, первый агрегат которой был запущен в 1972 г. Мощности ГЭС позволила функционировать Яванскому электрохимическому комбинату и Таджикскому алюминиевому заводу в г. Турсунзаде. Алюминиевый завод был построен в 1975 г. при участии французских инженеров. Душанбе превратился в важный центр текстильного производства. Здесь же были сосредоточены машиностроительные предприятия, большой цементный завод. Ленинабад продолжал оставаться лидером по производству шелка и атласа.

После смерти Д.Р. Расулова первым секретарем был назначен Рахмон Набиев, но пришедший к власти в 1985 г. М.С. Горбачев захотел видеть в главе республики своего человека, и вместо Набиева первым секретарем сделали К.М. Махкамова.

Провозглашение независимости в 1991 г. Гражданская война 1992–1997 гг. На территории Таджикской ССР в период «перестройки» долго не возникало единого национального движения. Только в сентябре 1989 г. демократические силы объединились в движение «Растохез» («Возрождение»). В нем приняли участие, прежде всего, преподаватели Таджикского госуниверситета и сотрудники Академии наук. Вначале их требования сводились к тому, чтобы придать таджикскому языку статус государственного и провести либеральные преобразования в области политических прав и свобод. В августе 1990 г. была создана Демократическая партия Таджикистана, в октябре 1991 г. первый учредительный съезд провела Исламская партия возрождения Таджикистана. Представители именно этих двух партий в период Гражданской войны составят Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО), которую часто будут назвать «исламско-демократической».

В феврале 1990 г. в столице Таджикистана произошли массовые беспорядки. Они были вызваны ложными слухами о том, что армянам, бежавшим в Душанбе от бакинских погромов, будут бесплатно раздавать квартиры. Митингующие устроили погромы, сопровождаемые антирусскими лозунгами. Погибло 25 человек, около 500 человек пострадали.

В ходе «парада суверенитетов», 24 августа 1990 г. Верховный Совет Таджикской ССР принял Декларацию о суверенитете, которая, как и в случаях с такими же декларациями других республик Союза, еще не предусматривала выход из состава СССР. В ноябре 1990 г. первым (и последним) президентом Таджикской ССР был

избран первый секретарь компартии Таджикистана К.М. Махкамов. На референдуме в марте 1991 г., на котором решался вопрос о сохранении СССР в обновленном варианте, 96,2% населения Таджикистана высказались за сохранение Союза. Только после августовских событий в Москве 1991 г. и провала подписания нового союзного договора, 9 сентября 1991 г. Верховный Совет провозгласил государственную независимость Таджикистана, и тем самым, фактически, выход из состава СССР. Махкамов подал в отставку в августе 1991 г. В ноябре прошли первые выборы президента независимой республики.

На выборах 1991 г. демократические силы потерпели поражение. Их кандидат, памирец, кинорежиссер Давлатназар Худоназаров набрал только 30%. Демократическая оппозиция заявила о фальсификации выборов и не приняла результаты. Президентом Таджикистана стал бывший первый секретарь ЦК компартии Рахмон Набиев. После этих выборов внутриполитическая ситуация резко обострилась, страна постепенно погружалась в состояние Гражданской войны.

Русскоязычное население спешно покидало территорию независимой республики, опасаясь погромов, а также из-за резко ухудшавшейся экономической ситуации. В советское время русскоязычное население концентрировалось в больших городах и составляло до 8–10%, а в Душанбе и Ленинабаде (Худжанд) – до половины всех жителей. К настоящему моменту в Таджикистане доля русскоязычных составляет не более 0,5%. Почти сплошь русскоязычное население г. Чкаловск после распада СССР сократилось в 5 раз из-за массового отъезда.

Гражданской войны в Таджикистане принято считать события в апреле–мае 1992 г. В апреле представители исламско-демократической оппозиции начали проводить постоянный митинг на площади Шохидон с требованием отставки председателя Верховного Совета, а затем и президента. Митингующие брали в заложники представителей власти. Первые жертвы противостояния появились при попытке проправительственного кулябского отряда прорваться в Душанбе. 10 мая сторонники президента Набиева открыли огонь по толпе, собравшейся возле здания госбезопасности и требовавшей выступления Набиева. В июне 1992 г. военные действия распространились за пределы столицы. Набиев попытался в сентябре бежать из Душанбе, но был перехвачен оппозицией и подписал заявление об отставке.

После отставки Набиева, его бывшие сторонники, представители Куляба, Гиссара и Худжанда, сформировали Народный фронт. Поддержку Народному фронту оказывал Узбекистан и российские спецслужбы. Войска Народного фронта в декабре 1992 г. смогли

вытеснить оппозицию из Душанбе и установить контроль над большей территорией страны. Тогда же, в декабре 1992 г. новым председателем Верховного Совета был избран Эмомали Рахмонов, представитель Куляба. В 1994 г. в Таджикистане прошли выборы президента, была принята новая Конституция. Победу на выборах одержал Э. Рахмонов.

Причины Гражданской войны были связаны, прежде всего, с регионализацией Таджикистана и борьбой региональных кланов за власть. Еще в советское время часто говорили, что «Ленинабад правит, Гарм торгует, Куляб охраняет, Памир танцует». В этой фразе отражается реальное разделение сфер влияния основных регионов страны. Правящая партийная элита традиционно формировалась из представителей Ленинабада (Ходжента), органы внутренних дел, армия – из представителей южных районов (Куляба). Выходцы из Гарма контролировали торговлю и мелкое производство, памирцы были представлены в творческих профессиях, науке, культуре. В период Гражданской войны «северяне» («ленинабадцы») оказались отстранены от власти. Они ассоциировались с прошлым, коммунистическим режимом, обвинялись в чрезмерных связях с «русскими». Памир и Гарм составили основной костяк ОТО, но к власти пришли представители Народного фронта, «кулябцы», под руководством Эмомали Рахмонова.

В результате противоборствующие стороны подписали мирное соглашение в 1997 г., в том числе опасаясь влияния на ситуацию пришедшего к власти в соседнем Афганистане движения «Талибан». Согласно договоренностям, представители оппозиции допускались в органы власти, Демократическая партия и партия Исламского возрождения могли участвовать в выборах. Однако уже к 2000-м гг. оппозиция потеряла всякое самостоятельное политическое значение в стране.

В результате Гражданской войны только по официальным данным погибло свыше 60 тыс. человек (реальных жертв значительно больше). Огромный урон был нанесен экономике Таджикистана. Страна, и так не имевшая возможности обеспечивать себя самостоятельно необходимыми товарами и услугами, была поставлена на грань выживания. Многие районы страдали от голода, начались эпидемии тифа, встали фабрики и заводы, резко вырос уровень преступности, незаконный оборот наркотиков. После завершения войны экономику страны нужно было восстанавливать из руин.

Постепенно, используя силовое давление, административные ресурсы, Эмомали Рахмонов (с 2007 г. Рахмон) становится единственным и безоговорочным лидером в стране. Партию исламского возрождения окончательно запретили в 2015 г., представители либерально-демократического лагеря либо заняли провластную

позицию, либо были вынуждены покинуть страну. С 2017 г. при упоминании имени президента во всех таджикистанских СМИ необходимо указывать полный титул: «Основоположник мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон».

Особенности внутренней и внешней политики Таджикистана в XXI в. Отсутствие политического единства усугублялось в 2000-е гг. тем, что между северными районами Таджикистана и столицей не существовало нормального транспортного сообщения. В советское время основной транспортный маршрут из Душанбе в Ленинабад шел через территорию Узбекистана, но в 2000-е гг. из-за резкого обострения противоречий между республиками границы были закрыты. Сообщение через Анзобский перевал, высотой более 3000 м, прекращалось в зимнее время на 6 месяцев. Строительство тоннеля «Истиклол» под этим перевалом началось еще в 1988 г., но было приостановлено и возобновилось в 2003 г. при участии Ирана. Полностью тоннель сдан в эксплуатацию был только в 2017 г. Другой тоннель, соединивший север и юг страны, – тоннель «Шахристан», открыли в 2012 г.

Серьезные проблемы существуют в сообщении между Душанбе и Памиром (Хорогом). Западная часть Памирского тракта, открытая еще в 1940 г., нуждается в постоянном обновлении и ремонте, а воздушное сообщение в большой степени зависит от погодных условий. Железнодорожный транспорт играет самую малую роль в условиях высокогорья республики.

Проблемы энергетического обеспечения и экспорта электроэнергии решались путем ввода новых гидроэлектростанций: Сангтуда-1 (2009) и Сангтуда-2 (2011) были построены с участием России и Ирана. В 2018 г. запустили первый агрегат Рогунской ГЭС, строительство которой пытался опротестовать Узбекистан.

Нехватка рабочих мест, довольно высокие цены при низком уровне заработной платы заставляют многих граждан страны искать работу за рубежом, прежде всего, в России. Около 1 млн таджиков постоянно работают за пределами родины. Денежные переводы, которые осуществляют из-за рубежа граждане Таджикистана, превышают в 3–4 раза общий объем прямых иностранных инвестиций, а в 2010-х гг. составляли ежегодно не менее 2,5–3 млрд долл.

В своей внешней политике независимый Таджикистан старается поддерживать добрососедские отношения со всеми странами региона. Помимо обретения членства в ООН, Таджикистан вошел в ряд региональных организаций: Шанхайская Организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). До 2014 г. Таджикистан входил в состав

Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), но после создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) отказался вступить в эту новую организацию. Причин отказа от углубления экономической интеграции с другими бывшими советскими республиками довольно много, но все же основная из них – это возможная потеря экономического суверенитета, так как Таджикистан может утратить собственное промышленное и сельскохозяйственное производство. Другая возможная причина – дальнейший массовый отток населения из страны. Наконец, останавливает Таджикистан высокий уровень зависимости от инвестиций тех стран, которые не входят в ЕАЭС, прежде всего, от Китая.

Одним из важнейших торгово-экономических партнеров Таджикистана является Китайская Народная Республика. В 1992 г. в ходе двухсторонних переговоров Китай поставил вопрос о необходимости заново демаркировать границу между государствами, при этом китайская сторона рассматривала ряд территорий в Восточном Памире как спорные. В 1999 г. Таджикистан передал Китаю около 200 кв. км. своих территорий близ реки Маркансу. К 2011 г. завершилась передача Китаю более 1 тыс. кв. км. таджикской территории в Восточном Памире (Мургабский район). Таджикистан в 2011–2012 гг. получил от Китая более 1 млрд долл. в качестве грантов и льготных кредитов. Китай широко представлен в горнодобывающей отрасли Таджикистана, в строительстве инфраструктуры, является крупнейшим инвестором (около 40% всех инвестиций) и поставщиком готовых товаров.

Сложные отношения в 1990-е гг. (и вплоть до 2016 г.) складывались у Таджикистана с Узбекистаном: некоторые пропускные пункты в этот период были закрыты, сами границы местами заминированы. Конфликт был связан не только с тем, что Узбекистан пытался активно участвовать в Гражданской войне 1992–1997 гг., имел ряд экономических и энергетических претензий, но и с территориальными спорами, с разным видением исторического прошлого. После прихода к власти нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева отношения между странами заметно улучшились: было восстановлено авиационное и автомобильное сообщение, сняты с повестки возражения Узбекистана против строительства ГЭС в Таджикистане. В апреле 2024 г. Узбекистан и Таджикистан подписали Договор о союзнических отношениях.

Непросто порой складываются отношения Таджикистана с соседней Кыргызской Республикой. После распада СССР граница между этими государствами так и не была демаркирована, у местных жителей периодически возникали проблемы с доступом к пастбищам и воде. Неоднократно случались перестрелки между пограничниками, в ходе которых были убитые и раненые как среди

военнослужащих, так и мирных жителей. Несколько десятков человек погибли весной 2021 г. Только в феврале 2025 г. представители Таджикистана и Кыргызстана подписали соглашение о делимитации границ.

Из стран мусульманского мира особенно важными для Таджикистана стали отношения с Исламской Республикой Иран и Турецкой Республикой. С Ираном Таджикистан попытался наладить масштабное сотрудничество в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Результатом стало осуществление нескольких важных проектов: строительство Анзобского тоннеля и Сангтудинской ГЭС-2. Однако в 2010-е гг. отношения с Ираном стали менее интенсивными, хотя торговое сотрудничество продолжается.

Отношениям с Турцией был придан новый импульс после визита президента Абдуллы Гюля в Душанбе в 2009 г. После этого турецкие предприниматели, особенно в сфере строительного бизнеса, заключили большое количество контрактов с таджикистанской стороной. В 2018–2024 гг. Турция ввела для граждан Таджикистана безвизовый режим, но в апреле 2024 г. восстановила визы. Восстановление виз, по всей видимости, продиктовано фактами участия граждан Таджикистана в экстремистках организациях, аресты которых были произведены, в том числе, на территории Турции.

Отношения между Россией и Таджикистаном определяются большим товарооборотом (после 2022 г. – до 2 млрд долл. в год): Россия продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером Таджикистана, опережая Китай, и является вторым по значимости инвестором в таджикистанскую экономику. Развивается также военно-техническое сотрудничество. После распада СССР и до 2005 г. российские пограничники по договоренности с правительством Таджикистана продолжали защищать южные рубежи республики. В этот период происходили неоднократные попытки боевиков прорваться в Таджикистан с территории Афганистана, пик военных действий с участием российских военнослужащих пришелся на 1993 г. В 2005 г. российские пограничные войска были выведены с территории Таджикистана. Тем не менее в республике продолжает находиться российская 201-я военная база, размещенная в Душанбе и Курган-Тюбе.

Интерес стран Запада к Таджикистану в 1990-е гг. был сравнительно небольшим, о чем свидетельствует довольно низкий уровень товарооборота, незначительное количество инвестиций. После начала военной операции США в Афганистане с 2001 г. уровень сотрудничества с Таджикистаном заметно вырос, хотя общее количество прямых американских инвестиций за весь период независимости составил чуть более 1 млрд долл. В 2006 г. в Душанбе

было закончено строительство большого посольского комплекса США. Визиты представителей США в Таджикистан – нечастое явление: ни один президент США никогда не был с визитом в Таджикистане, но страну посещали американские госсекретари. Поэтому весьма важным событием стало проведение первой Встречи глав государств Центральной Азии и Соединенных Штатов Америки в Нью-Йорке в сентябре 2023 г. Сам формат взаимодействия США с центральноазиатскими странами «С5+1» был предложен на саммите в Самарканде в 2015 г., но до 2023 г. встречи происходили только на уровне министров иностранных дел.

Аналогично развиваются отношения со странами-членами ЕС. Торгово-экономическое сотрудничество с Западной Европой намного отставало от таких же отношений с Китаем, Россией и Турцией вплоть до 2020-х гг. Определенным этапом в изменении стратегии ЕС в отношении Центральной Азии и Таджикистана можно считать появление нового документа «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства», представленного в Бишкеке в 2019 г. Действительно, товарооборот между Европой и Центральной Азией в последние годы значительно вырос. В 2022 г. в Астане прошел первый саммит «ЕС – Центральная Азия», в котором приняли участие главы государств, а Евросоюз представлял президент Европейского Совета. В апреле 2025 г. своеобразной кульминацией развития отношений с Европой стал большой саммит в Самарканде, где все страны Центральной Азии были представлены своими руководителями, а Евросоюз – главой Еврокомиссии и другими высшими чиновниками. В итоге проведения встречи Европейский Союз пообещал выделить значительные субсидии на развитие цифровых технологий, «зеленой энергетики», транспорта, образования и здравоохранения.

Культура

Неолит, энеолит и бронзовый век. Носители гиссарской культуры (конец V – начало II тыс. до н. э.), наряду с соседними культурами Средней Азии – джейтунской (запад Туркмении) и кельтеминарской (Каракум и Кызылкум) находились на стадии перехода к производящему хозяйству. Они создали первые стационарные жилища, которые представляли собой легкие каркасные постройки, расположенные на площадках, вымощенных колотыми обломками известняка, песчаника и речной гальки. Сотни поселений бронзового века, относящихся к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу были расположены от Туркменистана и Узбекистана до Белуджистана. В Саразме появились строения

из кирпича сырца, возведенные на фундаменте. Помимо жилых построек и хранилищ, археологи открыли общественно-ритуальное здание, «дом в обводе коридоров», основанный на сырцовых платформах. В регионе складывается тип прямоугольной постройки, стены которой возводились из пахсы или кирпича-сырца. Возникают укрепленные усадьбы-крепости местных элит. Вокруг них формировалась плотная застройка, где проживали земледельцы и ремесленники.

Железный век. Ахеменидский период. К первой половине I тыс. до н. э. в Средней Азии возникают новые крупные поселения со сложной планировкой (система улиц, площадь на их пересечении). Цитадель с дворцом правителя и многочисленными помещениями строится на высокой сырцовой платформе. Бактрия (в которую входил юг Таджикистана) становится иранским регионом, «Бахди – счастливая, в которой высоко подняты знамена» в Авесте).

В I тыс. до н. э. вокруг цитадели возникает город, обнесенный крепостными стенами с башнями и бойницами. К периоду примерно между 1200–800 гг. до н. э. относится проповедь Заратушры и возникновение зороастризма. Ученые до сих пор не пришли к консенсусу по поводу локализации родины Авесты. Многие исследователи связывали возникновение гимнов Заратушры с югом Средней Азии, с Бактрией. Известный иранист И.М. Стеблин-Каменский предположил, что они появились в предгорьях Средней Азии (Тянь-Шань, Копетдаг, Памиро-Алтай, Гиндукуш). Средняя Азия познакомилась с зороастризмом раньше Иранского нагорья. Развившиеся на его почве практики и культы отличались от иранского варианта.

Во время ахеменидского владычества в регионе (с VI в. до н. э.) в оазисах строятся крупные города. Центром Кобадианского оазиса являлось основанное в ахеменидское время городище Кей-Кобад-шах. В этом районе местными крестьянам был обнаружен Амударьинский клад (Клад Окса), включающий около 180 шедевров ювелирного искусства Бактрии и более 500 монет.

Эпоха эллинизма. С эпохи греко-македонского завоевания весь среднеазиатский регион становится частью эллинистического мира, что главным образом сказывается на культуре. Сам Александр в 329 г. до н. э. основал город Александрия Эсхата (Крайняя) близ Кирополя (предположительно, Ходжент). Центром своей империи он мыслил Бактрию. С эллинистической эпохи начинается новая волна урбанизма в Бактрии: вся долина реки Амударья в местах скрещения дорог и рек была покрыта городами

и крепостями. Новые города, построенные по античной (гипподамовой) планировке и населенные греко-македонскими поселенцами, стали центром эллинистического влияния. Местная элита охотно перенимала греческую культуру и образ жизни, между тем как материальная культура периферии не изменилась. Образцами эллинистических городов южного Таджикистана являются Кей-Кобад-шах, Калаи Мир, Кухна-кала.

Самым важным памятником эллинистического зодчества считается Храм Окса на Тахти сангин (возможно, построен при Антиохе I (правил в 281–261 до н. э.)). Окс – греческая передача гидронима Вахш, Амударья с ее притоками. На его территории были найдены эллинистические капители колонн, алтари, росписи, скульптуры, изделия из слоновой кости (в том числе изображение Александра Македонского), предметы вооружения, музыкальные инструменты. Античный город, квадратный в плане с цитаделью, дворцовыми постройками и ткацкими мастерскими находился и в границах современного Душанбе (Душанбинское городище). Эллинистическое наследие наложило нестираемый отпечаток на культуру Средней Азии, который сохранялся в кушанское и посткушанское время. Несмотря на то, что образы античного искусства постепенно подвергаются варваризации, а смысл сюжетов постепенно забывается, реминисценции эллинистического искусства продолжают жить в архитектуре, коропластике, торевтике, декоративной отделке вплоть до упрочения в регионе ислама.

Кушанский период. Кушанская эпоха отмечена количественным ростом городских поселений. Урбанизация эпохи древности в регионе достигает своего пика. После захвата территории Бактрии юэчжами усиливается влияние Южной Азии. С I в н. э. на территорию Средней Азии проникает буддизм, который просуществует там вплоть до VIII в., до арабского завоевания (монастыри Уштур-Мулло и Хишт-теппа, домашнее святилище в Тепаи-шах и проч.) В Тохаристане V–VII вв. обнаружены следы бытования зороастризма: стационарные очаги, курильницы. Позже ряд культовых построек был перестроен в буддийские храмы. Наиболее репрезентативными памятниками Тохаристана на территории Таджикистана являются Кафир-кала, Лягман, Калаи Шодмон; буддийские монастыри Аджина-тепе (Вахшская долина), Калаи Кафирниган. Живопись и скульптура этого периода, считаются шедеврами среднеазиатской буддийской иконографии. Из всех скульптурных произведений, найденных на территории Аджитепе, выделяется колоссальная статуя лежащего в нирване будды. Фигура первоначально достигала в длину 12 м. Буддизм в Тохаристане стал религией не только иранцев, но и западных тюрок.

В этот период активно возводятся буддийские монастыри, в каждом из которых проживало до 50 монахов. Например, название города Пархар (низовья реки Кызыл-су) восходит к санскритскому вихара «буддийский монастырь». Буддизм проникает на Памир. Известны монастыри Вахана. На территории южного Таджикистана найдены фрагменты буддийских рукописей.

Еще одной религией на территории Тохаристана стало манихейство. В начале VIII в. на территории региона располагалась резиденция верховного главы манихеев.

Значительное распространение получило несторианство. Можно упомянуть пещерный монастырский комплекс в Айвадже, вырубленный в скале (юг Таджикистана). С позднекушанского времени через Афганистан на территорию Таджикистана проникает шиваизм, который достигает Согда.

Зоной распространения согдийской культуры, выходящей за пределы современного Таджикистана, был север. Ее главными центрами являлись Самарканд и Бухара на территории современного Узбекистана. Согдийцы сыграли первостепенную роль в развитии Великого шелкового пути в V–VIII вв. Они колонизовали Семиречье и распространили свою культуру вплоть до территорий Китая, распространяя свою культуру. Через Таджикистан проходили три ответвления Великого шелкового пути. Главным памятником согдийской культуры в Таджикистане является городище Пенджикент (на окраине современного города Пенджикент), разрушенное арабами. Город, окруженный крепостными стенами, состоял из цитадели с дворцом правителя и шахристана, городских застроек, куда входили два храма. За городскими стенами находились усадьбы и некрополь. В ходе раскопок в 60 помещениях были обнаружены уникальные стенные росписи. Сюжеты чрезвычайно разнообразны. Можно выделить цикл изображений, иллюстрирующих подвиги знаменитого богатыря Рустама, иллюстрации к «Панчатантре», «Махабхарате», изображения популярных у согдийцев божеств.

В Пенджикенте найдена уникальная глиняная и деревянная скульптура, деревянные рельефы, которые сохранились благодаря тому, что обуглились в огне пожара.

Из Пенджикента происходит уникальная согдийская азбука, начертанная на черепке сосуда (хума). На горе Муг, близ сел. Хайрабад, располагалось последнее прибежище Девештича.

Находки на горе Муг, в открытом там замке Калаи Муг, дали первые свидетельства бытования памятников согдийской письменности на родине согдийцев, свыше 80 документов (до этого согдийские документы были известны только на территории колонизованного согдийцами Восточного Туркестана). В процессе раскопок замка были найдены многочисленные предметы

материальной культуры, из которых следует выделить прекрасно сохранившийся текстиль, деревянную утварь и предметы вооружения (например, уникальный щит с изображением всадника).

Согдийская Уструшана также известна рядом памятников, наиболее известным из которых стал Бунджикат (городище Калаи Кахкаха), выделяющийся превосходными фресками и росписями. На территории уструшанского замка Чильхуджра найдены согдийские документы на дереве. Согдийцы исповедовали зороастризм, буддизм, шиваизм, манихеизм, христианство несторианского толка.

На территории Памира (ГБАО) среди доисламских памятников следует выделить два круглых храма в Богеве (Шугнан), связанных, видимо, с солнечным культом, святилище в Зонге, полукруглый храм в Базардаре (Восточный Памир), буддийскую ступу в селении Вранг (Вахан).

Мусульманская культура домонгольского периода. После арабского завоевания, нанесшего невосполнимый урон доисламской культуре Средней Азии, наибольшей значимостью для Таджикистана в последующий период обладает эпоха Саманидов (IX–X вв.), чье государство на официальном государственном уровне считается основой таджикской культуры. Регион переживает период расцвета во всех областях культуры. Ее основой стала культура предшествующего периода V–VIII вв., на которую наложилась новая религия – ислам. Это касается архитектурных памятников, наиболее репрезентативные из которых сохранились в столице Саманидов – Бухаре. На территории Таджикистана расцветают такие городские центры как Ходжент (Худжанд) и Хульбук. К двухчастной городской структуре доисламского периода, *кухандиз* (цитадель) и *шахристан*, добавляется городской пригород *рабат*, где проживали ремесленники. Он начал обноситься крепостными стенами и застраиваться общественными сооружениями. Новая религия привнесла новые культовые постройки – мечети, в которые поначалу часто перестраивались местные зороастрийские и буддийские храмы. Соборная мечеть должна была иметь три определяющие признака: минарет, михраб, минбар. Дверь в культовый комплекс оформлялся порталом (пиштак), за которым располагался двор и купольный зал с михрабом.

На территории Таджикистана самые древние мечети обнаружены в Бунджикате и Хульбуке. Три саманидских минарета, возведенных из сырцового кирпича, обнаружены в верховьях Зерафшана (селения Варз Минор, Фатмев и Рарз). В X в. над могилами правителей и духовых лиц начали возводить мавзолеи (самый ранний и репрезентативный пример – мавзолей Саманидов в Бухаре

IX–X вв., а на территории Таджикистана – Ходжа Машад, Амир Хамза Хасти Подшо (или Хазрати Бобо), Ходжа Дурбод, Ходжа Сарбоз). Последние становятся объектами почитания и называются мазарами. Наблюдается расцвет и гражданской архитектуры: дворцы, замки, караван-сараи. Главным строительным материалом оставалась глина (основа для пахсы (битой глины) и сырцового кирпича). Часто встречается резной штук (*гянч*). Широко использовали дерево (сравни михраб из Искадара, деревянные колонны из селений Курут, Оббурдон, Фатмев, Сангистон, Сокан).

При Саманидах расцвели такие ремесла, как производство керамики (особенно керамика с подглазурной росписью) и стеклоделие.

Языком новой культуры стал сформировавшийся в Средней Азии новоперсидский (дари), пришедший на смену согдийскому. Самым известным поэтом, писавшем на этом языке, стал Рудаки (ок. 860–941), родившийся и, видимо, похороненный на территории селения Пандж Руд близ Пенджикента. Со временем этот северо-восточный диалект персидского языка станет называться таджикским. Языком точных наук оставался арабский, однако уже предпринимаются попытки составления научных сочинений на новоперсидском («Даниш-нама» Ибн Сины). Культура Газнавидов оказывала влияние на юг Таджикистана. В состав этого государства вошел Хутталян. На территории Хульбука в X–XI вв. появляется дворец наместника с системой водоснабжения, отопления и канализацией.

Домонгольский период в Средней Азии отметился бурным развитием религиозной и религиозно-философской мысли. На территории региона жили и творили выдающиеся суннитские богословы. Первые мусульманские богословы появились на территории Мавераннахра как проповедники новой религии. Позже, благодаря периферийному положению региона, сюда стекались представители преследуемых в Багдадском халифате религиозных течений, например, исмаилиты, чьи религиозно-философские идеи были популярны в кругу саманидской элиты. Последний крупный исмаилитский мыслитель, Насир-и Хусрау (1004 – между 1072 и 1078), бежал от преследований в Бадахшан, к местному исмаилитскому правителю. Так исмаилизм укрепился на Памире. Даже преследовавший исмаилитов как еретиков, Махмуд Газнави поощрял развитие таких направлений как каррамизм, хотя идеи каррамитов вызывали критику на Западе мусульманского мира. В Хорасане и Мавераннахре утвердился калам, спекулятивное (рациональное) богословие. Благодаря популярности идей античного наследия в Средней Азии, развивалась наука и философия, одним из виднейших представителей этого направления был Ибн

Сина (980–1037), родившийся в Бухаре. На территории Средней Азии успешно развивались суфийские братства (особенно кубравийа, йасавийа).

Культура монгольского и постмонгольского периода. В период монгольского нашествия регион подвергся разорению с последующим запустением. Экономика и культура восстанавливались медленно. Мавераннахр не раз опустошался вследствие войн, которые вели друг с другом Чингизиды. Массы людей бежали из разоренных монголами областей. Прежние культурные связи прервались. Это выразилось, например, в доминировании до начала тимуридского периода местных традиций в материальной культуре. Одним из наиболее репрезентативных памятников XIV в. стал мавзолей Мухаммада Башоро в селении Мазори Шариф (около Пенджикента). К зданию, возведенному в XI–XII вв. в этот период пристроили облицованный терракотой портал. Позже подобные порталы появляются в Шахи Зинда, тимуридском некрополе в Самарканде.

Тимуридский период был отмечен расцветом культуры – монументальной архитектуры, естественных наук, литературы (историографии, художественной литературы), искусства рукописной книги, художественных ремесел. На территории Таджикистана он не оставил помпезных построек, подобных архитектурным памятникам Самарканда, Бухары или Герата. Однако именно в этот период тут появляется ряд замечательных мечетей и мавзолеев – таких, как мечеть Йаʿкуба Чархи в Душанбе, Амира Саʿида Хамадани в Кулябе. Черты тимуридского стиля останутся в архитектуре и после узбекского завоевания в XV в.

Тимуридская эпоха отмечена расцветом искусства рукописной книги, особенно книжной миниатюры, центром которого стал Герат. Из плеяды блистательных тимуридских поэтов, связанных с землями Таджикистана, следует выделить Камаля Худжанди (1321–1401), родившегося в Ходженте и жившего в Тебризе, мастера лирической поэзии. При любителе астрономии Улугбеке центром точных наук стал Самарканд. В тимуридский период сформировался чагатайский литературный язык, ставший лингва франка на территории Средней Азии до начала XX в.

После монгольского нашествия многие религиозные деятели, в том числе суфийские наставники, переселились с разоренных территорий Средней Азии. Интеллектуальная жизнь налаживалась медленно. Посетивший Мавераннахр и Хорасан спустя век после монгольского разорения знаменитый магрибский путешественник Ибн Баттута (1304–1377) свидетельствовал, что ученая традиция, например, в Бухаре полностью исчезла. Многие прославленные

и процветавшие в домонгольский период школы мутакаллимов и братства (тарикаты) суфиев либо исчезли, либо пришли в упадок. Например, в Хутталян переселился шайх тариката кубравийа Сайид ʿАли ибн Шихаб ад-Дин ал-Хамадани (1314–1385). Там он основал большую суфийскую общину и был похоронен в городе Куляб. В Тимуридское время усиливается зародившееся в XIV в. на территории Бухарского оазиса братство накшбандийа, ставшее со временем самым влиятельным в регионе благодаря тесным связям с правящими элитами. Один из наставников этого братства Йаʿкуб Чархи (ум. около 1447) похороненный недалеко от современного Душанбе. В период правления ʿАбдаллах-хана II шайх братства хаджи Ислам Джубайри был в первую очередь крупнейшим землевладельцем с широкими политическими связями.

Уровень развития культуры в последующие периоды заметно уступал тимуридскому, продукция некоторых прикладных ремесел ухудшилась. В шайбанидский период в XVI в. больше всего застраивалась Бухара и ее окрестности. В этот период среднеазиатская книжная миниатюра оформляется в самостоятельную школу. На персидском языке писали в шайбанидский период такие известные прозаики и поэты, как Зайн ад-Дин Васифи (1485 – между 1551 и 1556), ʿАбд ар-Рахман Мушфики (1538–1588).

В XVII–XVIII вв. в государстве Джанидов условия для развития культуры не были благоприятными. Однако зодчество, литература, книжная миниатюра и прикладное искусство все же были далеки от стагнации. Особенно это касалось Бухары и Самарканда. Из числа таджикских поэтов этого периода можно выделить Малехо (родился в 1641), Фитрата Зардуста Самарканди (родился в 1657), Сайидо (умер между 1707 и 1711) и др. Ряд поэтов этого периода были выходцами из ремесленных кругов и описывали жизнь и проблемы простых тружеников. Среди памятников поздней средневековой архитектуры Таджикистана самым известным является ансамбль у подножья Гиссарской крепости XVI–XIX вв. Гиссар в этот период становится центром владений Бухарского ханства на востоке.

Культура конца XIX – начала XX в. После присоединения части территории современного Таджикистана к Российской империи и политических изменений в Бухарском эмирате, связанных с его новым статусом во второй половине XIX в. происходят значительные изменения в культуре таджиков. Зарождается движение, которое позднее назовут «просветительским». Одним из ярких его представителей являлся Ахмад Махдум Дониш (1827–1897). Поэт, мыслитель, государственный деятель, Дониш трижды в составе посольств Бухарского эмирата побывал в Петербурге.

Русская культура, технологические достижения, социальные порядки России произвели на него большое впечатление. В Бухаре он выступал за необходимость политических и культурных преобразований, за изменение системы образования, требовал реформ в социальной и семейной сферах. В его важнейших сочинениях «Редкостные события» («Навадир ал-вака'и'») и «Исторический трактат» (условное название) проводится критика мангитской династии и бухарских порядков.

Историком нового типа был также Мирза Абд ал-Азим Сами, который в своем сочинении «Тарих-и амирон-и мангит» («История мангытских эмиров») попытался, в том числе, проанализировать причины поражения Бухарского эмирата от российских войск.

Ко «второму поколению» просветителей можно условно отнести поэта Хайрата (умер в 1902), писателя и переводчика, создателя новометодных школ Аджзи (Саид Ахмадходжа Сидики, умер в 1927), врача-просветителя Собира (Соваджи, умер в 1915), поэта Асири из Ходжента (умер в 1915). По существу, все перечисленные общественные деятели могут быть объединены под названием «джадиды», так как до 1917 г. они все поддерживали реформы образования и социальной жизни, преобразования в «европейском стиле».

К их числу относятся также Абдурауф Фитрат (1886–1938) и Махмудходжа Бехбуди (1875–1919). Здесь следует подчеркнуть, что сегодня вокруг творчества этих и ряда других поэтов и писателей часто искусственно разжигается спор об их «национальной» принадлежности. Как и большинство образованных людей Бухары и Туркестана, просветители в равной степени владели и персидским (таджикским), и тюркским (узбекским) языками. Например, Фитрат до 1917 г. писал и стихи, и прозу, и публицистику на таджикском языке, после революции – на узбекском. Бехбуди в равной степени писал и на таджикском, и на узбекском.

Джадиды инициировали издание первой газеты на таджикском языке «Бухорои Шариф», которая выходила в 1912–1913 гг. в Новой Бухаре. На территории Российской империи в 1913 г. джадиды издавали газету «Самарканд» на таджикском, узбекском и русском языках. В 1913–1915 гг. М. Бехбуди издавал журнал «Ойна» на двух языках.

В равной степени таджикским и узбекским владел известный поэт и писатель Садриддин Айни (1878–1954). Его творчество, основные идеи и сюжеты в полной мере можно отнести к тому же движению «просветителей», но в отличие от многих других джадидов Айни смог пережить репрессии 1930-х гг., всегда оставался лояльным советской власти. Основные произведения Айни были

опубликованы уже в советское время: «Одина», «Дохунда», «Рабы», «Смерть ростовщика», «Воспоминания». Повесть «Одина» считается началом новой таджикской литературы. В конце жизни он стал первым президентом Академии наук Таджикской ССР.

Значительный вклад в развитие литературы и театра в Таджикистане в советский период внесли Абулькасим Лахути (1887–1957) и Пейрав Сулеймани (1899–1933). Лахути родился в Иране, участвовал в революционном движении, в Советском Союзе оказался только в 1922 г. С его именем часто связывают становление новой советской таджикской поэзии, Лахути – автор слов гимна ТаджССР.

Культура советского Таджикистана. Глубокие изменения в культуре таджикского народа происходят в период установления советской власти. Латинизация таджикского алфавита произошла к 1930 г. Проекты, легшие в основу реформы, разрабатывались Фитратом и иранистом А.А. Фрейманом. Но уже в 1940 г. латинскую графику партийное руководство СССР решило заменить новым алфавитом на основе кириллицы. Этот кириллический алфавит с небольшими изменениями сохраняется до сих пор. Данный процесс стал причиной разрыва между персидским и таджикским.

После создания Таджикской ССР в 1929 г. в столице был открыт Таджикский театр драмы (сегодня академический театр имени Лахути), одним из создателей которого стал Х.С. Махмудов. В 1930 г. появилась киностудия «Таджиккино» (с 1961 – Таджикфильм), которая сначала специализировалась на документальных фильмах, но вскоре на киностудии стали снимать и художественные звуковые картины. В 1936 г. открылся Таджикский музыкальный театр, который вскоре станет Театром оперы и балеты имени С. Айни. К середине 1930-х гг. относится создание первого таджикского историко-краеведческого музея, который в 1959 г. получит название Республиканский объединенный музей историко-краеведческих и изобразительных искусств имени К. Бехзада, а в 2013 г. музей был перемещен в новое, специально построенное здание и стал называться Национальным музеем Таджикистана.

В 1931 г. в Душанбе появился Таджикский Государственный Педагогический институт, а к началу Великой Отечественной войны в Таджикистане открылось еще 5 вузов. На базе Педагогического института в 1947 г. был создан Таджикский государственный (ныне Национальный) университет.

К 1930-м гг. относится начало творчества известного поэта и писателя Таджикистана Мирзо Турсун-заде (1911–1977), которому посмертно будет присвоено звания Героя Таджикистана (2001 г.). Во второй половине XX в. значимое место в таджикской

литературе заняли произведения Бахрома Фируза, Рахима Джалила, Мумина Каноата, Хакназара Гоиба. В области кинематографии на студии «Таджикфильм» работали известные режиссеры Б.А. Кимягаров и Т.М. Сабиров, основные киноленты которых были сняты в 1950–1970-е гг. В 1980–2000-е гг. признание получили документальные фильмы таджикского режиссера Давлатназара Худоназарова и художественные кинокартины Бахтиёра Худойназарова.

Культура современно Таджикистана. Гражданская война разрушительным образом сказалась не только на экономике и социальной сфере, но и на культуре. После окончания войны правительство Таджикистана приняло ряд законов и программ в сфере культуры, призванных сохранить и развить национальное культурное наследие. Регулярно проводятся конкурсы и фестивали искусств и народного творчества. Каждый год в мае организуется международный фестиваль-симпозиум «Шашмаком» с участием художественных делегаций и искусствоведов из стран постсоветской Центральной Азии, Азербайджана и Ирана. Большую популярность приобрел республиканский телевизионный фестиваль-конкурс народного творчества «Андалеб», основной целью проведения которого является демонстрация достижений ремесленников и деятелей культуры[7].

Среди известных современных таджикских поэтов нужно отметить Фарзону, Бозора Собира, Орзу Исоева, Фирдавси Аъзама.

Среди современных певцов Таджикистана наибольшую известность получили Далер Назаров и Мубарокшох, Шабнам Сурайё, Нигина Амонкулова, Зулайхо Махмадшоева и др.

Широкую известность в республике получили таджикистанские кинорежиссеры Георгий Дзалаев, Саидджон Кодири, Орзу Шарипов, Носир Саидов, Джамшед Усманов.

В конце 2010-х гг. в Таджикистане функционировало целых 2313 культурных учреждений, а том числе 1349 государственные массовые библиотеки, 324 дворца и домов культуры, 430 клубов, 61 автоклуб, 49 парков культуры и отдыха, 14 культурно-досуговых центров, 6 народных филармоний, 23 народно-певческих ансамбля, 14 певческих традиционных ансамблей в стиле «шашмак» и 6 певческих ансамблей в стиле «фалак», 6 вокально-инструментальных ансамблей, 9 фольклорно-этнографических ансамблей, 6 танцевальных ансамблей.

С 2020 г. таджикам запрещено использовать славянские суффиксы в фамилиях и отчествах.

Таджикский язык в настоящее время подвергается мощному влиянию фарси, в нем идут (на официальном уровне) процессы

замены русизмов персидскими эквивалентами, придуманными в Иране в XX в. из чисто персидских корней: например, *хавопаймо* вместо *самолет*; *шиноснома* вместо *паспорт* и др. Одновременно стараются избавиться от некоторых арабизмов, заменив их чисто иранскими эквивалентами, но основные усилия сосредоточены на замене русизмов. Очень большое влияние фарси на речь носителей таджикского языка происходит также благодаря персоязычным иранским СМИ, которые пользуются популярностью в Таджикистане. Однако в разговорной речи таджиков из-за сохранения значительных связей с Россией русизмы продолжают широко употребляться, особенно в бытовой сфере: например, такие слова, как «остановка», «сумка», «теплоход» и др.

Несмотря на отток русскоязычных, русский язык по-прежнему считается в Таджикистане престижным, и таджикистанцы, особенно городская молодежь, стараются им овладеть на хорошем уровне – особенно те, кто планирует работать и учиться в России или получить качественное высшее образование на русском в Таджикистане. До сих пор очень популярен Российско-таджикский славянский университет в Душанбе, где преподавание идет только на русском. В 2021 г. в Таджикистане было более 200 школ, среди которых 38 – с русским языком обучения и 152 школы, где есть классы с обучением как на русском, так и на таджикском. 1 сентября 2022 г. в Таджикистане открылись еще 5 школ с обучением на русском языке. Русский язык закреплен в конституции Таджикистана как язык межнационального общения. Он активно используется на официальном уровне (у сайтов министерств и ведомств есть русскоязычная версия), в СМИ, в научно-академической сфере.

Население

Согласно переписи, прошедшей осенью 2020 г., население Таджикистана составляет 10 млн 194 тыс. человек. 84,26% составляют таджики (в это число также включены памирцы), 13,94% – узбеки, 12,25% – узбеки-локайцы.

Считается, что таджикский народ сформировался в эпоху Саманидов на базе согдийцев, тохаристанцев, ферганцев и др. На настоящий момент таджиками принято называть носителей персидского, выходцев с территории Средней Азии. Термин таджик имеет длительную историю, восходящую к позднему сасанидскому периоду, где он обозначал арабов (таййитов – *ṭayyī, taʾī* > *tāzīk*). После арабского завоевания термин изначально относился к попавшим в Среднюю Азию арабам-мусульманам. Тюрки-язычники стали называть так всех мусульман Мавераннахра.

С X–XI вв. этноним закрепился для обозначения автохтонов-земледельцев, отличавшихся от кочевых тюрок-язычников. С XI в. применительно к этому населению появляется термин *сарт*. При Тимуридах сартами называли иранцев в противоположность тюркам, с XVI в., после узбекского завоевания – городских жителей, как тюрок, так и иранцев, в противоположность сельским жителям. Так наметилась граница между новоприбывшими узбеками и старым населением Средней Азии. После присоединения Средней Азии к России название сарты применялось к горожанам, говорящим по-тюркски, в отличие от таджиков. К моменту покорения этих территорий Российской империей представления об этнической/национальной идентичности в том варианте, в котором она существовала в Европе эпохи модерна, в Средней Азии еще не сложились. В этом смысле, сама постановка вопроса о том, кем же все-таки были сарты – «таджиками» или «узбеками», «иранцами» или «тюрками», – имела смысл, скорее, для русской администрации Туркестана. Таджикский язык оставался официальным языком Бухарского ханства, хотя правящей элитой, особенно военной, были преимущественно узбеки. На основе формирования литературной нормы в ранний советский период утвердился термин таджикский язык, который еще до революции чаще называли просто персидским. В советское время термин *сарт* полностью исчез. В 1920 г. Конституция Туркестанской республики упоминает только киргизов, узбеков и туркмен. Ранняя советская среднеазиатская элита, будучи двуязычной (говорившей и на фарси, и на тюркѝ, то есть на таджикском и узбекском), предпочитала тюркскую идентичность. Это было связано с тем, что тюркский ассоциировался с языком модерна, тогда как персидский – с богословами и чиновниками-ретроградами. С тюркским на протяжении веков были связаны переводчики на русский, преимущественно татары, формировавшие прослойку между российской властью и местными[8]. Когда при проведении переписи 1926 г., понятие *сарт* исчезнет, тех, кто хотел бы обозначить себя таджиками, будут зачастую записывать узбеками.

С периода формирования Таджикской ССР начинается процесс конструирования таджикской нации. Одной из ключевых вех на этом пути стало появление в 1952 г. фундаментального труда «История таджикского народа» Бободжана Гафурова (1908–1977), первого секретаря ЦК Коммунистической партии Таджикистана, написанного благодаря сотрудничеству ученого с ведущими советскими историками (позднее переработана в монографию «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история»). В ней история формирования таджикской нации начинается с палеолита и продолжается с приходом иранских племен, в частности, с появлением Авесты.

Формированию истории таджикской литературы с 1920-х гг. способствовала деятельность Садриддина Айни, ставшего основным классиком таджикской советской литературы. В советское время в рамки таджикской литературы была зачислена богатейшая персидская литературная традиция. Как правило, таджиками в контексте этой традиции называли и продолжают называть все персоязычное население Большого Хорасана. Термин «персидско-таджикская литература» официально существовал до распада СССР. Эта тенденция возобладала на территории независимого Таджикистана, усиленная возрастанием неприязни со стороны ряда интеллектуалов к своим соседям-узбекам.

В первое десятилетие XXI в. основными внутриполитическими проблемами Таджикистана стали достижение национального единства и построение единой таджикской нации. Эти проблемы нужно было решать одновременно с восстановлением и модернизацией экономики страны. Единству страны и нации должен был способствовать новый курс исторической политики. Первым таджикским государством была объявлена империя Саманидов, а самому известному ее правителю Исмаʿилу Самани (в таджикской традиции – Исмоил Сомони) был в 1999 г. поставлен большой памятник в Душанбе. Потом памятники этому правителю появились и в других городах. В его честь названа национальная денежная единица; высочайший пик республики (в прошлом – высочайшая вершина СССР, пик Коммунизма) назван пиком Исмаʿила Самани. Огромное значение в национальном строительстве приобрели поэты и ученые, писавшие на персидском (таджикском) языке или бывшие родом из Центральной Азии – Рудаки, Фирдауси, Ибн Сина, ʿУмар Хайям. Наряду с ними, большое внимание уделяется правителям Древней Персии и любым государям иранского происхождения, в том числе полулегендарным (Кир Великий, Виштасп, Хушнаваз). На государственном уровне подчеркивается общее арийское происхождение таджикского народа; иранские народы, когда-либо населявшие Центральную Азию, рассматриваются как непосредственные предки таджиков – древнейшего автохтонного населения региона, хранителей высокой письменной культуры и искусства. В то же время суннитский ислам едва ли сможет стать объединяющим идеологическим началом для всех граждан Таджикистана, хотя в последние годы уровень религиозности заметно вырос. В 2006 г. в республике был проведен Год арийской цивилизации. Президент Таджикистана Э. Рахмонов (Рахмон) опубликовал труд «Таджики в зеркале истории от арийцев до Саманидов», провозгласив, что таджикский народ имеет «многотысячелетнюю этногенетическую историю»[9].

Таджикский этнос включает в себя малые этнические группы населения Горона (юг от Хорога), Ванджа, Западного Каратегина,

Дарваза, Чилдары (группа хлёз), Вахио-Боло (верховья Хингоу), Гиссарской долины, Куляба, Варзоба, Каратага, Байсуна (Узбекистан), Матчи, Фальгара, долины Фандарьи, Пенджикента и прилегающих кишлаков, Самарканда и Бухары (Узбекистан), Ура-Тюбе, Ферганской долина, реки Сох (Узбекистан). Жители этих районов говорят на различных диалектах таджикского языка. В долине реки Ягноб до сих пор живет население, говорящее на одном из диалектов согдийского языка. Население Памира говорит на восточноиранских памирских языках (весьма далеких от западноиранского таджикского), исповедует исмаилизм, называет себя памирцами.

Более 90% населения Таджикистана составляют мусульмане, в основном ханафиты (около 85%). Исмаилиты (около 5%), проживают преимущественно в Горно-бадахшанской автономной области. Религиозным меньшинством также являются шииты-джафариты, главным образом, потомки пленных хорасанцев. Они называются эрони или ирани и составляют менее 1% населения.

В Таджикистане действует несколько православных приходов РПЦ, несколько общин баптистов, лютеран и адвентистов седьмого дня.

Деятельность исламистов на территории Таджикистана запрещена.

Таджикистан на фоне постсоветской Центральной Азии выделяется особо высоким уровнем религиозности. Поэтому в культуре этой страны очень большую роль играет религия. С момента получения независимости интерес к исламу в Таджикистане резко вырос, особенно среди молодежи, которая массово и добровольно соблюдает различные исламские обряды. Если в 1980-х – 1990-х гг. были популярны доисламские иранские имена царей и эпических героев, то с 2000-х гг. родители стараются дать своим детям арабо-исламские имена, пользующиеся особым уважением в исламе, и даже многие взрослые жители Таджикистана специально меняют свои имена, чтобы они выглядели более арабскими и исламскими и соответствовали знаменитым личностям ислама: популярными становятся такие имена, как Асия, Ойша (от «Аиша»), Сумайя, Мухаммад, Юсуф, Абубакр.

До 1990 г. Таджикистан являлся трехнациональной республикой (таджики –узбеки – русские), независимое государство превратилось в фактически двунациональное (таджики – узбеки). Среди национальных меньшинств, согласно последней переписи населения, можно отметить русских, туркменов, татар, цыган, афганцев, арабов. Из-за массовой миграции среднеазиатских евреев (которые говорили на диалекте персидского и считались таджиками) из бывших республик Средней Азии традиционно еврейского населения в Таджикистане фактически не осталось.

Демографическая динамика. Население Таджикистана за период независимости выросло примерно вдвое. По переписи 1989 г. в стране проживало 5092,6 тыс. чел., в 2000 г. – 6127 тыс., в 2010 г. – 7564,5 тыс., а в 2020 г. – 9657 тыс. Рост происходил, несмотря на стремительное снижение численности европейских народов, главным образом в результате эмиграции: особенно русских – с 388,4 тыс. (7,6% всего населения) в 1989 г. до 29 тыс. (0,3%) в 2020 г., а также татар – с 72,2 тыс. (1,4%) до 6,5 тыс. (менее 0,1%) в 2010 г. Одновременно резко увеличилась численность и доля титульной национальности – таджиков – с 3172,4 тыс. (62,3%) до 8314,7 тыс. (86,1%). Численность и особенно доля узбеков сократилась – с 1197,8 тыс. (23,5%) до 1091,2 тыс. (11,3%). Среднегодовые общие темпы роста населения, таким образом, за этот период составили 2,1% в год, и были весьма высокими; а у таджиков они были еще выше – 3,2% в год.

Возрастная структура населения в 2020 г. выглядела следующим образом: дети до 15 лет составляли 36,2% от всего населения, жители трудоспособного возраста (15–64 года) – 60,5%, а лица 65 лет и старше – только 3,3%. Таким образом, Таджикистан – страна с очень молодой возрастной структурой.

Для сравнения, по переписи 1989 г. доля детей до 15 лет была значительно выше и составляла 42,9%, тогда как доля лиц трудоспособного возраста была, наоборот, значительно ниже – 53,3%, а доля людей 65 лет и старше несколько выше – 3,8%. В отдельных областях доля детей могла быть гораздо больше: так, в Кулябской области в 1989 г. насчитывалось 47,6% детей (как в некоторых странах Тропической Африки с особо высокой рождаемостью), 49,4% людей трудоспособного возраста и 3% пожилых. Высокая доля детей наблюдалась также в Курган-Тюбинской области (46,0%) и в районах республиканского подчинения (45,4%)[10]. В настоящее время в Таджикистане уже нет областей, где доля детей превышала бы 40%. Максимальная доля детей 0–14 лет в 2020 г. наблюдалась в Хатлонской области, включающей бывшие Кулябскую и Курган-Тюбинскую области, где она оказалась равна 39,2%, а в районах республиканского подчинения доля детей была равна 38,5%[11]. Это говорит о существенном снижении рождаемости во всех провинциях Таджикистана. При этом, в Душанбе дети до 15 лет в 1989 г. составляли лишь 31%, лица в возрасте 15–64 лет – 63,5%, а пожилые старше 65 лет – 5,5%[12]. В 2020 г. эти доли были равны, соответственно, 29%, 68,3%, 2,7%[13]. Резкое падение доли пожилых при относительно стабильной доле детей объясняется оттоком русских и русскоязычных жителей столицы, среди которых доля пожилых была относительно высокой, а доля детей – наоборот, низкой. У коренного населения Душанбе, скорее всего, падение

доли детей было гораздо более значительным, как и во всей стране. Таким образом, Душанбе отличается особо высокой долей людей трудоспособного возраста в населении – почти 70%.

В столице, г. Душанбе, проживает 1242,6 тыс. чел. (2023 г.), в г. Худжанд – 198,7 тыс. (2022 г.), в г. Бохтар (до 2018 г. – Курган-Тюбе) – 126,7 тыс. (2022 г.), в г. Куляб – 105,8 тыс. (2022 г.), в г. Истаравшан – 64,3 тыс. (2022 г.).

Можно рассмотреть более подробно демографические процессы, которые проходили в Таджикистане в последние десятилетия. Начать следует с общего коэффициента рождаемости населения (ОКР), от которого в первую очередь зависит естественное движение населения в целом (см. рис. 1).

Общий коэффициент рождаемости, по данным Всемирного банка, был очень высоким в 1960 и 1961 гг. – 47,7‰, и был близок к физиологическому максимуму в 51‰. Это означает, что практически никто в Таджикистане того времени не прибегал к ограничению рождаемости, а семьи стремились к тому, чтобы у них было как можно больше детей. Затем рождаемость стала медленно снижаться, опустившись в 1981 г. до 40,7‰, после чего начала несколько увеличиваться. Рост этого показателя продолжался вплоть до 1989 г., когда он оказался равен 44,1‰[14], но он так и не достиг уровня начала 1960-х гг. – во многом потому, что значительный процент населения составляли русские и другие народы европейской частью СССР с низкой рождаемостью. У этнических таджиков и узбеков рождаемость, очевидно, была значительно выше этого показателя.

Быстрое падение рождаемости наблюдалось в 1990-х гг., которые стали для Таджикистана временем тяжелой и разрушительной гражданской войны. Падение рождаемости продолжалось, несмотря на массовый отъезд русскоязычного населения – это значит, что у коренного населения рождаемость падала особенно быстро. Уже в 1993 г. рождаемость опустилась ниже 40‰ (составив 39,7‰), а в 1996 г. обвалилась до 31,9‰. После этого рождаемость начала небольшой рост, как отражение перехода к мирной жизни – до 33,1‰ в 1998 г., но затем тренд на ее понижение возобновился. В 2000 г. ОКР опустился уже ниже 30‰ (составив 29,1‰). Это говорило о широком распространении планирования семьи и ограничения числа детей среди значительной части населения Таджикистана. Такое снижение рождаемости отражало общемировые тенденции. Однако в 2000-х гг., когда в стране наблюдался быстрый восстановительный экономический рост, рождаемость прекратила падать и даже несколько выросла. Рост ОКР продолжился до 2014 г., когда он достиг 32,2‰, увеличившись на 3,1 пункта промилле по сравнению с 2000 г. Это означало, что традиционные установки на многодетность все-таки были очень сильны, и смогли

обеспечить даже некоторый рост данного показателя. После 2014 г., впрочем, рождаемость все-таки возобновила свое снижение, но оно было очень медленным – до 26,1‰ в 2023 г.[15], что означает ее сокращение всего на 0,7 пункта промилле в год.

Для сравнения, в целом в мире общий коэффициент рождаемости составил в 1963 г. 36,3‰ (в Таджикистане – 47,1‰ или в 1,3 раза больше). В 1989 г. в мире рождаемость упала до 26,7‰ (Таджикистан опережал этот показатель уже в 1,7 раза, что говорило о сильном отставании в снижении рождаемости от остального мира). В 2000 г. среднемировой ОКР составил 22,1‰ (отрыв Таджикистана уменьшился до 1,3 раза). В 2014 г. в мире в среднем рождаемость была 19,8‰ (отрыв Таджикистана вновь вырос до 1,6 раз – почти до уровня конца 1980-х гг.). В настоящее время (2023 г.) в мире рождаемость составляет 16,3‰, и отрыв Таджикистана по-прежнему составляет 1,6 раз[16]. Это означает, что вот уже несколько десятилетий в Таджикистане в среднем рожают значительно больше детей, чем принято в среднем во всем мире, и говорит о сохраняющихся традиционных установках на многодетность среди определенной, достаточно большой, части таджикистанцев.

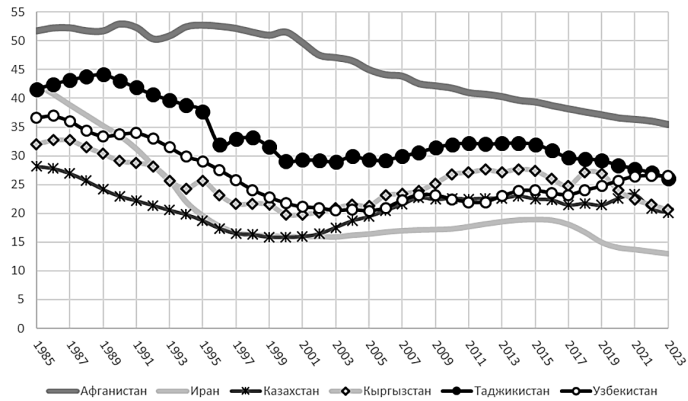

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости, 1985–2023 гг.

Источник: World Bank. Birth rate, crude (per 1,000 people). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN

Также стоит рассмотреть второй важнейший демографический показатель, влияющий на темпы роста населения: общий коэффициент смертности (ОКС; см. рис. 2). Благодаря особому вниманию к развитию доступного и качественного массового здравоохранения

в СССР, даже в наиболее бедных республиках, таких как Таджикистан, постепенно удалось добиться больших достижений в снижении смертности – особенно по сравнению с соседними государствами. Так, уже в 1960 г. общий коэффициент смертности был равен 16,7‰, что было высоким показателем на фоне других советских республик (в РСФСР, например, смертность была равна лишь 7,5‰), но все-таки было существенно ниже, чем, например, в соседнем Иране – там он составил 23,8‰, и тем более в Афганистане с его катастрофически высоким уровнем смертности в 31,6‰ из-за почти полного отсутствия в этой стране (включая районы проживания таджиков) дипломированных врачей, больниц и канализации – все это уже было в Таджикистане к тому моменту. После 1960 г. смертность быстро снижалась, достигнув 14,9‰ в 1965 г. и 12,2‰ в 1974 г.[17] В том году в республике насчитывалось 279 больниц на 32,5 тыс. коек (9,6 койки на 1 тыс. жит.) – очень значительный рост по сравнению с 121 больницей на 4,5 тыс. коек (2,9 койки на 1 тыс. жит.) в 1940 г. В 1974 в республике также работали 6,6 тыс. врачей, или 1 врач на 511 жителей – это очень высокий уровень обеспеченности врачами. В 1940 г. было лишь 648 врачей, – в 10 раз меньше, – или 1 врач на 2,4 тыс. жителей. Но и в то время этот показатель был очень высоким по сравнению с соседними странами, где почти не существовало современной медицины.

В 1980-е гг., в силу нарастающих кризисных явлений в общественной жизни Советского Союза, смертность в Таджикистане уже не снижалась так быстро, хотя потенциал для снижения был еще велик. ОКС упал до 10,3‰ в 1983 г. и практически не снижался – в 1991 г. он по-прежнему составлял около 10‰ (точнее, 9,8‰). Во время гражданской войны смертность в Таджикистане резко возросла из-за интенсивных боевых действий: максимум был достигнут в 1993 г. – 12,1‰. Но уже в 1995 г. – когда боевые действия пошли на спад – смертность опустилась даже ниже предвоенной, упав до 9,3‰ – это можно связать с быстрым падением рождаемости, в результате чего резко сократилось число умерших детей по сравнению с довоенным уровнем. К 2000 г. смертность продолжала быстро падать – до 7,4‰, а в 2013–2015 гг. она составляла уже 5,3‰ – очень низкий показатель на мировом фоне. В 2019 г. ОКС упал до 4,8‰, что представляет собой весьма большое достижение для таджикского здравоохранения. Лишь немногие страны обладали более низкой смертностью на тот момент – в том числе соседний Иран, достигший огромных успехов в снижении смертности после Исламской революции (4,7‰) и Ирак (4,4‰), а также Иордания (3,0‰) и аравийские монархии с их необычно низкой смертностью из-за очень высокой доли молодых трудовых мигрантов (смертность в них была от 0,8‰ в Катаре до 2,2‰

в Саудовской Аравии). Афганистан по-прежнему сильно отстает от Таджикистана по этому показателю: в 2019 г. он был там равен 7,1‰[18] – несмотря на большие успехи в развитии медицины в последние десятилетия, смертность в нем все еще в полтора раза выше.

Рис. 2. Общий коэффициент смертности, 1985–2023 гг.

Источник: World Bank. Death rate, crude (per 1,000 people). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN

В настоящее время (начало 2024 г.) в Таджикистане насчитывается 21,6 тыс. врачей – 1 врач приходится на 476 чел., что примерно соответствует уровню 1970-х гг. В стране не хватает около 2 тыс. врачей. Основные проблемы в таджикской медицине – крайне низкая зарплата врачей, которая в Таджикистане ниже, чем в остальных республиках Центральной Азии, что вынуждает специалистов эмигрировать, а также совершенно недостаточное финансирование здравоохранения (расходы на него в последние годы составили только 1,8–2% ВВП – самый низкий показатель в странах СНГ), что приводит к нехватке и изношенности медицинского оборудования. В связи с этим многие граждане Таджикистана выезжают для лечения за рубеж, особенно – в соседние страны. Так, за 2022 г. Узбекистан, известный своими высокотехнологичными ташкентскими клиниками, для лечения посетили более 35 тыс. таджикистанцев. Но даже в такой ситуации Таджикистан смог значительно сократить смертность, хотя в случае существенного роста финансирования можно было бы сделать еще больше.

Успехи в снижении смертности в Таджикистане ярко можно видеть при сравнении динамики этого национального показателя со среднемировым. В 1963 г. Таджикистан с показателем 15,8‰

отставал от среднемирового показателя в 13,4‰ в 1,2 раза. В 1974 г. это отставание сократилось до 1,1 раза (ОКС в мире был равен 11,4‰). В 1991 г. отставание Таджикистана от среднемирового уровня было таким же – 1,1 раза (показатель смертности в мире составил 9,3‰). В 2000 г. Таджикистан уже преодолел это отставание, и его показатель был в 1,1 раза ниже, чем в целом в мире, где он оказался равен 8,5‰. В 2014 г. Таджикистан резко увеличил свой отрыв от среднемирового уровня – до 1,4 раза (среднемировой ОКС был равен 7,6‰). В настоящее время (2023 г.) смертность в Таджикистане уже в 1,6 раз меньше среднемировой. Все это подчеркивает очень большие успехи этой страны по сокращению смертности по сравнению с остальным миром.

Естественный прирост населения Таджикистана остается все еще очень высоким на мировом фоне, из-за того, что смертность иногда падает даже быстрее рождаемости: 21,3‰ в 2023 г. – это весьма высокий темп, который лишь немногим ниже показателя, отмечавшегося в 2000 г. – 21,7‰. Рекорд (для постсоветского времени) был достигнут в 2014 г. – 26,9‰. Правда, в советское время естественный прирост был гораздо выше и достигал 31,4‰ в 1961 г., 29,3‰ в 1974 г. и даже 34‰ в 1989 г. Но, например, в Иране в 2023 г. этот показатель гораздо меньше таджикского – только 8,3‰, и даже в Индии с ее гораздо более высоким процентом бедных, неустроенных и неграмотных людей, он составил только 9,5‰ – этим странам удалось снизить свой прирост населения в несколько раз по сравнению с 1960-ми гг., а Таджикистан снизил его лишь в 1,5 раза. Очень быстрый рост населения – по-прежнему на уровне «демографического взрыва» – в условиях очень серьезного недостатка плодородных сельскохозяйственных земель и пока еще недостаточно развитой экономики, может существенно обострить имеющиеся социально-экономические проблемы Таджикистана в обозримом будущем.

Из-за довольно молодой возрастной структуры населения Таджикистана, смертность в нем пока еще очень низка, и в результате величина естественного прироста составляет бóльшую часть от уровня рождаемости – в отличие от стран с небольшим или тем более отрицательным естественным приростом. Так, в 2023 г. естественный прирост составил 81,6% от уровня рождаемости, что является очень высоким показателем на мировом фоне. В советское время этот показатель был меньше – в 1989 г. он составил 77,1%. Рекорд был достигнут в 2014 г. – тогда величина естественного прироста составила целых 83,5% от рождаемости. Другими словами, динамика естественного движения Таджикистана в последние десятилетия примерно на 80% определяется уровнем рождаемости. Поскольку она снижается очень медленно, а смертность

постепенно стабилизируется на очень низком уровне, это значит, что естественный прирост по крайней мере в ближайшее десятилетие останется весьма высоким.

Более точным измерителем уровня рождаемости, чем общие коэффициенты, является суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который показывает, сколько детей рождается в среднем у каждой женщины за всю ее жизнь – включая даже тех, кто не состоит в браке и никогда не родит детей, – при условии, что возрастные коэффициенты рождаемости останутся такими же, как в данном году. Суммарный коэффициент рождаемости Таджикистана демонстрировал следующую динамику: он последовательно рос с 6,2 ребенка на женщину в 1960 г. до 6,9 в 1967–1971 гг., оставаясь тем самым на очень высоком уровне – тогда в среднем у каждой семьи в Таджикистане к концу репродуктивного периода было семеро детей. СКР начал несколько снижаться в 1970-е гг., опустившись до 6,0 детей на женщину в 1982 г. По всей видимости, это снижение было достигнуто не за счет сокращения рождаемости у коренного населения, а за счет изменения состава самого населения в пользу русскоязычных с их гораздо более низкой рождаемостью. Так или иначе, рождаемость продолжала снижаться, опустившись до 5,3 ребенка в 1991 г. Гражданская война способствовала ее быстрому снижению – до 3,9 в 1996 г. – теперь уже за счет сознательного массового ограничения рождаемости у коренного населения. Затем произошел ее небольшой рост – до 4,1 в 1997–1998 гг., после чего СКР возобновил свое снижение, опустившись до 3,5 в 2000–2002 гг. Это означает, что Таджикистан снизил рождаемость в 2 раза по сравнению с пиковым уровнем конца 1960-х гг. Но все равно его суммарный коэффициент был достаточно высоким и оставался в 1,7 раза выше уровня простого воспроизводства (2,1 ребенка на женщину), что обеспечивало очень высокий прирост населения. Для сравнения, Иран благодаря чрезвычайно успешным мерам по планированию семьи смог снизить свой суммарный коэффициент рождаемости к 2000 г. до уровня несколько ниже простого воспроизводства – 2,0, хотя еще в 1982 г. его уровень был даже выше, чем в Таджикистане – 6,6 детей на женщину. В Афганистане же рождаемость в 2000 г. находилась на крайне высоком уровне – 7,6 детей, почти не снизившись по сравнению с максимальным уровнем, достигнутым в 1993–1996 гг. – 7,8 детей, и превышая даже уровень 1960 г. (7,3 ребенка)[19]. Это означает, что афганские женщины, включая таджичек, даже на пороге XXI в. никак не ограничивали свою рождаемость – в отличие от множества женщин в Таджикистане.

Несмотря на впечатляющее снижение в 1990-е гг., в 2000-х гг. суммарный коэффициент рождаемости, как и общий, почти

не снижался – в 2014 – 2015 гг. он по-прежнему составлял 3,5 детей на женщину. Возможно, на этот более благополучный период пришлась реализация рождений, отложенных семьями в гражданскую войну. Но после 2015 г. СКР продолжил свое снижение, хотя и весьма медленное, достигнув к 2023 г. уровня в 3,1 ребенка на женщину постепенно приближается к среднемировому уровню, хотя пока еще отрыв остается относительно большим.

В 1990 г. в Таджикистане была очень серьезная разница в СКР между городами (3,5) и сельской местностью (6,0) – во многом из-за особенностей национальной структуры в городах. Уже в 2000 г. разница стала небольшой: СКР составил 3,1 в городах и 3,7 в сельской местности[20]. В среднем за 2020–2022 гг., суммарный коэффициент рождаемости оказался равен 3,2 в городах, и 3,5 в сельской местности – разница между ними оказалась незначительной. Это означает, что как в городах, так и в деревнях существует большой процент женщин, которые любят, когда дома много детей; также многие семьи рассчитывают на помощь детей в старости. Поэтому контрацепцию в 2023 г. применял небольшой процент замужних женщин Таджикистана в возрасте 15–49 лет: только 31,5%, из них 36,7% в городах и 29,7% в сельской местности. Максимальной эта доля была в Душанбе – 42,5%, минимальной в районах республиканского подчинения – 23,3%. Уровень образования, как ни странно, незначительно влияет на применение контрацепции в Таджикистане: ее примерно одинаково применяют все образовательные группы – от 30,5% среди женщин без образования и начальным образованием, до 34,3% среди женщин с высшим образованием. Важно отметить, что если 31,5% от всех 15–49-летних женщин пользуется контрацепцией, то целых 20,6% хотели бы ограничить число детей, но не могут по разным причинам. Самая большая доля таких женщин – в районах республиканского подчинения (25,8%), а также среди женщин без образования и с начальным образованием (24,2%). Но даже в Душанбе и среди высокообразованных женщин эта доля довольно велика (соответственно, 21,5% и 19,6%). То есть, у женщин Таджикистана – причем во всех слоях населения – очень высока доля неудовлетворенной потребности в ограничении рождаемости. Если бы эти женщины получили возможность ограничивать число детей, рождаемость в стране была бы значительно ниже, хотя все равно осталась бы заметно выше простого воспроизводства (2,1 ребенка) из-за высокой роли религиозности и традиционных установок на многодетность. Аборт в Таджикистане официально разрешен, но из-за религиозного запрета он непопулярен: суммарный коэффициент абортов составляет лишь 0,2, или 6% от суммарного коэффициента рождаемости (при этом, 44% абортов делается не из-за желания ограничить

рождаемость, а по медицинским показаниям, связанным с угрозой для здоровья матери и риском врожденных дефектов у плода – то есть, на аборты как средство планирования семьи приходится только 3% от СКР)[21].

Что касается уровня смертности, то демографы отдельно выделяют такие очень важные и чувствительные к социально-экономической обстановке показатели, как младенческая смертность (до 1 года), и особенно – детская смертность (до 5 лет). Если рассмотреть, как менялась детская (до 5 лет) смертность в Таджикистане, то можно обнаружить, что она долгое время оставалась на весьма высоком уровне. Данные по этому показателю появляются в базе данных Всемирного банка только с 1972 г. В том году уровень детской смертности в Таджикистане был очень высок – 155‰, то есть из 1000 рожденных детей 155 не дожили бы до 5 лет. Это означает, что, несмотря на хорошую доступность врачей и больниц, далеко не все семьи (особенно – крестьянские) знали, как надо правильно заботиться о своих детях, чтобы они выжили. Столь высокая детская смертность держала на весьма высоком уровне и показатель общего коэффициента смертности – значительная часть всех умерших составляли дети до 5 лет. Впрочем, этот показатель довольно быстро снижался и упал ниже 100‰ в 1989 г. – до 98,8‰. Во время гражданской войны он несколько вырос – до 107,9‰ в 1995 г., но уже в 2000 г. он был гораздо ниже довоенного уровня – 79,7‰. Дальнейший период независимого развития был отмечен большими успехами в снижении этого показателя – до 48,2‰ в 2006 г. и 29,4‰ в 2016 г. Это было связано, в первую очередь, с ликвидацией голода и улучшением структуры питания (в 2000-х гг. около половины смертей детей до 5 лет были связаны именно с систематическим недоеданием). Однако затем его снижение резко затормозилось – до 27,3‰ в 2023 г., что является весьма тревожным индикатором[22]. Но даже от задавленного санкциями Ирана наблюдается очень серьезное (не на проценты, а в разы!) отставание. Таким образом, Таджикистану нужно снижать свою детскую смертность в срочном порядке, чтобы догнать остальные страны Центральной Азии. Правда, нельзя не признать, что все-таки среднемировой показатель детской смертности до 5 лет – значительно выше, чем в Таджикистане – 36,7‰ (в 2000 г. Таджикистан даже несколько отставал от среднемирового уровня, который был равен 76,7‰), что показывает достаточно большие успехи этой страны в снижении детской смертности за первые два десятилетия XXI в. Процент родов, принятых квалифицированными специалистами, в 2020–2022 гг. был очень высок – 97,6% (по сравнению с 88% в 2012 г.). Однако процент женщин, получивших дородовое наблюдение квалифицированного специалиста был значительно

ниже – 81,3% – причем этот показатель резко сократился с 94% в 2017 г. – возможно, из-за пандемии коронавируса.

Что касается наиболее точного показателя, одним числом характеризующего уровень смертности у всего населения, то это – средняя продолжительность жизни (СПЖ). Средняя продолжительность жизни в Таджикистане в начале 1960-х гг. была невысокой – за счет высокой детской смертности (52,5 года в 1960 г.). Однако она устойчиво росла благодаря развитию здравоохранения в СССР. В 1974 г. она достигла 57,7 лет, а в 1982 г. превысила 60 лет (60,2 года). Максимальный уровень СПЖ в период СССР был достигнут в Таджикистане в 1988 г. – 61,8 лет. В наиболее разрушительный год гражданской войны – 1993 г. – этот показатель упал до 55,5 лет – на уровень 1960-х гг., но прежде всего за счет роста смертности молодых мужчин боеспособного возраста, хотя и среди других слоев населения смертность несколько выросла из-за недоедания и других лишений во время войны. Уже в 1997 г. продолжительность жизни превысила довоенный уровень (61,9 лет), а с 2000 г. (63,5 лет) начался ее быстрый рост. В 2017 г. продолжительность жизни достигла 70,5 лет, что является большим достижением для небогатой страны. Правда, этот показатель снизился в период пандемии (68,9 лет в 2020 г.), но затем быстро восстановился. В 2023 г. Таджикистан зафиксировал самую высокую продолжительность жизни в своей истории – 71,8 лет[23].

Следующий очень важный показатель, дающий представление о векторе социально-экономического развития Таджикистана, – это уровень урбанизации (процент городского населения). Его динамика в Таджикистане на мировом фоне – очень своеобразная и уникальная. Еще в 1960 г. процент городского населения был небольшим – 33,2%. Затем, при советской власти этот показатель быстро рос – в основном, за счет притока русскоязычного населения в таджикские города – и достиг 36,9% в 1970 г. Далее началась стагнация, а затем – и некоторое сокращение уровня урбанизации – до 34,7% в 1978 г. и 31,1% в 1991 г. После массового оттока русскоязычных этот показатель обвалился до 26,5% в 2000 г. и оставался на этом уровне без изменений до 2012 г. С этого момента начался его рост, но очень медленный – до 28,5% в 2024 г.[24] Это означает, что Таджикистан до сих пор остается преимущественно сельской страной.

Еще один важнейший социально-экономический показатель – грамотность населения – в Таджикистане в последние десятилетия благодаря всеобщему образованию, достигнутому в СССР, был очень высоким и на мировом, и на региональном (за пределами бывшего СССР) фоне. Грамотность мужчин (старше 15 лет) в Таджикистане уже в 1989 г. была почти всеобщей – 99%, а в 2000 г.

была достигнута 100-процентная мужская грамотность, что сохранилось и в 2010 г. (99,8%). Что касается грамотности взрослых женщин, то в 1989 г. она была равна 97%, а в 2000 г. – 99%, хотя в 2017 г. неожиданно опустилась до 94,6%. Соседний Узбекистан отличается очень сходной динамикой грамотности – и мужчин, и женщин, где она с 2013 г. стала практически стопроцентной[25].

Экономическое развитие. Главным обобщающим показателем уровня экономического развития стран мира признан ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения. В Таджикистане он (в постоянных долларах 2021 г.) в последние десятилетия изменялся следующим образом (см. рис. 3).

В 1990 г. этот показатель составлял 4173,1 долл. В последующие несколько лет ВВП на душу населения упал до очень низкого уровня – всего 1175,8 долл. (1996 г.), составляя лишь 28% от уровня 1990 г. По этому показателю Таджикистан оказался на уровне таких беднейших стран Африки, как Демократическая Республика Конго, Нигер и Центрально-Африканская Республика. Стране нужно было приложить невероятные усилия, чтобы выйти из нищеты и разрухи. И государство с этим, в целом, справилось: ВВП на душу населения показал неплохой рост. В 2006 г. он достиг 2063,3 долл., в 2015 г. – 3041,4 долл. Уверенный рост этого показателя продолжился несмотря на пандемию, и в 2022 г. Таджикистан преодолел уровень 1990 г. с показателем 4213,8 долл. В настоящее время (2024 г.) ВВП на душу населения этой страны достиг 4755,9 долл., увеличившись в 2,3 раза по сравнению с 2006 г., и темпы роста этого показателя оказались равны 4,7% в год. Общий объем ВВП Таджикистана, учитывая быстрый рост населения, увеличился за эти годы еще более быстрыми темпами – с 14561,8 млн долл. до 50369,7 млн долл., или в 3,5 раза, что означает среднегодовой рост в 7,1%. Это – на первый взгляд очень быстрый рост, но нужно помнить, что он имел, в основном, восстановительный характер: Таджикистан лишь вернулся к показателям позднего СССР, в то время как те страны, где не было войн и конфликтов, за это время ушли далеко вперед и значительно превысили свои показатели конца 1980-х гг. Поэтому, в итоге, отставание Таджикистана от среднемирового уровня значительно выросло: если в 1990 г. ВВП на душу населения Таджикистана составлял 37,2% от среднемирового (он тогда равнялся 11218,7 долл.), то в 2024 г. – уже только 22,4% (21267,7 долл.)[26].

За этот период значительно вырос отрыв Таджикистана не только от мира в целом, но и от самой благополучной страны постсоветской Центральной Азии – Казахстана. Если в 1990 г. ВВП на душу населения в Таджикистане был равен 24,8% от казахского

(16837,7 долл.), то в 2024 г. – лишь 13,2% (35905,4 долл.). Узбекистан, где ВВП на душу населения в 1990 г. был таким же, как в Таджикистане (4214,6 долл.), к настоящему времени обошел его более, чем в 2 раза (10450,2 долл.). Сохранился значительный отрыв Таджикистана от Кыргызстана, хотя у этой страны ВВП на душу населения, как и в Таджикистане, лишь ненамного увеличился по сравнению с 1989 г.: с 6095,7 долл. до 7046,3 долл. У Ирана, который сталкивается с экономическими трудностями из-за жестких западных санкций, ВВП на душу населения в 1990 г. составлял 9046,6 долл. (показатель Таджикистана тогда был равен 46,1% от иранского уровня), а в 2024 г. – 16224 долл. (таджикский показатель опустился до 29,3% от иранского). Единственной страной региона, которую Таджикистан уверенно опережает, оказался разоренный многочисленными войнами и переворотами Афганистан – одно из беднейших государств мира. В нем самый высокий уровень ВВП на душу населения наблюдался в 2013 г. и был равен 3046,6 долл. (в Таджикистане показатель был несколько ниже афганского – 2828,4 долл.), но из-за пандемии и переворота 2021 г. Афганистан совсем обеднел, и этот индикатор в нем обвалился до 1983,8 долл. в 2023 г. – вдвое ниже таджикского показателя[27].

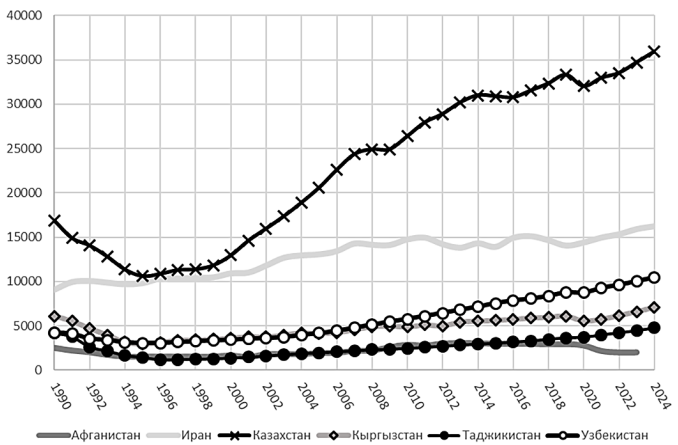

Рис. 3. ВВП на душу населения, 1990–2024 гг.

Источник: World Bank. GDP per capita, PPP (constant 2021 international $). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD. Для Афганистана данных до 2000 г. не было, и было условно предположено, что ВВП на душу населения там в 1990-е гг. постепенно снижался с 2,5 тыс. до 1,5 тыс. долл., учитывая кровавые политические потрясения в этот период.

Безусловно, резкое снижение ВВП на душу населения в Таджикистане в первой половине 1990-х гг. связано с распадом СССР и прекращением тесных экономических связей с другими советскими республиками, но прежде всего – с разрушительной гражданской войной в этой стране. Она крайне негативно отразилась на экономике и особенно на промышленности – так, на юге было разрушено до 80% всего промышленного потенциала. С гражданской войной связано также катастрофическое падение потребления продовольствия на душу населения – до 1,8 тыс. ккал в 1996 г., что даже ниже уровня голодного выживания. Только в 2003 г. потребление превысило 2 тыс. ккал, но все равно было ниже значения, рекомендованного ВОЗ (2,3 тыс. ккал)[28]. Только в 2010-х гг. Таджикистан уверенно решил продовольственную проблему, и в 2020 г. потребление в нем составило 2,8 тыс. ккал, что уже близко к уровню переедания (3 тыс. ккал). Этот прогресс отражался и на быстром сокращении процента недоедающих: с 40,1% (среднее значение за 2000–2002 гг.) до 32,6% (2006–2008 гг.), 20,6% (2012–2014 гг.) и 8,7% (2021–2023 гг.). Таким образом, продовольственная проблема в современном Таджикистане, в целом, решена, и более 90% его жителей питаются досыта – в отличие от голодных (в буквальном смысле слова) девяностых.

Далее следует рассмотреть такой показатель, как доля занятых в сельском хозяйстве. Быстрое снижение доли занятых в сельском хозяйстве в ВВП при одновременном повышении процента людей, занятых в промышленности и особенно в сфере услуг, свидетельствует об интенсивной социально-экономической модернизации. В развитых странах в сельском хозяйстве заняты часто всего лишь 2–3% населения, которые тем не менее кормят всю страну благодаря очень высокой производительности труда в этой отрасли. И наоборот, если процент занятых в сельском хозяйстве остается высоким, это косвенно свидетельствует о низкой производительности труда.

В Таджикистане доля населения, занятого в сельском хозяйстве, в процентах ко всем занятым в экономике страны (по оценкам Международной организации труда), менялась следующим образом. В 1991 г. в этой сфере трудились более половины (55,4%) работников. Вследствие того, что в гражданской войне особо серьезно пострадали несельскохозяйственные отрасли экономики, процент занятых крестьянским трудом в Таджикистане вырос до 61,8% в 1999 г. – выше, чем даже средний уровень по Тропической Африке в том году (59,5%). В дальнейшем, в результате быстрого экономического роста, эта доля стала последовательно сокращаться: до 54,9% в 2006 г., 49,9% в 2013 г., 44,8% в 2019 г. и 42,7% в 2023 г., что означает явный рост диверсификации экономики. Вместе с тем, эта доля остается все еще очень высокой на мировом фоне: в мире

в целом в сельском хозяйстве были заняты в 2023 г. только 26,1% работающих. В Кыргызстане эта доля была еще меньше (23,9%), в Иране – 14,3%, в Узбекистане – 13,9%, а в Казахстане – только 12,1%. Однако при этом, в Таджикистане процент сельского населения гораздо выше, чем процент занятых в сельском хозяйстве – это означает, что множество жителей сельской местности заняты в несельскохозяйственных секторах экономики.

Производительность труда в сельском хозяйстве Таджикистана на одного работника – невысока. Она снизилась с 1331 долл. в 1991 г. до 522 долл. в 1996 г., после чего начала быстрый рост, достигнув 1116 долл. в 2008 г., 2004 долл. в 2017 г. и 2575 долл. в 2024 г. Но этот показатель все еще низок на мировом уровне (среднемировая производительность труда в сельском хозяйстве равна 4326 долл., а, например, в соседнем Казахстане – 8688 долл., а в Узбекистане – даже 17601 долл.). Зато Таджикистану удалось обогнать Кыргызстан (в нем каждый работник в среднем производил сельскохозяйственной продукции на 1507 долл. в 2024 г.). Это означает, что в Таджикистане по-прежнему существуют достаточно большие резервы рабочей силы в сельском хозяйстве: при дальнейшей модернизации этого сектора и росте производительности труда, множество рабочих рук в нем уже будут не нужны, и эти работники будут вынуждены искать себе новые занятия в других отраслях экономики; на определенном этапе этот процесс может вызвать даже существенный рост безработицы.

Что касается процента занятых в промышленности, то этот показатель в целом увеличился за годы независимого развития, но подвергался определенным колебаниям, особенно в 1990-е гг. Так, в 1991 г. доля занятых в промышленности в Таджикистане составляла 21,8%, но вследствие деиндустриализации и разрушений она упала до 14,9% в 1999 г. Эта доля впоследствии несколько выросла, достигнув 18% (2004 г.), и с этого момента вновь начала снижаться – до 15,7% в 2009 г. После этого рост возобновился, но так и не достиг показателей 1991 г. – до 20,1% в 2023 г. Для сравнения, в том же году среднемировая доля занятых в промышленности была несколько выше – 23,7%, а в Иране она значительно превышала эти значения, составляя 35,1% (видимо, за счет развитой нефтедобывающей промышленности).

Процент занятых в сфере услуг в Таджикистане в 1991 г. значительно уступал доле занятых сельскохозяйственным трудом, составляя 22,7%. Вплоть до 1999 г. эта доля почти менялась, колеблясь в районе 23%. Только с 2000 г. начинается ее устойчивый рост – до 27,4% в 2005 г., 31,8% в 2010 г., 35,3% в 2017 г. и 37,1% в 2023 г. Этот показатель все еще уступает доле занятых в сельском хозяйстве, но уверенно к ней приближается, и в ближайшие годы процент работающих в сфере услуг может превысить процент занятых

крестьянским трудом в этой стране, что будет означать явную перестройку экономики в сторону увеличения роли современных отраслей. В современном мире в 2023 г. в сфере услуг трудится половина (50,2%) всех занятых, а в Иране в том же году – почти столько же (50,6%). Это значительно больше, чем в Таджикистане.

Важное значение для иллюстрации экономической динамики имеет также уровень безработицы. Этот показатель в 1991 г. находился на крайне низком уровне, составив 1,8%. В дальнейшем он значительно вырос, но оставался очень низким на мировом фоне – до 4,7% в 1998 г., после чего вновь снизился до 2,9% в 2007 г., а затем резко вырос в условиях мирового финансово-экономического кризиса – до 11,5% в 2009 г. До 2019 г. этот показатель оставался почти неизменным (в том году он составил 11,4%). В 2020–2021 гг. он поднялся до 12,3%, а в настоящее время (2024 г.) составляет 11,6%.

Особенно тяжело приходится одиноким пожилым неработающим русским и русскоязычным пенсионерам, оставшимся в республике, так как пенсии в Таджикистане крайне небольшие, хотя им стараются оказывать помощь продуктами соседи – таджики и узбеки, а также социальный отдел Душанбинской епархии РПЦ.

Информация об авторах

Павел В. Башарин, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *pbasharin@yandex.ru*

Владислав Г. Соболев, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия; Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7; *vsobolev@mail.com*

Никита А. Филин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *nfilin@rggu.ru*

Александр С. Ходунов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *nalim13s@mail.ru*

Information about the authors

Pavel V. Basharin, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *pbasharin@yandex.ru*

Vladislav G. Sobolev, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; *vsobolev@mail.com*

Nikita A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *nfilin@rggu.ru*

Aleksander S. Khodunov, Cand. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *nalim13s@mail.ru*

Примечания

[1] Более подробный очерк истории Таджикистана, являющися расширенной версией исторической части коллективной статьи «Таджикистан» в «Большой российской энциклопедии», представляет собой обстоятельная статья С.В. Дмитриева (*Дмитриев С.В.* Таджикистан: исторический абрис // Востоковедные исследования на Алтае. 2015. № 9. С. 96–115). Авторы настоящего очерка во многом ориентировались на нее. Не утратившим своего значения следует признать книгу: *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Изд. 2-е. Душанбе, 1989. Кн. 1 384 с.; Кн. 2 480 с. с важным приложением Б.А. Литвинского, перечисляющим важнейшие находки в археологии Таджикистана, сделанные после выхода первого издания книги. Из зарубежных изданий обязательна к ознакомлению монография Р. Фольца (*Foltz R.* A History of the Tajiks: Iranians of the East. London, 2019. 238 p.).

[2] *Пахалина Т.Н.* О происхождении топонимов «Ишкашим», «Язгулям» и «Вахан» // Иранское языкознание. История, этимология, типология. (К 75-летию проф. В.И. Абаева) / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М., 1976. С. 43–49.

[3] *Котюкова Т.В.* Революция 1917 г. в России и идеи автономизма в Туркестане // Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История». 2025. № 2. С. 7–23.

[4] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 41. С. 436.

[5] Там же. С. 153.

[6] *Бартольд В.В.* Таджики. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Том 2. Часть 1. Общие работы по истории Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы. М., 1963 г. С. 449–468.

[7] *Амиров Р.* Культура Таджикистана в условиях независимости (опыт, проблемы и перспективы развития) / Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 4 (32). С. 189–197.

[8] Более подробно об этом см.: *Foltz R.* A History of the Tajiks: Iranians of the East. London, 2019. Pp. 1–12; *Фольц Р.* Что означает термин «таджик»? // Иран-наме. 2019. № 3–4. С. 136–146; *Perry J.R.* From Persian to Tajik to Persian: Culture, politics and law reshape a Central Asian language // *NSL.8. Linguistic Studies in the*

Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics, ed. H.I. Aronson. Chicago Linguistics Society, 1996. Pp. 279–305. Весьма характерно высказывание В.В. Радлова: «Мы видим здесь два элемента борющимися между собой: тюркский – народный, и персидско-арабский – магометанский. Последний к несчастию уже везде почти взял верх и делает невозможным всякое свободное развитие народа. При таких обстоятельствах не может быть и речи об умственных и материальных успехах... Только тогда, когда тюркский народный элемент получит крепкую поддержку от европейской цивилизации, тогда развитие народа станет возможным... нельзя терять времени, надо действовать поспешно» [*Радлов В.В.* Средняя Зерафшанская долина // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1880. С. 73].

[9] *Рахмонов Э.Ш.* Важный вклад в историческую науку // Виноградова, Н.М., Ранов, В.А., Филимонова, Т.Г. Памятники Кангурттута в юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008. С. 14.

[10] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения союзных республик и их регионов по полу и возрасту. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php (дата обращения: 11.10.2025).

[11] Распределение постоянного населения республики и областей по полу и возрасту. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/03/jadvali-1.-taksimoti-aholii-doimii-jumhuri-va-viloyatho-az-rui-jins-va-sinnusol.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

[12] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения союзных республик и их регионов по полу и возрасту. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php (дата обращения: 11.10.2025).

[13] Распределение постоянного населения республики и областей по полу и возрасту. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/03/jadvali-1.-taksimoti-aholii-doimii-jumhuri-va-viloyatho-az-rui-jins-va-sinnusol.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

[14] World Bank. Birth rate, crude (per 1,000 people). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN (дата обращения: 11.10.2025).

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] World Bank. Death rate, crude (per 1,000 people). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN (дата обращения: 11.10.2025).

[18] World Bank. Death rate, crude (per 1,000 people). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN (дата обращения: 11.10.2025).

[19] World Bank. Fertility rate, total (births per woman). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/ SP.DYN.TFRT.IN (дата обращения: 11.10.2025).

[20] *Субхонов А.И., Бабаев А.А.* Тенденции рождаемости населения в Республике Таджикистан // Глобальные вызовы демографическому развитию: Сборник научных статей в 2-х томах. Т. II. Екатеринбург, 2022. С. 301–309. DOI: 10.17059/udf-2022-4-28.

[21] Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики

Таджикистан и ICF. 2024. *Медико-демографическое исследование Таджикистана 2023: отчет по ключевым индикаторам*. Душанбе, Республика Таджикистан и Роквилл, штат Мэриленд, США: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан и ICF.

[22] World Bank. Mortality rate, under-5 (per 1,000 live births). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SH.DYN.MORT (дата обращения: 11.10.2025).

[23] World Bank. Life expectancy at birth, total (years). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN (дата обращения: 11.10.2025).

[24] World Bank. Urban population (% of total population). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS (дата обращения: 11.10.2025).

[25] World Bank. Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS (дата обращения: 11.10.2025).

[26] World Bank. GDP per capita, PPP (constant 2021 international $). Washington, DC: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD (дата обращения: 11.10.2025).

[27] Там же.

[28] *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С.* К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М., 2011. С. 384–433.

Сведения об авторах

Мунзифахон М. Бабаджанова, кандидат исторических наук, доцент Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *muntaj@rambler.ru*

Павел В. Башарин, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *pbasharin@yandex.ru*

Евгений Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *intelban@mail.ru*

Семен В. Григорьев, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Таджикистан, Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан; 734026, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Абуали ибн Сино, д. 29/31; *embassy.dushanbe@yandex.ru*

Зарина А. Дадабаева, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *zarina.17.06@list.ru*

Ринат М. Зиганьшин, кандидат философских наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; *rinatzigan@mail.ru*

Шамсиддин Т. Каримов, доктор политических наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, д. 33; *shamskarimov14@gmail.com*

Артём В. Лузин, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; *ai.ivanov@gmail.com*

Дина Б. Малышева, доктор политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; *dsheva@mail.ru*

Гузель М. Майтдинова, доктор исторических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *guzel-maitdinova@mail.ru*

Шахноза Мансурова, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, д. 33; *shmsn2000@bk.ru*

Баходур Б. Махкамов, кандидат экономических наук, Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734024, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Айни, д. 44; *bahodurmahkamov@mail.ru*

Мухаммаддовуд Саломиён, доктор филологических, профессор, Национальная академия наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, д. 33; *salomov1967@mail.ru*

Сурайё Р. Негматуллоева, кандидат философских наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *surayo_negmatulloeva@mail.ru*

Шариф Рахимзода, доктор экономических наук, Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Душанбе, Республика Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33; *info@ied.tj*

Заррина Ю. Рахматова, кандидат исторических наук, доцент; Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *zarrina-1966@mail.ru*

Азизджон С. Рахмонов, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *rahmonov.azizgon@mail.ru*

Дониёр Ш. Сангинзода, доктор юридических наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Душанбе, Республика Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33; *doniyor_sanginov@mail.ru*

Владислав Г. Соболев, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия; Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7; *vsobolev@mail.com*

Рахмон У. Ульмасов, доктор экономических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *ulmasovr@gmail.com*

Никита А. Филин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *nfilin@rggu.ru*

Манзура М. Хасанова, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Душанбе, Республика Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33; *manzura_h@mail.ru*

Рустам Дж. Хайдарзода, доктор философских наук, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Душанбе, Республика Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33; *rustamhaydarov.tjk@gmail.com*

Александр С. Ходунов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; *nalim13s@mail.ru*

Назарали Х. Хоналиев, доктор экономических наук, Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан; 734024, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Айни, д. 44; *honaliev@mail.ru*

Отабек М. Шарапов, кандидат политических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, д. 30; *omsharopov@mail.ru*

General data about authors

Munzifakhon M. Babadjanova, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the Republic of Tajikistan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *muntaj@rambler.ru*

Pavel V. Basharin, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *pbasharin@yandex.ru*

Evgeniy Ya. Vittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *intelban@mail.ru*

Semen V. Grigoriev, Embassy of the Russian Federation in the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 29/31, Abuali ibn Sino Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734026; *embassy.dushanbe@yandex.ru*

Zarina A. Dadabaeva, Dr. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *zarina.17.06@list.ru*

Rinat M. Ziganshin, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia, 107031; *rinatzigan@mail.ru*

Shamsiddin T. Karimov, Dr. of Sci. (Political Sciences), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *shamskarimov14@gmail.com*

Artem V. Luzin, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia, 107031; *artemiy.luzin@yandex.ru*

Dina B. Malysheva, Dr. of Sci. (Political Sciences), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: bld. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; *dsheva@mail.ru*

Guzel M. Maitdinova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *guzel-maitdinova@mail.ru*

Shahnoza Mansurova, Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *shmsn2000@bk.ru*

Bahodur B. Makhkamov, Cand. of Sci. (Economics), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 44, Aini Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024; *bahodurmahkamov@mail.ru*

Muhammaddovud Salomiyon, Dr. of Sci. (Philology), professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *salomov1967@mail.ru*

Surayo R. Negmatulloeva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *surayo_negmatulloeva@mail.ru*

Sharif Rahimzoda, Dr. of Sci. (Economics), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *info@ied.tj*

Zarrina Yu. Rakhmatova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *zarrina-1966@mail.ru*

Azizjon S. Rakhmonov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *rahmonov.azizgon@mail.ru*

Doniyor Shomahmad Sanginzoda, Dr. of Sci. (Law), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *doniyor_sanginov@mail.ru*

Vladislav G. Sobolev, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; *vsobolev@mail.com*

Rahmon U. Ulmasov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *ulmasovr@gmail.com*

Nikita A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq.,

Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *nfilin@rggu.ru*

Manzura M. Hasanova, Dr. of Sci. (History), A. Donish Institute of history, archeology and ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734001; *manzura_h@mail.ru*

Rustam J. Haidarzoda, Dr. of Sci. (Philosophy), Institute for the Study of Problems of Asian and European Countries, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 33, Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *rustamhaydarov.tjk@gmail.com*

Nazarali K. Khonaliev, Dr. of Sci. (Economics), Institute of Economics and Demography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 44, Aini Av., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024; *honaliev@mail.ru*

Otabek M. Sharapov, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, Mirzo Tursunzade Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025; *omsharopov@mail.ru*

Institute of post-Soviet and interregional studies. Iss. 8: Tajik studies

The eighth issue of "Tajik Studies", prepared by the Institute of Post-soviet and Interregional Studies (since 2023, the Institute of Eurasian and Interregional Studies, and since 2025, the Institute of Eurasian and Oriental Studies) in collaboration with Russian and Tajik experts, covers a wide range of topics related to the history, economy, and politics of Tajikistan. The publication includes articles on the Middle Ages, the Russian Empire, the Tajik Soviet Socialist Republic, as well as contemporary integration processes and foreign policy. A special part is devoted to an essay on the history, socio-economic life, and culture of Tajikistan. It is intended for historians, political scientists, economists, orientalists, and anyone interested in the problems of the post-soviet space.

Т12 **Труды** Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 8: Таджикистановедение / редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.), М.В. Катагощина, Е.А. Косован, Г.М. Майтдинова, А.Ю. Наумова, И.Е. Ханова, А.В. Галкина. М.: РГГУ, 2025. 370 с.

ISSN 2713-1289
ISBN 978-5-7281-3582-1

Восьмой выпуск «Таджикистановедения», подготовленный Институтом постсоветских и межрегиональных исследований (с 2023 г. Институт евразийских и межрегиональных исследований – ИЕиМИ, с 2025 г. Институт евразийских и восточных исследований – ИЕиВИ) в сотрудничестве с российскими и таджикскими специалистами, охватывает широкий спектр тем, связанных с историей, экономикой и политикой Таджикистана. Издание включает статьи, посвященные периоду Средневековья, Российской империи, Таджикской ССР, а также современным интеграционным процессам и внешней политике. Отдельный раздел посвящен очерку истории, социально-экономической жизни и культуры Таджикистана.

Предназначено для историков, политологов, экономистов, востоковедов и всех, интересующихся проблемами постсоветского пространства.

УДК 908(575.3)
ББК 26.89(5Тад)

Научное издание

Труды
Института постсоветских
и межрегиональных исследований

Выпуск VIII

ТАДЖИКИСТАНОВЕДЕНИЕ

Художник серии
М.Е. Заболотникова

Корректор

Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ

Подписано в печать 22.12.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 22,0. Усл. печ. л. 23,4
Тираж 500 экз. Заказ № 2294

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru